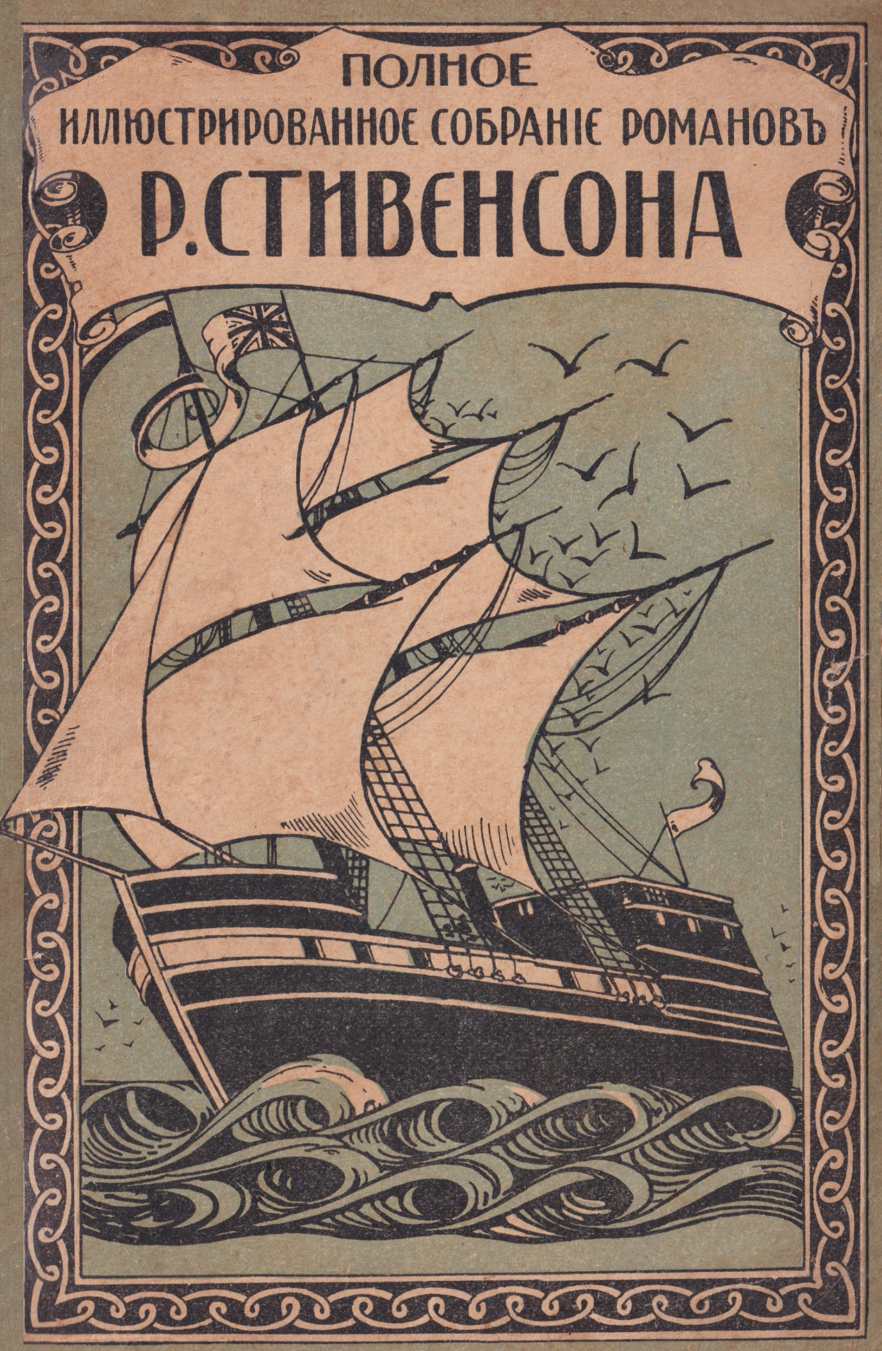

Безплатное приложеніе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за 1914 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА

И

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

THE MERRY MEN

AND

OTHER TALES AND FABLES

Переводъ А. А. Энквистъ.

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Спб., Стремянная, 12, собств. д.

ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА.

I. Элліэнъ Аросъ.

Это было въ концѣ іюля, когда я въ одно прекрасное, теплое утро, въ послѣдній разъ отправился пѣшкомъ въ Аросъ. Наканунѣ вечеромъ, шлюпка отвезла меня на берегъ, гдѣ я высадился въ Гризаполѣ. Позавтракавъ, чѣмъ Богъ послалъ въ единственной маленькой гостиницѣ, и оставивъ тамъ весь свой багажъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ представится случай пріѣхать за нимъ моремъ, я съ легкимъ сердцемъ перешелъ поперекъ чрезъ мысъ.

Я не былъ уроженцемъ этихъ мѣстъ, а происходилъ изъ племени коренныхъ жителей равнинъ, но мой дядюшка Гордонъ Дарнэуей, послѣ печально и бурно проведенной молодости и нѣсколькихъ лѣтъ плаванія по морямъ, женился на молодой дѣвушкѣ съ этого острова. Мэри Маклинъ, такъ звали эту дѣвушку, была послѣдняя въ родѣ, и когда она умерла, подаривъ дядю дочерью, то приморская ферма Аросъ перешла къ дядѣ, который и сталъ владѣть ею.

Ферма эта не приносила ему, какъ мнѣ хорошо было извѣстно, никакого дохода, а только давала ему возможность существовать, но такъ какъ дядя мой былъ человѣкъ, котораго во всемъ преслѣдовала неудача, то, будучи къ тому же обремененъ ребенкомъ, онъ не рѣшался пуститься въ какія-нибудь новыя предпріятія и остался въ Аросѣ, тщетно ропща на судьбу. Проходили годы, не принося ему въ его уединеніи ни облегченія, ни удовлетворенія. Тѣмъ временемъ наша семья стала мало-по-малу вымирать. Нашему роду вообще не везло, и мой отецъ былъ, пожалуй, счастливѣйшій изъ всѣхъ. Онъ не только прожилъ дольше другихъ, но и оставилъ по себѣ сына, унаслѣдо-

вавшаго отъ него его имя и немного деньжонокъ, давшихъ сыну возможность съ честью поддержать достоинство нашей фамиліи. Я былъ студентомъ Эдинбургскаго Университета и недурно существовалъ на свои небольшіе доходы, не имѣя ни близкихъ, ни родныхъ, когда какія-то вѣсти обо мнѣ дошли до моего дяди на его мысѣ Россъ у Гризаполя. Такъ какъ дядя принадлежалъ къ числу людей, придающихъ большое значеніе кровнымъ узамъ родства, то онъ поспѣшилъ написать мнѣ въ тотъ же день, какъ только узналъ о моемъ существованіи, и просилъ меня считать его домъ своимъ. Такимъ образомъ, случилось, что я провелъ свое вакаціонное время въ этой дикой, уединенной мѣстности, вдали отъ общества и комфорта, въ пріятной компаніи трески и глухарей и теперь, покончивъ разсчеты съ науками, снова вернулся сюда въ этотъ іюльскій день съ легкимъ сердцемъ и въ радостномъ настроеніи.

Мысъ, носящій названіе Россъ, не слишкомъ широкъ и не слишкомъ высокъ, но онъ и до сего дня остался такимъ, какимъ его при созданіи міра сотворилъ Богъ. Море по обѣ его стороны очень глубоко и усѣяно безчисленными скалами, островами и рифами, чрезвычайно опасными для моряковъ. Съ восточной стороны надъ ними господствуютъ высокіе утесы, надъ которыми возвышается громадный пикъ Бэнъ-Кьоу. Какъ говорятъ, слова эти на гэльскомъ языкѣ означаютъ «Гора Тумана», и названіе это вполнѣ заслуженное, такъ какъ вершина пика, достигающая болѣе 3000 футъ высоты, задѣваетъ всѣ облака и тучи, несущіяся съ моря, и вѣчно скрывается въ туманъ. Часто мнѣ приходила мысль, что этотъ пикъ самъ порождаетъ туманы, потому что даже тогда, когда весь горизонтъ былъ чистъ, и на небѣ не было ни единаго облачка, надъ Бэнъ-Кьоу всегда точно вымпелъ висѣлъ туманъ. Тамъ всегда было влажно и сыро, вслѣдствіе чего этотъ пикъ до самой вершины былъ покрытъ мхомъ. Помню, сидишь, бывало, на мысѣ, все кругомъ залито солнцемъ, а тамъ, на горѣ, льетъ дождь, и вершина ея точно окутана чернымъ флеромъ. Но и это обиліе влаги придавало въ моихъ глазахъ иногда особую красоту этой горѣ. Когда въ нее ударялъ свѣтъ солнца и освѣщалъ ея скаты,—то мокрыя скалы ея и безчисленные ручейки дождевой воды, сбѣгавшіе по нимъ, искрились и сверкали, какъ алмазы, и это было видно даже изъ Ароса, на разстояніи пятнадцати миль.

Дорога, по которой я шелъ, была проложенная скотомъ тропа, до того извивавшаяся во всѣ стороны, что удлинняла путь чуть не вдвое; пролегала она по большимъ каменнымъ глыбамъ и валунамъ, такъ что приходилось перепрыгивать съ одного на другой, или же шла по топкому моховому болоту, въ которомъ ноги вязли чуть не по колѣно. Кругомъ ни малѣйшаго признака культуры, и на протяженіи всѣхъ десяти миль, отъ Гризаполя до Ароса, не было видно ни одного жилья. Но жилье было,—кажется, всего три домишка, и тѣ стояли такъ далеко отъ дороги, затерянные въ глуши, что незнакомый съ мѣстомъ человѣкъ никогда бы не могъ отыскать ихъ. Очень значительная часть мыса Россъ сплошь усѣяна гранитными скалами и утесами, и многіе изъ нихъ по величинѣ больше хорошаго крестьянскаго дома о двухъ горницахъ. Между скалами пролегаютъ небольшія ущелья, поросшія папоротниками и верескомъ, и въ нихъ гнѣздятся ядовитыя змѣи. Съ какой бы стороны ни дулъ вѣтеръ, воздухъ здѣсь всегда морской, соленый и влажный, какъ на палубѣ судна. Чайки—здѣсь такіе же полноправные хозяева, какъ и глухари и всякая другая болотная птица, и вездѣ, гдѣ дорога идетъ верхомъ, всюду вашъ глазъ ласкаютъ сверкающія вдали волны моря. Даже и совсѣмъ далеко отъ берега, при вѣтрѣ, на высокихъ мѣстахъ, я слышалъ ревъ Руста, бушующаго у Ароса, и грозные страшные голоса буруновъ, прозванныхъ «Веселыми Ребятами». Самый Аросъ, Аросъ-Джей, какъ его называютъ здѣшніе жители, отъ которыхъ я слышалъ, что это названіе въ переводѣ значитъ «Домъ Божій», самый Аросъ, не составляетъ, собственно говоря, части Росса, но вмѣстѣ съ тѣмъ это и не совсѣмъ островъ; онъ представляетъ собою юго-западную конечность мыса и прилегаетъ къ нему можно сказать вплотную; только въ одномъ мѣстѣ его отдѣляетъ отъ мыса узкій проливъ или каналъ, мѣстами не имѣющій даже сорока футъ ширины. Во время сильныхъ приливовъ вода въ немъ остается спокойной, какъ рѣка выше запруды, или какъ тихій сонный прудъ, съ тою только разницей, что вода здѣсь зеленая, какъ въ морѣ, и водоросли, и рыбы тутъ тоже другія, чѣмъ въ прудѣ; во время же отливовъ, дня два или три въ каждомъ мѣсяцѣ можно, не промочивъ ногъ, переходить съ Ароса на мысъ и обратно. У дяди на Аросѣ были хорошія пастбища, на которыхъ паслись

его овцы, представлявшія собою главную статью его скромнаго дохода. Можетъ быть, травы здѣсь на лугахъ были лучше потому, что уровень Ароса значительно выше уровня самаго мыса Россъ, но я въ этомъ вопросѣ не судья. Домъ у дяди, по мѣстнымъ условіямъ, былъ даже очень хорошій:—двухъэтажный, каменный, обращенный лицомъ на западъ, къ маленькой бухтѣ, на которой устроена была маленькая пристань для шлюпокъ; стоя на порогѣ дома, вы видѣли передъ собой море и облака, бѣгущія къ вершинѣ Бэнъ-Кьоу, и могли до-сыта любоваться этимъ великаномъ.

На всемъ протяженіи береговой линіи мыса, а особенно у Ароса, громадные гранитные утесы толпами выдвинулись въ море и стояли, точно стадо, ищущее прохлады въ знойный полдень, по колѣна въ водѣ. Казалось, что эти утесы совсѣмъ такіе же, какъ ихъ братья тамъ на берегу—на сушѣ, только, вмѣсто неподвижно лежащей безмолвной земли, у ихъ ногъ неумолчно рыдали и бились зеленыя волны; вмѣсто вереска ихъ украшали клубы бѣлой пѣны, вмѣсто ядовитыхъ змѣй у подножія ихъ скользили и извивались морскіе угри. Въ тихую погоду можно было, сѣвъ въ лодку, часами кататься между этихъ скалъ и утесовъ, и только тихое эхо ласково сопровождало васъ по всему лабиринту; но когда море было неспокойно, страшно становилось за человѣка, которому Богъ привелъ бы услышать, какъ реветъ и бурлитъ, и кипитъ этотъ адскій котелъ.

Съ юго-западной стороны Ароса утесовъ этихъ очень много, и здѣсь они значительно крупнѣе и выше, а уходя дальше въ море, становятся еще выше и грознѣе. На цѣлые десять миль уходятъ они въ открытое море и тамъ тѣснятся другъ къ другу, какъ избы маленькой деревеньки; одни торчатъ высоко надъ водой, такъ что даже во время прилива высятся футовъ на 30 надъ уровнемъ волнъ,—другіе же почти совсѣмъ покрыты водою, и оттого еще болѣе опасны для судовъ. Какъ-то разъ, въ ясный день, при западномъ вѣтрѣ, я насчиталъ, съ высшей точки Ароса, сорокъ шесть такихъ подводныхъ рифовъ, о которые, пѣнясь, тяжело разбивались морскіе валы. Ближе къ берегу эти рифы еще опаснѣе, потому что здѣсь приливъ, стремящійся впередъ съ силой и быстротой мельничнаго протока, образуетъ сплошную гряду буруновъ, названную «Рустъ»; эта гряда одной непрерывной линіей огибаетъ весь мысъ, образуя

передъ нимъ заграждепіе. Я не разъ бывалъ тамъ въ мертвый штиль, когда приливъ былъ на убыли. И странное впечатлѣніе получалось въ этомъ мѣстѣ отъ страшнаго водоворота, бушующаго, пѣнящагося и рвущагося впередъ съ неистовымъ ревомъ, и тихаго ропота прибоя, тамъ дальше у самаго берега, доносившагося сюда по временамъ; казалось, будто Рустъ говоритъ самъ съ собой. Но во время прилива, или когда море не спокойно, ни одинъ человѣкъ не подойдетъ къ Русту на лодкѣ ближе, чѣмъ на полмили, и ни одно судно не уцѣлѣетъ въ этихъ водахъ. На шесть миль отъ берега слышенъ ревъ прибоя, особенно сильнаго съ той стороны мыса, которая обращена въ открытое море. Здѣсь громадные буруны, сшибаясь другъ съ другомъ словно пляшутъ страшную пляску смерти; эти-то буруны и получили названіе «Веселыхъ Ребятъ». Говорятъ, что здѣсь они достигаютъ пятидесяти футъ вышины, но это вѣроятно относится только къ тяжелымъ зеленымъ валамъ, потому что серебристая бѣлая пѣна и брызги взлетаютъ вдвое выше. Получили ли они такое названіе отъ того, что такъ бѣшено кружатся въ дикой, стремительной пляскѣ, или же отъ того, что такъ громко ревутъ и шумятъ при каждой новой смѣнѣ прибоя, что весь Аросъ дрожитъ отъ ихъ страшнаго рева,—этого я вамъ сказать не могу.

Несомнѣнно вѣрно, однако, что при юго-западномъ вѣтрѣ, эта часть нашего архипелага является настоящей западней, волчьей ямой для судовъ. Если бы судну удалось благополучно «миновать рифы» и уцѣлѣть среди «Веселыхъ Ребятъ», его все равно выбросило бы на мель, на южный берегъ Ароса, въ бухтѣ Сэндэгъ, гдѣ на нашу семью обрушилось столько невзгодъ, о которыхъ я и намѣренъ вамъ разсказать. Воспоминаніе о всѣхъ этихъ опасностяхъ, въ такъ хорошо знакомыхъ мнѣ мѣстахъ, заставляетъ меня теперь привѣтствовать съ особой радостью начавшіяся тамъ работы по установкѣ маяковъ на мысѣ и бакановъ въ проливахъ между нашими негостепріимными островами.

У мѣстныхъ жителей сложилось много разныхъ сказаній и преданій объ Аросѣ; я ихъ слышалъ отъ дядинаго слуги Рори, бывшаго стараго слуги Маклиновъ, перешедшаго послѣ свадьбы, безъ лишнихъ разсужденій, по наслѣдству къ дядѣ, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ этой семьи. Такъ, существо-

вало повѣрье о какомъ-то несчастномъ существѣ, водяномъ духѣ, будто бы живущемъ среди буруновъ Руста и совершающемъ тамъ свои страшныя дѣла. Разсказывали также про русалку, встрѣтившуюся на берегу Сэндэгской бухты юношѣ, который игралъ на свирѣли; она, говорятъ, пѣла ему всю ночь свои чудныя пѣсни, а на утро его нашли совершенно безумнымъ, и съ той поры и до самой своей смерти онъ постоянно твердилъ одни и тѣ же слова; какія это были слова на подлинномъ гэльскомъ нарѣчіи, я не знаю, но въ переводѣ они значили: «Ахъ, что за дивное пѣніе слышится съ моря!» Утверждали еще, что тюлени, часто посѣщающіе эти берега, говорили съ людьми на ихъ родномъ языкѣ и предвѣщали большія несчастья. Здѣсь же, какъ говорятъ, нѣкій святой, прибывшій сюда изъ Ирландіи съ цѣлью просвѣтить гебридовъ, высадился на берегъ, и, пожалуй, этотъ святой, дѣйствительно, имѣлъ нѣкоторое право считаться святымъ, если при тогдашнихъ судахъ могъ совершить подобное путешествіе, да еще пристать невредимымъ въ такомъ предательски опасномъ мѣстѣ берега. Это по истинѣ было весьма похоже на чудо! Ему или другому изъ подчиненныхъ ему монаховъ, построившему келью въ этомъ мѣстѣ, нашъ островокъ обязанъ своимъ божественнымъ и прекраснымъ названіемъ «Домъ Божій».

Но въ числѣ всѣхъ этихъ бабьихъ сказокъ было одно преданіе, которое я всегда былъ склоненъ слушать, и даже готовъ былъ повѣрить ему. Преданіе это гласило, что во время той страшной бури, которая разбила и разсѣяла по всему сѣверному и западному побережью Шотландіи суда «Непобѣдимой Армады», одинъ изъ громаднѣйшихъ ея кораблей былъ выкинутъ на мель у Ароса и на глазахъ нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей, видѣвшихъ это крушеніе съ вершины одной скалы, въ одинъ моментъ затонулъ и пошелъ ко дну со всѣмъ своимъ экипажемъ и развѣвающимся на его мачтѣ флагомъ. Въ этомъ разсказѣ не было ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что другое судно этой флотиліи лежитъ въ 20 миляхъ отъ Гризаполя. Объ этомъ говорили не столь таинственно и съ большими подробностями, какъ мнѣ казалось, при чемъ одна изъ этихъ подробностей въ моихъ глазахъ являлась особенно убѣдительной. Въ памяти жителей сохранилось названіе этого судна—и названіе это было испанское—«Espiritu Santo». Затонувшій корабль

несъ много орудій и былъ многопалубнымъ судномъ, съ грузомъ несмѣтныхъ богатствъ. На немъ, говорятъ, находились надменные гранды Испаніи и сотни свирѣпыхъ испанскихъ солдатъ. Всѣ они спятъ давно мертвымъ сномъ, распростившись навѣки и съ смѣлыми дальними плаваніями, и съ военными подвигами, тамъ на днѣ нашей глубокой Сэндэтской бухты, западнѣе Ароса. Не салютуетъ больше громовыми выстрѣлами по командѣ капитана это славное судно, и нѣтъ для «Espiritu Santo», т. е. «Духа Святаго», ни попутныхъ вѣтровъ, ни счастливыхъ случайностей, а лежитъ оно тамъ и гніетъ, заростая зеленой морской тиной, глубоко на днѣ, и не слышитъ даже громкаго рева «Веселыхъ Ребятъ», когда они грозно бушуютъ, высоко вздымаясь надъ нимъ. Странно и жутко было мнѣ слушать этотъ разсказъ отъ начала и до конца—и чѣмъ больше я узнавалъ объ Испаніи, откуда вышелъ въ море этотъ гордый корабль съ его грандами, воинами и солдатами, съ его несмѣтными богатствами и несбывшимися надеждами, и чѣмъ ближе я знакомился съ личностью Филиппа II, по волѣ котораго оно вышло въ море, тѣмъ таинственнѣе и страннѣе казалась мнѣ эта повѣсть о затонувшемъ здѣсь суднѣ.

И теперь, идя изъ Гризаполя въ Аросъ, я, надо признаться, много думалъ о «Espiritu Santo». Зимой я удостоился вниманія извѣстнаго писателя д-ра Робертсона, бывшаго въ ту пору ректоромъ нашего Эдинбургскаго коллэджа; по его порученію мнѣ пришлось разбираться въ старыхъ документахъ и бумагахъ и отбирать негодные, и вотъ, среди этого стараго хлама, я, къ великому моему удивленію, нашелъ документъ, относящійся именно къ этому затонувшему судну «Espiritu Santo»; въ документѣ значилось имя его капитана и упоминалось о громадныхъ богатствахъ, находившихся на немъ, представлявшихъ собою большую часть испанской казны, а также говорилось, что корабль этотъ погибъ близъ мыса Россъ у Гризаполя. Но въ какомъ именно мѣстѣ это славное судно затонуло, мѣстное полудикое населеніе того времени не захотѣло указать, несмотря на всѣ запросы, сдѣланные отъ имени короля. Сопоставляя одно съ другимъ наше мѣстное преданіе съ замѣткой о предпринятыхъ королемъ Іаковомъ реквизиціяхъ испанскихъ сокровищъ, въ моемъ мозгу крѣпко засѣла мысль, что мѣсто, о которомъ тщетно старался узнать король, была именно маленькая бухта

Сэндэгъ, составлявшая часть владѣній моего дяди. Будучи парнемъ съ практическимъ складомъ ума, я съ того времени постоянно сталъ думать о томъ, какъ бы поднять со дна моря этотъ чудесный корабль со всѣми его богатствами, слитками золота, безчисленными золотыми унціями и дублонами и съ ихъ помощью вернуть давно утраченный блескъ и богатство нашему роду Дарнэуей.

Впрочемъ, мнѣ вскорѣ пришлось пожалѣть и раскаяться въ этихъ мечтахъ. Я вообще былъ склоненъ къ размышленіямъ, но послѣ того, какъ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ суда Божія надъ людьми за подобныя мечты и желанія, мысль о сокровищахъ и богатствахъ умершихъ людей стала для меня невыносимой. Однако, я долженъ сказать въ свое оправданіе, что и ранѣе того мною руководило не чувство алчности, и если я желалъ богатствъ, то отнюдь не для себя, а для существа, которое было особенно дорого моему сердцу, для Мэри Элленъ, дочери моего дяди. Она была прекрасно воспитана и даже нѣкоторое время обучалась въ Англіи, что едва ли способствовало ея счастью, потому что послѣ того Аросъ пересталъ быть подходящимъ для нея мѣстомъ, въ виду полнаго отсутствія всякаго общества, кромѣ старика Рори, ихъ стараго слуги, и ея отца, несчастнѣйшаго человѣка во всей Шотландіи. Выросшій въ простой деревенской обстановкѣ, дядя долгіе годы плавалъ шкиперомъ у острововъ, лежащихъ въ устьѣ Клайда, а послѣ женитьбы поселился здѣсь и теперь съ непреодолимымъ недовольствомъ занимался овцеводствомъ и прибрежнымъ рыболовствомъ, ради насущнаго пропитанія. Если мнѣ иногда становилось невыносимо въ этой обстановкѣ, гдѣ я проводилъ какихъ-нибудь полтора или два мѣсяца въ году, то можно себѣ представить, каково было ей, бѣдняжкѣ, жить здѣсь круглый годъ въ этой безлюдной пустынѣ, гдѣ она могла видѣть только овецъ на лугахъ, да пролетающихъ съ моря надъ мысомъ чаекъ и слушать ихъ тревожный рѣзкій крикъ и отдаленный грозный шумъ пляшущихъ и бушующихъ тамъ на Рустѣ «Веселыхъ Ребятъ».

II. Что принесло Аросу погибшее судно

Приливъ уже начался, когда я подошелъ къ Аросу; мнѣ оставалось только, стоя на берегу, ждать, когда Рори услышитъ мой свистъ и пріѣдетъ за мной на лодкѣ. Мнѣ не пришлось повторять мой сигналъ, потому что при первомъ звукѣ Мэри выбѣжала на порогъ дома и стала махать мнѣ платкомъ, а старый долговязый слуга поплелся къ пристани. Какъ онъ ни торопился, все же потребовалось не мало времени, чтобы переплыть бухту и войти въ каналъ. Наблюдая за нимъ, я замѣтилъ, что онъ нѣсколько разъ бросалъ весла и шелъ на корму, гдѣ, перегнувшись впередъ, напряженно смотрѣлъ въ воду. Онъ показался мнѣ похудѣвшимъ и состарѣвшимся, а, кромѣ того, я замѣтилъ, что онъ избѣгалъ встрѣчаться со мной взглядомъ. Замѣтилъ я также, что лодку починили; сдѣлали въ ней двѣ новыхъ банки и положили нѣсколько заплатъ, все изъ какого-то очень цѣннаго заморскаго дерева.

— А вѣдь это очень дорогое и рѣдкое дерево. Рори,—сказалъ я, когда мы тронулись въ обратный путь;—откуда вы раздобыли его?

— Оно слишкомъ твердо, не годится для подѣлокъ, — уклончиво отвѣтилъ Рори и опять бросилъ весла и подошелъ къ кормѣ, какъ дѣлалъ это нѣсколько разъ, ѣдучи за мной; опершись рукой о мое плечо, онъ устремилъ на кильватеръ тревожный взглядъ, въ которомъ ясно читался ужасъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ я, невольно обезпокоенный.

— Должно быть большая рыба,—сказалъ старикъ и снова взялся за весла.

Ничего болѣе я не могъ отъ него добиться, но я видѣлъ, что онъ какъ-то странно озирался и многозначительно кивалъ и качалъ головой. Противъ воли я почувствовалъ, что его безпокойство передается и мнѣ и заражаетъ меня какой-то смутной тревогой. Обернувшись назадъ, я сталъ тоже всматриваться въ струю кильватера. Вода была свѣтлая и прозрачная, но здѣсь, на срединѣ бухты, было страшно глубокое мѣсто, и я нѣкоторое время рѣшительно ничего не видѣлъ въ водѣ, а затѣмъ мнѣ показалось будто что-то темное, какая-нибудь большая рыба или просто какая-то тѣнь упорно слѣдовала за кормой лодки. При этомъ мнѣ невольно вспомнился одинъ изъ суевѣр-

ныхъ разсказовъ того же Рори о томъ, какъ на одномъ перевозѣ, на рѣкѣ Морена, въ ту пору, когда отдѣльные кланы вели одинъ съ другимъ ожесточенную междуусобную войну, какая-то громадная рыба, подобной которой никто никогда не видалъ въ этой рѣкѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, постоянно неотступно слѣдовала за паромомъ, такъ что въ концѣ концовъ ни одинъ человѣкъ не рѣшался болѣе переправляться въ этомъ мѣстѣ черезъ рѣку.

— Она вѣрно ждетъ намѣченнаго человѣка!—мрачно замѣтилъ Рори и опять замолчалъ.

Мэри встрѣтила насъ на отмели, и затѣмъ всѣ мы пошли за ней вверхъ по склону горы къ дому. Какъ снаружи, такъ и внутри дома было много перемѣнъ: садъ былъ обнесенъ новой изгородью изъ того же драгоцѣннаго дерева, которое обратило на себя мое вниманіе тамъ, въ лодкѣ; въ кухнѣ стояли кресла, обитыя пестрой парчей; такіе же парчевые занавѣсы висѣли на окнахъ; на буфетѣ стояли безмолвствующіе часы изъ дорогой бронзы; съ потолка спускалась массивная бронзовая лампа художественной работы. Столъ былъ накрытъ тончайшей скатертью и уставленъ дорогимъ серебромъ. И всѣ эти богатства красовались въ скромной дядиной кухнѣ, столь хорошо знакомой мнѣ, рядомъ съ ея деревянными скамьями съ высокими спинками и простыми табуретами, рядомъ съ ларемъ, служившимъ кроватью для Рори, и громаднымъ каминомъ, въ который заглядывало солнце, и гдѣ постоянно тлѣли торфяныя плитки, со скромной каминной доской, на которой всегда лежалъ цѣлый подборъ трубокъ, и гдѣ по угламъ на полу стояли треугольныя плевальницы, наполненныя мелкими ракушками вмѣсто песка. Бронза и серебро въ этой кухнѣ съ голымъ поломъ и голыми каменными бѣлеными стѣнами, съ тремя пестрыми покромочными половиками домашней работы, искони служившими единственнымъ украшеніемъ этой кухни, тѣми тряпичными половиками, которые являются роскошью бѣдняковъ, и которыхъ въ городахъ почти нигдѣ не видишь. За дверью на гвоздѣ, какъ всегда, висѣло воскресное платье, а на ларѣ лежала аккуратно сложенная клеенка, настилавшаяся на банки лодки. Эта кухня, да и весь этотъ домъ всегда были своего рода чудомъ, образцомъ чистоты и опрятности для всей этой страны; такъ здѣсь было всегда красиво и уютно, а теперь

она казалась какъ будто пристыженной всѣми этими несоотвѣтствующими добавленіями къ ея обычной обстановкѣ, и это возбудило во мнѣ чувство негодованія, почти гнѣва.

Конечно, принимая въ соображеніе тѣ намѣренія, съ какими я пріѣхалъ теперь въ Аросъ, подобныя чувства были несправедливы и неосновательны съ моей стороны, но въ первый моментъ у меня невольно вскипѣло сердце.

— Мэри, дитя мое! Я привыкъ считать этотъ домъ своимъ, а теперь я его не узнаю!—воскликнулъ я.

— Моимъ онъ былъ всегда,—отвѣтила она,—здѣсь я родилась, здѣсь выросла и, вѣроятно, здѣсь и умру, и мнѣ тоже не по душѣ эти перемѣны. Не нравится мнѣ ни то, какъ они произошли, ни то, что пришло въ домъ вмѣстѣ съ ними. Видитъ Богъ, я предпочла бы, чтобы все это лежало спокойно на днѣ моря, и чтобы надъ этими драгоцѣнностями теперь плясали и рѣзвились «Веселые Ребята».

Мери была всегда очень серьезна. Это была единственная черта, унаслѣдованная ею отъ отца, но тонъ, какимъ она проговорила эти слова, мнѣ показался даже болѣе серьезнымъ, чѣмъ обыкновенно.

— Боюсь, что все это попало сюда, благодаря крушенію судна и смерти хозяевъ. Но вѣдь послѣ смерти отца я унаслѣдовалъ же отъ него и деньги, и вещи, и все его имущество и не испытывалъ при этомъ никакихъ упрековъ совѣсти.

— Да, но твой отецъ умеръ своей естественною смертью, какъ говорятъ,—возразила Мэри,—и все перешло тебѣ по его волѣ.

— Правда, а крушеніе это какъ бы судъ Божій! Какъ звалось это судно?—спросилъ я.

— Звалось оно «Christ-Anna»,—произнесъ голосъ за моей спиной, и, обернувшись, я увидѣлъ дядю, стоявшаго на порогѣ.

Это былъ вѣчно недовольный, маленькій желчный человѣкъ, съ длиннымъ, узкимъ лицомъ и темными глазами; въ пятьдесятъ шесть лѣтъ онъ былъ бодръ и крѣпокъ физически и походилъ не то на пастуха, не то на человѣка морской профессіи. Онъ никогда не смѣялся, по крайней мѣрѣ, я никогда не слыхалъ его смѣха; подолгу онъ внимательно читалъ свою Библію и долго молился по примѣру всѣхъ камеронцевъ, среди которыхъ онъ выросъ, и вообще онъ во многихъ отношеніяхъ напоминалъ мнѣ

одного изъ шотландскихъ проповѣдниковъ мрачной дореволюціонной эпохи. Но благочестіе его не приносило ему ни утѣшенія, ни наставленія, хотя временами онъ впадалъ въ меланхолію подъ впечатлѣніемъ страха передъ адомъ. Вообще онъ какъ бы съ нѣкоторой завистью вспоминалъ свою прежнюю суровую жизнь и, несмотря на эти приступы меланхоліи, оставался все тѣмъ же суровымъ, холоднымъ и угрюмымъ человѣкомъ.

Когда онъ вошелъ въ дверь прямо съ яркаго солнца и остановился на порогѣ съ шапкой на головѣ и коротенькой трубочкой, висящей на пуговицѣ, онъ показался мнѣ постарѣвшимъ и поблѣднѣвшимъ, какъ и Рори, и морщины, бороздившія его лицо, стали какъ будто рѣзче и глубже, а бѣлки его глазъ стали желтыми, какъ пожелтѣвшая слоновая кость или же какъ кости мертвецовъ.

— Да «Christ-Anna»,—повторилъ онъ, дѣлая удареніе на первомъ слогѣ,—это страшное названіе.

Я поздоровался съ нимъ и выразилъ свое удовольствіе по поводу его бодраго и здороваго вида. Я подумалъ, что, можетъ быть, онъ былъ боленъ.

— И въ здоровьѣ, и въ грѣхахъ нашихъ мы подобны другъ другу,—замѣтилъ онъ довольно нелюбезно.—Обѣдать!—отрывисто кинулъ онъ Мэри и затѣмъ снова обратился ко мнѣ:— А не правда ли, важнецкую мы тутъ бронзу раздобыли? Видишь, какіе прекрасные часы? Только они не идутъ; а столовое бѣлье! Настоящее!.. И вотъ за такія-то вещи люди продаютъ свой миръ душевный, это положительно непостижимо; за все это, въ сущности стоющее не больше куля ракушекъ, люди Бога забываютъ, Богу въ лицо смѣются и затѣмъ въ пеклѣ пекутся! Вотъ, почему въ Священномъ Писаніи, какъ я читалъ, все это называется «проклятымъ». Мэри, дѣвочка моя, почему ты не вынула и не поставила на столъ тѣхъ двухъ шандаловъ?

— А къ чему они намъ среди бѣлаго дня? — спросила дѣвушка.

Но дядя стоялъ на своемъ.

— Мы станемъ любоваться ими, пока можемъ, — сказалъ онъ.

И сервировка стола, и такъ уже не соотвѣтствующая обстановкѣ этой простой приморской фермы, обогатилась еще двумя прекрасными серебряными шандалами дивной работы.

— Судно выкинуло на берегъ 10 февраля, въ 10 ч. ночи, или около того,—продолжалъ дядя, обращаясь ко мнѣ.—Вѣтра совсѣмъ не было, только легкая зыбь пробѣгала по морю; мы съ Рори видѣли его еще раньше, какъ оно лавировало вдали. Неподручное это было судно, эта «Christ-Anna», думается мнѣ, не слушалось оно ихъ вовсе... Плохо имъ, какъ видно, приходилось, и цѣлый-то день они возились со своими парусами, а холодъ былъ проклятый, и снѣгъ... и только подуетъ вѣтерокъ, и опять ничего нѣтъ... только напрасной надеждой морочилъ бѣднягъ. Да, скажу тебѣ, труднымъ имъ выпалъ этотъ послѣдній денекъ, и тотъ изъ нихъ, которому удалось бы живымъ выбраться на берегъ, могъ бы смѣло гордиться этимъ.

— И неужели всѣ погибли?—воскликнулъ я.—Помоги имъ Богъ!

— Тссъ...—мрачно остановилъ меня дядя.—Никто у моего очага не смѣетъ молиться за умершихъ!

Я отрицалъ религіозное или молитвенное значеніе моего возгласа, и дядя съ удивительной готовностью принялъ мое оправданіе и продолжалъ говорить о томъ, что, повидимому, сдѣлалось любимой его темой.

— Мы нашли «Christ-Anna» въ Сэндэгской бухтѣ, и въ ней всю эту бронзу и серебро, и всякое добро. Бухта эта, видишь ли, настоящій котелъ; когда тамъ «Веселые Ребята» расшумятся, и прибой начинаетъ свирѣпствовать, такъ шумъ нашего Руста слышенъ въ самомъ дальнемъ концѣ Ароса; и тогда образуется встрѣчное нижнее теченіе, прямо въ Сэндэгскую бухту. Этотъ водоворотъ, какъ видно, и подхватилъ «Christ Anna» и выкинулъ судно на утесъ такъ, что корма очутилась наверху, а носъ зарылся въ песокъ. Носъ и теперь частью подъ водой, а корма во время отлива вся на виду. А этотъ трескъ, съ какимъ оно ударилось о скалу, ты не повѣришь, что это былъ за ударъ! Упаси Богъ каждаго человѣка отъ такихъ ужасовъ! Хуже нѣтъ жизни моряка! Опасная, измѣнчивая жизнь! Много разъ я заглядывалъ въ морскую глубь. И зачѣмъ только Господь Богъ создалъ море, я никакъ не могу понять. Онъ сотворилъ долины, пастбища и прекрасные зеленые луга, и всю прекрасную радостную землю. И они воздаютъ Тебѣ, Творецъ, хвалу, потому что Ты преисполнилъ ихъ радостью, какъ говорится въ псалмѣ; не скажу, чтобы я лично былъ съ этимъ вполнѣ согласенъ, но все же это

хорошо и легче понять, чѣмъ такія слова: «А тѣ, что идутъ въ море на судахъ для торговли, тѣ тоже видятъ въ глубинѣ дивныя дѣла Божіи и Его великія чудеса». Ну, это легче сказать, чѣмъ испытать. Вѣроятно, Давидъ не былъ хорошо знакомъ съ моремъ, и, право, если бы это не было сказано въ Библіи, я былъ бы очень склоненъ думать, что море сотворилъ не Господь, а гнусный черный дьяволъ. Ничего хорошаго море не даетъ, кромѣ рыбъ, а что Господь Богъ носится во время бури надъ моремъ, на что, вѣроятно, и намекаетъ Давидъ, говоря о чудесахъ, то эти чудеса не всякому завидны и, повѣрь мнѣ, человѣче, горьки были «Christ-Anna» тѣ чудеса, которыя ей показалъ въ глубинѣ Богъ. Не чудесами я бы назвалъ ихъ, а скорѣе Страшнымъ Судомъ Божіимъ! Судъ среди чертей бездонной глубины. А ихъ души, подумай только объ этомъ, можетъ быть ихъ души вовсе не были приготовлены къ смерти!.. А вѣдь море—это сущіе пустяки по сравненію съ адомъ!

Я замѣтилъ, что голосъ дяди былъ необычайно взволнованъ, и вся его манера непривычно оживленная въ то время, какъ онъ это говорилъ. При послѣднихъ словахъ онъ перегнулся впередъ черезъ столъ, похлопалъ меня по колѣну своими костлявыми пальцами и, нѣсколько поблѣднѣвшій отъ волненія, заглянулъ мнѣ въ лицо; при этомъ я увидѣлъ, что глаза его свѣтились какимъ-то особеннымъ внутреннимъ огнемъ, а линіи вокругъ рта какъ будто вытянулись и дрожали. Даже приходъ Рори и поданный на столъ обѣдъ ни на минуту не отвлекли его мыслей отъ того-же предмета. Правда, онъ соблаговолилъ сдѣлать мнѣ нѣсколько вопросовъ относительно моихъ успѣховъ въ наукахъ, но онъ сдѣлалъ это какъ-то разсѣянно, безъ особаго интереса. И даже во время импровизованной молитвы, по обыкновенію очень длинной и сбивчивой, я могъ уловить, чѣмъ онъ былъ озабоченъ, произнося слова: «Помяни милостію Твоею, Господи, несчастныхъ, слабыхъ, заблудшихся грѣшниковъ, осужденныхъ жить въ этой юдоли, подлѣ великаго и коварнаго моря». Онъ, очевидно, думалъ о себѣ. За обѣдомъ дядя обмѣнивался съ Рори отдѣльными короткими фразами.

— Что онъ все тамъ?—спросилъ дядя.

— Ну, конечно!—пробурчалъ Рори.

Оба они говорили вполголоса, какъ будто стѣсняясь чего-то, и даже Мэри, какъ мнѣ показалось, краснѣла и опускала глаза

въ тарелку. Отчасти, для того, чтобы дать имъ понять, что мнѣ кое-что извѣстно и тѣмъ прекратить эту натянутость въ нашей маленькой компаніи, а отчасти подстрекаемый къ тому любопытствомъ, я рѣшился вмѣшаться въ ихъ разговоръ.

— Вы говорите о большой рыбѣ?—спросилъ я.

— Какая тамъ рыба?—воскликнулъ дядя.—Что ты городишь про рыбу, какая это къ чорту рыба! Видно, глаза у тебя жиромъ заплыли, человѣче, и въ головѣ-то у тебя не все въ порядкѣ. Рыба!.. Не рыба это, а водяной!

Онъ говорилъ горячась, даже какъ будто съ сердцемъ, да и я, вѣроятно, былъ раздосадованъ тѣмъ, что меня такъ грубо осадили; а кромѣ того молодые люди всегда большіе спорщики, и потому я вступилъ съ дядей въ препирательство и подъ конецъ горячо протестовалъ противъ всякихъ ребяческихъ суевѣрій.

— И ты сюда пріѣхалъ прямо изъ колледжа!—насмѣшливо воскликнулъ дядя Гордонъ. — Одинъ Богъ знаетъ, чему васъ только тамъ учатъ! Во всякомъ случаѣ, эти науки оказываютъ вамъ не малую пользу, какъ я вижу! Что же ты думаешь, человѣче, что въ этой громадной соленой пустынѣ моря такъ и нѣтъ ничего?! Что тамъ только однѣ водоросли растутъ, да гуляютъ морскія рыбы и животныя пасутся, да солнце день за день заглядываетъ и больше ничего? Нѣтъ, любезный; море все равно, что суша, только оно страшнѣе. Если здѣсь, на землѣ, есть люди, то есть они и тамъ, можетъ быть, не живые люди, но все же люди. А что касается чертей, то хуже морскихъ чертей и на свѣтѣ нѣтъ! Отъ земныхъ чертей, лѣшихъ и домовыхъ немного увидишь бѣды, сущіе пустяки!.. Что они могутъ сдѣлать или сказать? Еще въ недавніе годы, когда я служилъ на югѣ, я помню, въ Пивскомъ болотѣ водился старый лысый лѣшій. Я самъ видѣлъ его однажды; онъ сидѣлъ на корточкахъ, на большой кочкѣ, весь сѣрый, точно могильный памятникъ; и хотя онъ съ вида былъ страшный, какъ громадная жаба, но онъ никого не трогалъ. Ну, конечно, если бы мимо него прошелъ какой-нибудь окаянный грѣшникъ, отъ котораго и Самъ Богъ отказался, не очистившій своей души отъ грѣховъ, то онъ, безъ сомнѣнія, накинулся бы на него, но въ глубинѣ морской, на самомъ днѣ, есть такіе черти, которые готовы наброситься даже и на причастника! Да, господчики мои, если бы вы пошли ко дну, вмѣстѣ съ ребятами съ

«Christ-Anna», то вы знали бы теперь всѣ прелести моря! Если бы вы плавали по морю столько, сколько плавалъ я, вы возненавидѣли бы даже и самую мысль о морѣ, такъ же какъ я! Богъ далъ вамъ глаза, и если бы вы пользовались ими какъ надо, вы бы давно уже знали о коварствѣ этого предательскаго, злого, холоднаго и притворнаго моря и всего того, что по волѣ Бога растетъ, живетъ и множится въ немъ. Раки и рыбы, впивающіеся въ мертвыя тѣла, нарвалы и акулы, скользкіе, отвратительные, вздутые гады, выбрасывающіе фонтаны киты и всякія рыбы, уродливыя, одноглазыя и слѣпыя, всякая холоднотѣлая нечисть, мерзкія твари, всякія неосвященныя, проклятыя Богомъ чудовища, вотъ чѣмъ кишитъ морская глубина. Охъ, ребятушки, если бы вы только знали всѣ ужасы моря!! Ужасы, какихъ даже вообразить нельзя!—воскликнулъ старикъ.

Всѣ мы были сильно потрясены этимъ взрывомъ ненависти къ морю, да и самъ говорившій послѣ послѣдняго глухого и хриплаго выкрика смолкъ и погрузился въ свои невеселыя, мрачныя думы. Но Рори, жадный до всякаго рода суевѣрныхъ страховъ, вернулъ снова разговоръ къ прежней темѣ.

— А вы видали когда-нибудь водяного? — спросилъ онъ, обращаясь къ дядѣ.

— Не совсѣмъ ясно,—отвѣтилъ дядя; — я вообще сомнѣваюсь, чтобы простой смертный человѣкъ могъ вполнѣ ясно видѣть водяного и послѣ того не разстаться съ жизнью. Я плавалъ съ однимъ парнемъ, котораго звали Санди-Габартъ; онъ несомнѣнно видѣлъ водяного, и, конечно, тутъ же ему, бѣднягѣ, и конецъ пришелъ. Мы уже дней съ семь вышли съ нимъ изъ устьевъ Клейды; работа была тяжелая, мы шли съ грузомъ сѣмянъ и разной разности на сѣверъ къ Макліоду. Благополучно миновавъ Кетчелисъ, мы обогнули Соа и вышли на прямую, разсчитывая, что насъ донесетъ до Копнахоу. Я хорошо помню эту ночь; мѣсяцъ свѣтилъ сквозь туманъ, на морѣ дулъ хорошій свѣжій вѣтерокъ порывами, а кромѣ того, и это обоимъ намъ не особенно нравилось, у насъ надъ головой, поверху, свисталъ другой вѣтеръ, который дулъ изъ ущелій страшныхъ Кетчелисскихъ утесовъ. Санди возился на носу съ клеверомъ, мы не могли его видѣть изъ-за грота, и вдругъ онъ крикнулъ. Я засмѣялся, потому что думалъ, что онъ крикнулъ отъ радости, что мы прошли Соа, анъ нѣтъ! Оказалось совсѣмъ не то, это былъ предсмерт-

ный крикъ бѣдняги Санди-Габарта, потому что черезъ полчаса его уже не стало. Все, что онъ могъ сказать, было, что морской дьяволъ или водяной, или какой-то морской призракъ, словомъ, нѣчто подобное, взобрался по бушприту и глянулъ на него страшнымъ, холоднымъ, недобрымъ взглядомъ. А когда Санди отдалъ Богу душу, то всѣ мы поняли, что это предвѣщало, и почему такой вѣтеръ завывалъ на вершинахъ Кетчелиса; вѣтеръ этотъ спустился потомъ оттуда прямо на насъ и задулъ съ такой адской силой, что мы всю ночь метались, какъ обезумѣвшіе, потому что то былъ ураганъ гнѣва Божьяго, и когда мы очнулись, то увидѣли, что насъ прибило къ берегу у Лохъ-Ускевахъ, а въ Бенбекулѣ уже пѣли пѣтухи.

— Это, должно быть, былъ русалочникъ,—сказалъ Рори.

— Русалочникъ!—закричалъ дядя съ невыразимымъ гнѣвомъ.—Это старыя бабьи сказки! Никакого такого русалочника не существуетъ!

— А на что онъ походилъ этотъ морской дьяволъ?—спросилъ я.

— На что онъ походилъ? Оборони насъ, Господь, знать, на что онъ походилъ. Было у него что-то вродѣ головы,—бѣдняга не могъ сказать намъ ничего больше.

Послѣ этого Рори, задѣтый за живое нанесеннымъ ему афронтомъ, разсказалъ нѣсколько случаевъ съ русалочниками и русалками, и морскими конями, выходившими на берегъ на здѣшнемъ островѣ и нападавшими на экипажъ судовъ и шлюпокъ на морѣ, и дядя, вопреки своему скептическому отношенію къ русалочникамъ, слушалъ всѣ эти разсказы съ тревожнымъ интересомъ.

— Ужасно, ужасно, можно сказать,—вымолвилъ онъ въ заключеніе.—Можетъ быть, я и ошибаюсь, но я въ Священномъ Писаніи нигдѣ не встрѣчалъ ни слова о русалочникахъ.

— Да вы, вѣроятно, не найдете тамъ ни слова и о нашемъ Рустѣ,—сказалъ Рори, и этотъ аргументъ былъ признанъ достаточно вѣскимъ.

По окончаніи обѣда дядя увлекъ меня на скамеечку позади дома. День былъ тихій, жаркій; по морю изрѣдка пробѣжитъ легкая зыбь, да издали донесется блеяніе овецъ или привычный крикъ чайки. И, быть можетъ, подъ вліяніемъ этой умиротворяющей тишины окружающей природы, мой сородичъ сталъ тоже

какъ-то спокойнѣе и разсудительнѣе. Онъ говорилъ теперь ровно, спокойно, почти весело о моей дальнѣйшей карьерѣ, лишь время отъ времени упоминая при случаѣ о погибшемъ суднѣ и богатствахъ, которыя оно принесло Аросу. Я же слушалъ его въ какомъ-то оцѣпенѣніи, мысленно поглощенный воспоминаніемъ рисовавшейся передо мной сцены крушенія, упиваясь въ то же время живительнымъ морскимъ воздухомъ и дымомъ торфяныхъ плитокъ, разожженныхъ Мэри въ каминѣ кухни.

Такъ прошло около часа, когда дядя, все время украдкой поглядывавшій на поверхность маленькой бухты, вдругъ всталъ и пригласилъ меня послѣдовать его примѣру. Здѣсь надо сказать, что сильный приливъ на юго-западной сторонѣ Ароса всегда производитъ сильное волненіе по всему берегу. Въ южной части Сэндэгской бухты образуется бурное теченіе въ извѣстные періоды прилива и отлива, но въ этомъ сѣверномъ заливѣ, или бухтѣ, въ такъ называемой Аросской бухтѣ,—на которой стоитъ домъ, и на которую теперь, въ данный моментъ, смотрѣлъ дядя, единственно только въ моментъ окончанія прилива наблюдается нѣкоторое волненіе, и то столько легкое, что его можно даже не замѣтить. Когда вода бываетъ высока, то на ней ничего рѣшительно нельзя увидѣть, точно такъ же, какъ и при малѣйшей зыби или волненіи; но когда вода совершенно спокойна, что бываетъ довольно часто, то на ея поверхности появляются какіе-то странные прихотливые водяные знаки, или очертанія, какъ бы руническія буквы, или морскіе руны, если ихъ можно такъ назвать.

То же самое встрѣчается въ тысячѣ мѣстахъ по всему побережью, и ни одинъ мальчишка, вѣроятно, забавлялся, какъ и я, стараясь прочесть въ этихъ знакахъ что-нибудь относящееся къ нему и къ любимому имъ существу. На эти-то руническія буквы дядя обратилъ теперь мое вниманіе, но съ видимой неохотой, внутренно стараясь побороть въ себѣ какое-то неясное чувство сопротивленія.

— Видишь ты тамъ эти буквы на водѣ, вонъ, около того сѣраго камня?—спросилъ онъ.—Да?.. Ну, скажи, похоже это на буквы?.. Не правда ли, похоже?

— Разумѣется, похоже,—отвѣтилъ я,—я уже не разъ это замѣчалъ. Вотъ тотъ знакъ похожъ на букву С.

Старикъ подавилъ глубокій вздохъ, словно онъ былъ разоча-

рованъ моимъ отвѣтомъ, а затѣмъ, таинственно понизивъ голосъ, промолвилъ:

— С, это означаетъ Christ-Anna.

— А я всегда полагалъ, что это относится ко мнѣ,—сказалъ я,—меня зовутъ Charles.

— Такъ ты и раньше это видѣлъ?—продолжалъ дядя, не придавая значенія моимъ словамъ.—Да, да... Но это неслыханно странно! Можетъ быть это было предначертаніемъ, и многіе вѣка ждало своего исполненія. Но вѣдь это ужасно!..—И вдругъ, оборвавъ, снова обратился прямо ко мнѣ:—А другого подобнаго знака ты не видишь? А?...

— Вижу,—отозвался я,—явственно вижу, вонъ тамъ, въ сторонѣ Росса, другую букву, въ томъ мѣстѣ, гдѣ спускается къ берегу дорога—вижу букву М.

— М,—повторилъ за мной дядя, чуть слышно и, немного помолчавъ, продолжалъ:—а что, ты думаешь, это означаетъ?

— Я всегда думалъ, что это означаетъ Мэри, сэръ,—отвѣтилъ я, невольно краснѣя, внутренно убѣжденный въ томъ, что почти приступилъ къ рѣшительному объясненію.

Но каждый изъ насъ преслѣдовалъ свой личный ходъ мыслей, совершенно исключающій все остальное, и дядюшка и на этотъ разъ, какъ мнѣ показалось, не обратилъ вниманія на мои слова. Онъ опустилъ голову и молчалъ; я могъ бы подумать, что онъ вовсе не слыхалъ моихъ словъ, если бы слѣдующая фраза его не являлась въ нѣкоторомъ родѣ отголоскомъ моихъ послѣднихъ словъ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ ничего не говорилъ объ этомъ Мэри, это все пустяки,—замѣтилъ онъ и зашагалъ впередъ.

Я молча послѣдовалъ за безмолвствовавшимъ дядей, мягко ступая по торфяной тропинкѣ, огибающей берегъ Аросской бухты. Я былъ нѣсколько огорченъ тѣмъ, что упустилъ столь благопріятный случай объявить дядѣ о моей любви; но въ то же время я былъ еще болѣе огорченъ перемѣной, происшедшей въ дядѣ. Онъ никогда не былъ такимъ, какъ другіе люди, и еще того меньше тѣмъ, что называется «милый и любезный человѣкъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ не было, даже если принять во вниманіе худшія его стороны, ничего такого, что бы могло подготовить меня къ столь странной перемѣнѣ въ немъ. Невозможно было не видѣть того, что положительно било въ глаза; а

именно, что у него было что-то на совѣсти. Перебирая въ умѣ своемъ слова, начинающіяся съ буквы М.—«misery»—(бѣдность), «mercy» —(милосердіе), «marriage» — (бракъ), «money»—(деньги), и другія, я вдругъ съ ужасомъ остановился на словѣ «murder»—(убійство). Я еще повторялъ въ умѣ это ужасное слово и взвѣшивалъ его роковой смыслъ и значеніе, когда мы очутились на такомъ мѣстѣ острова, откуда открывался видъ на обѣ стороны: позади насъ на Аросскую бухту и усадьбу съ домомъ, и впереди, на открытый океанъ, къ сѣверу усѣянный островами, а къ югу совершенно синій и открытый до самаго края горизонта. Здѣсь мой спутникъ остановился и нѣкоторое время пристально смотрѣлъ на необъятный морской просторъ, а затѣмъ обернулся ко мнѣ и коснулся своей рукой моей руки.

— Ты думаешь, что тамъ ничего нѣтъ?—спросилъ онъ, указывая концомъ своей трубки вдаль.—Нѣтъ, говорю я тебѣ, человѣче!—крикнулъ онъ неестественно громко, какъ бы торжествующе.—Тамъ густо лежатъ мертвецы! Словно водоросли!

Затѣмъ онъ круто повернулся, и, не проронивъ больше ни слова, мы вернулись домой.

Я страстно желалъ остаться наединѣ съ Мэри, но это удалось мнѣ не раньше, какъ послѣ ужина, и то на самое короткое время, такъ что я едва успѣлъ обмѣняться съ ней нѣсколькими словами. Не теряя времени на пустыя рѣчи, я прямо высказалъ ей то, что было у меня на душѣ.

— Мэри,—сказалъ я,—я пріѣхалъ въ Аросъ съ одной надеждой. Если эта надежда меня не обманываетъ, то всѣ мы можемъ переселиться куда-нибудь въ другое мѣсто и жить, не заботясь о насущномъ хлѣбѣ и важнѣйшихъ удобствахъ жизни, а быть можетъ и на столько обезпеченными, что сейчасъ могло бы показаться безумнымъ обѣщать что-либо подобное. Но, кромѣ этой надежды, есть у меня другая, которая гораздо дороже моему сердцу, чѣмъ деньги,—ты легко можешь догадаться объ этомъ,— добавилъ я, немного помолчавъ.

Она молчала и смотрѣла куда-то въ сторону. Это, конечно, не могло ободрить меня, но тѣмъ не менѣе я продолжалъ:

— Цѣлыми часами я думалъ только о тебѣ,—и чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ больше я думаю о тебѣ, и я не могу себѣ представить, чтобы я могъ быть счастливъ и веселъ безъ тебя. Ты для меня, что зеница ока!

Но она продолжала смотрѣть въ сторону и не проронила ни словечка, только мнѣ показалось, что руки ея дрожали.

— Мэри!—воскликнулъ я въ отчаяніи.—Неужели ты не любишь меня?

— О, Чарли,—отозвалась она, наконецъ, — развѣ теперь время говорить объ этомъ? Оставь меня пока, пусть все остается постарому, и повѣрь, ты ничего отъ этого не потеряешь!

Я слышалъ слезы въ ея голосѣ и, оставивъ всякую другую мысль, думалъ теперь только о томъ, какъ бы ее успокоить.

— Мэри Элленъ,—сказалъ я,—не говори мнѣ ничего больше. Я пріѣхалъ сюда не съ тѣмъ, чтобы нарушить твой покой. Пусть твое желаніе будетъ и моимъ, и твой срокъ моимъ срокомъ. Ты мнѣ сказала все, что мнѣ было нужно, но теперь скажи мнѣ еще только одно—что тебя мучаетъ и тревожитъ?

Она созналась мнѣ, что ее тревожитъ отецъ, но не стала вдаваться ни въ какія подробности, а только сокрушенно качала головой; она сказала, что ей кажется, что онъ нездоровъ, и самъ на себя не похожъ, и что это очень ее огорчаетъ. О крушеніи ей ничего не было извѣстно.

— Я даже не ходила въ ту сторону,—сказала она,—да и зачѣмъ я туда пойду, Чарли? Ихъ бѣдныя души давно предстали передъ судомъ Божіимъ; но я бы хотѣла, чтобы они унесли съ собой и все свое добро, бѣдняги!..

Едва ли это могло служить мнѣ поощреніемъ въ моемъ намѣреніи разсказать ей о моихъ планахъ относительно «Espiritu-Santo», но тѣмъ не менѣе я это сдѣлалъ. При первыхъ моихъ словахъ она съ изумленіемъ воскликнула:

— А знаешь, пріѣзжалъ одинъ человѣкъ въ Гризаполь въ маѣ мѣсяцѣ, маленькій, желтолицый, черномазый человѣчекъ, какъ мнѣ разсказывали, съ золотыми перстнями на пальцахъ и черненькой бородкой, и онъ шарилъ и нюхалъ по горамъ и по доламъ и все разыскивалъ это самое судно.

При этомъ я вспомнилъ, что разбиралъ тѣ бумаги и документы по порученію д-ра Робертсона въ концѣ апрѣля, и что отбиралъ я ихъ для какого-то испанскаго историка или для господина, именовавшаго себя таковымъ и выдававшаго себя за ученаго. Онъ явился съ прекраснѣйшими и самыми лестными рекомендаціями къ нашему ректору, съ порученіемъ произвести разслѣдованія касательно гибели Великой Армады. Сопоставляя одно

съ другимъ, я невольно подумалъ, что господинъ «съ золотыми перстнями на пальцахъ» могъ быть одно и то же лицо съ мадридскимъ историкомъ, являвшимся къ д-ру Робертсону; а если это такъ, то было гораздо больше вѣроятій въ томъ, что онъ искалъ сокровищъ для себя, а не историческихъ свѣдѣній для своего ученаго общества. Въ виду этого я рѣшилъ не терять времени и не медлить съ задуманнымъ мной предпріятіемъ; и если это судно дѣйствительно лежало на днѣ Сэндэгской бухты, какъ то вѣроятно оба мы предполагали не безъ основанія, то открытіе это должно было пойти на пользу не этому унизанному перстнями господину, а Мэри и мнѣ, и на благо стараго, честнаго и благороднаго рода Дарнэ.

III. Море и суша въ Сэндэгской бухтѣ.

На другое утро я рано былъ на ногахъ и какъ только успѣлъ кое-чѣмъ закусить, сейчасъ же отправился на разслѣдованіе. Что-то упорно говорило мнѣ, что я непремѣнно отыщу затонувшее судно Великой Армады, и хотя я старался не давать волю этимъ розовымъ надеждамъ и мечтамъ, все же я находился въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, и, какъ говорится, былъ на седьмомъ небѣ. Аросъ очень дикій и скалистый островокъ, вся поверхность его усѣяна громадными скалами, поросшими дикимъ верескомъ и низкимъ кустарникомъ. Мой путь лежалъ съ сѣвера на югъ черезъ высшую точку острова, и хотя все разстояніе не превышало двухъ миль, оно требовало больше времени и усилій, чѣмъ переходъ въ четыре мили по ровному мѣсту.

Добравшись до вершины, я остановился. Хотя высота была сравнительно незначительная, менѣе 300 футъ, какъ я полагалъ, все же она господствовала надъ всѣми окрестными долинами Росса и открывала обширную панораму на море и острова. Солнце было уже довольно высоко и сильно жгло мнѣ затылокъ, и воздухъ былъ неподвиженъ, какъ передъ грозой, хотя и совершенно чистъ и прозраченъ. Тамъ, дальше, къ сѣверо-западу, гдѣ острова лежали особенно густо и тѣсно другъ къ другу, цѣлыми гроздьями, съ полдюжины мелкихъ обрывистыхъ тучекъ, цѣпляясь одна за другую, растянулись карававомъ, а вершина Бэнъ-Кьоу на этотъ разъ убралась не просто нѣсколькими вымпелами, но окуталась цѣлымъ капюшономъ облаковъ. Въ погодѣ

чуялось что-то угрожающее. Правда, море было спокойно, какъ зеркало, и даже Рустъ казался едва примѣтной трещиной на этомъ зеркалѣ, и даже «Веселые ребята» казались не болѣе, какъ клубами пѣны. Но для моего привычнаго глаза и уха, такъ давно сроднившагося съ этими мѣстами, море казалось неспокойнымъ подъ этой гладью зеркальной, подъ этой, словно спящей, поверхностью, а едва уловимый всплескъ прибоя, точно протяжный вздохъ, доносился ко мнѣ. И какъ ни былъ спокоенъ на видъ Рустъ, я чувствовалъ, что и онъ замышляетъ что-то недоброе; а надо сказать, что всѣ мы, жители этихъ мѣстъ, приписывали этому опасному дѣтищу морскихъ прибоевъ, если не роль непогрѣшимаго предсказателя, то во всякомъ случаѣ безошибочнаго показателя прихотей погоды.

Я поспѣшилъ впередъ и вскорѣ спустился со склона Ароса къ той части острова, которая здѣсь зовется Сэндэгской бухтой. По отношенію къ величинѣ островка это довольно большая водная площадь, прекрасно защищенная отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ преобладающаго здѣсь вѣтра, дующаго съ моря. Съ западной стороны она мелководна и опоясана низкими и песчаными холмами, съ восточной же она имѣетъ значительную глубину, особенно тамъ, гдѣ въ нее отвѣсной стѣной обрывается гряда высокихъ каменныхъ утесовъ. Именно въ это мѣсто, при каждомъ приливѣ, когда онъ достигаетъ извѣстной стадіи, ударяетъ то сильное теченіе изъ открытаго моря въ бухту, о которомъ упоминалъ дядя, а немного позднѣе, когда Рустъ начинаетъ вздыматься выше, образуется еще болѣе сильное нижнее теченіе въ обратномъ направленіи; именно оно, думается мнѣ, и способствовало образованію въ этомъ мѣстѣ столь значительной глубины. Изъ Сэндэгской бухты не видно ничего, кромѣ незначительной части горизонта, а въ непогоду ничего, кромѣ высоко вздымающихся зеленыхъ валовъ, стремительно налетающихъ на подводные рифы.

Еще на половинѣ спуска я увидѣлъ обломки судна, потерпѣвшаго здѣсь крушеніе въ февралѣ. Это былъ бригъ весьма значительной величины и водоизмѣщенія; онъ лежалъ съ переломаннымъ хребтомъ, высоко надъ водой, на пескѣ, въ самомъ дальнемъ восточномъ углу, среди песчаныхъ холмовъ, на отмели. Туда я направилъ свои шаги, но почти на самомъ краю торфяного болота, граничащаго съ песками, мнѣ бросилось въ

глаза небольшое пространство, расчищенное отъ папоротниковъ и вереска, на которомъ возвышался продолговатой формы, напоминающій очертаніе человѣка, низенькій холмъ, подобный тѣмъ, какіе мы привыкли видѣть на кладбищахъ. Я стоялъ какъ громомъ пораженный. Никто ни однимъ словомъ не обмолвился мнѣ о какомъ нибудь покойникѣ или о похоронахъ здѣсь на островѣ. И Рори, и Мэри, и дядя равно умолчали объ этомъ; ну, она-то, я въ этомъ былъ увѣренъ, сама ничего не знала,—но тутъ, у меня передъ глазами, было неопровержимое доказательство этого факта,—могила!—и я невольно спрашивалъ себя,—что за человѣкъ лежитъ здѣсь? И нервная дрожь обдавала меня холодкомъ. Какъ попалъ онъ сюда и заснулъ вѣчнымъ сномъ въ этой одинокой могилѣ, гдѣ покинутый и забытый, будетъ ждать призывнаго гласа трубы въ день Страшнаго Суда?

И въ умѣ своемъ я не находилъ другого отвѣта, кромѣ того, который страшилъ и пугалъ меня. Несомнѣнно, онъ былъ потерпѣвшій крушеніе, можетъ быть занесенный сюда, какъ и погибшіе моряки «Непобѣдимой Армады», изъ какой нибудь дальней, богатой заморской страны, а быть можетъ, и мой соплеменникъ, погибшій здѣсь, въ виду родного ему очага! Нѣкоторое время я стоялъ съ непокрытой головой надъ одинокою могилой и сожалѣлъ, что наша вѣра не учитъ насъ приносить молитвы за несчастныхъ, погибшихъ вдали отъ родины, чужеземцевъ, или, по примѣру древнихъ народовъ, воздавать внѣшнія почести умершимъ, прославлять ихъ подвиги или оплакивать ихъ горькую участь. Я зналъ, конечно, что хотя его прахъ и его кости лежатъ здѣсь, въ землѣ Ароса, и будутъ здѣсь лежать, пока не прозвучитъ труба Суда Господня,—безсмертная душа его не здѣсь, а далеко отсюда или въ свѣтлой обители покоя и вѣчнаго блаженства, или въ странѣ мученій, въ аду. Но воображеніе мое вселяло въ меня тайный страхъ; мнѣ чудилось, что, можетъ быть, онъ здѣсь, стоитъ подлѣ меня, на стражѣ у своей безмолвной, одинокой могилы, и не хочетъ разстаться съ этимъ мѣстомъ, гдѣ его настигла его злополучная судьба. Глубоко удрученный, отошелъ я отъ этой могилы, но потерпѣвшее крушеніе судно,—было едва ли менѣе печальнымъ зрѣлищемъ, чѣмъ одинокая могила. Корма торчала высоко надъ водой, выше гребней прибоя; судно раскололось пополамъ, почти у самой передней мачты. Впрочемъ, мачтъ уже не было, обѣ онѣ сло-

мались во время крушенія. Носъ брига зарылся глубоко въ песокъ, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ судно раскололось, зіяла, словно раскрытая пасть, громаднѣйшая щель, черезъ которую можно было видѣть всю внутреннюю часть судна отъ борта до борта. Названіе брига на половину стерлось, и я не могъ сказать навѣрное, звался ли онъ въ честь столицы Норвегіи «Christiania.» или женскимъ именемъ «Christiana». По конструкціи судя, это было иностранное судно, но какой именно національности, этого я опредѣлить не могъ. Оно было окрашено зеленой краской, но теперь краска эта смылась, полиняла и лупилась пластами. Тутъ же рядомъ торчала мачта, на половину зарывшаяся въ песокъ. Все вмѣстѣ представляло тяжелую картину. Я не могъ видѣть эти обрывки канатовъ, еще уцѣлѣвшіе кое-гдѣ, остатки снастей, у которыхъ годъ за годомъ работали смуглыя, сильныя руки матросовъ, раздавались ихъ голоса, смѣхъ, шутки и брань; не могъ глядѣть на эти трапы, по которымъ постоянно сбѣгали и вбѣгали живые проворные люди, дѣлая свое привычное дѣло; не могъ смотрѣть на бѣлую фигуру ангела съ отбитымъ носомъ, украшавшую переднюю часть брига, еще такъ недавно разсѣкавшую бурныя, грозныя волны, а теперь неподвижную, точно застывшую на вѣкъ.

Не знаю, впечатлѣніе ли отъ погибшаго судна, или отъ одинокой могилы настроило меня такъ странно, но только стоя здѣсь и опираясь на кучу разбитыхъ досокъ, я невольно поддался чувству безотчетной, тихой грусти и мучительныхъ сомнѣній, незнакомыхъ мнѣ дотолѣ. Я болѣзненно живо почувствовалъ бездомность и безпомощность людей и даже неодушевленныхъ предметовъ, какъ суда, когда они окажутся выброшенными на чужой имъ берегъ, и мнѣ казалось, что извлечь пользу изъ такого несчастья не благородно, что это недостойный поступокъ. И мои поиски затонувшаго испанскаго судна показались мнѣ теперь чѣмъ-то святотатственнымъ. Но, когда я вспомнилъ о Мэри, я снова осмѣлѣлъ. Дядя никогда не согласился бы на сей неразумный бракъ съ человѣкомъ, не могущимъ обезпечить его дочь,—а она, я въ томъ былъ увѣренъ, никогда не рѣшится на бракъ безъ его согласія. И тогда я увѣрилъ себя, что дѣлаю это только ради Мэри, моей будущей жены, и невольно разсмѣялся, надъ своими тревогами и сомнѣніями, при мысли, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ плавучій чертогъ «Espi-

ritu Santo», сложилъ свои кости на днѣ Сэндэгской бухты, и какимъ малодушіемъ съ моей стороны было бы считаться съ правами собственности, столь давно пропустившими всѣ законные сроки, и вспоминать о несчастьѣ, давно позабытомъ и потонувшемъ во мглѣ вѣковъ.

Относительно того, гдѣ мнѣ слѣдуетъ искать затонувшій корабль Непобѣдимой Армады,—у меня сложился совершенно опредѣленный планъ.

И всѣ теченія и самая глубина указывали на то, что если «Espiritu Santo» погибъ въ Сэндэгской бухтѣ, и если отъ него еще что-нибудь уцѣлѣло, то искать его надо въ восточной части бухты подъ скалистыми утесами. Вода здѣсь очень глубока, и даже непосредственно подъ скалой глубь достигаетъ нѣсколькихъ саженъ. Стоя на краю скалы, я могъ видѣть на большомъ протяженіи песчаное дно бухты; солнце свѣтило ярко и проникало глубоко въ зеленыя прозрачныя воды залива, придавая ему видъ громаднаго зеленаго хрусталя, прозрачнаго и свѣтлаго; ничто не напоминало о томъ, что это вода, кромѣ легкаго дрожанія и колебанія свѣта и тѣней, гдѣ то въ глубинѣ, да еще появлявшихся время отъ времени морщинокъ и пузырьковъ у самыхъ краевъ. Тѣнь отъ скалъ ложилась довольно далеко, отъ самаго подножья утесовъ, а моя собственная тѣнь, двигавшаяся и останавливавшаяся на вершинѣ скалъ, достигала иногда до половины ширины бухты. Какъ разъ именно въ этомъ поясѣ тѣни я разсчитывалъ найти «Espiritu Santo», потому что именно въ этомъ мѣстѣ нижнее теченіе было особенно сильно. Вода въ бухтѣ всегда казалась холодной, особенно въ этотъ знойный палящій день, но въ этомъ мѣстѣ она была еще холоднѣй и манила глазъ какой-то странной таинственностью. Однако, какъ я ни вглядывался въ ея таинственную глубину и какъ ни прозрачна была здѣсь вода, я не видѣлъ ничего, кромѣ рыбъ и кустовъ водорослей, да тамъ и сямъ каменныхъ глыбъ, оторвавшихся отъ скалы, упавшихъ въ воду и лежащихъ теперь одиноко на песчаномъ днѣ бухты. Дважды я прошелся изъ конца въ конецъ по всему краю утесовъ, и на всемъ этомъ протяженіи мнѣ не удалось увидѣть ничего похожаго на затонувшее судно, ни даже такого мѣста, гдѣ можно было бы предположить его присутствіе, кромѣ только, пожалуй, одного. Это мѣсто было большая ровная терраса на пяти саженяхъ

глубины, подымавшаяся на весьма значительную вышину надъ уровнемъ песчанаго дна, и казавшаяся сверху, просто большимъ подводнымъ выступомъ скалы, той самой, на которой я стоялъ. Онъ представлялъ собою одну сплошную массу морскихъ травъ и водорослей, настоящую подводную рощу, что и мѣшало мнѣ опредѣлить истинный характеръ этой террасы; но по виду и размѣрамъ, она имѣла нѣкоторое сходство съ корпусомъ корабля. Во всякомъ случаѣ, это былъ единственный мой шансъ. Если «Espiritu Santo» не лежалъ здѣсь, то его не было нигдѣ въ Сэндэгской бухтѣ, и потому я рѣшилъ испытать свое счастье разъ навсегда, и либо вернуться въ Аросъ богатымъ человѣкомъ, либо отказаться навсегда отъ всякихъ мечтаній о богатствѣ.

Я раздѣлся до-нага и сталъ на край утеса, сложивъ руки, но не рѣшался. Бухта была въ этотъ моментъ совершенно спокойна. Кругомъ ни звука, кромѣ плеска дельфиновъ гдѣ-то вдали за мысомъ. Но тѣмъ не менѣе какой-то безотчетный страхъ удерживалъ меня въ рѣшительный моментъ. Боязнь воды, всякія суевѣрія, мысли объ умершемъ, что лежитъ въ той могилѣ, о потерпѣвшихъ крушеніе судахъ, все это безпорядочной вереницей проносилось у меня въ головѣ. Но палящее солнце жгло такъ сильно мои плечи, что согрѣло даже и мое оледенѣвшее сердце; собравшись съ духомъ я подался впередъ и бросился въ воду.

Нырнувъ, я очутился на упомянутой площадкѣ и поспѣшилъ ухватиться за попавшуюся мнѣ подъ руку водоросль; эта подводная площадка такъ густо поросла всякой морской травой, что въ слѣдующій же моментъ я уже ухватился обѣими руками за эти скользкія облипшія морской тиной травы, стараясь съ ихъ помощью удержаться на глубинѣ, и упираясь въ то же время ногами въ край площадки, я глянулъ кругомъ себя. Во всѣ стороны, сколько могъ охватить глазъ, раскинулся одинъ желтый песокъ вплоть до самаго подножья утесовъ, чистый, ровный, какъ песокъ на садовыхъ дорожкахъ, благодаря постояннымъ приливамъ и отливамъ обмывающимъ его, и солнце, освѣщавшее все дно, освѣщало всюду все только песокъ, и ничего больше. Только одна эта подводная площадка, на которой я съ трудомъ удерживался, была такъ же густо покрыта всякими водяными травами, какъ наше торфяное болото верескомъ, и подводная часть утеса, выступомъ котораго мнѣ представлялась эта пло-

щадка, была увита сплошной сѣтью темныхъ, коричневыхъ ліанъ. Вся эта густая растительность до того перепуталась и сплелась между собой и къ тому же все время колыхалась подъ напоромъ теченія, что тутъ трудно было различить что-нибудь. Я все еще не могъ рѣшить, упираюсь ли я ногами въ природную скалу, или стою на досчатой обшивкѣ корабля «Непобѣдимой Армады», когда весь кустъ водорослей остался вдругъ у меня въ рукахъ, и въ одинъ моментъ я всплылъ на поверхность. Весь берегъ бухты и сверкающая на солнцѣ вода ослѣпили меня страшной яркостью своихъ красокъ.

Я выбрался на скалу и кинулъ оставшійся у меня въ рукѣ пучекъ водорослей къ своимъ ногамъ. При этомъ что-то рѣзко звякнуло о камень, словно упавшая монета. Я нагнулся и увидѣлъ всю покрытую ржавчиной стальную пряжку съ башмака. Видъ этой жалкой дешевенькой пряжки глубоко потрясъ меня; но не надежда загорѣлась при этомъ въ моемъ сердцѣ, ни чувство страха проснулось въ немъ, а какая-то безотчетная грусть. Я держалъ ее въ рукахъ и мысль о владѣльцѣ этой пряжки предстала мнѣ въ образѣ живого человѣка. Я видѣлъ его передъ собой, этого смуглаго загорѣлаго моряка съ его сильными, грубыми руками, его нѣсколько сиплымъ, какъ у большинства моряковъ голосомъ, видѣлъ эту самую ногу, на которой нѣкогда красовалась эта пряжка, ногу столько разъ ступавшую по доскамъ палубы при качкѣ и въ бурю. И весь этотъ человѣкъ какъ живой стоялъ тутъ подлѣ меня, такой же какъ я самъ, съ такими же волосами, теплой живой кровью и смотрящими глазами, отнюдь не какъ призракъ, а скорѣе какъ другъ, котораго я жестоко обидѣлъ. Онъ стоялъ тутъ въ ясный солнечный день, на этой одинокой скалѣ и какъ будто ласково упрекалъ меня. Неужели же гордый корабль, везшій громадныя сокровища, лежитъ здѣсь у моихъ ногъ, со всѣми его орудіями, якорями, цѣпями и богатствами, словомъ такой, какимъ онъ покинулъ Испанію? Только палубы его превратились теперь въ рощи водорослей, а въ каютахъ его рыбы мечутъ икру. Все безмолвно кругомъ, только плещетъ вода, неподвижно лежатъ всѣ сокровища, только тамъ наверху травы морскія плавно качаетъ приливъ. И весь этотъ пловучій чертогъ съ многолюднымъ его населеніемъ превратился теперь въ подводный рифъ прекрасной Сэндэгской бухты! Или же,—и это мнѣ казалось вѣроятнѣе,—эту пряжку

сюда занесло съ иностраннаго брига, потерпѣвшаго здѣсь крушеніе въ февралѣ, и купилъ ее только недавно и носилъ мой современникъ, жившій тѣми же современными интересами, какъ и я, слышавшій изо дня въ день тѣ же новости, что и я, думавшій можетъ быть тѣ же думы, что и я, и быть можетъ молившійся въ томъ же храмѣ гдѣ я!.. Тяжелыя мысли одолѣли меня, и слова дяди: «Тамъ густо лежатъ мертвецы словно водоросли»—звучали у меня въ ушахъ. Я рѣшилъ еще разъ нырнуть подъ воду, но съ громаднымъ отвращеніемъ подошелъ къ краю утеса.

Удивительная перемѣна произошла въ этотъ моментъ въ картинѣ тихой бухты. Это уже не было болѣе то свѣтлое прозрачное подводное царство, тотъ хрустальный дворецъ подъ стеклянною крышей, въ зеленыхъ глубинахъ котораго такъ весело и спокойно дремали солнечные лучи; внезапно налетѣвшій вѣтерокъ подернулъ легкой рябью зеркальную поверхность бухты, глубь ея всколыхнулась и потемнѣла, проблески свѣта и тѣни облаковъ боролись между собою на водѣ. Даже самая площадка выступа тамъ въ глубинѣ какъ будто дрожала и колыхалась. Теперь мнѣ казалось болѣе опаснымъ рисковать собой въ этомъ предательскомъ мѣстѣ, и на этотъ разъ я прыгнулъ въ воду съ сильно дрогнувшимъ сердцемъ.

Какъ и въ первый разъ я ухватился за колыхавшіеся стебли водорослей и сталъ шарить кругомъ. Все попадавшееся мнѣ подъ руку было холодное, скользкое, мягкое. Чаща эта кишѣла крабами, морскими раками, ползавшими бокомъ взадъ и впередъ, и я скрѣпя сердце преодолѣвалъ чувство гадливости и отвращенія отъ сосѣдства этихъ плотоядныхъ гадинъ. Вездѣ и всюду я ощущалъ неровности и трещины твердаго, холоднаго камня, но нигдѣ ни досокъ, ни желѣза, ни малѣйшихъ признаковъ остова корабля. Очевидно, «Espiritu Santo» здѣсь не было. И при этомъ я испыталъ даже какое-то чувство облегченія, несмотря на мое разочарованіе, и собрался уже выпустить изъ рукъ водоросли, служившія мнѣ причаломъ, какъ вдругъ случилось нѣчто, что заставило меня мгновенно всплыть на поверхность, не помня себя отъ ужаса. Я и такъ уже слишкомъ долго задержался подъ водой; теченіе усилилось, вода дѣлалась холодной съ перемѣной прилива, и Сэндэгская бухта становилась ненадежнымъ мѣстомъ для любого пловца. Но вотъ въ самый послѣдній моментъ теченіе хлынуло съ удивительной силой, словно валъ налетѣлъ,

и напоромъ воды повалилъ водоросли и меня; выпустивъ при паденіи водоросль, которая удерживала меня, я инстинктивно сталъ искать опоры и въ этотъ моментъ почувствовалъ въ своей рукѣ что-то твердое и холодное. Мнѣ кажется, что я въ тотъ же моментъ угадалъ, что это было. Во всякомъ случаѣ я тотчасъ же выпустилъ водоросль и поднялся наверхъ, а секунду спустя стоялъ уже на уступѣ скалы съ берцовой костью человѣка въ рукѣ. Человѣкъ существо слишкомъ матеріальное, мысль медленно вращается въ его мозгу и еще медленнѣе сопоставляетъ факты. Могила тамъ внизу, на пескахъ, разбившееся судно, наконецъ, эта пряжка, все это, несомнѣнно, ясные показатели того, что здѣсь когда-то разыгралась ужасная человѣческая драма. Дитя могло бы догадаться объ этомъ, и тѣмъ не менѣе я тогда лишь понялъ весь ужасъ хищнаго моря, когда у меня очутилась въ рукѣ человѣческая кость. Я положилъ ее подлѣ пряжки на скалу, подобралъ свое платье и побѣжалъ, какъ былъ, вдоль гряды скалъ къ нашему жилищу. Мнѣ казалось, что я не могъ уйти достаточно далеко отъ этихъ мѣстъ; никакія богатства не могли теперь заставить меня повторить мою попытку. Отнынѣ кости утопленниковъ-мертвецовъ могли спокойно лежать среди водорослей или грудъ золота и камней. И едва я вступилъ на мягкую почву торфяного болота и прикрылъ свою наготу, какъ упалъ на колѣни, лицомъ къ разбитому бригу, и отъ всей души долго и горячо молился о всѣхъ плавающихъ по морямъ и погибшихъ въ ихъ коварныхъ волнахъ. Такая безкорыстная молитва никогда не пропадаетъ даромъ, если даже она не будетъ услышана, все одно, молящійся все же будетъ награжденъ снисшедшей на него благодатью. И я тоже почувствовалъ себя умиротвореннымъ, чувство ужаса не преслѣдовало меня, и я могъ снова съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ смотрѣть на это великое и прекрасное твореніе Божіе, на искрившійся на солнцѣ безбрежный океанъ. Когда я двинулся дальше вверхъ по крутому подъему Ароса, отъ моихъ прежнихъ мучительныхъ думъ и тревогъ не осталось ничего, кромѣ твердой рѣшимости не имѣть больше никакого дѣла съ добычей съ потерпѣвшихъ крушеніе судовъ или богатствомъ утонувшихъ людей. Я поднялся уже довольно высоко, остановился, чтобы перевести духъ и оглянуться назадъ. Зрѣлище, представившееся теперь моимъ глазамъ, было

вдвойнѣ странно. Во-первыхъ, штормъ, приближеніе котораго я предвидѣлъ, приближался съ невѣроятной, почти тропической быстротой; все море потемнѣло и вмѣсто подозрительно сверкавшей на солнцѣ прозрачной зеленой поверхности представляло собою безобразную буро-свинцовую бородавчатую пелену. Тамъ вдали уже забѣгали бѣлые зайчики, которыхъ гнало вѣтромъ впередъ; хотя на Аросѣ вѣтеръ этотъ еще не чувствовался, но до слуха моего уже доносился прибой разыгравшійся у береговъ Сэндэгской бухты и разбивавшійся тамъ подъ скалистой стѣной. Еще болѣе разительна была перемѣна на небѣ: тамъ съ юго-запада подымалась громадная сплоченная масса тяжелыхъ грозовыхъ тучъ; въ просвѣты, остававшіеся еще между ними, солнце еще пропускало свои ослѣпительно яркіе, горячіе лучи. Тамъ и сямъ по краямъ тучи раскинулись по небу длинныя черныя полосы, точно вымпелы, бороздя темными пятнами все еще чистое и безоблачное небо. Видъ его былъ угрожающій, и въ тотъ моментъ когда я стоялъ и смотрѣлъ на него, солнце вдругъ разомъ точно погасло, словно черная туча поглотила его. Съ минуты на минуту должна была разразиться гроза надъ Аросомъ. Быстрота и внезапность этой перемѣны до такой степени приковали мое вниманіе къ небесному своду, что я не сразу снова перевелъ свой взглядъ на заливъ, разстилавшійся у моихъ ногъ и лишенный теперь солнечнаго освѣщенія. Пригорокъ, на который я только что взобрался, возвышался надъ небольшимъ амфитеатромъ болѣе низкихъ холмовъ, спускавшихся постепенно къ морю, а нѣсколько ниже желтѣли полукругомъ прибрежные пески, окаймлявшіе берегъ Сэндэгской бухты. Все это я видѣлъ много, много разъ, но никогда я не видѣлъ здѣсь ни одной живой человѣческой души. Я только-что самъ ушелъ оттуда, и кромѣ меня тамъ не было никого; а теперь, къ превеликому моему удивленію, я увидѣлъ лодку и нѣсколькихъ человѣкъ среди этой пустыни. Лодка была причалена у скалы, два человѣка съ непокрытыми головами, съ засученными рукавами и третій, вооруженный багромъ, съ трудомъ удерживали лодку у берега, такъ какъ теченіе усиливалось съ каждой минутой. На нѣкоторомъ разстояніи отъ лодки, на выступѣ скалы, двое мужчинъ въ черномъ, на мой взглядъ принадлежавшіе къ болѣе высокому общественному классу, скло-

нялись оба надъ какой-то работой, которой я не могъ опредѣлить въ первый моментъ, но въ слѣдующій, я уже догадался: они дѣлали вычисленія по компасу. Затѣмъ я увидѣлъ какъ одинъ изъ нихъ развернулъ большой листъ бумаги и сталъ указывать на немъ что-то пальцемъ, какъ бы свѣряя по картѣ или плану мѣстоположеніе. Тѣмъ временемъ третій ихъ товарищъ расхаживалъ взадъ и впередъ по краю скалы, останавливаясь и какъ бы знакомясь съ ея характеромъ и время отъ времени нагибаясь впередъ, чтобы заглянуть въ воду подъ скалой. И вотъ, въ то время какъ я наблюдалъ ихъ съ нескрываемымъ удивленіемъ, едва вѣря своимъ глазамъ, этотъ третій вдругъ остановился, какъ вкопаный, и крикнулъ своихъ товарищей такъ громко, что звукъ его голоса долетѣлъ до меня, стоявшаго высоко на горѣ. Двое остальныхъ поспѣшно подбѣжали къ нему, уронивъ свой компасъ, и я увидѣлъ, что оставленная мной человѣческая кость и ржавая пряжка стали переходить изъ рукъ въ руки, вызывая необычайно оживленную жестикуляцію, служившую очевидно выраженіемъ живѣйшаго интереса и удивленія со стороны этихъ людей.

Въ этотъ моментъ матросы, находившіеся въ лодкѣ, стали кричать что-то, указывая на западъ, на ту огромную сплоченную группу облаковъ, быстро разроставшуюся и застилавшую черной пеленой цѣлую половину неба.

Тѣ, что были на берегу стали, повидимому, совѣщаться; однако, опасность была слишкомъ очевидна, чтобы мѣшкать долѣе,—всѣ трое поспѣшили сѣсть въ лодку, забравъ съ собой мои реликвіи, послѣ чего лодка подъ дружнымъ усиліемъ привычныхъ гребцовъ быстро пошла къ выходу изъ бухты.

Я не сталъ болѣе раздумывать надъ тѣмъ что видѣлъ, а повернулся и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать по направленію къ дому. Кто бы ни были эти люди, во всякомъ случаѣ, дядѣ необходимо было тотчасъ же дать знать объ этомъ. Возможно было, что это былъ десантъ якобитовъ, и быть можетъ, одинъ изъ трехъ пассажировъ былъ тотъ самый принцъ Чарли, котораго какъ мнѣ хорошо было извѣстно, такъ ненавидѣлъ мой дядя,— тотъ, который прогуливался тамъ на выступѣ скалы. Однако, въ то время, какъ я бѣжалъ, перепрыгивая съ камня на камень, съ бугра на бугоръ, и все время обсуждая въ умѣ все случившееся, я все больше и больше убѣждался въ неправдоподобности и

неудовлетворительности этого моего перваго предположенія. Компасъ, карта или планъ, интересъ вызванный въ нихъ моими находками, и вообще все поведеніе этихъ незнакомцевъ, особенно того изъ нихъ, который только разъ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ съ выступа скалы на воду, все это наводило меня на мысль объ иныхъ причинахъ ихъ присутствія въ этой бухтѣ, на этомъ затерянномъ среди моря безызвѣстномъ островѣ.

Историкъ изъ Мадрида, разслѣдованія д-ра Робертсона, бородатый незнакомецъ, уже побывавшій здѣсь, человѣкъ съ множествомъ золотыхъ перстней, наконецъ, мои личные безплодные поиски сегодня утромъ въ этой самой Сэндэгской бухтѣ, все это одно за другимъ приходило мнѣ на память, и рождало во мнѣ увѣренность въ томъ, что эти незнакомцы должно быть испанцы, явившіеся сюда для розысковъ затонувшаго здѣсь судна «Великой Непобѣдимой Армады» и находившихся на немъ сокровищъ. Но люди, живущіе на такихъ отдаленныхъ островахъ, предоставлены самимъ себѣ въ отношеніи своей безопасности; имъ негдѣ искать себѣ не только защиты, но даже и помощи, а потому присутствіе въ такомъ мѣстѣ, какъ Аросъ, экипажа, состоящаго изъ чужеземцевъ-авантюристовъ, вѣроятно, алчныхъ, безденежныхъ и не признающихъ никакихъ правъ и законовъ, невольно вызвало во мнѣ опасеніе за достояніе моего дяди, и даже за безопасность его дочери.

Продолжая обдумывать какъ бы намъ избавиться отъ этихъ людей, я, едва переводя духъ, добѣжалъ до вершины Ароса. Теперь уже все кругомъ заволокли тучи, и только на самомъ краю горизонта, въ восточной его части, на одномъ изъ холмовъ на материкѣ удержался еще послѣдній лучъ солнца, свѣтившійся въ окружающемъ полумракѣ, какъ драгоцѣнный яхонтъ; дождь началъ накрапывать, не частый, но большими тяжелыми каплями; на морѣ волны ходили высокія; съ каждой минутой они вздымались все выше и выше, и бѣлая пѣна сплошной каймой опоясывала уже Аросъ и ближайшій къ ней берегъ Гризаполя. Лодка съ незнакомцами все еще продолжала уходить въ открытое море—и теперь я увидѣлъ то, что раньше было скрыто отъ моихъ глазъ.—большую, тяжело оснащенную шкуну, лежащую въ дрейфѣ у южной оконечности Ароса. Такъ какъ я не видѣлъ его сегодня по-утру, когда я такъ внимательно изслѣ-

довалъ горизонтъ, наблюдая погоду, а въ этихъ водахъ, гдѣ такъ рѣдко появляется парусъ, я не замѣтить его не могъ, — то было ясно, что онъ пришелъ сюда еще съ ночи, и всю ночь простоялъ за необитаемымъ маленькимъ островкомъ Эйліанъ-Гоуръ. Уже это одно доказывало, что экипажъ этого судна былъ чужеземный, совершенно незнакомый съ этими берегами, потому что эта стоянка, хотя на видъ и довольно благопріятная, и удобная, на самомъ дѣлѣ являлась настоящей западней для судовъ. Съ такимъ несвѣдующимъ экипажемъ у этихъ опасныхъ и коварныхъ береговъ, приближавшаяся буря грозила принести на крылахъ своихъ гибель и смерть.

IV. Буря.

Я засталъ дядю на верхушкѣ крыши дома, гдѣ онъ съ подзорной трубой въ рукахъ наблюдалъ погоду.

— Дядя,—сказалъ я,—тамъ въ Сэндэгской бухтѣ были люди на берегу, я...

Но я не могъ продолжать дальше, все разомъ выскочило у меня изъ головы, я даже не чувствовалъ больше усталости, до того поразило меня впечатлѣніе, произведенное на дядю моими словами. Онъ выронилъ изъ рукъ свою трубу и отшатнулся назадъ съ отвисшей челюстью, вытаращенными глазами и поблѣднѣвшимъ, какъ полотно, лицомъ. Съ минуту мы молча глядѣли другъ на друга, наконецъ, онъ вмѣсто отвѣта спросилъ:

— На немъ была мохнатая шапка?

Теперь я зналъ такъ же хорошо, какъ если бы я его видѣлъ своими глазами, что человѣкъ, который лежалъ тамъ въ могилѣ у Сэндэгской бухты, имѣлъ на головѣ мохнатую шапку и добрался до берега живымъ. И въ первый и единственный разъ въ моей жизни, я почувствовалъ себя безпощаднымъ къ этому человѣку, обласкавшему и пріютившему меня у своего очага, къ отцу дѣвушки, которую я надѣялся назвать своей женой.

— То были живые люди,—сказалъ я,—быть можетъ, якобиты, быть можетъ, французы, а можетъ и пираты или авантюристы, явившіеся сюда искать сокровищъ испанскаго судна. Но кто бы они ни были, они могутъ быть опасными для вашей дочери и моей кузины. Что же касается вашихъ преступныхъ дѣяній и страховъ, то знайте, что мертвецъ спитъ спокойно въ

своей могилѣ, въ которую вы зарыли его, и не встанетъ пока не прозвучитъ труба Страшнаго Суда. Я сегодня былъ тамъ и стоялъ надъ его могилой.

Пока я говорилъ, старикъ смотрѣлъ на меня, моргая глазами; затѣмъ онъ на мгновеніе опустилъ ихъ въ землю и сталъ безсильно ломать пальцы. Ясно было, что говорить онъ не былъ въ состояніи.

— Пойдемте,—сказалъ я,—вы должны теперь подумать и о другихъ, вы должны пойти за мной туда на гору и взглянуть на судно.

Онъ молча повиновался, не подымая глазъ, не протестуя ни единымъ жестомъ. Онъ медленно плелся за мной, съ трудомъ поспѣвая за моими торопливыми шагами; очевидно, онъ совершенно утратилъ способность легко и быстро двигаться; онъ тяжело и съ трудомъ взбирался и спускался съ каждаго пригорка или валуна вмѣсто того, чтобы перепрыгивать съ одного камня или валуна на другой, какъ онъ имѣлъ привычку это дѣлать. Всѣ мои понуканія и окрики оставались безсильными противъ его апатіи и не могли заставить его поторапливаться. Только разъ онъ жалобно отозвался, какъ человѣкъ, страдающій физически:—«Ну, ну, человѣче, иду!..» Еще задолго до того, какъ мы добрались до вершины, я уже не испытывалъ ничего, кромѣ безпредѣльной жалости къ этому человѣку. Если преступленіе его было чудовищно, то и наказаніе его было не менѣе ужасно.

Наконецъ, мы достигли вершины горы и могли окинуть взглядомъ громадное пространство; все кругомъ потемнѣло: черное грозовое небо нависло надъ землей и надъ моремъ, послѣдній лучъ солнца угасъ. Поднялся вѣтеръ, не особенно сильный пока, но коварный, порывистый и измѣнчивый; дождь, между тѣмъ, пересталъ. Несмотря на то, что прошло такъ немного времени съ тѣхъ поръ какъ я въ послѣдній разъ стоялъ здѣсь, море сильно расходилось за это время, громадныя, косматыя волны и валы разбивались уже съ шумомъ о подводные рифы, лежащіе внѣ бухты, и море стонало и громко рокотало въ подводныхъ пещерахъ Ароса. Въ первой моментъ я тщетно искалъ глазами шкуну.

— А, вотъ она!—сказалъ я, указывая дядѣ на шкуну. Меня поразило, что я увидѣлъ судно на этомъ мѣстѣ, и еще больше поразилъ меня тотъ курсъ, который оно держало.—Не

можетъ быть, чтобы они думали выйти въ открытое море!—невольно воскликнулъ я.

— Именно, это они разсчитываютъ сдѣлать,—сказалъ дядя, и въ голосѣ его слышалось что-то похожее на скрытую радость.

Въ этотъ самый моментъ шкуна повернула на другой галсъ, послѣ чего ихъ намѣреніе стало настолько ясно, что не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Эти чужеземцы, видя приближеніе бури, прежде всего рѣшили уйти въ открытое море, на широкій морской просторъ, но при угрожавшемъ имъ вѣтрѣ, въ этихъ усѣянныхъ подводными рифами водахъ, и при страшной силѣ теченія и прибоя, ихъ курсъ велъ прямо на смерть и гибель.

— Ахъ, Боже мой! Вѣдь они погибнутъ!—воскликнулъ я.

— Да, да... Всѣ, всѣ погибнутъ,—подтвердилъ дядя.—У нихъ только одно спасеніе итти къ Кайль Дона, а черезъ эти проклятые ворота имъ не пройти. Самъ чортъ не проведетъ ихъ здѣсь, будь онъ у нихъ за лоцмана! Да, человѣче,—добавилъ онъ, дотрагиваясь до моего рукава,—славная эта ночь для кораблекрушенія!.. Цѣлыхъ два крушенія за одинъ годъ!.. Да, весело попляшутъ сегодня наши «Веселые Ребята!»

— Если бы не поздно,—воскликнулъ я возмущенный,—я бы сѣлъ въ лодку и поѣхалъ ихъ предостеречь!

— Нѣтъ, нѣтъ, человѣче,—запротестовалъ дядя, — ты не долженъ вступаться, не долженъ вмѣшиваться въ такія дѣла, нѣтъ, нѣтъ... На то Его Святая воля!..—И онъ набожно снялъ шапку.—А ночь-то какая чудесная для такого случая!..

Нѣчто похожее на страхъ стало закрадываться мнѣ въ душу; я напомнилъ дядѣ, что я еще не обѣдалъ и предложилъ ему вернуться домой. Но нѣтъ, ничто не могло заставить его оторваться отъ этого зрѣлища, которымъ онъ положительно упивался.

— Я долженъ видѣть все, все до конца, понимаешь ты, Чарли?—старался онъ мнѣ втолковать.—А, смотри, вѣдь они славно тамъ управляются!—вдругъ воскликнулъ онъ, видя, что шкуна снова повернула на другой галсъ.—«Christ-Anna» и сравниться съ ними не могла...

Вѣроятно, люди на суднѣ начали понимать грозившую имъ опасность не въ полномъ ее объемѣ, конечно, но все же,—и всячески старались спасти свое обреченное на гибель судно. При каждомъ новомъ порывѣ капризнаго вѣтра люди на суднѣ

убѣждались, съ какой невѣроятной силой ихъ снова относило назадъ теченіемъ. Они спѣшили убирать паруса, видя, что они мало имъ помогаютъ, а громадные валы вздымались все выше и выше и пѣнились надъ подводными рифами справа и слѣва. Все снова и снова громадный бурунъ разсыпался подъ самымъ носомъ шкуны, обнажая на мгновеніе темный рифъ и мокрыя водоросли, повисшія на немъ. Люди работали, не покладая рукъ; всѣмъ было вдоволь работы на суднѣ, видитъ Богъ! И этимъ-то зрѣлищемъ отчаянной борьбы людей за жизнь, зрѣлищемъ, леденившимъ душу каждому одаренному человѣческимъ сердцемъ существу,—дядя мой наслаждался и смаковалъ всѣ эти страшныя перепетіи человѣческой драмы съ видомъ знатока. Когда я обернулся, спускаясь съ горы, я увидѣлъ его лежащимъ на животѣ, съ вытянутыми впередъ руками вцѣпившись пальцами въ кустики вереска, съ жадно устремленнымъ впередъ взоромъ; онъ казался ожившимъ и помолодѣвшимъ и тѣломъ, и духомъ.

Вернувшись домой въ тяжеломъ угнетенномъ состояніи, я почувствовалъ себя еще болѣе опечаленнымъ и пришибленнымъ при видѣ Мэри. Засучивъ рукава, она спокойно мѣсила своими сильными руками тѣсто для хлѣбовъ. Взявъ съ буфета большую овсяную лепешку, я сѣлъ и сталъ молча ѣсть ее.

— Ты, видно, утомился, парень?—спросила Мэри, немного погодя.

— Я не столько утомился, Мэри,—отвѣтилъ я, вставая,—сколько меня томитъ проволочка, а быть можетъ и самое пребываніе на Аросѣ. Ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы безошибочно судить обо мнѣ; ты знаешь, чего я хочу. Но во всякомъ случаѣ знай, что тебѣ лучше быть гдѣ угодно, только не здѣсь.

— Я знаю только одно,—возразила она,—что буду тамъ, гдѣ мнѣ повелѣваетъ быть мой долгъ.

— Ты забываешь, что у тебя есть долгъ и къ самой себѣ,—замѣтилъ я.

— Ахъ, Чарли, ужъ не въ Библіи ли ты это вычиталъ?—спросила она, продолжая мѣсить руками тѣсто.

— Послушай, Мэри, ты не должна теперь шутить со мной,—сказалъ я почти торжественно.—Видитъ Богъ, я сейчасъ не въ настроеніи смѣяться. Слушай, что я тебѣ скажу.

Если намъ удастся уговорить твоего отца, это было бы, конечно, всего лучше, но, съ нимъ ли, или безъ него, я хочу видѣть тебя далеко отсюда, дитя мое; пойми, что и ради тебя самой и ради меня, а также ради твоего отца, я хочу, чтобы ты была далеко, далеко отсюда. Я пріѣхалъ сюда съ совершенно другими намѣреніями; я пріѣхалъ сюда, какъ человѣкъ ѣдетъ домой къ себѣ, въ свой родной домъ. Но теперь все измѣнилось, теперь у меня только одно желаніе, одна мечта, одна надежда, это бѣжать отсюда! Именно бѣжать, бѣжать съ этого проклятаго острова.

Мэри прервала свою работу и смотрѣла на меня.

— Что же ты думаешь,—сказала она, когда я кончилъ,—что у меня нѣтъ глазъ, нѣтъ ушей? Неужели ты думаешь, что сердце мое не разрывается отъ присутствія въ домѣ всей этой «бронзы»,—какъ онъ ее называетъ, прости его Господи!—которую я хотѣла бы выбросить въ море? Или ты думаешь, что я жила здѣсь все время день за днемъ съ нимъ и не видѣла того, что ты увидѣлъ въ нѣсколько часовъ? Нѣтъ, Чарли,—продолжала она—я знаю, что у насъ что-то неладно, что есть тутъ какой-то грѣхъ. Какой именно и въ чемъ онъ, я не знаю; я не знаю, да и не хочу знать. Не хочу, потому что никогда еще дурное дѣло не было исправлено тѣмъ, что другіе люди вмѣшивались въ него; по крайней мѣрѣ я никогда не слыхала объ этомъ; но вотъ, что я скажу тебѣ, другъ,—не требуй отъ меня никогда, чтобы я оставила отца! Пока онъ живъ, пока онъ дышетъ, я останусь подлѣ него. Онъ не жилецъ на этомъ свѣтѣ,—не долго онъ протянетъ, это я тебѣ говорю. Помни мое слово, Чарли, не долго онъ будетъ съ нами; я вижу печать смерти на его челѣ,— и быть можетъ это и къ лучшему.

Я нѣкоторое время молчалъ, не зная что сказать, а когда я наконецъ, поднялъ голову, чтобы отвѣтить ей, она встала передо мной и съ нѣкоторой торжественностью произнесла:

— Чарли, то, что повелѣваетъ мнѣ мой долгъ, не можетъ быть обязательнымъ для тебя; то, съ чѣмъ должна мириться я, съ тѣмъ ты не долженъ мириться. Надъ этимъ домомъ тяготитъ грѣхъ, и несчастіе носится надъ нимъ, но ты посторонній человѣкъ; забирай свое добро и уходи отсюда, уходи въ иныя, лучшія мѣста, къ другимъ, лучшимъ людямъ; но если бы тебѣ когда нибудь вздумалось вернуться сюда, хотя бы черезъ двадцать

лѣтъ, ты все равно найдешь меня той же; я всегда буду ждать тебя.

— Мэри-Элленъ! —воскликнулъ я.—Я просилъ тебя быть моей женой—и ты почти сказала мнѣ да—такъ оно и будетъ! И гдѣ ты будешь, тамъ буду и я; а за все остальное я отвѣчу Богу.

Когда я это сказалъ, сильный шквалъ съ бѣшенствомъ пронесся въ воздухѣ и какъ будто замеръ, и притаившись дрожалъ вокругъ дома у Ароса. Это былъ первый шквалъ, предвѣстникъ надвигавшагося шторма. Мы вскочили и осмотрѣлись; кругомъ все потемнѣло, точно на землю спустились сумерки ночи.

— Сжалься, Господи, надъ всѣми несчастными, кто теперь въ морѣ!—сказала Мэри.—Мы теперь не увидимъ отца до завтрашняго утра,—добавила она со вздохомъ, и затѣмъ разсказала мнѣ о томъ, какъ произошла съ дядей эта перемѣна.

Мы присѣли съ ней къ камину, и, сидя противъ огня и невольно прислушиваясь къ вою вѣтра и завываніямъ бури, она стала разсказывать:

Всю прошлую зиму онъ былъ мраченъ, раздражителенъ и всякій разъ когда Рустъ бушевалъ, или какъ выражалась Мэри,— «Веселые Ребята» принимались плясать свою адскую пляску, онъ цѣлыми часами лежалъ на мысѣ или на вышкѣ дома, если это было ночью,—или же на вершинѣ Ароса, если дѣло было днемъ, и слѣдилъ за прибоемъ волнъ и пожиралъ глазами горизонтъ, высматривая не покажется-ли гдѣ-нибудь парусъ. Послѣ десятаго февраля, когда судно, обогатившее ихъ всякимъ добромъ, было выброшено на берегъ въ Сэндэгской бухтѣ, онъ былъ первое время необычайно веселъ и возбужденъ; и возбужденіе его съ тѣхъ поръ отнюдь не падало, а только видоизмѣнялось, становясь все болѣе и болѣе мрачнымъ. Онъ самъ ничего не дѣлалъ и постоянно отрывалъ Мэри отъ работы. Они вмѣстѣ съ Рори забирались на крышу дома, гдѣ вышка, и тамъ бесѣдовали цѣлыми часами, въ полголоса, почти шопотомъ, и такъ таинственно, что ихъ можно было бы заподозрить даже въ чемъ-нибудь преступномъ. И когда она спрашивала того или другого, что она въ началѣ иногда дѣлала, то оба они какъ-то конфузились и старались отдѣлаться отъ ея разспросовъ, съ видимымъ замѣшательствомъ. Съ того времени какъ Рори впервые замѣтилъ рыбу, слѣдовавшую неизмѣнно за лодкой,

хозяинъ его, т. е. дядя, только одинъ единственный разъ былъ на мысѣ Россъ, и это было въ разгарѣ весны; онъ перешелъ проливъ въ бродъ во время отлива, но замѣшкавшись дольше, чѣмъ онъ разсчитывалъ на той сторонѣ, онъ оказался отрѣзаннымъ отъ Ароса, такъ какъ съ приливомъ вода въ проливѣ поднялась. Съ дикимъ крикомъ ужаса перескочилъ онъ черезъ проливъ и добѣжалъ до дома, трясясь отъ страха какъ въ лихорадкѣ. Съ того времени какой-то непреодолимый ужасъ передъ моремъ неотступно преслѣдуетъ его, неотвязчивая мысль о морѣ, объ ужасахъ моря не покидаетъ его ни на минуту, и даже когда онъ молчитъ этотъ страхъ читается у него въ глазахъ.

Къ ужину пришелъ только одинъ Рори, но немного позднѣе явился и дядя. Онъ взялъ подъ-мышку бутылку коньяку, и краюшку хлѣба въ карманъ, и снова побѣжалъ на свой обсервацiонный пунктъ, на этотъ разъ въ сопровожденiи Рори. Изъ ихъ разговора я узналъ, что шкуна постепенно подается впередъ, — но что экипажъ все еще продолжаетъ бороться противъ безпощадной стихiи, оспаривая у нее каждый дюймъ разстоянiя съ безнадежнымъ упорствомъ и геройскимъ мужествомъ. И это привело меня въ еще большее унынiе. Самыя черныя мысли преслѣдовали меня.

Вскорѣ послѣ заката, буря разразилась во всей своей бѣшеной силѣ; такой страшной бури я еще не видывалъ лѣтомъ, а судя потому съ какой быстротой она надвигалась, даже и зимой я ничего подобнаго не видалъ. Мэри и я мы сидѣли молча, прислушиваясь, какъ скрипѣлъ и трещалъ надъ нами домъ, какъ кругомъ завывала буря, а капли дождя, попадая черезъ трубу камина на огонь въ очагѣ, зловѣще шипѣли на горячихъ угляхъ. Мысли наши были далеко, съ тѣми несчастными, тамъ на морѣ, или съ моимъ не менѣе несчастнымъ дядей, мокнувшимъ и дрогнувшимъ безъ крова, на узкомъ выступѣ скалы. Но каждый новый порывъ бури, каждый новый налетѣвшiй шквалъ, пробуждалъ насъ къ дѣйствительности, заставлялъ вздрагивать и прислушиваться какъ стонали, словно живой человѣкъ, стропила дома, какъ вѣтеръ съ воемъ врывался въ трубу камина, высоко вздувалъ въ немъ пламя и вдругъ разомъ замиралъ. И сердца наши бились шибче и тревожнѣй. А вновь налетѣвшiй шквалъ то подхватывалъ со всѣхъ четырехъ угловъ крышу и, казалось, былъ готовъ сорвать ее, и ревѣлъ, какъ разъяренный левiафанъ,

то внезапно стихалъ, и жалобно завывая , какъ будто баюкая кого-то, врывался въ комнату и наполнялъ ее своимъ холоднымъ, влажнымъ дыханіемъ, вызывая въ насъ дрожь и заставляя волосы наши дыбомъ подыматься на головѣ, въ тотъ моментъ, когда проносился между мной и Мэри, сидѣвшими другъ подлѣ друга у очага.

И опять вѣтеръ принимался жалобно и уныло завывать въ трубѣ, и подъ окномъ и вокругъ дома, и протяжно вылъ и рыдалъ тихими жалобными звуками флейты, похожими на вопли и стоны людей.

Было вѣроятно около восьми часовъ вечера, когда Рори вошелъ въ кухню и съ порога таинственно поманилъ меня къ двери. Видно дядя на этотъ разъ напугалъ даже и своего неизмѣннаго товарища, и Рори, встревоженный его страннымъ поведеніемъ, позвалъ меня, и просилъ, чтобы я пошелъ вмѣстѣ съ нимъ сторожить дядю. Я поспѣшилъ исполнить его желаніе съ тѣмъ большей готовностью и охотой, что и самъ я, подъ давленіемъ безотчетнаго страха и чувства леденящаго ужаса, въ этой сильно наэлектризованной грозовой атмосферѣ, испытывалъ непреодолимую потребность дѣйствовать и двигаться. Мое безпокойное, смятенное душевное состояніе побуждало меня итти и предпринять что бы то ни было лишь бы только не сидѣть здѣсь въ томительномъ бездѣйствіи, прислушиваясь къ вою бури. Сказавъ Мэри, чтобы она ни о чемъ не тревожилась, такъ какъ я обѣщаю ей оберегать ея отца, я укутался потеплѣе плэдомъ, и послѣдовалъ за Рори.

Несмотря на то, что стояла середина лѣта, ночь была темная какъ въ январѣ мѣсяцѣ. Моменты густыхъ сумерекъ чередовались съ минутами полнѣйшаго мрака, и не было никакой возможности прослѣдить причину этихъ быстрыхъ перемѣнъ по несущимся по небу облакамъ. Вѣтеръ занималъ духъ; въ глазахъ рябило; все небо и вся атмосфера кругомъ содрагались отъ страшныхъ ударовъ грома; казалось будто гигантскій черный парусъ развернулся и бился у васъ надъ головой, а когда вѣтеръ надъ Аросомъ на мгновеніе стихалъ, было слышно, какъ онъ жалобно и зловѣще завывалъ въ отдаленіи. И надъ всѣми долинами и равнинами Росса вѣтеръ гулялъ также свободно, какъ и въ открытомъ морѣ. Одному только Богу извѣстно, что за ужасы творились тамъ, вокругъ вершины мрачнаго великана

Бэнъ-Кьоу. Клочья морской пѣны и брызги дождя били намъ въ лицо. Кругомъ всего Ароса, прибой съ непрерывнымъ ревомъ и стономъ неистово бился о прибрежныя скалы, опережая свирѣпые буруны, стремительно налетавшіе на подводные рифы и съ громомъ разсыпавшіеся вокругъ нихъ, или перекатывавшіеся и перескакивавшіе черезъ нихъ. И шумъ волнъ слышался то громче въ одномъ мѣстѣ, то тише въ другомъ, точно то былъ оркестръ, дружно сыгравшійся и идущій въ унисонъ, а надъ всѣмъ этимъ моремъ звуковъ, то грозныхъ, то жалобныхъ, покрывая ихъ всѣ своимъ могучимъ хоромъ, слышались измѣнчивые голоса Руста и перемежающійся шумъ и ревъ «Веселыхъ Ребятъ». Въ этотъ моментъ мнѣ вдругъ стало понятно почему эти буруны получили свое странное названіе «Веселыхъ Ребятъ». Ихъ шумъ казался почти радостнымъ, когда онъ покрывалъ и ревъ бури, и стоны прибоя, и вой и гуденіе волнъ, и завываніе вѣтра, въ эту страшную ночь. Да, только они одни, можно сказать, весело шумѣли, шумѣли громче всего, и какъ бы ни на что не взирая, забавлялись своей неистовой пляской; въ ихъ голосахъ слышалось даже что-то человѣческое. Какъ опившіеся до потери разсудка дикари неистовствуютъ и орутъ, утративъ способность издавать членораздѣльные звуки, горланятъ всѣ вмѣстѣ, въ безумномъ опьяненіи, такъ именно звучалъ въ эту ночь въ моихъ ушахъ, своеобразный, грозный и вмѣстѣ съ тѣмъ разгульный и веселый ревъ «Веселыхъ Ребятъ»—этихъ страшныхъ буруновъ, бушующихъ у Ароса, словно потѣшаясь своимъ дикимъ неистовствомъ.

Взявшись подъ руки, и спотыкаясь на каждомъ шагу, подъ напоромъ валившаго насъ съ ногъ вѣтра, Рори и я съ невѣроятнымъ трудомъ, шагъ за шагомъ, подвигались впередъ. Мы спотыкались въ мокрой травѣ, падали на облитыхъ дождемъ и брызгами скалахъ и камняхъ, на которыхъ скользили и разъѣзжались ноги; разбитые, измученные, промокшіе и задыхающіеся, мы добрались не раньше какъ черезъ добрыхъ полъ-часа, отъ дома, лежащаго внизу, до оконечности мыса, возвышающейся надъ Рустомъ. Это былъ излюбленный обсерваціонный пунктъ дяди. Какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ утесы всего выше и гдѣ они почти отвѣсно спускаются въ море, большая земляная глыба на самомъ краю утеса образовала родъ парапета, могущаго служить защитой отъ вѣтра. Здѣсь можно было спокойно

сидѣть и наблюдать приливъ и борющіеся съ нимъ зеленые валы прибоя; какъ изъ окна комнаты въ домѣ, можно смотрѣть на уличную драку или буйство, такъ точно можно было смотрѣть отсюда на бушующихъ внизу «Веселыхъ Ребятъ». Въ такую ночь, конечно, приходилось смотрѣть въ черный мракъ, среди котораго бурлили, кипѣли и кружились, какъ на мельничномъ колесѣ, косматыя волны, гдѣ онѣ сшибались съ силою взрыва, а пѣна и брызги взлетали на невѣроятную высоту и затѣмъ во мгновеніе ока разлетались мелкой водяной пылью. Никогда еще я не видѣлъ «Веселыхъ Ребятъ» такими неистово бурными, такими бѣшено свирѣпыми; эту дикую разпузданность, эту необычайную вышину всплесковъ, и эту силу и быстроту ихъ налета, надо было видѣть,—потому что они не поддавались никакому описанію. Высоко, высоко у насъ надъ головами, когда мы стояли на вершинѣ утеса, вздымались и выростали во тьмѣ бѣлые столбы пѣны, и въ тотъ же моментъ исчезали какъ призраки. Иногда два-три такихъ столба выростали и пропадали въ одно мгновеніе, а иногда ихъ подхватывалъ порывъ вѣтра и тогда насъ обдавало брызгами и пѣной, словно на насъ налетѣла волна. И все же зрѣлище это не столько подавляло своей силой и величіемъ, сколько ошеломляло своимъ шумомъ и движеніемъ;—мысль цѣпенѣла отъ этого одуряющаго страшнаго шума, непрерывно возрастающаго и падающаго; какая-то почти веселящая пустота воцарялась въ мозгу; наступало состояніе, близкое къ острому умопомѣшательству. Минутами я ловилъ себя на томъ, что слѣдя за бѣшеной пляской «Веселыхъ Ребятъ» я подпѣвалъ имъ, вторя ихъ голосамъ.

Мы еще были въ нѣсколькихъ саженяхъ разстоянія отъ дяди, когда я впервые увидѣлъ его въ одинъ изъ мимолетныхъ проблесковъ полусвѣта среди окружающей тьмы этой черной ночи. Онъ стоялъ за парапетомъ съ откинутой назадъ головой и тянулъ изъ бутылки, которую онъ держалъ обѣими руками. Когда онъ отнялъ бутылку отъ рта, онъ увидѣлъ и узналъ насъ, въ знакъ чего махнулъ намъ рукой.

— Развѣ онъ пьетъ?—крикнулъ я Рори.

— О, онъ всегда напивается, когда вѣтеръ реветъ,—отвѣчалъ Рори на такихъ же высокихъ нотахъ, потому что иначе ничего нельзя было бы здѣсь разслышать.

— Стало быть... и въ февралѣ... онъ тоже былъ пьянъ?— допрашивалъ я.

Рорино «да» несказанно обрадовало меня. Значитъ и убійство онъ совершилъ не хладнокровно, не съ заранѣе обдуманнымъ разсчетомъ; это, вѣроятно, было сдѣлано подъ аффектомъ пьянаго безумія, который могъ служить оправданіемъ даже на судѣ. Значитъ, дядя мой былъ просто опасный помѣшанный, если хотите, а не жестокій и низкій преступникъ, какъ я того опасался. Но что за странное мѣсто для попойки! Какой ужасный порокъ развился у дяди, да еще при какой невѣроятной обстановкѣ предавался онъ ему, бѣдняга! Я всегда считалъ пьянство дикимъ и почти страшнымъ наслажденіемъ, опасной и безобразной страстью, скорѣе демонической, чѣмъ человѣческой; но пьянство здѣсь, въ такую страшную минуту! Среди всего этого невѣроятнаго хаоса разбушевавшихся и обезумѣвшихъ стихій и волнъ стоять съ затуманенной головой, въ которой все стучитъ и стучитъ и клокочетъ какъ тамъ на Рустѣ, съ спотыкающимися ногами на краю бездны, на волосокъ отъ смерти, и ловить жаднымъ ухомъ звуки, возвѣщающіе гибель человѣческихъ жизней,—это казалось мнѣ совершенно невѣроятнымъ, положительно невозможнымъ для такого человѣка какъ дядя, суевѣрнаго, вѣрящаго въ проклятія и возмездіе, и постоянно преслѣдуемаго самыми мрачными опасеніями и суевѣрными страхами. А между тѣмъ это было такъ. И когда мы добрались, наконецъ, до вершины и очутились подъ защитой парапета и могли отдохнуть и перевести духъ, я увидѣлъ, что глаза его свѣтились недобрымъ блескомъ и какъ-то зловѣще сверкали въ темнотѣ.

— А что, Чарли, человѣче, вѣдь это великолѣпно, не такъ-ли? Посмотри ка на нихъ, какъ они пляшутъ!—крикнулъ онъ мнѣ и потащилъ меня къ самому краю обрыва, висѣвшаго надъ черной бездной, откуда доносился оглушительный шумъ и подымались до насъ цѣлыя облака бѣлой пѣны.—Гляди на нихъ, человѣче! Смотри, какъ они пляшутъ сегодня чертовски! А?

Слово, «чертовски» онъ произнесъ съ особымъ смакомъ и мнѣ показалось, что и самое слово и та манера, какой оно было произнесено одинаково соотвѣтствовали данному моменту и разыгрывающейся на нашихъ глазахъ сценѣ.

— Это они вотъ о той шкунѣ,—продолжалъ дядя—и его тоненькій визгливый голосокъ явственно слышался здѣсь въ

прикрытіи, за парапетомъ.—И видишь то судно; оно все ближе... все ближе подходитъ... да, все ближе и ближе!.. И они тамъ на суднѣ знаютъ... всѣ хорошо знаютъ, что ихъ пѣсенька спѣта... И знаешь, Чарли, мой славный парень, вѣдь они всѣ тамъ пьяны... всѣ пьяны, говорю я тебѣ!.. Всѣ мертвецки пьяны! И на «Кристъ-Аннѣ» они тоже всѣ были пьяны подъ конецъ, повѣрь мнѣ; никто не можетъ топуть въ морѣ не напившись! Безъ водки тутъ никакъ нельзя!.. Да ты не разѣвай рта, развѣ ты что-нибудь можешь знать объ этомъ!—вдругъ крикнулъ онъ въ припадкѣ безпричиннаго гнѣва.—Я тебѣ говорю, что быть этого не можетъ! Они не осмѣлятся безъ водки; смѣлости у нихъ не хватитъ утонуть безъ нее... На, вотъ, хлебни!—добавилъ онъ, протягивая мнѣ бутылку.

Я хотѣлъ, было, отказаться, но Рори украдкой дернулъ меня, какъ бы желая предостеречь меня, да и самъ я уже передумалъ на этотъ счетъ, и потому взявъ изъ рукъ дяди бутылку, не только хорошенько хлебнулъ изъ нее, но успѣлъ еще и выплеснуть значительную долю ея содержимаго. Это былъ голый спиртъ, отъ котораго у меня захватило дыханіе такъ, что я едва могъ проглотить его. Дядя не обратилъ вниманія на убыль въ бутылкѣ, но снова, закинувъ назадъ голову, сталъ тянуть изъ нее до тѣхъ поръ, пока не выпилъ все до послѣдней капли, а затѣмъ громко разсмѣявшись, онъ швырнулъ пустую бутылку «Веселымъ Ребятамъ», которые какъ будто нарочно шумно рванулись впередъ, чтобы поймать ее налету.

— Гей, чортовы ребята!—крикнулъ онъ.—Вотъ на вашу долю!.. Можетъ вы завтра добрѣе станете.

И вдругъ изъ чернаго мрака почти—не далѣе какъ въ двухстахъ шагахъ отъ насъ,—въ моментъ, когда вѣтеръ на минуту затихъ, мы явственно услышали человѣческій голосъ—рѣзкій и отчетливый. Но въ то же мгновеніе вѣтеръ съ дикимъ воемъ налетѣлъ на мысъ, и Рустъ заревѣлъ и забурлилъ оглушительно, и «Веселые Ребята» бѣшено заплясали съ какимъ-то дикимъ озлобленіемъ. Но все же мы слышали звукъ этого голоса, и онъ продолжалъ звучать у насъ въ ушахъ, и мы знали, что обреченное на гибель судно переживаетъ свою предсмертную агонію, что оно гибнетъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ, и что мы слышали голосъ его командира, отдававшаго послѣднія приказанія. Сбившись въ кучу у самаго края утеса, мы съ напряже-

ніемъ ловили каждый звукъ, и всѣ чувства и ощущенія наши сводились къ одному безумно мучительному ожиданію неизбѣжной развязки... Но намъ пришлось долго ждать, и эти безконечныя минуты казались намъ годами. И вотъ на одно краткое мгновеніе мы увидѣли шкуну на фонѣ громаднаго столба сверкающей бѣлой пѣны. Я какъ сейчасъ вижу ее съ убранными парусами, съ болтающимся, сорваннымъ гротомъ, въ тотъ моментъ, когда мачта тяжело рухнула на палубу; я какъ сейчасъ вижу черный силуэтъ злосчастнаго судна и мнѣ кажется, что я различаю на немъ темную фигуру человѣка, склонившагося надъ рулемъ. Но все это минутное видѣніе исчезло съ быстротой молніи. Тотъ же валъ, что такъ высоко поднялъ его на свой гребень,—онъ же и поглотилъ злополучное судно и похоронилъ его навѣки въ бездонной пучинѣ морской. Душу раздирающій предсмертный крикъ, слившихся въ одинъ вопль десятковъ человѣческихъ голосовъ, огласилъ воздухъ, но былъ тотчасъ же заглушенъ трескомъ и шумомъ, и ревомъ «Веселыхъ Ребятъ». Такъ разыгрался въ одно мгновеніе послѣдній актъ этой тяжелой трагедіи; мощное судно со всѣмъ его достояніемъ и быть можетъ даже съ лампой, горѣвшей еще въ каютѣ въ послѣдній моментъ, со всѣми этими человѣческими жизнями, столь драгоцѣнными для ихъ близкихъ и родныхъ и ужъ во всякомъ случаѣ, цѣнными для нихъ самихъ, все это въ одно мгновеніе пошло ко дну, среди водоворота бушующихъ волнъ. Всѣ они канули въ вѣчность точно сонъ. А вѣтеръ все еще продолжалъ свирѣпствовать и шумѣть, и холодныя бездушныя волны продолжали нагонять другъ друга, сшибаться, перескакивать и раскатываться тамъ на Рустѣ, какъ будто ничего не случилось.

Долго ли мы тамъ пролежали всѣ трое, прижимаясь другъ къ другу, безмолвные и неподвижные—этого я не знаю, но думаю, что долго. Наконецъ, мы одинъ за другимъ почти механически сползли внизъ подъ защиту земляного парапета. И въ то время, какъ я лежалъ тамъ совершенно разбитый и не вполнѣ сознавая, что со мной, съ вяло бьющимся сердцемъ и мутящимися мыслями, я услышалъ, какъ дядя мой бормоталъ что-то въ полголоса, про себя, бормоталъ совершенно измѣнившимся печальнымъ голосомъ:

— Такъ бороться, какъ имъ пришлось, бѣднягамъ... такъ

бороться... такъ тяжело бороться... да... да... И вдругъ онъ начиналъ плакаться:—И все то добро пропало... все пропало!.. И никому не достанется, потому что судно затонуло среди «Веселыхъ Ребятъ», вмѣсто того, чтобы выброситься на берегъ... какъ «Christ-Anna».—И это имя все снова и снова возвращалось въ его бреду, и онъ каждый разъ произносилъ его съ ужасомъ и содроганіемъ.

А буря между тѣмъ быстро начинала стихать. Черезъ какихъ-нибудь полчаса вѣтеръ, неистовствовавшій и ревѣвшій, какъ бѣшеный звѣрь, спалъ до легкаго вѣтерка и вмѣстѣ съ тѣмъ пошелъ холодный, тяжелый, шлепающій дождь. Вѣроятно я тогда заснулъ, а когда я пришелъ въ себя, промокшій, прозябшій, почти окоченѣвшій, съ тяжелой головой и разбитыми членами, на небѣ уже зачался день, сѣрый, сырой, непріятный день. Вѣтеръ дулъ слабыми капризными порывами, приливъ окончился. Рустъ былъ сравнительно вялый, точно сонный, и только сильно ударявшій о берегъ прибой, на всемъ протяженіи побережья Ароса, свидѣтельствовалъ еще о свирѣпствовавшей всю ночь бурѣ.

V. Человѣкъ, вышедшій изъ моря.

Рори направился домой, чтобы обогрѣться и поѣсть; но дядя захотѣлъ непремѣнно обслѣдовать все побережье Ароса, и я счелъ своимъ долгомъ сопровождать его повсюду. Теперь онъ былъ кротокъ и спокоенъ, но, видимо, сильно ослабѣлъ; ноги у него дрожали, чувствовался полный упадокъ силъ и физическихъ и умственныхъ. Съ настойчивостью ребенка онъ продолжалъ свое обслѣдованіе, спускался до самаго подножья скалъ, бѣжалъ за отступающимъ прибоемъ. Малѣйшая разбитая доска или обрывокъ снасти казались ему сокровищами, ради которыхъ стоило подвергать опасности свою жизнь. Видѣть, какъ онъ едва держась на своихъ слабыхъ, дрожащихъ ногахъ, ежеминутно подвергался опасности быть унесеннымъ прибоемъ или попасть въ предательскую волчью яму, поросшую бурьяномъ среди скалъ, приводило меня положительно въ ужасъ. Моя рука постоянно было готова ухватить его, поддержать и удержать за куртку, когда онъ падалъ или спотыкался; мало того, я помо-

галъ ему вытаскивать изъ воды всякія ни на что ненужныя и ни къ чему не пригодныя щепки, рискуя ежеминутно быть подхваченнымъ волной. Нянька, сопровождающая семилѣтняго ребенка, не могла бы сдѣлать больше.

Но какъ онъ ни былъ ослабленъ реакціей, наступившей послѣ возбужденія и безумія вчерашней ночи, душевныя ощущенія и переживанія его оставались переживаніями сильнаго по своей натурѣ человѣка. Его страхъ передъ моремъ, хотя и побѣжденный въ данное время неудержимымъ желаніемъ жалкой наживы отъ утонувшаго судна, не утратилъ своей прежней остроты, и если бы море представляло собою огненное озеро, дышащее языками пламени, онъ едва ли бы отшатывался отъ него въ большемъ паническомъ страхѣ, чѣмъ отъ прикосновенія воды. Однажды, когда онъ, поскользнувшись, попалъ ногой въ образовавшуюся отъ прибоя лужу, онъ вскрикнулъ такъ, какъ только можетъ вскрикнуть человѣкъ въ предсмертной агоніи. Послѣ того онъ долгое время стоялъ неподвижно, тяжело дыша, какъ загонявшаяся охотничья собака. Но жажда поживиться чѣмъ-нибудь отъ кораблекрушенія была въ немъ до того сильна, что восторжествовала даже надъ этимъ его страхомъ. И онъ снова, спотыкаясь и шатаясь отъ слабости, лѣзъ къ оставшимся на пескѣ клубамъ пѣны, ползъ вдоль побережныхъ утесовъ, о которые разбивались лѣнивые слабые валы, и съ невѣроятной жадностью ловилъ плывшую доску, щепку или бревно, которое едва ли даже годилось на то, чтобы бросить его въ огонь. Но какъ ни радовался онъ всѣмъ этимъ пріобрѣтеніямъ, онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ все время роптать на свою неудачу, жаловаться, что ему нѣтъ счастья.

— Аросъ,—сказалъ онъ,—вовсе не мѣсто для кораблекрушеній. За всѣ годы, что я здѣсь живу, это всего только второе; да и то все лучшее добро пошло ко дну...

— Дядя,—обратился я къ нему въ тотъ моментъ, когда мы находились на голой полосѣ желтаго берегового песка, гдѣ положительно нечего было искать, потому что все было видно, какъ на ладони, на большомъ разстояніи, а слѣдовательно ничто не отвлекало его вниманія,—дядя, я видѣлъ васъ вчера въ такомъ состояніи, въ какомъ я никогда не думалъ васъ увидѣть. Вы были пьяны.

— Ну, ну,—возразилъ онъ довольно добродушно,—ужъ и

пьянъ!.. Нѣтъ, пьянъ я не былъ, но я пилъ, да! И если сказать тебѣ, человѣче, божескую правду, я тутъ ничего подѣлать не могу. Нѣтъ человѣка трезвеннѣе меня, когда я въ добромъ порядкѣ; но когда я услышу, какъ завываетъ вѣтеръ, то я убѣжденъ, что я долженъ пить... Понимаешь ты это? Долженъ! Не могу иначе!

— Вы человѣкъ религіозный, дядя, — замѣтилъ я,—а вѣдь это грѣхъ.

— Еще бы!—отозвался онъ.—Да вѣдь если бы это не было грѣхомъ, развѣ я сталъ бы пить? Что мнѣ за охота? Видишь ли ты, человѣче, вѣдь это я на зло дѣлаю, это, такъ сказать, вызовъ ему съ моей стороны; вотъ это что! Много, много грѣха тяготѣетъ надъ моремъ, стараго, міровово грѣха... Нехристіанское это дѣло, пьянство, но это вызовъ ему, я знаю, и какъ только море забушуетъ, и ударитъ вѣтеръ—и вѣтеръ и море вѣдь они другъ другу сродни, я полагаю, потому что они всегда дѣйствуютъ заодно, — и «Веселые Ребята», эти воплощенные черти, захохочутъ, заревутъ, запляшутъ, а тамъ бѣдняги борются всю долгую ночь, и ихъ несчастное судно кидаетъ изъ стороны въ сторону и бьетъ волнами, тогда на меня находитъ... словно колдовство какое, и я чувствую, что весь перерождаюсь, и знаю, что я дьяволъ, воплощенный дьяволъ! И тогда я не думаю о тѣхъ бѣднягахъ, что въ смертельномъ страхѣ и ужасѣ борются за свою жизнь, мнѣ не жаль ихъ, я весь на сторонѣ моря, я заодно съ нимъ, съ этими коварными, бездушными, безжалостными валами, — я словно одинъ изъ тѣхъ «Веселыхъ Ребятъ».

Я полагалъ, что мнѣ удастся тронуть его сердце, задѣвъ его за его больное мѣсто. Я повернулся лицомъ къ морю, гдѣ прибой весело бѣжалъ къ берегу, гдѣ увѣнчанныя бѣлыми пѣнистыми гривами, развѣвающимися у нихъ на хребтахъ, веселыя рѣзвыя волны догоняли одна другую и рядами выбѣгали на берегъ, на пологій песчаный берегъ, гдѣ онѣ наскакивали другъ на друга, перепрыгивали одна черезъ другую, изгибались дугой и раскатывались мелкими струйками по твердому, мокрому песку пологой песчаной отмели. Если бы не солепый морской воздухъ и не мечущіяся съ крикомъ, вспугнутыя чайки, эти бѣлогривыя волны прибоя казались бы широко развернувшейся арміей морскихъ конныхъ ратниковъ на бѣлогривыхъ коняхъ,

сдержаннымъ ржаніемъ привѣтствующихъ другъ друга,—которая выѣзжаетъ дружными рядами на берегъ, чтобы взять приступомъ Аросъ. Передъ нами же, у самыхъ нашихъ ногъ, лежала совершенно ровная плоская полоса песку, которой волны прибоя, несмотря на ихъ численность, силу и мощь, никогда не могли перейти.

— Положенъ предѣлъ, его же не прейдешь,—сказалъ я, цитируя слова священнаго писанія и указывая дядѣ на плоскую песчаную отмель у нашихъ ногъ. И при этомъ я съ особенной торжественностью продекламировалъ стихи, которые я не разъ примѣнялъ къ музыкѣ нашихъ буруновъ:

Но Богъ, что тамъ на небесахъ,
Великъ и силенъ и могучъ. Предъ Нимъ ничто
И моря бѣшеныя волны
И шумъ вѣтровъ и грозный вой прибоя...

— Ахъ, да,—отозвался на это дядя,—да, въ концѣ концовъ, Господь, конечно, надо всѣмъ восторжествуетъ! Въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. Но здѣсь-то, на землѣ, глупые грѣшные люди осмѣливаются бросать Ему вызовъ въ лицо. Это неразумно. И я не говорю, что это разумно или хорошо, нѣтъ, но это даетъ человѣку право гордиться собой. Это наслажденіе жизни, это верхъ удовлетворенія!

Я ничего на это не возразилъ. Мы теперь пересѣкали узенькій перешеекъ, отдѣлявшій насъ отъ Сэндэгской бухты, и я рѣшилъ воздержаться отъ дальнѣйшаго увѣщеванія этого заблудшаго человѣка до того момента, когда мы съ нимъ будемъ стоять на томъ мѣстѣ, которое неразрывно должно быть связано въ его воображеніи съ воспоминаніемъ о совершенномъ имъ преступленіи. И онъ также не сталъ далѣе развивать эту тему, но шелъ теперь рядомъ со мной твердымъ, увѣреннымъ шагомъ. Несомнѣнно было, что мое обращеніе къ нему не пропало даромъ; оно подѣйствовало на него, какъ возбуждающее средство; онъ, повидимому, забылъ про свое увлеченіе поисками негодныхъ обломковъ и впалъ въ глубокое и мрачное раздумье, носившее волнующій и возбужденный характеръ; казалось, онъ чѣмъ-то былъ сильно потрясенъ и взволнованъ. Минуты три, четыре спустя мы были уже на вершинѣ пригорка и начали спускаться къ Сэндэгской бухтѣ. Буря значительно повредила разбившееся здѣсь судно; форъ-штевенъ перевернуло и оттащило

нѣсколько ниже къ водѣ; а корму какъ будто выдвинуло немного повыше, такъ что теперь обѣ половины лежали совершенно отдѣльно на пескѣ. Когда мы подошли къ могильному холму, я остановился, обнажилъ голову, несмотря на сильный дождь, и тогда прямо въ лицо моему родственнику произнесъ:

— Волею Божіею одному человѣку дано было спастись отъ смертельной опасности и общей гибели. Онъ былъ нищъ, онъ былъ нагъ, онъ былъ голоденъ, онъ озябъ и усталъ, потому что былъ измученъ и горемъ, и страхомъ, и ужасомъ, и борьбой за свою жизнь, и онъ былъ чужестранецъ въ этой пустынной и непривѣтной мѣстности. Онъ имѣлъ всѣ права на твою жалость и твое гостепріимство; быть можетъ, онъ былъ солью земли, человѣкъ добродѣтельный, добрый, разумный, полный лучшихъ и благородныхъ надеждъ, а можетъ быть онъ былъ обремененъ грѣхами и проступками, для котораго смерть являлась началомъ вѣчныхъ мученій. И я спрашиваю тебя предъ лицомъ неба, Гордонъ Дарнэуей, гдѣ этотъ человѣкъ, за котораго Самъ Христосъ положилъ свою жизнь?

При послѣднихъ словахъ моихъ онъ замѣтно вздрогнулъ, но никакого отвѣта не послѣдовало, и лицо его не выразило никакого чувства, кромѣ смутной тревоги.

— Вы были братомъ моего отца,—продолжалъ я,—и вы научили меня смотрѣть на васъ, какъ на родного, и на вашъ домъ, какъ на мой родной домъ. Оба мы съ вами люди грѣшные, рожденные и ходящіе во грѣхѣ передъ лицомъ Всевышняго. Но милосердый Богъ путемъ грѣха и зла ведетъ насъ къ добру и спасенію; мы грѣшимъ, я не скажу, что по Его Святой волѣ, но съ Его соизволенія. Онъ попускаетъ насъ совершать грѣхъ, потому что для каждаго, не озвѣрѣвшаго еще человѣка, грѣхъ есть начало исправленія, начало покаянія, ведущаго ко спасенію. Богъ пожелалъ предостеречь васъ этимъ страшнымъ грѣхомъ. И теперь еще Онъ хочетъ вразумить васъ и этой могилой, лежащей у вашихъ ногъ, этой кровавой могилой. Но если и послѣ всего этого не послѣдуетъ ни раскаянія, ни исправленія, ни возвращенія къ Богу, то, что можемъ мы ожидать въ будущемъ, если не страшнаго и примѣрнаго Суда Божія!..

И пока я еще говорилъ, я замѣтилъ, что взглядъ его уклонялся куда-то въ сторону, и странная, неописуемая перемѣна произошла въ его лицѣ; всѣ черты его какъ будто съежились.

всякая краска сбѣжала съ его лица, рука нерѣшительнымъ дрожащимъ жестомъ поднялась, указуя куда-то въ пространство черезъ мое плечо, тогда какъ съ устъ его чуть слышно сорвались такъ часто повторяемыя имъ слова: «Christ-Anna»!

Я обернулся въ указанномъ направленіи и хотя я не былъ потрясенъ въ той мѣрѣ, какъ дядя, такъ какъ, благодареніе Богу, я не имѣлъ къ тому основанія, тѣмъ не менѣе и я былъ глубоко пораженъ тѣмъ, что представилось моимъ глазамъ.

Человѣческая фигура ясно вырисовывалась на трапѣ, ведущемъ въ каюту разбившагося судна; онъ стоялъ къ намъ спиной и, повидимому, всматривался вдаль открытаго моря, прикрывая глаза рукой; вся его фигура во весь, повидимому, богатырскій ростъ отчетливо выдѣлялась на фонѣ неба и моря. Я уже много разъ говорилъ, что я вовсе не суевѣренъ, но въ этотъ моментъ, когда мысли мои были заняты думами о смерти, грѣхѣ и преступленіи, такое неожиданное появленіе человѣка на этомъ островѣ вызвало во мнѣ недоумѣніе и удивленіе, близкое къ ужасу. Казалось почти невѣроятнымъ и невозможнымъ, чтобы хоть одна живая душа могла спастись вчера въ эту страшную бурю, чтобы хоть одинъ человѣкъ могъ добраться живымъ до берега, при томъ состояніи моря, въ какомъ оно было въ эту ночь у береговъ Ароса. И единственное судно, бывшее въ виду наканунѣ на моихъ глазахъ, пошло ко дну среди неистовствовавшихъ «Веселыхъ Ребятъ». Мною овладѣли сомнѣнія, нестерпимо мучительныя сомнѣнія, отъ которыхъ мутится умъ. Чтобы положить имъ конецъ, я выступилъ впередъ и окликнулъ человѣка на суднѣ. Онъ тотчасъ же повернулся къ намъ лицомъ, и мнѣ показалось, что и онъ былъ удивленъ, увидя насъ. При этомъ все мое присутствіе духа и самообладанія разомъ вернулись ко мнѣ, и я сталъ кричать ему и дѣлать знаки, приглашая его подойти ближе. Тогда онъ, не долго думая, спустился на песчаную отмель и сталъ медленно подвигаться впередъ, ближе къ намъ, много разъ останавливаясь, какъ бы въ нерѣшимости. Съ каждымъ новымъ проявленіемъ его тревоги или безпокойства, я чувствовалъ себя все болѣе успокоеннымъ и увѣреннымъ. Я сдѣлалъ шагъ впередъ, кивая ему головой и дѣлая знакъ рукой, чтобы онъ продолжалъ итти впередъ. Ясно было, что до этого человѣка дошли разсказы о негостепріимствѣ нашего острова, и потому мы внушали ему нѣкоторыя опасенія; и дѣй-

ствительно, въ это время население, живущее немного дальше къ сѣверу, пользовалось весьма печальной репутаціей.

— Ай!—невольно воскликнулъ я, когда неизвѣстный подошелъ нѣсколько ближе.—Вѣдь это чернокожій!

И въ этотъ самый моментъ дядя мой принялся клясться и божиться, проклинать и молиться вперемѣшку страшнымъ измѣнившимся, совершенно неузнаваемымъ голосомъ, подавленной скороговоркой, изливая цѣлый потокъ неясныхъ, странныхъ словъ.

Я взглянулъ на него. Онъ упалъ на колѣни, лицо его исказилось до неузнаваемости, на немъ отразился смертельный страхъ. Съ каждымъ новымъ шагомъ неизвѣстнаго голосъ его становился все крикливѣе и пронзительнѣе, рѣчь его лилась быстрѣе и съ большею страстностью. Я хотѣлъ бы назвать это словоизліяніе молитвой, потому что оно было обращено къ Богу, потому что имя Божіе призывалось въ немъ, но никогда еще столь ужасныя, безсвязныя, безумныя слва не были обращены къ Творцу Его созданіемъ, и если молитва можетъ быть грѣхомъ, то такая молитва была несомнѣнно грѣховна, болѣе того, она была кощунственна!

Я подбѣжалъ къ дядѣ, схватилъ его за плечо и заставилъ его подняться на ноги.

— Замолчи!—крикнулъ я.—Чти, человѣкъ, Господа своего, если не въ дѣлахъ твоихъ, то хоть въ словахъ твоихъ! Пойми, что здѣсь, на самомъ мѣстѣ, оскверненномъ твоимъ проступкомъ, Богъ посылаетъ тебѣ возможность искупить или хоть отчасти загладить твой грѣхъ! Прими же эту милость Божію съ благодарностью и умиленіемъ и прими въ свои объятія, какъ родное дитя, это несчастное созданіе, просящее у насъ милосердія и защиты.

И съ этими словами я старался заставить его пойти навстрѣчу чернокожему; но онъ сшибъ меня съ ногъ, осыпая меня бѣшеными ударами, вырвался отъ меня, оставивъ въ моихъ рукахъ клокъ своей куртки, и понесся вверхъ, въ гору, по направленію къ вершинѣ Ароса, какъ олень, преслѣдуемый гончими. Я поднялся на ноги, ошеломленный и ушибленный; негръ между тѣмъ остановился въ недоумѣніи, быть можетъ, въ ужасѣ, приблизительно на полъ-пути между разбитымъ судномъ и мной. Дядя былъ уже далеко; онъ перескакивалъ съ камня на камень,

со скалы на скалу, такъ что я оказался на распутіи между двумя призывавшими меня обязанностями. Обсудивъ, я рѣшилъ и теперь благодарю Бога, что рѣшилъ по справедливости,—я рѣшилъ въ пользу несчастнаго, пострадавшаго при кораблекрушеніи негра; его несчастіе произошло по крайней мѣрѣ не по его винѣ; кромѣ того, это былъ человѣкъ, который, безъ сомнѣнія, могъ ожить, а я къ этому времени начиналъ уже убѣждаться, что дядя мой былъ неизлечимый и жалкій помѣшанный. Согласно своему рѣшенію, я пошелъ навстрѣчу негру, который теперь стоялъ и, повидимому, ждалъ, чтобы я подошелъ къ нему. Онъ сложилъ руки на груди и стоялъ неподвижно, словно онъ былъ одинаково готовъ ко всему, что бы ни судила ему судьба.

Когда я приблизился къ нему, онъ протянулъ впередъ руку ораторскимъ жестомъ и заговорилъ нѣсколько приподнятымъ и торжественнымъ ораторскимъ тономъ на языкѣ, изъ котораго я не понялъ ни слова. Я сначала попробовалъ заговорить съ нимъ по-англійски, затѣмъ по-гэльски, но тщетно, такъ что обоимъ намъ стало ясно, что надо переходить на взгляды и жесты. Я сдѣлалъ ему знакъ слѣдовать за мной, что онъ и исполнилъ съ полной готовностью, но въ то же время и величавымъ, спокойнымъ достоинствомъ низвергнутаго короля. Во все это время въ его чертахъ не произошло ни тѣни замѣтной перемѣны; его лицо не выражало ни страха, ни опасеній въ то время, когда онъ стоялъ и ждалъ моего приближенія; точно также не отразилось на немъ ни чувства радости, ни облегченія, когда онъ, наконецъ, убѣдился въ моемъ дружелюбномъ отношеніи къ нему. Если онъ былъ рабъ, какъ я предполагалъ, то, во всякомъ случаѣ, я былъ убѣжденъ, что вижу передъ собой въ его лицѣ не простолюдина, а падшее величіе, что у себя на родинѣ онъ несомнѣнно былъ человѣкомъ, занимавшимъ высокое положеніе. И теперь, видя его въ его паденіи, я не могъ надивиться тому такту и чувству достоинства, съ какимъ этотъ человѣкъ умѣлъ держать себя, даже и въ столь необычайныхъ условіяхъ. Проходя мимо могильнаго холмика, я остановился и, воздѣвъ руки и глаза къ небу, набожно склонилъ голову въ знакъ моего уваженія къ усопшему и моей скорби о немъ. Какъ бы слѣдуя моему примѣру, неизвѣстный низко склонился всѣмъ корпусомъ и широкимъ, плавнымъ движеніемъ раскинулъ руки въ стороны. Этотъ жестъ показался мнѣ страннымъ, но у него онъ вышелъ, какъ обычное, общепри-

пятое въ такихъ случаяхъ движенiе, и я подумалъ, что, вѣроятно, таковъ обычай въ его странѣ.

Затѣмъ онъ указалъ мнѣ на дядю, который, взобравшись на верхушку пригорка, на значительномъ разстоянiи отъ насъ, скорчившись, присѣлъ тамъ, вѣроятно, чтобы отдохнуть, и боязливо озирался назадъ; отсюда намъ прекрасно было видно его, и, указавъ на него, неизвѣстный слегка коснулся своего лба, какъ бы желая этимъ сказать, что ему кажется, что этотъ человѣкъ не въ здравомъ умѣ. Я утвердительно кивнулъ головой, и мы пошли дальше. Мы шли дальнимъ путемъ, въ обходъ, все берегомъ; я побоялся итти напрямикъ, опасаясь встревожить дядю еще больше. Идя окружнымъ путемъ, у меня было достаточно времени воспроизвести передъ моимъ спутникомъ небольшую мимическую сцену, съ помощью которой я разсчитывалъ выяснить нѣкоторыя интересовавшiя меня обстоятельства. Остановившись на краю скалы, я старательно продѣлалъ все, что дѣлали вчера на берегу Сэндэгской бухты вооружившiеся компасомъ незнакомцы. Мой собесѣдникъ сразу уловилъ мое намѣренiе и тутъ же самъ продолжалъ дальше мимировать эту самую сцену. Прежде всего онъ указалъ мнѣ мѣсто, гдѣ находилась шлюпка и тотъ пунктъ, на которомъ въ тотъ моментъ стояла шкуна, а затѣмъ длиннымъ выразительнымъ жестомъ обвелъ всю линiю берега и при этомъ произнесъ слова «Espiritu-Santo», выговоривъ ихъ весьма своеобразно, но все же такъ, что ихъ можно было понять. Изъ этого я заключилъ, что былъ правъ въ своемъ предположенiи, и что все это историческое изслѣдованiе было ничто иное, какъ благовидный предлогъ, подъ которымъ скрывалась самая низменная жажда наживы въ поискахъ затонувшихъ сокровищъ, и что человѣкъ, одурачившiй д-ра Робертсона, былъ тотъ самый господинъ въ золотыхъ перстняхъ, прiѣзжавшiй сюда весной для ознакомленiя съ Гризаполемъ и его окрестностями и вернувшiйся теперь снова сюда для того, чтобы вмѣстѣ съ еще многими несчастными уснуть мертвымъ сномъ между подводными рифами Руста, у Ароса. Сюда ихъ привела ихъ алчность до наживы, сюда, гдѣ ихъ кости должны будутъ стать вѣковѣчнымъ игралищемъ подводныхъ теченiй и бѣснующихся буруновъ.

Между тѣмъ чернокожiй продолжалъ мимировать знакомую мнѣ сцену; онъ дѣлалъ это великолѣпно: то онъ указывалъ на

небо, словно видя на немъ приближеніе бури, то обычнымъ у моряковъ движеніемъ руки какъ будто сзывалъ всѣхъ на бортъ; то имитируя вчерашнихъ незнакомцевъ, бѣжалъ по краю утеса и спѣшилъ сѣсть въ лодку; потомъ изображалъ, какъ тяжело приходится гребцамъ работать веслами, когда гребешь противъ теченія. И все это онъ передавалъ такъ серьезно, такъ дѣловито, что у меня ни на секунду не явилось желаніе хотя бы только улыбнуться. Наконецъ, онъ далъ мнѣ понять съ помощью все той же выразительной пантомимы, которую невозможно передать въ словахъ, что самъ онъ отправился осмотрѣть разбившееся судно и, къ великому своему негодованію и огорченію, былъ покинутъ тамъ своими товарищами, спѣшившими скорѣе добраться до шкуны и предоставившими его его судьбѣ. Въ заключеніе онъ гордо выпрямился, скрестивъ на груди руки, и опустилъ голову, очевидно, выражая этимъ свою готовность покориться той участи, которая ему суждена.

Выяснивъ такимъ образомъ то, что я желалъ знать, я, въ свою очередь, изобразительно сообщилъ ему о судьбѣ постигшей шкуну и всѣхъ находившихся на ней. Эта вѣсть не вызвала въ немъ ни удивленія, ни особаго огорченія; онъ только показалъ выразительнымъ жестомъ руки, что предаетъ своихъ былыхъ господъ или товарищей, кто бы они ни были, на волю Божію. Чѣмъ больше я наблюдалъ этого человѣка, тѣмъ большимъ я къ нему проникался почтеніемъ и уваженіемъ. Несомнѣнно, онъ обладалъ большимъ умомъ и сильной волей и характера былъ строгаго и серьезнаго. Общество такого рода людей я предпочиталъ всякому другому, и прежде чѣмъ мы дошли до дома Ароса, я не только отъ всей души простилъ ему цвѣтъ его кожи, но даже совершенно забылъ о немъ.

Придя въ домъ, я разсказалъ Мэри все, какъ было, безъ малѣйшихъ утаекъ, хотя, признаюсь, сердце у меня усиленно билось во время этого признанія; но оказалось, что я напрасно усумнился даже и на одно мгновеніе въ ея чувствѣ справедливости.

— Конечно, ты поступилъ правильно,—сказала она.—Да будетъ воля Господня!—И она сейчасъ же поставила передъ нами большое блюдо съ мясомъ.

Какъ только я поѣлъ и поручилъ Рори позаботиться о пришельцѣ, я тотчасъ же отправился разыскивать дядю. Не ус-

пѣлъ я выйти изъ дома, какъ увидѣлъ его на томъ же самомъ мѣстѣ, на вершинѣ пригорка, гдѣ мы съ чернокожимъ въ последній разъ видѣли его. Онъ сидѣлъ все такъ же, скорчившись, словно притаясь, и какъ будто въ той же самой позѣ, въ какой мы оставили его. Съ этого пункта, гдѣ онъ находился, передъ нимъ разстилалась, какъ на разложенной картѣ, наибольшая часть Ароса и находящійся съ нимъ по сосѣдству Рустъ; несомнѣнно, что онъ зорко глядѣлъ во всѣ стороны и по всѣмъ направленіямъ, потому что едва только моя голова показалась надъ верхушкой первой части подъема, какъ онъ стремительно вскочилъ на ноги и обернулся, какъ бы желая меня встрѣтить лицомъ къ лицу. Я тотчасъ же окликнулъ его какъ только могъ громче, совершенно тѣмъ же тономъ и въ тѣхъ же словахъ, какъ я это дѣлалъ сотни разъ, когда, бывало, ходилъ звать его обѣдать или ужинать. Но онъ ни единымъ движеніемъ не подалъ вида, что слышитъ меня. Тогда я прошелъ еще немного дальше и опять сталъ звать его, но также безуспѣшно. Когда я снова пошелъ впередъ, имъ вдругъ овладѣлъ тотъ же безумный ужасъ, и, продолжая хранить мертвое молчаніе, онъ кинулся бѣжать отъ меня съ положительно невѣроятной быстротой вдоль скалистой вершины горы. Всего часъ тому назадъ я видѣлъ его изнемогающимъ, истощеннымъ, ослабѣвшимъ, тогда какъ я былъ еще сравнительно бодръ, но теперь его сила и выносливость поражали меня. Безуміе придавало ему силы, и я не могъ даже мечтать угнаться за нимъ. Мало того, я опасался, что самая попытка догнать его могла только внушить ему еще большій страхъ и, пожалуй, еще ухудшить наше и безъ того весьма печальное положеніе. Мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ вернуться домой и сообщить Мэри неутѣшительную вѣсть.

Она выслушала меня, какъ и въ первый разъ, со сдержаннымъ спокойствіемъ и, уговоривъ меня прилечь и отдохнуть, въ чемъ я, дѣйствительно, сильно нуждался послѣ ужасной, проведенной безъ сна ночи, сама отправилась разыскивать своего несчастнаго отца. Въ тѣ годы едва ли была на свѣтѣ такая вещь, которая могла бы лишить меня пищи и сна, и потому я заснулъ крѣпко и спалъ долго, и время было далеко за полдень, когда я, наконецъ, проснулся и спустился изъ своей комнаты внизъ, въ кухню, служившую въ одно и то же время и

общей столовой. Мэри, Рори и чернокожій сидѣли молча у очага. Я сразу замѣтилъ, что Мэри плакала. Вскорѣ я узналъ, что ей дѣйствительно было о чемъ плакать. Сначала ходила она, а затѣмъ Рори искать и звать ея отца; и оба они каждый разъ заставали его сидящимъ, скорчившись, на самой вершинѣ горы, и отъ обоихъ ихъ онъ бѣжалъ, какъ преслѣдуемый охотниками звѣрь, бѣжалъ молча, въ безумномъ страхѣ. Рори пытался догнать его, но напрасно. Безуміе придавало ему нечеловѣческія силы, онъ дѣлалъ положительно изумительные прыжки, перескакивалъ со скалы на скалу черезъ широкія трещины и ущелья, кружилъ, какъ дикарь, стараясь запутать свой слѣдъ, и дѣлалъ петли, какъ заяцъ, чувствующій гончихъ за собой. Наконецъ, Рори заморился и поплелся домой, и когда онъ оглянулся въ послѣдній разъ, то опять увидѣлъ дядю все на томъ же мѣстѣ, на вершинѣ Ароса, сидящимъ, скорчившись, какъ притаившійся загнанный звѣрь. Даже и въ самый разгаръ погони, даже и тогда, когда быстроногій и проворный Рори почти нагналъ его и чуть было не схватилъ его, несчастный не проронилъ ни слова, не издалъ ни звука. Онъ убѣгалъ молча, какъ звѣрь, и это молчаніе наводило ужасъ на гнавшагося за нимъ Рори.

Было что-то душу надрывающее во всей этой сценѣ; положеніе становилось поистинѣ трагическимъ. Какъ поймать сумасшедшаго человѣка, не подпускавшаго къ себѣ никого? Какъ хотя бы только накормить его? Вѣдь онъ со вчерашняго дня не видалъ никакой пищи! А затѣмъ, какъ съ нимъ быть, если его удастся какимъ-нибудь образомъ изловить? Таковы были три главныхъ затруднительныхъ вопроса, которые намъ приходилось разрѣшить.

— Чернокожій,—сказалъ я, — повидимому, главная причина, вызвавшая у него этотъ острый приступъ умопомѣшательства; можетъ быть, именно его присутствіе здѣсь, въ домѣ, удерживаетъ дядю тамъ на горѣ. Мы сдѣлали, что должны были сдѣлать, мы накормили и обогрѣли его подъ этимъ кровомъ, а теперь я предлагаю, чтобы Рори отвезъ его на лодкѣ на ту сторону залива и проводилъ его по Россу до самаго Гризаполя.

На это предложеніе Мэри не нашла ничего возразить, а потому, предложивъ негру слѣдовать за нами, мы всѣ трое, т. е. онъ, Рори и я, направились къ пристани. Очевидно, Господу

было такъ угодно, чтобы всѣ обстоятельства складывались противъ Гордона Дарнэуей; случилось нѣчто, не имѣвшее никогда ничего себѣ подобнаго здѣсь въ Аросѣ: во время вчерашней бури лодку оторвало прибоемъ, и ее било о пристань съ такою силой, что сдѣлало въ ней громадную пробоину, вслѣдствіе чего она теперь лежала на четырехъ футахъ глубины съ проломленнымъ бокомъ. Потребовалось бы, по крайней мѣрѣ, дня три работы, чтобы снова привести ее въ исправность. Но я рѣшилъ настоять на своемъ и потому повелъ всѣхъ къ тому мѣсту, гдѣ проливъ, отдѣляющій Аросъ отъ мыса, всего уже, смѣло переплылъ на ту сторону и сталъ звать чернокожаго, приглашая его послѣдовать моему примѣру. На это онъ мнѣ знаками далъ понять, что не умѣетъ плавать; и, повидимому, это была правда. Никому изъ насъ даже въ голову не пришло усумниться въ правдивости его заявленія. Когда и этотъ исходъ оказался несостоятельнымъ, намъ волей неволей пришлось вернуться обратно домой въ томъ же порядкѣ, въ какомъ мы оттуда вышли. Возвращаясь назадъ, негръ шелъ съ нами такъ же непринужденно и естественно, какъ онъ шелъ, идя къ пристани.

Все, что намъ оставалось еще сдѣлать въ этотъ день, который начиналъ уже клониться къ вечеру, это было сдѣлать еще одну попытку завязать какія-нибудь сношенія съ несчастнымъ помѣшаннымъ. И опять мы его увидѣли на прежнемъ мѣстѣ, на самой вершинѣ горы, но, завидя насъ, онъ опять также молча пустился бѣжать, куда глаза глядятъ. Тѣмъ не менѣе намъ удалось оставить для него на его излюбленномъ мѣстѣ пищу и большой теплый плащъ. Впрочемъ, дождь пересталъ, небо прояснилось, и ночь обѣщала даже быть теплой. Теперь мы рѣшили, что намъ можно отдохнуть до утра; въ покоѣ и отдыхѣ мы всѣ особенно нуждались; въ эту ночь намъ надо было собраться со свѣжими силами къ предстоящимъ намъ завтра усиліямъ, и такъ какъ никто изъ насъ не былъ расположенъ разговаривать, то всѣ мы рано разошлись по своимъ угламъ.

Я долго не могъ заснуть, создавая разные планы на завтра. Я хотѣлъ поставить негра со стороны Сэндэгской бухты, чтобы онъ, въ качествѣ загонщика, гналъ дядю въ сторону его дома. Рори, какъ я предполагалъ, долженъ будетъ зайти съ западной стороны, а я съ восточной; такимъ образомъ, мы съ трехъ сторонъ образовали бы цѣпь. И чѣмъ больше я мысленно изучалъ

характеръ острова, тѣмъ болѣе я убѣждался, что намъ будетъ возможно, если и не легко, но все же возможно, заставить дядю спуститься къ низинамъ и болотамъ, лежащимъ вдоль берега Аросской бухты. А разъ намъ это удастся, то при всей той силѣ, какую ему придавало безуміе, все же едва ли можно было опасаться, что ему здѣсь удастся уйти отъ насъ. Я особенно разсчитывалъ на страхъ, который ему внушалъ чернокожій; я былъ увѣренъ, что въ какомъ бы направленіи несчастный безумецъ ни побѣжалъ, во всякомъ случаѣ онъ не побѣжитъ на негра, котораго онъ, очевидно принималъ за выходца изъ могилы, и это мнѣ давало увѣренность, что, по крайней мѣрѣ, одна изъ сторонъ компаса безусловно защищена. Когда я, наконецъ, заснулъ, то только для того, чтобы вскорѣ вновь пробудиться подъ впечатлѣніемъ страшнаго кошмара, въ которомъ мнѣ представлялось кораблекрушеніе, чернокожіе и всевозможныя подводныя приключенія. Все это такъ на меня подѣйствовало, что я почувствовалъ себя сильно потрясеннымъ и настолько лихорадочно возбужденнымъ, что всталъ, спустился внизъ и вышелъ изъ дома на улицу. Въ домѣ Рори и чернокожій спали вмѣстѣ въ кухнѣ, а на дворѣ была чудная ясная звѣздная ночь, и лишь тамъ да сямъ еще удержалось небольшое облачко, послѣднее напоминаніе о вчерашней ужасной бурѣ. Было какъ разъ время высшей точки прилива, и «Веселые Ребята» громко ревѣли въ безвѣтренной тишинѣ ночи. Никогда еще, даже и въ самую страшную бурю, не казались мнѣ ихъ голоса такими ужасающими, и никогда я не прислушивался къ нимъ съ столь жуткимъ, леденящимъ душу чувствомъ. Теперь, когда всѣ вѣтры умчались далеко, когда морская глубь улеглась и погрузилась въ свою лѣтнюю дрему, когда звѣзды далекія изливали на море и на землю свои нѣжные ласковые лучи, только одни эти неугомонные буруны попрежнему бушевали и ревѣли, нарушая тишину и спокойствіе ночи. Положительно, мнѣ начинало казаться, что они часть міроваго зла, что они трагизмъ жизни! Но ихъ безотчетный, лишенный смысла ревъ и завыванія не были единственными звуками, нарушавшими въ эту ночь покой и тишину дремлющей природы; нѣтъ, я отчетливо слышалъ то высокія крикливыя, то дрожащія и подавленныя ноты человѣческаго голоса, вторившаго шуму и реву прибоя на Рустѣ. Я зналъ, что то былъ голосъ дяди; и неописуемый, непреодолимый

страхъ напалъ на меня; страхъ Страшнаго Суда Господня; страхъ передъ силой мірового зла! И я поспѣшилъ скорѣе уйти въ домъ, какъ бы желая укрыться въ его мракѣ, и, вернувшись къ себѣ наверхъ, еще долго лежалъ на постели все съ тѣми же несвязными думами, которыя продолжали преслѣдовать меня.

Было уже поздно, когда я снова пробудился. Я поспѣшно одѣлся и сбѣжалъ внизъ, въ кухню. Тамъ не было никого. И Рори, и чернокожій уже давно тихонько ушли, и, видя это, у меня сердце невольно упало. Я, конечно, могъ вполнѣ понадѣяться и на привязанность, и на добрыя намѣренія Рори, но не могъ поручиться за его разсудительность и благоразуміе. Если онъ такъ, не сказавъ никому ни слова, вышелъ ни свѣтъ, ни заря изъ дома, то несомнѣнно онъ разсчитывалъ и намѣревался оказать какую-нибудь услугу дядѣ. Но какого рода услугу могъ онъ оказать ему даже и будучи одинъ, а тѣмъ менѣе въ обществѣ человѣка, который являлся въ глазахъ дяди воплощеніемъ всѣхъ преслѣдовавшихъ его ужасовъ! Если уже не поздно было помочь дѣлу, то во всякомъ случаѣ нельзя было мѣшкать ни минуты. Съ быстротой мысли выбѣжалъ я изъ дома, и хотя я часто взбѣгалъ по крутому скату Ароса, но такъ я еще никогда не взбѣгалъ, какъ въ это роковое утро. Кажется, менѣе чѣмъ въ двадцать минутъ я былъ уже на вершинѣ. Дяди здѣсь не было. Корзина, которую мы ему оставили съ провизіей, была раскрыта, вѣрнѣе у нея была сорвана крышка, и мясо раскидано по травѣ и по мху; но, какъ мы впослѣдствіи убѣдились, онъ ни куска изъ него не положилъ въ ротъ. Кругомъ, во всей этой пустынѣ, не было видно никакихъ признаковъ живого существа. На небѣ былъ уже ясный день, и солнце въ розовомъ сіяніи горѣло надъ вершиной Бэнъ-Кьоу, но внизу дикіе утесы и бугры Ароса и самое море еще лежали въ тѣни и тонули еще въ сумракѣ близкаго разсвѣта.

— Рори!—крикнулъ я.—Рори!..

Но голосъ мой замеръ въ пространствѣ; отвѣта же ниоткуда не послѣдовало. Если они, дѣйствительно, задумали изловить дядю, то ужъ, конечно, они при этомъ разсчитываютъ не на быстроту своихъ ногъ, а на свое проворство и ловкость, на возможность схватить его изъ засады или заманить его въ ловушку. Я продолжалъ бѣжать дальше, оставаясь на самой вершинѣ хребта и все время глядя и влѣво, и вправо и не останавливаясь

до тѣхъ поръ, пока не очутился на вершинѣ горы, стоящей надъ бухтой Сэндэгъ. Отсюда мнѣ было видно разбившееся судно, голая полоса прибрежнаго песку и волны, лѣниво ударявшія въ длинную линію прибрежныхъ утесовъ, а по другую сторону бухты поросшіе мхомъ валуны, холмы, бугры и кочки самого острова, но нигдѣ ни одной живой души.

Вдругъ солнце разомъ залило весь Аросъ, и полминуты спустя, подо мной пасшіяся тамъ внизу овцы вдругъ заметались во всѣ стороны, словно охваченныя паникой. Затѣмъ раздался крикъ, и я увидѣлъ дядю бѣгущаго по лугу. Чернокожій гнался за нимъ, и прежде, чѣмъ я успѣлъ понять и сообразить въ чемъ дѣло, появился откуда-то и Рори, указывавшій чернокожему направленіе, какъ указываютъ его здѣсь овчаркамъ, состоящимъ при стадѣ.

Я кинулся бѣжать къ нимъ, что было мочи, желая вмѣшаться, но быть можетъ я сдѣлалъ бы лучше, если бы остался тамъ, гдѣ я былъ, потому что здѣсь я могъ отрѣзать несчастному бѣглецу послѣднее отступленіе. Теперь передъ нимъ не было ничего кромѣ могилы, разбитаго судна и моря въ Сэндэгской бухтѣ. Но видитъ Богъ, что то, что я сдѣлалъ, вышло, пожалуй, къ лучшему.

Дядя, конечно, видѣлъ и понялъ, въ какомъ направленіи его гонятъ, и онъ уклонялся то вправо, то влѣво, съ быстротой молніи кидаясь изъ стороны въ сторону. Но какъ ни придавали ему силъ его безуміе и паническій ужасъ, преслѣдовавшій его, все же чернокожій оказывался проворнѣе его; какъ онъ ни уклонялся, какъ ни увертывался, преслѣдователь все продолжалъ гнать его къ мѣсту его преступленія. И вдругъ онъ сталъ громко кричать, такъ громко, что его голосъ отдавался по всему побережью, и тогда оба мы, и Рори, и я стали кричать негру, чтобы онъ остановился. Но все было напрасно, потому что въ книгѣ судебъ было написано иначе.

Чернокожій продолжалъ гнаться за несчастнымъ, а тотъ, совершенно обезумѣвъ, не видя ничего передъ собой, бѣжалъ и кричалъ, кричалъ душу раздирающимъ, дикимъ голосомъ. Вотъ они миновали могилу и промчались у самыхъ обломковъ разбившагося судна; еще секунда и они оставили за собой всю береговую полосу песковъ; но дядя не останавливался; онъ несся впередъ, какъ быстроногая лань, все впередъ, прямо навстрѣчу

прибою, а чернокожій, почти нагнавшій его теперь, слѣдовалъ за нимъ неотступно. И Рори и я, мы стояли точно окаменѣлые; то, что происходило теперь на нашихъ глазахъ, было не въ нашей власти, не въ слабой волѣ человѣка, такъ было предопредѣлено свыше, такова была воля Божія, такъ имъ Самъ Богъ судилъ! Да, и судъ Его совершался теперь на нашихъ глазахъ; мы все видѣли и не въ силахъ были помѣшать. Едва ли когда-нибудь было что болѣе ужасное, чѣмъ этотъ конецъ!.. Берегъ въ томъ мѣстѣ обрывистый, и вода глубока; оба они разомъ очутились на глубинѣ выше роста человѣческаго. Ни тотъ, ни другой плавать не умѣли; чернокожій на мгновеніе показался надъ поверхностью съ рѣзкимъ, захлебывающимся крикомъ; но теченіе подхватило и его и съ головокружительной быстротой несло въ море. Если они всплывутъ, что одному Богу извѣстно, то всплывутъ не раньше, какъ минутъ десять спустя, на самомъ дальнемъ концѣ Аросскаго Руста, тамъ, гдѣ морскія птицы носятся надъ водой, охотясь за рыбой.

ВИЛЛЬ СЪ МЕЛЬНИЦЫ.

Равнина и звѣзды.

Мельница, на которой жилъ Вилль со своими пріемными родителями, стояла въ горной долинѣ, среди сосноваго бора и высокихъ горъ. Горы эти громоздились все выше и выше, одинъ холмъ надъ другимъ, поросшіе густымъ лѣсомъ, до тѣхъ поръ, пока не взгромоздились выше самыхъ смѣлыхъ лѣсинъ и не остались голыми и сѣрыми, рѣзко вырисовываясь на фонѣ неба своими причудливыми контурами.

Нѣсколько выше мельницы по горѣ раскинулась точно сѣрый лоскутъ или клочекъ тучи, повисшій на лѣсномъ склонѣ горы, маленькая деревушка; оттуда, при благопріятномъ вѣтрѣ, доносился къ Вилли пріятный, серебристый звонъ колокола деревенской церкви. Отъ мельницы долина спускалась все круче и круче внизъ, и въ то же время она значительно расширялась въ обѣ стороны. Съ небольшого пригорка за мельницей открывался видъ не только на всю долину, но и гораздо дальше, на громадную равнину, по которой, извиваясь и сверкая, протекала широкая свѣтлая рѣка, весело спѣша отъ одного большого города къ другому, на своемъ пути къ морю. Случаю было угодно, чтобы черезъ эту горную долину пролегалъ путь въ сосѣднее государство; здѣсь былъ горный проходъ, такъ называемый «пассъ», и хотя мѣстность эта казалась тихой и уединенной, затерянной въ глуши, пролегавшая тамъ внизу дорога служила большимъ проѣзжимъ трактомъ между двумя богатыми и густо населенными странами, и все лѣто мимо мельницы медленно взползали въ гору или быстро катились внизъ, подъ гору, исчезая въ облакахъ пыли, громоздкіе дорожные берлины и тяжелыя фуры съ разнымъ грузомъ и товарами. Но такъ какъ подъемъ въ гору съ другой стороны былъ менѣе крутъ, то этой

дорогой, въ гору, ѣхали не такъ охотно; сю пользовались главнымъ образомъ ѣдущіе подъ гору, по направленію къ равнинѣ. Такимъ образомъ, большинство экипажей ѣхало въ одномъ направленіи, изъ общаго числа ихъ, проѣзжавшихъ мимо мельницы, пять—шесть быстро катилось внизъ, и всего только одна туго и съ трудомъ тащилась вверхъ. То же самое можно было наблюдать и по отношенію къ пѣшеходамъ. Всѣ легкіе на ногу туристы, всѣ торгующіе въ разносъ всевозможными товарами, тяжело нагруженные своей ношей торговцы спускались мимо Вилля внизъ, какъ рѣка, сопровождавшая ихъ на всемъ ихъ пути. Впрочемъ, это еще не все. Когда Вилль былъ еще ребенкомъ, страшная губительная война разгорѣлась и охватила многія страны, словно большой пожаръ; всѣ газеты были переполнены отчетами о побѣдахъ и пораженіяхъ; земля дрожала отъ топота кавалеріи, и часто цѣлыми днями и недѣлями, на протяженіи десятковъ миль въ окружности, шумъ сраженій нагонялъ страхъ и ужасъ на мирныхъ поселянъ, работавшихъ на своихъ поляхъ; и поля часто оставались неподнятыми, необработанными и неубранными. Впрочемъ, обо всемъ этомъ долго ничего не было слышно здѣсь, въ этой горной долинѣ. Но вотъ однажды одному изъ главнокомандующихъ вздумалось провести свою армію форсированнымъ маршемъ черезъ этотъ горный проходъ, и въ продолженіе трехъ сутокъ конница и пѣхота, пушки и фуры, барабаны и знамена, точно лавина, катились внизъ мимо мельницы. И весь день, съ ранняго утра и до темной ночи, ребенокъ стоялъ и смотрѣлъ на этотъ живой потокъ людей, лошадей, орудій и обозовъ и жаднымъ слухомъ ловилъ мѣрный звукъ шаговъ проходившихъ мимо отрядовъ и мѣрный топотъ конскихъ копытъ, и лязгъ оружія и всматривался въ эти блѣдныя небритыя лица, загорѣлыя, съ подведенными темными кругами, впалыми глазами, всматривался въ эти полинялые мундиры, выцвѣтшіе и оборванные, въ лоскутами висѣвшіе значки и знамена,—и все это наполняло его душу жалостью, безотчетной тоской и удивленіемъ. И всю ночь напролетъ Вилль лежалъ въ своей постелькѣ, и ему все слышался грохотъ пушекъ, и мѣрный топотъ безчисленныхъ ногъ, и скрипъ безконечной вереницы обозовъ, неудержимо двигавшихся все впередъ и впередъ, внизъ подъ гору, мимо мельницы. Никто въ долинѣ не слышалъ потомъ о судьбѣ этой арміи или объ исходѣ этого похода. Этотъ горный проходъ и долинка лежали совсѣмъ въ сторонѣ отъ вся-

кихъ толковъ и слуховъ въ ту тревожную пору, и вѣсти почти не доходили сюда.

Но одно Вилль зналъ навѣрное,—это то, что ни одинъ человѣкъ не вернулся назадъ. Куда же они дѣлись всѣ? Куда дѣваются и быстроногіе туристы, и торговцы-разносчики со всѣми ихъ товарами? Куда скрываются и пропадаютъ всѣ эти запыленные экипажи со слугами, сидящими на запяткахъ, или тяжелые дорожные берлины, нагруженные сундуками и баулами? Куда, наконецъ, дѣвается неустанно бѣгущая сверху вода въ рѣкѣ? Все уходитъ внизъ, а сверху все бѣжитъ новая, все бѣжитъ и затѣмъ опять уходитъ подъ гору. Даже и вѣтеръ все больше дуетъ съ горъ вдоль по долинѣ внизъ, а въ листопадъ уноситъ за собой цѣлыя тучи всякаго мертваго листа и гонитъ и его внизъ по долинѣ. Казалось, будто все на этомъ свѣтѣ сговорилось, и люди, и предметы неодушевленные, всѣ они стремились внизъ, весело и неудержимо, только онъ одинъ отставалъ отъ всѣхъ, онъ одинъ оставался на мѣстѣ, какъ придорожный столбъ. Его радовало, когда онъ замѣчалъ, что рыбы плывутъ вверхъ по теченію рѣки; хоть онѣ-то остаются ему вѣрны, тогда какъ все остальное мчалось внизъ въ какой-то невѣдомый ему міръ.

Однажды вечеромъ онъ спросилъ мельника, куда течетъ рѣка?

— Она течетъ внизъ по долинѣ,—отвѣтилъ тотъ, — и по пути она вращаетъ уйму мельницъ; говорятъ, цѣлыхъ сто двадцать мельницъ отсюда до Унтердэка и при этомъ ничуть не устаетъ, сердешная! Дальше она течетъ по равнинѣ и орошаетъ поля нашихъ хлѣбороднѣйшихъ мѣстностей, житницы нашей страны и бѣжитъ черезъ цѣлый рядъ красивыхъ, большихъ городовъ, въ которыхъ, какъ говорятъ, живутъ короли, одни, въ громадныхъ дворцахъ, и стража расхаживаетъ взадъ и впередъ у ихъ воротъ и дверей, и высокіе каменные мосты перекинуты черезъ рѣку, а на мостахъ стоятъ каменные человѣки и, странно и загадочно улыбаясь, смотрятъ въ воду, а живые люди стоятъ тутъ же рядомъ и, облокотясь на каменныя перила, тоже глядятъ на рѣку и на все, что за ней. А рѣка все бѣжитъ дальше и дальше, по низинамъ, болотамъ и пескамъ, пока, наконецъ, не впадаетъ въ море, по которому ходятъ громадные корабли, что привозятъ къ намъ изъ далекой Индіи попугаевъ и табакъ...

Эхъ, далека еще ея путина послѣ того, какъ она, матушка, шумя и напѣвая, минуетъ нашу запруду, благослови ее Господи!..— докончилъ мельникъ.

— А что такое море? Разскажи мнѣ!—сталъ просить Вилль.

— Море!—воскликнулъ мельникъ.—Прости, Господи, и помилуй насъ грѣшныхъ! Море, это величайшее твореніе Божіе; въ море стекаются всѣ рѣки и всѣ воды со всего свѣта, и походитъ оно на большущее соленое зеленое озеро, которому нѣтъ конца края, и лежитъ оно плоское и ровное, какъ моя ладонь и на видъ такое спокойное и безгрѣшное, какъ спящій младенецъ. Но говорятъ, что какъ только подуетъ вѣтеръ, оно сразу заволнуется, разбушуется и начнетъ вздыматься высоко, высоко, что горы, и выростаютъ на немъ водяныя горы выше нашихъ горъ, и глотаютъ онѣ корабли больше всей нашей мельницы и такъ шумятъ и ревутъ, что слышно за нѣсколько миль. И живутъ въ этомъ морѣ громадныя рыбы—въ пять разъ больше быка,—и еще одна старая, огромная змѣя, длиннѣе всей нашей рѣки—и стара она, какъ міръ, и усатая, какъ человѣкъ, а на головѣ у нея серебряный вѣнецъ.

Вилль никогда еще не слыхалъ ничего подобнаго, и все это казалось ему такъ заманчиво, что онъ все продолжалъ разспрашивать, предлагая одинъ вопросъ за другимъ относительно того чудеснаго міра, который лежалъ тамъ далеко, внизъ по теченію рѣки, со всѣми его страхами и опасностями и всѣми его чудесами и диковинами, такъ что въ концѣ концовъ и самъ старый мельникъ всѣмъ этимъ заинтересовался и, взявъ мальчика за ручку, повелъ его за собой на вершину того холма или пригорка за мельницей, откуда открывался видъ на всю долину и далеко разстилавшуюся за ней громадную равнину. Солнце близилось къ закату и стояло низко на прозрачномъ безоблачномъ небѣ. Все кругомъ свѣтилось и сіяло въ золотыхъ лучахъ заката. Вилль еще никогда въ своей жизни не видалъ столь обширнаго пространства передъ своими глазами, такой громадный кругозоръ открывался ему впервые. Онъ стоялъ и смотрѣлъ во всѣ глаза, какъ зачарованный. Онъ видѣлъ тамъ вдали и города, и лѣса, и поля, и сверкающіе изгибы свѣтлой рѣки и необъятную даль, гдѣ на краю горизонта равнина сливалась съ небеснымъ сводомъ, рѣзко отграниченная темной линіей отъ яснаго свода неба. Подавляющее волненіе охватило при этомъ ребенка, онъ тяжело дышалъ, сердце его усиленно билось, какъ у пойманной

птички; все сливалось у него передъ глазами, солнце казалось кружится быстро, быстро, какъ свѣтящееся лучистое колесо, выкидывая при вращеніи странныя, причудливыя фигуры, мгновенно смѣнявшіяся и исчезавшія, какъ въ калейдоскопѣ. Вилль закрылъ лицо обѣими руками и разразился цѣлымъ потокомъ слезъ и судорожныхъ рыданій, а бѣдный мельникъ, озадаченный огорченный и нѣсколько разочарованный, не зная, что ему дѣлать, не нашелъ ничего лучшаго, какъ взять мальчика на руки и молча отнести его домой.

Съ этого дня Вилль преисполнялся новыхъ надеждъ и желаній. Что-то постоянно сосало его сердце, что-то тянуло его непрестанно куда-то въ неизвѣстное пространство; когда онъ мечталъ, слѣдя за бѣгущей рѣкой, ея струи уносили съ собой его мысли и думы, его мечты и желанія куда-то далеко, далеко; вѣтеръ, проносясь надъ безчисленными верхушками сосенъ, нашептывалъ ему ободряющія слова; склоненныя вѣтви деревьевъ сочувственно кивали ему, а большая проѣзжая дорога, круто загибавшая за уголъ и, извиваясь, спускавшаяся все круче и круче къ низу, быстро исчезая изъ глазъ, возбуждала его вожделѣнія и какъ будто манила его вдаль. Онъ подолгу оставался на пригоркѣ, наблюдая за паденіемъ рѣки, глядя по цѣлымъ часамъ на ея капризныя извилины, на тучныя пастбища и поля на равнинѣ, слѣдя за тучками и облаками, несущимися по вѣтру въ небесномъ эфирѣ и влачившими свою легкую розоватую тѣнь по землѣ. Или же онъ оставался стоять у проѣзжей дороги и провожалъ глазами экипажи, катившіеся внизъ по берегу рѣки. Все равно, что бы то ни было, все, что проносилось мимо, будь то облака или тяжелый берлинъ, птица или темныя струйки воды въ рѣкѣ, сердце его рвалось имъ вслѣдъ, летѣло за ними въ какомъ-то страстномъ экстазѣ.

Ученые утверждаютъ, что всѣ мірскіе подвиги, громкія, славныя открытія, и завоеванія на морѣ, всѣ переселенія народовъ, нашествія и набѣги племенъ и народовъ, которыми пестритъ вся древняя исторія, вызваны были ничѣмъ инымъ, какъ простымъ закономъ спроса и предложенія, въ связи съ естественнымъ, врожденнымъ, можно сказать, инстинктомъ, или вѣрнѣе, склонностью къ легкой наживѣ. Но каждому, кто захочетъ поглубже вдуматься въ смыслъ этихъ словъ, подобное объясненіе покажется жалкимъ и несостоятельнымъ. Племена и народы, надвигавшіеся тучами съ сѣвера и востока, отчасти были вытѣс-

племы впередъ другими племенами и народами, тѣснившими ихъ сзади, и отчасти были привлекаемы и магнетическимъ вліяніемъ юга и запада. Слава о богатствахъ и роскоши другихъ странъ дошла до нихъ, имя Вѣчнаго Города, какъ музыка, звучала у нихъ въ ушахъ; это были не колонисты, а паломники: они шли за золотомъ, виномъ и солнцемъ,—но въ сердцахъ ихъ жили высшіе идеалы, лучшія стремленія. Ими двигало то вѣчное божественное стремленіе, вложенное въ сердца людей самимъ Богомъ,—то благородное стремленіе, искони вѣковъ присущее человѣку, и которому міръ обязанъ всѣми величайшими подвигами, какъ и всѣми величайшими заблужденіями, которое дало крылья Икару и вмѣстѣ съ нимъ взлетѣло къ небу, которое погнало благороднаго Колумба въ пустынный Атлантическій океанъ; оно же вдохновляло и поддерживало и этихъ варваровъ въ ихъ трудныхъ и долгихъ походахъ. Существуетъ прекрасная легенда, превосходно иллюстрирующая духъ этихъ кочевниковъ-завоевателей. Однажды, отрядъ такихъ кочевниковъ встрѣтилъ на своемъ пути старца, обутаго въ желѣзныя сандаліи; этотъ старецъ спросилъ ихъ, куда они держатъ путь, и они всѣ отвѣтили ему въ одинъ голосъ:—«въ Вѣчный Городъ!» Онъ взглянулъ на нихъ строго, и сказалъ: «И я искалъ его, всю жизнь искалъ; искалъ по всему свѣту!—Три пары такихъ сандалій я износилъ, какъ вотъ эти, что вы видите у меня на ногахъ,—и эта четвертая пара тоже начинаетъ пронашиваться, а я все еще не нашелъ «Вѣчнаго города». И старецъ повернулся и пошелъ одинъ своей дорогой, оставивъ ихъ изумленными. Но даже и эта аллегорія страстнаго стремленія впередъ, къ неизвѣстному, едва ли могла бы сравниться съ чувствами Вилля по отношенію къ равнинѣ. Если бы онъ только могъ уйти туда, далеко, далеко! Ему казалось, что зрѣніе его станетъ чище и проницательнѣе, что слухъ его сдѣлается чутче, и самое дыханіе превратится въ наслажденіе, которое преисполнитъ радостью и веселіемъ его душу. Здѣсь онъ чувствовалъ себя пересаженнымъ на чужую почву; онъ увядалъ и чахъ; онъ былъ здѣсь на чужбинѣ и его тянуло на родину,—на далекую прекрасную родину. Мало-по-малу, онъ нахватался ото всюду обрывковъ свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ; о рѣкѣ, вѣчно бѣгущей впередъ и вѣчно пробивающейся, пока не вольется въ величественный океанъ, о городахъ, населенныхъ веселыми богато-одѣтыми людьми, проворно снующими взадъ и

впередъ среди бьющихъ фонтановъ, и мраморныхъ дворцовъ, о хорахъ музыкантовъ и пѣвцовъ, объ улицахъ, освѣщавшихся ночью безчисленными искусственными золотыми звѣздами; объ огромныхъ соборахъ, университетахъ, гдѣ пребывали ученые, о храбрыхъ арміяхъ и безчисленномъ количествѣ денегъ, хранящихся въ темныхъ подвалахъ и подземельяхъ, подъ тяжелыми каменными сводами, о страшныхъ порокахъ выставляемыхъ на показъ при свѣтѣ солнца, и объ ужасныхъ преступленіяхъ, таящихся въ ночной тьмѣ, и о ночныхъ убійствахъ и злодѣйствахъ. Какъ я сказалъ, его тянуло въ этотъ невѣдомый, сказочный для него міръ, какъ на родину. Онъ былъ словно существо, находящееся въ состояніи предъ-бытія, въ безформенномъ туманномъ хаосѣ чудесныхъ смутныхъ образовъ и представленій, любовно простирающій свои руки съ вожделѣніемъ къ многоцвѣтной, многогранной и многозвучной жизни. Не удивительно, что онъ былъ несчастливъ, и не разъ онъ мысленно обращался къ рыбамъ съ такою рѣчью: «Вы созданы для вашей жизни и не желаете ничего кромѣ червяковъ и текучей воды, да уютнаго убѣжища среди камней или песчаныхъ скатовъ этихъ береговъ, но я, я имѣю въ жизни иное назначеніе! Моя душа полна ненавистныхъ желаній и мечтаній, и я грызу себѣ пальцы и пожираю глазами все, что могу; но весь этотъ многообразный міръ не въ состояніи удовлетворить моихъ вожделеній! Настоящая жизнь, настоящій свѣтъ солнечный тамъ, далеко внизу,— на равнинѣ! Какъ бы я желалъ хоть разъ увидѣть тотъ солнечный свѣтъ во всемъ его величіи и великолѣпіи, прежде чѣмъ умереть! Хоть разъ, съ ликующей душой побродить по этой блаженной золотой странѣ! Услышать стройное пѣніе и малиновый звонъ колоколовъ, и погулять по тѣмъ роскошнымъ садамъ. «Ахъ, рыбы, рыбы!—восклицалъ онъ, если бы вы только повернулись носами внизъ по теченію, вамъ было бы такъ просто и легко доплыть до сказочныхъ морей, и увидѣть тамъ громадные корабли, проплывающіе надъ вами точно облака, и услышать вой и ревъ огромныхъ водяныхъ горъ, колышущихся и шумящихъ надъ вами цѣлые дни!—Но рыбы продолжали плыть въ разъ избранномъ ими направленіи, и въ концѣ концовъ Вилль не зналъ, плакать ли ему или смѣяться, глядя на нихъ.

До сего времени Вилль смотрѣлъ на движеніе большой дороги, какъ смотрятъ на предметы, изображенные на картинкѣ;

иногда еще случалось обмѣняться поклонами съ кѣмъ-нибудь изъ туристовъ, или увидѣть въ окнѣ кареты какого нибудь пожилаго господина въ дорожной фуражкѣ, но вообще, все это было въ его глазахъ не болѣе какъ символъ общаго движенія, общаго стремленія вдаль, на которое онъ смотрѣлъ какъ бы изъ далека, съ особаго рода суевѣрнымъ чувствомъ. Но вотъ, настало время когда все это измѣнилось: старый мельникъ былъ по натурѣ своей человѣкъ, до извѣстной степени, жадный, и никогда не упускалъ случая нажиться честнымъ путемъ, и потому онъ надумалъ превратить свой домъ, стоявшій у самой дороги, въ маленькую придорожную гостиницу съ заѣзжимъ дворомъ. Счастливо заработавъ на этомъ малую толику деньженокъ, онъ построилъ конюшни, и выхлопоталъ себѣ право на содержаніе почтовой станціи на своемъ участкѣ почтоваго тракта.

Теперь Вилль долженъ былъ прислуживать заѣзжимъ, останавливавшимся въ гостиницѣ, и желавшимъ закусить въ бесѣдкѣ, въ концѣ сада, прилегающаго къ мельницѣ. Прислуживая проѣзжимъ, Вилль всегда слушалъ во всѣ уши, и смотрѣлъ во всѣ глаза, и потому многому научился, и много узналъ новаго о внѣшнемъ мірѣ, подавая гостямъ вино или яичницу. Не довольствуясь этимъ, онъ нерѣдко вступалъ въ разговоры съ одинокими путешественниками, и благодаря его вѣжливой внимательности, и осторожнымъ, разумнымъ разспросамъ, ему удавалось не только удовлетворить свою любознательность, но и пріобрѣсти въ то же время симпатіи и благорасположеніе тѣхъ лицъ, которымъ ему случалось прислуживать. Многіе поздравляли стариковъ, хозяевъ гостиницы, съ такимъ прекраснымъ слугой, а одинъ старикъ—профессоръ, хотѣлъ даже увезти съ собой мальчика, чтобы дать ему солидное образованіе, тамъ въ большомъ столичномъ городѣ. Мельникъ и его жена были очень удивлены этимъ, и еще болѣе польщены, чѣмъ удивлены; теперь они были вполнѣ убѣждены, что прекрасно поступили, открывъ гостиницу.

— Вотъ видишь,—говорилъ старикъ женѣ,—у Вилли особый даръ привлекать къ себѣ людей—никто не умѣетъ такъ услужить и такъ угодить гостю, какъ онъ! Онъ, какъ нарочно, созданъ, чтобы стать хозяиномъ гостиницы, и мы никогда не могли бы сдѣлать изъ него ничего лучшаго!

Такъ жизнь шла своимъ чередомъ въ маленькой горной долинѣ, къ общему удовольствію и удовлетворенію всѣхъ ея оби-

тателей, кромѣ одного только Вилля. Каждый отъѣзжающій отъ гостиницы экипажъ, казалось, увозилъ съ собой частицу его души; и когда кто нибудь изъ путешественниковъ, шутя предлагалъ ему мѣстечко въ своемъ экипажѣ, мальчику стоило неимовѣрнаго труда подавить охватывавшее его всякій разъ въ такихъ случаяхъ волненіе. Но добродушные старики, его пріемные родители, да и самъ шутникъ, даже не подозрѣвали его горя. Каждую ночь ему снилось, что смущенные слуги будятъ его, что у дверей его ждетъ роскошный экипажъ, готовый увезти его далеко, далеко, на равнину. И каждую ночь видитъ онъ этотъ сонъ, и то, что по началу было для него чистою радостью, стало мало-по-малу принимать почти зловѣщій характеръ. Этотъ ночной призывъ и ожидающій у дверей экипажъ стали занимать въ его воображеніи столь серьезное мѣсто, что онъ затруднялся сказать, слѣдуетъ ли ему радоваться этому видѣнію, или же опасаться его.

Однажды, это было, когда Виллю исполнилось уже 16 лѣтъ, въ ихъ гостиницу передъ закатомъ солнца прибылъ молодой толстякъ, пожелавшій здѣсь переночевать, а завтра ѣхать дальше. Онъ смотрѣлъ жизнерадостнымъ человѣкомъ, съ веселымъ привѣтливымъ взглядомъ и добродушною улыбкой; въ рукахъ у него была дорожная сумка и книга. Пока ему приготовляли обѣдъ, онъ прошелъ въ бесѣдку и расположился читать, но сталъ наблюдать за Вилли и настолько отвлекся отъ своего чтенія, что даже отложилъ книгу въ сторону. Какъ видно, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые предпочитаютъ живую человѣческую рѣчь самымъ разумнѣйшимъ печатнымъ разсужденіямъ, и общество живыхъ людей обществу людей, созданныхъ при содѣйствіи чернилъ и бумаги. Вилль съ своей стороны, хотя и не особенно заинтересовался съ перваго взгляда этимъ пріѣхавшимъ, вскорѣ сталъ находить серьезное удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ; разговоръ его отличался и большимъ добродушіемъ и большимъ здравомысліемъ, и въ концѣ концовъ Вилль проникся громаднымъ уваженіемъ, какъ къ самой личности своего собесѣдника, такъ и его широкому уму и образованности. Бесѣда ихъ затянулась до поздней ночи, можно сказать, даже до утра. Около двухъ часовъ послѣ полуночи, Вилль открылъ молодому толстяку свою душу; онъ разсказалъ ему все, что у него было на сердцѣ и на умѣ; какъ онъ стремился выр-

ваться изъ этой тѣсной горной долины, какія блестящія мечты и надежды у него связаны съ многолюдными городами тамъ на равнинѣ. Какая жажда видѣть все, чего онъ никогда не видѣлъ, мучаетъ и томитъ его уже много лѣтъ.

Выслушавъ его, молодой человѣкъ тихонько свиснулъ, и затѣмъ лицо его расплылось въ пріятной улыбкѣ.

— Вотъ что я вамъ скажу, мой юный другъ,—замѣтилъ онъ,—вы несомнѣнно очень любопытный маленькій субъектъ, чтобы не сказать обиднаго слова, «чудакъ»; вы желаете многаго такого, чего вы никогда не получите. Право, вы сами почувствовали бы себя пристыженнымъ, если бы знали, какъ юноши въ тѣхъ сказочныхъ городахъ, о которыхъ вы мечтаете, всѣ безъ исключенія помѣшаны на такихъ же безразсудныхъ мечтахъ, и изнываютъ въ тоскѣ по этимъ горамъ, куда они стремятся такъ же страстно, какъ вы внизъ на равнину. А затѣмъ, позвольте мнѣ сказать вамъ, милый другъ, что всѣ тѣ, кто покидалъ эти горы и переселялся на равнину, проживъ тамъ недолгое время, начинаютъ грустить по этимъ горамъ и вновь всей душой рвутся сюда. Тамъ, внизу, и воздухъ не такъ чистъ, и не такъ легокъ какъ здѣсь, и солнце свѣтитъ тамъ не ярче чѣмъ здѣсь, а что касается веселыхъ, бодрыхъ и нарядныхъ людей, щеголеватыхъ и довольныхъ своей судьбой, то ихъ тамъ вовсе не такъ много. Но зато много тамъ увидите людей, въ рубищѣ и лохмотьяхъ, обезображенныхъ отвратительными пороками и страшнымъ, гнуснымъ развратомъ. Большой городъ, это такое мѣсто, гдѣ бѣднякамъ ужасно тяжело живется; такъ что небогатые люди съ чуткой душой и чувствительнымъ сердцемъ часто накладываютъ сами на себя руки.

— Вѣроятно, вы считаете меня очень наивнымъ и простодушнымъ,—возразилъ Вилль,—но хотя я еще ни разу не покидалъ этой долины, я многое успѣлъ уже узнать и увидѣть. Я знаю, что почти все въ природѣ живетъ одно за счетъ другого; что рыба прячется въ тинѣ, чтобы подстерегать другую болѣе мелкую рыбешку, съ тѣмъ, чтобы пожрать ее; я знаю, что пастухъ, несущій на своихъ плечахъ ягненка и представляющій собой такую умилительную картину, въ дѣйствительности, несетъ его домой, чтобы его зарѣзать себѣ на ужинъ. Я знаю, что такова жизнь. Повѣрьте, я отнюдь не ожидалъ найти тамъ, въ большихъ городахъ, одно прекрасное, о нѣтъ! Но это не смущаетъ

меня. Было время, когда я дѣйствительно думалъ такъ, но это время давно прошло! Несмотря на то, что я всю свою жизнь безотлучно прожилъ здѣсь, я очень многихъ разспрашивалъ обо всемъ, что меня интересовало, и узналъ многое за эти послѣдніе годы. Во всякомъ случаѣ, я узналъ достаточно, чтобы навсегда излѣчиться отъ моихъ былыхъ фантазій и иллюзій. Пусть такъ! Но неужели вы желали бы, чтобы я умеръ здѣсь, какъ собака на цѣпи у своей будки? Умеръ, не видавъ ничего изъ того, что можетъ испытать и увидѣть здѣсь на землѣ человѣкъ! Умереть, не извѣдавъ ни добра, ни зла на этомъ свѣтѣ!.. Неужели вы могли бы пожелать мнѣ прожить всю жизнь вотъ здѣсь, между проѣзжей дорогой и рѣчкой, не сдѣлавъ ни шагу въ сторону отъ нашей мельницы, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки вырваться отсюда и изжить пестро и разнообразно свою жизнь?! Нѣтъ, въ такомъ случаѣ лучше ужъ сразу умереть, чѣмъ продолжать влачить такое существованіе улитки!

— А между тѣмъ, тысячи людей живутъ и умираютъ въ такихъ условіяхъ,—сказалъ молодой путешественникъ,—и считаютъ себя вполнѣ счастливыми.

— Ахъ!—воскликнулъ Вилль.—Если ихъ тысячи, то почему же ни одинъ изъ нихъ не займетъ моего мѣста?!..

Тѣмъ временемъ, уже совсѣмъ стемнѣло; въ бесѣдкѣ горѣла висячая лампа, освѣщавшая круглый столъ, накрытый бѣлой скатертью, и лица обоихъ собесѣдниковъ, а надъ входомъ бесѣдки, обвитой хмелемъ, его зубчатые листья, на трильяжѣ ярко освѣщенные свѣтомъ лампы, рѣзко выдѣлялись на темномъ фонѣ ночного неба. Молодой путешественникъ всталъ и, взявъ Вилли подъ руку, вывелъ его за собой изъ бесѣдки, подъ открытое небо.

Скажите, смотрѣли вы когда нибудь на звѣзды?—спросилъ онъ юношу.

— Да, часто, даже очень часто!—воскликнулъ Вилль.

— А знаете вы, что такое собственно эти звѣзды?—продолжалъ допрашивать молодой человѣкъ.

— У меня на этотъ счетъ являлись различныя предположенія, но сказать что нибудь съ полной увѣренностью, я не смѣю.

— Ну, такъ я скажу вамъ,—звѣзды, это міры, такіе же, какъ и наша земля; одни изъ нихъ меньше нашей земли, другіе, и даже большинство изъ нихъ, въ милліонъ разъ больше земли; а

многія мельчайшія звѣздочки, представляющіяся вашему невооруженному глазу едва замѣтными искорками, не только міры, но цѣлые сонмы міровъ, вращающихся одинъ вокругъ другого въ безпредѣльномъ пространствѣ Мы не знаемъ, что тамъ происходитъ, въ этихъ безчисленныхъ мірахъ; быть можетъ, тамъ кроется разрѣшеніе всѣхъ нашихъ мучительныхъ вопросовъ, быть можетъ тамъ мы нашли бы исцѣленіе отъ всѣхъ нашихъ золъ и страданій, но намъ не суждено никогда добраться до нихъ! Весь разумъ и все искусство нашихъ геніальнѣйшихъ инженеровъ-строителей не въ состояніи создать такое судно или такой снарядъ, который могъ бы доставить насъ, хотя бы на ближайшій къ намъ изъ этихъ сосѣднихъ міровъ; а если бы даже можно было создать подобный снарядъ, то цѣлой жизни самаго долголѣтняго изъ людей не хватило бы на подобное путешествіе... Что бы ни случилось у насъ на землѣ, какіе бы политическіе перевороты ни измѣняли лица земли, какія бы страшныя сраженія ни повергали въ ужасъ и уныніе народы, какихъ бы великихъ людей или незамѣнимыхъ друзей мы ни потеряли, звѣзды попрежнему безучастно и равнодушно продолжаютъ свѣтить надъ нами. И если бы люди собрались здѣсь громадной толпой въ нѣсколько сотенъ тысячъ, и стали всѣ хоромъ кричать, что есть силы, кричать до полнаго истощенія голоса, ни одинъ звукъ не долетѣлъ бы до нихъ. И если мы взберемся на высочайшую изъ горъ земли,—мы не приблизимся къ нимъ ни на іоту... А потому, намъ остается только смиренно и разумно покориться своей участи и, стоя здѣсь въ саду, обнажить передъ ними нашу голову, чтобы ласковый звѣздный свѣтъ упалъ на нихъ, и такъ какъ моя уже начала лысѣть, то вы вѣроятно увидите, что она немного засвѣтится въ темнотѣ. И вотъ, я думаю, это все, что мы съ вами можемъ добиться, или чего мы можемъ достигнуть въ нашихъ сношеніяхъ съ Арктуромъ и Альдебараномъ. Въ сущности это даже много меньше, чѣмъ мышь по отношенію къ горѣ. Вы поняли, конечно, значеніе этой притчи?—добавилъ онъ, положивъ руку на плечо Вилли.—Это, конечно, не логическій выводъ, но часто такая притча или басня несравненно болѣе убѣдительна.

Подъ конецъ этой рѣчи, Вилль понуро опустилъ голову, но затѣмъ онъ снова поднялъ ее къ небу. Звѣзды теперь, казалось, свѣтились и свѣтили ярче, чѣмъ прежде, и по мѣрѣ того, какъ

онъ подымалъ глаза выше и выше, онѣ какъ будто множились подъ его взглядомъ, и число ихъ возрастало съ каждой секундой.

— Я васъ понимаю,—сказалъ Вилль, обращаясь къ молодому толстяку,—мы точно въ мышеловкѣ, въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ.

— Да, нѣчто въ этомъ родѣ,—подтвердилъ его собесѣдникъ.—Видали вы когда нибудь бѣлку, вертящуюся въ колесѣ, и подлѣ нее другую бѣлку, сидящую вмѣстѣ съ первой въ одной и той же клѣткѣ, съ философскимъ спокойствіемъ трудящуюся надъ лежащими передъ ней орѣхами? Надо ли говорить, которая изъ этихъ двухъ бѣлокъ можетъ быть названа разумной, и которая не разумной?

Дочь пастора.

Прошло нѣсколько лѣтъ и старики, мельникъ и его жена, умерли—оба въ одну зиму. Ихъ пріемный сынъ заботливо ухаживалъ за ними во время ихъ старости и болѣзни, а послѣ смерти долго, но спокойно оплакивалъ ихъ. Люди, слыхавшіе о странныхъ фантазіяхъ молодого Вилля, полагали, что онъ тотчасъ же поспѣшитъ продать доставшееся ему отъ стариковъ имущество, и отправится искать счастія внизъ по рѣкѣ, въ большихъ городахъ, тамъ на равнинѣ. Но Вилль ничѣмъ не обнаружилъ подобнаго намѣренія; напротивъ того, онъ расширилъ дѣло, поставилъ свою гостиницу на болѣе широкую ногу, нанялъ еще двухъ слугъ, чтобы они помогали ему прислуживать и по хозяйству, и прочно обосновался на своемъ старомъ мѣстѣ. Это былъ не прежній тщедушный маленькій Вилль, а добродушный, разговорчивый крупный и красивый молодой человѣкъ, ростомъ выше шести футъ, съ крѣпкимъ сложеніемъ и желѣзнымъ здоровьемъ, съ мягкимъ, ласковымъ голосомъ и привѣтливой улыбкой, но при всемъ томъ, странный и непонятный, являвшійся, какъ и прежде, загадкой для всѣхъ окружающихъ. Весьма скоро онъ прослылъ чудакомъ во всей своей округѣ; и это было не удивительно. Вѣдь онъ всегда былъ преисполненъ всякаго рода премудрости,—всегда допытывался до всего, обо всемъ размышлялъ и теперь глубокомысленно обо всемъ разсуждалъ и постоянно возражалъ даже противъ прямого здраваго смысла, и неизмѣнно оставался при своемъ особомъ мнѣніи. Но что еще болѣе утвер-

дило его репутацію чудака, такъ это странныя обстоятельства его ухаживанія и сватовства и вообще его отношенія къ дочери пастора, Марджери. Марджери было лѣтъ девятнадцать въ ту пору, когда Виллю было около тридцати; она была недурна собой и несравненно болѣе образована и лучше воспитана, чѣмъ любая изъ дѣвушекъ во всей этой мѣстности, какъ это, конечно, и подобало ея званію и ея происхожденію.

Она всегда держала голову очень высоко и отказалась отъ нѣсколькихъ хорошихъ партій, представлявшихся ей, съ высокомѣріемъ прирожденной принцессы, что дало поводъ сосѣдямъ и сосѣдкамъ надавать ей не мало нелестныхъ прозвищъ. Но несмотря на все это, она была прекраснѣйшая дѣвушка и такая, которая могла бы составить счастье любого человѣка.

Вилль не часто имѣлъ случай видѣть ее, хотя церковь и стоящій подлѣ нея церковный домъ находились всего въ двухъ миляхъ разстоянія отъ его дверей; тѣмъ не менѣе его никогда не видали у церкви, кромѣ воскресныхъ дней. Случилось, однако, такъ, что церковный домъ пришелъ въ ветхость и потребовалъ основательнаго капитальнаго ремонта; на это время пасторъ и его дочь, на мѣсяцъ или около того, поселились, какъ говорятъ злые языки, за весьма удешевленную плату въ гостиницѣ Вилля. Благодаря этой гостиницѣ, да мельницѣ, да кое-какимъ сбереженіямъ стараго мельника, нашъ юный другъ являлся человѣкомъ состоятельнымъ, а кромѣ того, онъ составилъ себѣ репутацію человѣка добронравнаго и бережливаго, что также имѣетъ большое значеніе въ вопросѣ о бракѣ. Словомъ, завистники и недоброжелатели пастора и его дочери открыто болтали о томъ, что пасторъ съ дочерью не безъ задней мысли и не съ закрытыми глазами избрали для своего временнаго мѣстопребыванія гостиницу Вилля. Но Вилль былъ самый послѣдній человѣкъ въ свѣтѣ, котораго можно было заманить или залучить въ сѣти Гименея. Стоило только взглянуть въ его глаза, свѣтлые и спокойные, какъ вода въ прудѣ, но въ глубинѣ которыхъ свѣтился какой-то мягкій внутренній свѣтъ, чтобы понять, что этотъ человѣкъ ведетъ въ жизни свою линію, что у него сложились свои убѣжденія и что ничто и никто въ мірѣ не заставитъ его уклониться отъ намѣченнаго имъ себѣ пути. Марджери также была не слабовольное существо и даже съ внѣшней стороны не смотрѣла хрупкой; это была спокойная, рѣшительная дѣвушка, съ увѣреннымъ и твердымъ

взглядомъ и, повидимому, могла поспорить въ твердости характера и убѣжденій, даже съ Виллемъ, такъ что, въ концѣ концовъ, трудно было сказать, который изъ нихъ двухъ въ супружествѣ оказался бы хозяиномъ насѣсти, т. е. хозяиномъ положенія. Однако, Марджери никогда не думала объ этомъ и послѣдовала за своимъ отцомъ въ гостиницу безъ всякой задней мысли, въ полной невинности своей души.

Такъ какъ сезонъ былъ еще слишкомъ ранній, то посѣтители у Вилли были немноточисленны и не часты; но сирень уже цвѣла, и воздухъ былъ до того мягокъ и тепелъ, что наше маленькое общество обѣдало въ бесѣдкѣ подъ шумъ рѣки, подъ шелестъ лѣса и пѣнье птицъ, весело щебетавшихъ кругомъ. Вилль вскорѣ сталъ находить особое удовольствіе въ этихъ обѣдахъ. Пасторъ былъ скорѣе скучный, чѣмъ пріятный собесѣдникъ; онъ имѣлъ привычку дремать за столомъ; но это былъ человѣкъ мягкій и деликатный; никогда съ его устъ не срывалось ни одно жесткое или грубое слово или обидное замѣчаніе; что же касается дочери пастора, то она удивительно умѣла приспособляться къ окружающей ее обстановкѣ и дѣлала это съ неподражаемою граціею и тактомъ. Все, что она говорила было всегда такъ умно и такъ кстати, что Вилль сталъ очень высокаго мнѣнія объ ея умѣ, способностяхъ и талантахъ. Онъ смотрѣлъ на ея лицо, когда она слегка наклонившись впередъ, вырисовывалась на фонѣ молодыхъ подростающихъ сосенъ; глаза ея свѣтились тихимъ спокойнымъ блескомъ; свѣтъ ложился вокругъ головки, какъ головной платокъ; нѣчто похожее на слабый намекъ на улыбку играло на ея нѣсколько блѣдномъ лицѣ, и Вилль не могъ досыта наглядѣться на нее, не могъ оторвать глазъ отъ ея лица, испытывая при этомъ какое-то особенное пріятное чувство. Даже въ минуту полнаго спокойствія она казалась такой совершенной, такой полной жизни до кончиковъ своихъ тоненькихъ пальцевъ, что даже складки ея одежды, что даже подолъ ея платья казались одухотворенными, и все живое, созданное Богомъ, въ сравненіи съ нею, тускнѣло и меркло и становилось какъ бы однимъ сплошнымъ пятномъ, служившимъ для нея фономъ. Когда Вилль отводилъ отъ нея глаза и смотрѣлъ на окружающее, деревья казались ему безжизненными и безчувственными, облака висѣли въ небѣ бездушными лоскутьями, и даже самыя вершины горъ казались

развѣнчанными. И вся долина со всею ея красотой не могла сравниться съ чарующей прелестью внѣшности этой одной дѣвушки.

Вилль всегда былъ наблюдателенъ въ обществѣ людей, но по отношенію къ Марджери эта наблюдательность сдѣлалась у него болѣзненно острой. Онъ жадно ловилъ каждое ея слово и въ то же время старался прочесть въ ея глазахъ недосказанную мысль, и многія ея хорошія, простыя искреннія рѣчи встрѣчали отголосокъ въ его душѣ. Въ ней онъ увидѣлъ и почувствовалъ душу, превосходно уравновѣшенную, свободную отъ всякаго рода сомнѣній и желаній, обвѣянную полнымъ умиротвореніемъ. Ея мысли являлись чѣмъ-то нераздѣльнымъ съ ея наружностью, какъ будто ея внѣшность была тѣсно связана съ ея душевнымъ состояніемъ; даже движеніе ея руки, ровный и тихій звукъ ея голоса, мягкій свѣтъ въ глубинѣ ея глазъ и даже стройныя, спокойныя линіи всей ея фигуры—все это гармонировало съ серьезнымъ и спокойнымъ тономъ ея рѣчи, какъ аккомпаниментъ вторитъ голосу пѣвца, дополняя его и сливаясь съ нимъ въ одну общую гармонію. Ея вліяніе было настолько неоспоримо и неизбѣжно, что оставалось только съ благодарностью и радостью подчиняться ему. Виллю ея присутствіе напоминало самыя раннія мечты его дѣтства, и мысль о ней заняла въ его душѣ мѣсто на ряду съ утренней зарей, журчаньемъ водъ и первыми ранними фіалками на лугахъ. Таково свойство предметовъ, которые мы видимъ въ первый разъ, или въ первый разъ послѣ долгаго промежутка времени, какъ, напримѣръ, первые весенніе цвѣты,—пробуждать вновь въ душѣ острое ощущеніе былыхъ чувствъ, возраждать эти чувства съ новою силой и вызывать впечатлѣніе чего-то мистическаго и таинственно непонятнаго, которое съ годами незамѣтно утрачивается нами. Но видъ любимаго лица возрождаетъ въ душѣ человѣка всѣ эти чувства и переживанія съ поразительной яркостью и, можно сказать, обновляетъ душу.

Однажды послѣ обѣда Вилль вздумалъ прогуляться въ сосновой рощѣ. Имъ всецѣло овладѣло чувство сосредоточеннаго блаженства и довольства, и онъ все время тихо улыбался своимъ мыслямъ и окружающей природѣ. Рѣка, окутанная легкой дымкой, журча, бѣжала среди своихъ высокихъ береговъ; птичка

громко заливалась гдѣ-то въ лѣсу; вершины горъ казались сегодня особенно высоки, и когда онъ время отъ времени взглядывалъ на нихъ, ему казалось, что и они смотрятъ на него благосклонно и съ большимъ любопытствомъ. Такъ онъ дошелъ до возвышенія за мельницей, откуда открывался видъ на равнину; здѣсь онъ присѣлъ на камень и погрузился въ глубокія, по сладостныя думы. Тамъ внизу далеко раскинулась равнина съ ея многолюдными городами и серебристыми изгибами рѣки; все казалось уснуло, кромѣ громадной стаи птицъ, то взлетавшихъ высоко, то падавшихъ низко и безпрерывно кружившихся въ прозрачномъ голубомъ эфирѣ. Вилль громко произнесъ имя Марджери, и оно обрадовало его слухъ. Онъ сомкнулъ вѣки, и ея образъ возсталъ передъ нимъ спокойный и лучезарный, сопутствуемый свѣтлыми, добрыми мыслями. Пусть же рѣка бѣжитъ, вѣчно стремясь впередъ; пусть птицы взлетаютъ все выше и выше, хоть до самыхъ звѣздъ, теперь онъ видѣлъ, что все это, въ сущности, пустая суета и тщетныя волненія, потому что онъ здѣсь, не трогаясь съ мѣста, а терпѣливо ожидая въ своей узкой горной долинѣ, достигъ высшаго блаженства — увидѣлъ иное новое, болѣе яркое солнце!

На другой день Вилль сдѣлалъ черезъ столъ нѣчто вродѣ признанія, въ то время когда пасторъ молча и сосредоточенно набивалъ свою трубку.

— Миссъ Марджери,—сказалъ онъ,—я еще не встрѣчалъ никого въ своей жизни кто бы мнѣ такъ нравился, какъ вы. Я вообще холодный, угрюмый человѣкъ, не потому чтобы у меня не было сердца, или благорасположенія къ моимъ ближнимъ, по вслѣдствіе извѣстной странности моего образа мыслей. Всѣ люди мнѣ кажутся далекими и чужими; я стою совершенно обособленно, словно вокругъ меня кольцомъ лежитъ какая-то преграда, не допускающая ко мнѣ никого, кромѣ васъ; другихъ я будто издали вижу, слышу какъ они смѣются и говорятъ, а вы, я чувствую, что вы подошли ко мнѣ совсѣмъ близко. Быть можетъ это непріятно вамъ?—спросилъ онъ.

Марджери ничего не отвѣтила.

— Что же ты ничего не говоришь, дочь моя? — сказалъ отецъ.

— Нѣтъ, пусть не говоритъ сейчасъ,—возразилъ Вилль,— я не желалъ бы ее неволить; у меня у самого языкъ прилипъ къ

гортани, а со мной это рѣдко бываетъ, она же женщина, и немногимъ старше ребенка; если сказать по правдѣ, гдѣ же ей сразу разобраться въ этомъ! Но что касается меня, то, насколько я могу судить о томъ, что люди вообще подъ этимъ подразумѣваютъ, я думаю, что я, то, что называется «влюбленъ»! Возможно, конечно, что я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что со мной дѣло обстоитъ именно такъ, какъ я говорю. Если миссъ Марджери, со своей стороны, питаетъ по отношенію ко мнѣ иныя чувства, то, можетъ быть, она будетъ столь добра, что согласится отрицательно покачать головой,—добавилъ Вилль.

Но Марджери продолжала хранить молчаніе и ни единымъ знакомъ или движеніемъ не дала замѣтить, что она что-нибудь слышала.

— Какъ же мнѣ это понимать?—спросилъ Вилль, обращаясь къ пастору.

— Она должна отвѣтить,—сказалъ отецъ, отложивъ въ сторону свою трубку.—Слышишь, Мэджъ, вотъ нашъ сосѣдъ говоритъ, что онъ любитъ тебя. А ты? Любишь ты его или нѣтъ?

— Я думаю, что да,—чуть слышно отвѣтила Марджери.

— Ну, вотъ, это все, что можно было желать!—радостно воскликнулъ Вилль, и онъ черезъ столъ взялъ ея руку и съ минуту продержалъ ее въ своихъ съ чувствомъ невыразимаго удовлетворенія.

— Вы должны жениться,—замѣтилъ пасторъ, поднося трубку ко рту.

— Вы полагаете, что это именно то, что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать?—спросилъ его Вилль.

— Всенепремѣнно! Это необходимо,—сказалъ старикъ.

— Ну, что-жъ, прекрасно!—согласился женихъ.

На этомъ разговоръ и кончился.

Прошло дня два или три, въ продолженіе которыхъ Вилль чувствовалъ себя все время наверху блаженства, хотя любой посторонній наблюдатель едва ли бы это замѣтилъ.

Онъ продолжалъ ежедневно обѣдать, сидя напротивъ Марджери за столомъ, продолжалъ бесѣдовать съ ней и глядѣть на нее въ присутствіи ея отца совершенно такъ же, какъ раньше, но не дѣлалъ ни малѣйшей попытки видѣться съ нею наединѣ и вообще ни въ чемъ не измѣнилъ своего отношенія къ ней или своей манеры держаться съ нею, противъ того, какъ это было съ самаго начала. Возможно, что дѣвушка была этимъ немного ра-

зочарована и можетъ быть не совсѣмъ безъ причины, а между тѣмъ, если бы для ея удовлетворенія было достаточно сознанія, что она неотступно царитъ въ его мысляхъ, что она придаетъ всей его жизни иную окраску, она могла бы быть вполнѣ довольна. Ни на одно мгновеніе Вилль не переставалъ думать о ней; онъ подолгу сидѣлъ надъ рѣкой и слѣдилъ за облаками водяной пыли и брызгъ надъ водой, за рыбой, неподвижно стоящей въ водѣ, и за водорослями, стелящимися по теченію рѣки, словно вытянутыя струны. Онъ уходилъ одинъ на пригорокъ любоваться румянымъ закатомъ, и черные дрозы цѣлыми стаями стрекотали у него надъ головой и повсюду кругомъ, въ чащѣ лѣса. Онъ вставалъ рано по утру и встрѣчалъ первые лучи солнца, золотившіе блѣдно-сѣрое небо, которое они предварительно окрасили въ блѣдно-розовый цвѣтъ, смотрѣлъ, какъ вершины горъ вдругъ озарялись ликующимъ свѣтомъ, и на что бы онъ ни смотрѣлъ, онъ никакъ не могъ надивиться всей этой красотѣ пробуждающейся или засыпающей природы и спрашивалъ себя:—да неужели же онъ раньше никогда не видалъ всего этого? Или же въ самомъ дѣлѣ случилось съ нимъ что-то, отчего все кругомъ такъ преобразилось? Даже звукъ колесъ его мельницы и шелестъ вѣтра въ верхушкахъ деревьевъ смущали и очаровывали его. И самыя чудныя мысли, непрошенныя и незваныя, сами собою родились у него въ мозгу. Онъ былъ до того счастливъ, что не могъ спать по ночамъ, а днемъ не могъ усидѣть на мѣстѣ, развѣ только въ ея обществѣ, а между тѣмъ, казалось, какъ будто онъ ее избѣгаетъ, вмѣсто того, чтобы искать ея присутствія. Однажды, когда Вилль возвращался съ такой прогулки, онъ засталъ Марджери въ саду, гдѣ она срѣзала цвѣты. Поравнявшись съ ней, онъ замедлилъ шаги и пошелъ рядомъ съ ней.

— Вы любите цвѣты?—спросилъ онъ.

— О да, я ихъ очень люблю,—отвѣтила она,—а вы?

— Я не особенно; цвѣты это хорошо такъ, отъ бездѣлья. Когда все дѣло сдѣлано, можно и ими позаняться, но я вполнѣ понимаю, что можно очень любить цвѣты, только не такъ, какъ вы любите.

— Не такъ? А какъ же?—спросила она, остановившись и поднявъ на него вопросительный, недоумѣвающій взглядъ.

— Вы вотъ срываете ихъ,—сказалъ онъ,—а имъ гораздо лучше на корню, на стеблѣ; тамъ, на своемъ мѣстѣ, на нихъ

даже смотрѣть пріятнѣе, потому что они смотрятъ красивѣе, свѣжѣе, бодрѣе и веселѣе.

— Но я хочу, чтобы они всецѣло принадлежали мнѣ,—возразила дѣвушка,—я хочу носить ихъ на груди, хочу держать ихъ на столѣ въ моей комнатѣ, чтобы любоваться ими когда хочу и сколько хочу. Они соблазняютъ меня, пока я вижу ихъ здѣсь, на кустахъ; они какъ будто говорятъ мнѣ: поди сюда, сдѣлай что-нибудь съ нами! А когда я срѣжу ихъ и принесу къ себѣ, этотъ соблазнъ самъ собой исчезаетъ, они перестаютъ смущать меня, и я могу спокойно смотрѣть на нихъ, могу любоваться ими съ легкимъ сердцемъ.

— Вы, значитъ, желаете обладать ими,—сказалъ Вилль,—чтобы потомъ уже и не думать о нихъ; это походитъ на то, какъ одинъ человѣкъ зарѣзалъ курицу, несшую золотыя яйца, чтобы сразу завладѣть всѣми ея золотыми яйцами,—помните, какъ о томъ говорится въ баснѣ? А еще это напоминаетъ мнѣ нѣсколько то, что я всегда хотѣлъ сдѣлать, когда былъ еще маленькимъ мальчикомъ. Меня всегда прельщалъ видъ на равнину, и я хотѣлъ непремѣнно спуститься въ нее, а тамъ я, конечно, былъ бы лишенъ возможности любоваться видомъ на нее. Боже мой, Боже мой! Если бы только всѣ люди постоянно думали объ этомъ, то, вѣроятно, всѣ поступали бы такъ, какъ я, и вы тоже, вѣроятно, оставили бы эти бѣдные цвѣты расти на своемъ мѣстѣ, такъ какъ я остался здѣсь въ своей горной долинѣ... — Вдругъ онъ оборвалъ, не договоривъ, свою мысль.—Клянусь Богомъ! Да вѣдь это!..—воскликнулъ онъ и опять замолчалъ, а когда Марджери стала спрашивать его, что такое ему пришло въ голову, онъ уклонился отъ отвѣта и пошелъ въ домъ, а на лицѣ у него появилось какое-то странное выраженіе, удивившее дѣвушку.

За столомъ онъ противъ обыкновенія былъ молчаливъ; а когда стемнѣло, и звѣзды зажглись на небѣ, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, не переставая, ходилъ взадъ и впередъ по двору и саду, неровными шагами, видимо чѣмъ-то сильно взволнованный и озабоченный. Весь домъ уже давно спалъ, но въ окнѣ комнаты, занимаемой Марджери, еще былъ огонь; одно небольшое, продолговатое, оранжево-красное пятно среди цѣлаго моря темно-голубоватой мглы спящей долины и серебристаго трепетнаго свѣта звѣздъ въ безлунной ночи. Мысли Вилли очень

часто возвращались къ этому окну, но это были вовсе не мысли влюбленнаго.

— Тамъ за окномъ, въ комнаткѣ, гдѣ горитъ свѣча, тамъ она,—думалъ онъ,—а здѣсь у меня надъ головой безчисленныя звѣзды, благослови Господь и ее, и ихъ!

Какъ эта дѣвушка, такъ и звѣзды имѣли на него благотворное вліяніе; и она, и звѣзды размягчали его душу, пробуждали въ немъ лучшія чувства, и способствовали его сладостному довольству жизнью и всѣмъ окружающимъ міромъ. Чего еще больше могъ онъ желать или ожидать отъ нихъ?.. И въ этотъ моментъ молодой толстякъ и его мудрыя наставленія такъ живо припомнились Виллю, такъ ярко ожили въ его памяти, что онъ невольно закинулъ голову назадъ, какъ тогда, въ ту столь памятную для него ночь и, приложивъ обѣ ладони ко рту, онъ громко крикнулъ вверхъ къ далекому небу, усѣянному миріадами звѣздъ. Вслѣдствіе ли неудобнаго положенія слишкомъ закинутой головы, или же вслѣдствіе непривычнаго усилія отъ напряженія голоса, ему вдругъ показалось, что въ этотъ моментъ звѣзды внезапно дрогнули, заколебались и какъ будто сшиблись другъ съ другомъ и разсыпали по небу цѣлый дождь холодныхъ, леденящихъ лучей. Въ тотъ же мигъ одинъ уголокъ занавѣски въ окнѣ на мгновеніе приподнялся, свѣтъ въ окнѣ дрогнулъ, и занавѣска снова опустилась.

Вилль громко разсмѣялся.

— Ха! Ха! Ха!.. И они, и она!..—подумалъ онъ,.—Задрожали звѣзды, задрожалъ и свѣтъ въ окнѣ! Богъ свидѣтель, какой я великій магъ и волшебникъ!.. Будь я глупецъ, какъ бы я теперь, голубчикъ, попался!.. а, будь я глупцомъ...

И онъ пошелъ ложиться, тихонько посмѣиваясь про себя.

На другой день рано утромъ онъ увидѣлъ Марджери въ саду и поспѣшилъ къ ней.

— Я вчера, да и все это время, много думалъ о женитьбѣ,—сказалъ Вилль, приступая къ дѣлу безъ дальнѣйшихъ околичностей.—Обсудивъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, я пришелъ къ убѣжденію, что это дѣло не стоющее, то есть, что намъ жениться положительно не стоитъ.

Дѣвушка на одно мгновеніе подняла на него глаза, но его добродушный, сіяющій видъ смутилъ бы въ данномъ случаѣ даже

ангела, и Марджери поспѣшила опустить глаза въ землю, не вымолвивъ ни единаго слова. Но онъ видѣлъ, что она вздрогнула.

— Я надѣюсь, что вы ничего не имѣете противъ этого,—продолжалъ онъ, нѣсколько смущенный ея отношеніемъ къ его словамъ,—и, конечно, не сердитесь на меня за то, что я вамъ сейчасъ высказалъ; право, вы не должны этимъ обижаться; я все это основательно обдумалъ и обсудилъ, и даю вамъ слово, честью завѣряю васъ, что мы ничего отъ этого брака не выиграемъ. Мы не станемъ отъ него ни на іоту ближе другъ другу чѣмъ теперь и никогда не будемъ такъ счастливы, какъ сейчасъ!

— Вы напрасно тратите со мной такъ много словъ,—сказала она;—это совершенно лишнее; я прекрасно помню, что вы сказали тогда, что не смѣете утверждать съ полной увѣренностью, что любите меня, что, можетъ быть, вы ошибаетесь,— и теперь, когда я вижу, что вы дѣйствительно ошибались и что вы, повидимому, никогда не любили меня, я могу только сожалѣть о томъ, что я была введена вами въ заблужденіе въ этомъ отношеніи.

— Прошу извиненія! Вы вовсе не такъ поняли смыслъ и значеніе моихъ словъ, вы сильно заблуждаетесь на этотъ разъ,— энергично запротестовалъ Вилль.—Что касается того, насколько я васъ любилъ и любилъ ли я васъ или нѣтъ, объ этомъ вы судить не можете, объ этомъ лучше знать другимъ, но во всякомъ случаѣ мое чувство ничуть не измѣнилось, и вы смѣло можете похвалиться, что переиначили всю мою жизнь, и меня самого сдѣлали совсѣмъ другимъ человѣкомъ, не похожимъ на то, чѣмъ я былъ раньше. Я искренно думаю все, что я вамъ теперь говорю, и ничего не преувеличиваю въ моихъ словахъ; я не думаю, чтобы намъ стоило жениться, и, право, я предпочелъ бы, чтобы вы продолжали жить съ вашимъ добрымъ отцомъ, а я имѣлъ бы возможность разъ или два въ недѣлю ходить къ вамъ, какъ люди ходятъ въ церковь, а въ промежутки между этими свиданіями, мы оба были бы счастливы отъ ожиданія новой встрѣчи и новаго свиданія. Таково мое представленіе, но если вы почему-либо непремѣнно хотите этого, то я женюсь на васъ, — добавилъ онъ.

— Неужели вы не понимаете, что вы оскорбляете меня?!— воскликнула она съ невольнымъ упрекомъ.

— Я васъ оскорбляю! Нѣтъ, Марджери, нѣтъ! Какъ вы можете допустить, что нибудь подобное!.. Кто хотите. только не я!

Говорю вамъ это отъ чистой совѣсти. Мнѣ васъ оскорблять! Мнѣ, который предлагаетъ вамъ лучшую привязанность своего сердца, самую искреннюю, самую чистую и святую любовь. Примите ее или пренебрегите ею, какъ хотите, но только, я такъ полагаю, что не въ вашей власти, а также и не въ моей измѣнить то, что разъ случилось, и вы теперь, если бы даже вы того желали, не въ состояніи освободить меня отъ этой любви! Я женюсь на васъ, если хотите, повторяю вамъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ говорю вамъ, что не стоитъ, что мы ровно ничего черезъ это не выиграемъ и что намъ гораздо лучше остаться друзьями. Хотя я тихій, не расторопный человѣкъ, но въ своей жизни я успѣлъ многое замѣтить, успѣлъ увидѣть многое такое, чего не видятъ другіе, и успѣлъ многому научиться; повѣрьте мнѣ, Марджери, вы ничего не прогадаете, если согласитесь на мое предложеніе. Если же оно вамъ не нравится, скажите только одно слово, и я сейчасъ же женюсь на васъ.

Наступило довольно продолжительное молчаніе; Вилль сталъ чувствовать какую-то неловкость и вслѣдствіе этого началъ раздражаться.

— Какъ я вижу, вы слишкомъ горды и не хотите высказать мнѣ прямо ваше мнѣніе. Очень жаль,—сказалъ онъ.—Повѣрьте, куда легче живется, когда все дѣлается начистоту! Скажите, можетъ ли человѣкъ поступить болѣе прямодушно, болѣе честно и чистосердечно по отношенію къ женщинѣ, чѣмъ я поступилъ въ данномъ случаѣ? Я высказалъ вамъ честно свое убѣжденіе, а выборъ и рѣшеніе предоставилъ вамъ; хотите вы, чтобы я на васъ женился, или предпочитаете принять мою дружбу, какъ я вамъ предлагаю, потому что считаю это за лучшее? Или быть можетъ, я вамъ просто надоѣлъ? Выскажитесь, прошу васъ! Помните, что сказалъ вашъ батюшка? Онъ сказалъ, что въ такихъ случаяхъ дѣвушка должна сказать, что у нея на душѣ!

При этихъ послѣднихъ словахъ Мэджъ какъ будто очнулась. Не сказавъ ни слова, она повернулась и быстрыми шагами пошла черезъ весь садъ по направленію къ дому и вскорѣ скрылась въ немъ, оставивъ Вилля въ сильномъ смущеніи и въ полной неизвѣстности относительно ея рѣшенія. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по саду, тихонько насвистывая про себя. По временамъ онъ останавливался и смотрѣлъ на небо и на вершины горъ или же шелъ и садился на краю обрывистаго берега рѣки, и смотрѣлъ на воду тупымъ, безсознательнымъ взглядомъ.

Всѣ эти недоумѣнія, сомнѣнія, волненія были такъ чужды его разсудительной натурѣ, его привычкамъ и всему избранному имъ съ твердой рѣшимостью, спокойному и уравновѣшенному укладу жизни, что онъ начиналъ уже сожалѣть о томъ, что Марджери вошла въ его жизнь.

— Въ сущности,—думалъ онъ,—я былъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ. Чего мнѣ не доставало? Я могъ во всякое время приходить сюда и наблюдать моихъ рыбокъ по цѣлымъ днямъ, если я хотѣлъ, и могъ любоваться небомъ и звѣздами, и утренней и вечерней зарей, и никто не могъ мнѣ помѣшать въ этомъ; я былъ и спокоенъ, и доволенъ своимъ положеніемъ, какъ вотъ эта моя старая мельница надъ рѣкой. Чего же мнѣ еще было надо!..

Къ обѣду Марджери пришла нарядная и спокойная, и едва только они всѣ трое сѣли за столъ, какъ она обратилась къ своему отцу съ такой рѣчью:

— Батюшка, мы основательно переговорили обо всемъ съ мистеромъ Вилли и пришли къ такому рѣшенію: мы видимъ, что оба мы ошиблись въ нашихъ чувствахъ, и онъ согласился на мою просьбу отказаться отъ всякой мысли о бракѣ между нами; онъ согласился быть для меня не болѣе какъ моимъ добрымъ другомъ, какъ раньше. Какъ вы видите, батюшка,—продолжала она, все также спокойно, но не подымая глазъ отъ своей тарелки, при чемъ, однако, не проявляла никакихъ другихъ признаковъ смущенія или огорченія,—между нами нѣтъ и тѣни ссоры или неудовольствія, и я серьезно надѣюсь, что мы очень часто будемъ видѣть его въ будущемъ у себя, и его посѣщенія будутъ мнѣ всегда особенно пріятны, и онъ во всякое время будетъ желаннымъ гостемъ въ нашемъ домѣ. Тебѣ, конечно, лучше знать, отецъ, какъ намъ поступить, но мнѣ кажется, что намъ было бы лучше покинуть теперь гостепріимный кровъ мистера Вилли, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, потому что, я думаю, что послѣ того, что произошло, мы едва ли можемъ быть для него пріятными гостями; во всякомъ случаѣ, въ эти первые дни.

Вилль, который съ трудомъ сдерживалъ себя съ самаго перваго момента ея рѣчи, послѣ этихъ послѣднихъ словъ шумно выкрикнулъ что-то невнятное и поднялъ руку, какъ бы энергично протестуя этимъ жестомъ противъ всего сказаннаго. При этомъ, весь видъ его выражалъ какое-то растерянное возмущеніе и досаду; повидимому, онъ былъ готовъ вмѣшаться и протесто-

вать, но она сразу осадила его, устремивъ на него строгій взглядъ и вспыхнувъ на мгновеніе гнѣвнымъ румянцемъ.

— Можетъ быть, вы будете столь любезны, что позволите мнѣ объяснить все это дѣло отцу,—сказала она такимъ тономъ, что Вилль совершенно растерялся.

Онъ былъ окончательно выбитъ изъ позиціи ея манерой держать себя и тономъ ея голоса. Онъ не посмѣлъ раскрыть рта, рѣшивъ, что въ этой дѣвушкѣ есть нѣчто такое, что свыше его пониманія, и въ этомъ онъ дѣйствительно былъ правъ.

Бѣдный пасторъ былъ совершенно озадаченъ; онъ всячески старался доказать, что это не болѣе, какъ маленькая ссора влюбленныхъ, которая пройдетъ безслѣдно, еще раньше чѣмъ на дворѣ успѣетъ стемнѣть; но когда ему была доказана несостоятельность этого аргумента, тогда онъ сталъ доказывать, что если не было ссоры, то нѣтъ и основанія разставаться. Добрякъ пасторъ успѣлъ привыкнуть и полюбить и своего хозяина, и его пріятное общество, и всѣ условія жизни въ этой гостиницѣ. Интересно было видѣть, какъ молодая дѣвушка ловко справлялась съ обоими мужчинами. Она говорила мало и совершенно спокойно, и тѣмъ не менѣе, что называется, умѣла обернуть ихъ вокругъ своего пальчика, и незамѣтно для нихъ вела ихъ туда, куда хотѣла, однимъ своимъ мягкимъ женскимъ тактомъ и умѣньемъ. Все шло такъ, какъ будто не она вовсе все это устроила, а обстоятельства сами собой сложились такъ, что Марджери и ея отецъ уѣхали въ тотъ же день послѣ обѣда. Сѣвъ въ деревенскую бричку, они направились дальше внизъ по долинѣ, гдѣ и поселились въ ближайшей деревушкѣ, въ ожиданіи того времени, когда постройка пасторскаго дома будетъ закончена, и имъ можно будетъ опять перебраться къ себѣ на свое старое мѣсто. Вилль внимательно наблюдалъ за молодой дѣвушкой все время, пока они еще оставались у него въ домѣ. Отъ него не укрылись ея проворство и рѣшительность во время сборовъ къ отъѣзду. Когда онъ остался одинъ, у него въ головѣ было множество странныхъ вопросовъ, которые ему слѣдовало обдумать и обсудить. Прежде всего онъ чувствовалъ себя ужасно одинокимъ и печальнымъ. Какъ будто весь интересъ къ жизни разомъ пропалъ у него, и теперь онъ могъ смотрѣть по цѣлымъ часамъ, по цѣлымъ ночамъ на звѣзды и почему-то не находилъ въ нихъ, какъ прежде, ни успокоенія, ни утѣшенія. Теперь онъ какъ будто совершенно утратилъ свое обычное душевное равновѣ-

сіе, изъ за этой Марджери. Онъ былъ и удивленъ, и озадаченъ, и раздраженъ въ то же время ея поведеніемъ, и все же онъ не могъ не восхищаться ею, не удивляться ей. Ему казалось, что онъ узнаетъ въ тихой и всегда ровной дѣвушкѣ, въ этой, повидимому, спокойной женской душѣ, черты хитраго, развратнаго демона, которыхъ онъ до сего времени никогда не подозрѣвалъ въ ней; и хотя онъ видѣлъ, что ея вліяніе шло въ разрѣзъ его личнымъ вкусамъ и привычкамъ и тому, искусственно созданному имъ для себя, спокойствію, онъ тѣмъ не менѣе не могъ противостоять искушенію страстно желать подчиненія этому вліянію. Подобно человѣку, постоянно жившему въ тѣни и сумеркахъ, и вдругъ очутившемуся на яркомъ солнцѣ, онъ былъ одновременно и огорченъ, и восхищенъ; ему было и жутко, и тяжело и въ то же время страшно пріятно.

По мѣрѣ того, какъ проходилъ день за днемъ, Вилль переходилъ отъ одной крайности къ другой; то онъ кичился своею силой воли и твердостью своихъ рѣшеній, то презиралъ свое глупое малодушіе и осторожность. Первый родъ образа мыслей въ сущности болѣе соотвѣтствовалъ его истиннымъ взглядамъ на вещи и являлся такъ сказать результатомъ его обычныхъ здравыхъ разсужденій; но время отъ времени его съ неудержимой силой внезапнаго порыва охватывало негодованіе на самого себя и возмущеніе противъ своего, какъ онъ тогда выражался, «нелѣпаго поведенія», и тогда онъ гналъ прочь всякое благоразуміе и точно человѣкъ, мучимый угрызеніями совѣсти, бродилъ по цѣлымъ днямъ въ саду, по дому или по лѣсу, не находя себѣ нигдѣ покоя. Такое состояніе духа было совершенно невыносимо для человѣка обычно столь спокойнаго, уравновѣшеннаго и степеннаго, какъ Вилль, и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало положить этому конецъ. Итакъ, въ одно прекрасное, теплое утро онъ надѣлъ свое лучшее платье, взялъ въ руки тросточку изъ прута терновника и пошелъ внизъ по долинѣ вдоль берега рѣки. Какъ только онъ принялъ свое рѣшеніе, къ нему разомъ вернулось его обычное спокойствіе, сердечное и душевное равновѣсіе; онъ радовался ясному, хорошему дню, любовался разнообразіемъ живописной мѣстности, и все это безъ малѣйшей примѣси тревоги или какого-нибудь непріятнаго чувства. Въ сущности ему было почти безразлично, чѣмъ окончится его вторичное сватовство; какой бы оборотъ ни приняло въ данномъ случаѣ дѣло, онъ будетъ одинаково доволенъ,—такъ думалъ

онъ. Если она на этотъ разъ приметъ его предложеніе, то ужъ ему, конечно, придется жениться на ней, что, пожалуй, будетъ къ лучшему. Если же она откажетъ, то у него по крайней мѣрѣ будетъ сознаніе, что онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, и теперь можетъ спокойно итти дальше своимъ путемъ, въ будущемъ, съ совершенно спокойной совѣстью. Въ глубинѣ души онъ все-таки надялся, что она ему откажетъ, но затѣмъ, когда онъ увидѣлъ въ просвѣтѣ между вѣтвистыхъ ивъ на поворотѣ рѣки коричневую кровлю, подъ которой она жила, онъ былъ уже наполовину склоненъ желать обратнаго, и былъ положительно пристыженъ сознаніемъ шаткости и неустойчивости своихъ желаній.

Марджери, повидимому, была рада, очень рада его видѣть; она протянула ему руку, ни минуты не задумываясь и безъ малѣйшей эффектаціи.

— Я много думалъ объ этомъ бракѣ,—началъ онъ.

— И я тоже,—подхватила она,—и я все болѣе и болѣе уважаю васъ, какъ человѣка умнаго и проницательнаго; вы сумѣли тогда лучше понять меня, чѣмъ я сама себя понимала, и теперь я совершенно увѣрена, что вы были правы, и что намъ лучше оставаться съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ.

— А все-таки я,—попытался было возразить Вилль, но она поспѣшила перебить его.

— Вы должно быть устали,—заговорила она,—садитесь, пожалуйста, и позвольте мнѣ принести вамъ стаканчикъ вина. День сегодня такой жаркій. А я хотѣла бы, чтобы вы остались довольны сегодняшнимъ вашимъ визитомъ къ намъ, потому что я желаю, чтобы вы часто, часто навѣщали насъ, разъ въ недѣлю, если у васъ будетъ время; я всегда такъ рада видѣть своихъ друзей, и отецъ тоже.

— Ну и прекрасно,—мысленно рѣшилъ Вилль,—какъ видно я, дѣйствительно, былъ правъ въ концѣ концовъ. И онъ провелъ очень пріятно время въ гостяхъ у дочери пастора въ ея миломъ обществѣ, и вернулся домой въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, послѣ чего не сталъ болѣе думать о своемъ сватовствѣ и предалъ все это дѣло полному забвенію.

Почти цѣлыхъ три года Вилль и Марджери продолжали поддерживать между собой подобныя отношенія, видясь разъ или два въ недѣлю и не обмѣниваясь никогда ни единымъ словомъ о любви. И въ продолженіе всего этого времени Вилль былъ,

повидимому, такъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ. Онъ часто даже самъ себѣ урѣзалъ радость частыхъ свиданій съ Марджери; нерѣдко, дойдя до половины пути къ церковному дому, онъ возвращался назадъ, какъ будто для того, чтобы разжечь свой аппетитъ. На одномъ изъ поворотовъ пути было такое мѣсто, откуда можно было видѣть церковный шпиль и колокольню, какъ будто втиснутые между двумя поросшими сосновымъ лѣсомъ склонами горъ, на фонѣ треугольнаго клочка долины. Это мѣсто Вилль особенно облюбовалъ для своихъ размышленій; здѣсь онъ садился и обдумывалъ и обсуждалъ всѣ свои впечатлѣнія, прежде чѣмъ вернуться домой. Окрестные крестьяне до того привыкли постоянно видѣть его на этомъ мѣстѣ въ сумерки, что прозвали этотъ изгибъ дороги «Уголокъ Вилля съ мельницы».

По прошествіи же трехъ лѣтъ, Марджери сыграла съ нимъ жестокую шутку, выйдя замужъ за кого-то другого. Вилль съ достоинствомъ выдержалъ свой характеръ и при случаѣ высказывался, что насколько онъ зналъ женщинъ, онъ поступилъ тогда весьма разумно и осторожно, что три года тому назадъ не женился на ней самъ. Несомнѣнно, что она сама мало знала себя и, несмотря на ея обманчиво разсудительный и сознательный видъ и на ея спокойную увѣренность въ себѣ, была такъ же непостоянна и измѣнчива, какъ и всѣ остальныя женщины. Мнѣ остается только поздравить себя, что я благополучно избѣжалъ соблазна, говорилъ онъ, и при этомъ становился еще болѣе высокаго мнѣнія о своемъ умѣ и разсудительности. Но въ душѣ онъ былъ крайне недоволенъ случившимся. Въ продолженіе мѣсяца или двухъ постоянно дулся и былъ не въ духѣ, и сильно спалъ съ тѣла къ немалому удивленію его двухъ работниковъ или слугъ.

Пожалуй, годъ спустя послѣ этого брака, однажды поздно ночью Вилль былъ разбуженъ стукомъ копытъ мчавшейся во весь опоръ по дорогѣ лошади и вслѣдъ за тѣмъ сильнымъ стукомъ въ ворота его гостиницы. Онъ распахнулъ окно, выглянулъ на дорогу и увидѣлъ работника съ фермы, прискакавшаго верхомъ на лошади съ другой осѣдланной лошадью въ поводу. Этотъ работникъ сказалъ ему, чтобы онъ спѣшилъ какъ только можно отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ домъ его хозяина, потому что госпожа Марджери при смерти; она послала за Вилли, прося его настоятельно пріѣхать, чтобы проститься съ ней.

Вилль былъ плохой наѣздникъ, и такъ плохо поспѣшилъ въ путь, что бѣдная молодая женщина была, можно сказать, чуть что не при послѣднемъ издыханіи, когда онъ, наконецъ, прибылъ. Тѣмъ не менѣе они бесѣдовали въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ съ глаза на глазъ, и онъ присутствовалъ и горько плакалъ въ то время, какъ она кончалась.

Смерть.

Годъ за годомъ уходили въ вѣчность; великіе перевороты и взрывы народныхъ чувствъ переживали большіе города, тамъ, на равнинѣ; кровавые бунты вспыхивали то тутъ, то тамъ и подавлялись кровавой расправой; битвы и сраженія склоняли побѣду то на ту, то на другую сторону; терпѣливые астрономы на своихъ высокихъ башняхъ въ обсерваторіяхъ высматривали новыя свѣтила и надѣляли ихъ причудливыми названіями; драмы, трагедіи и комедіи исполнялись на сценахъ ярко освѣщенныхъ театровъ; людей на носилкахъ тащили въ больницы и госпитали, и все шло своимъ обычнымъ чередомъ безпрерывной суеты и волненій человѣческой жизни въ большихъ, густо населенныхъ центрахъ. Только тамъ наверху, въ горной долинѣ Вилля, одинъ вѣтеръ и смѣна временъ года вносили свое разнообразіе; а то рыбы попрежнему стояли неподвижно въ быстро бѣгущей рѣкѣ, птицы кружились надъ головой, и верхушки сосенъ шумѣли подъ звѣзднымъ небомъ, а вершины высокихъ горъ, казалось, господствовали надо всѣмъ. И Вилль попрежнему хлопоталъ, ходилъ взадъ и впередъ по своей гостиницѣ, заботился о пріѣзжающихъ посѣтителяхъ до того времени, пока голова его не убѣлилась сѣдинами. Но сердце его попрежнему оставалось юнымъ и сильнымъ; и если пульсъ его бился не всегда ровнымъ и спокойнымъ темпомъ, все же онъ бился сильно и равномѣрно, какъ у здороваго и бодраго человѣка. Щеки его были еще украшены густымъ пятномъ румянца, напоминающимъ румяное, спѣлое яблоко. Правда, онъ нѣсколько согнулся, такъ что казался чуточку сутуловатымъ, но походка его была попрежнему твердая и увѣренная, а жилистыя руки его протягивались радушно къ каждому человѣку для дружелюбнаго рукопожатія. Лицо его было испещрено мелкими морщинками, какъ это обыкновенно случается съ людьми, много живущими на открытомъ воздухѣ, и которыя въ

сущности являются, такъ сказать, постояннымъ наслоеніемъ загара. Такого рода мелкія морщины подчеркиваютъ глупое выраженіе глупой физіономіи, по такому лицу, какъ лицо Билля, съ его умными, ясными глазами и доброй улыбкой, они придавали еще большую прелесть, свидѣтельствуя о простой, скромной и спокойной жизни. Разговоръ его былъ полонъ умныхъ изрѣченій, мѣткихъ сравненій и характерныхъ или справедливыхъ поговорокъ; Вилль питалъ симпатію къ людямъ, и люди питали симпатію къ нему. И когда долина переполнялась туристами въ разгаръ сезона, въ бесѣдкѣ при гостиницѣ Вилля хозяинъ и гости проводили не одну пріятную и веселую ночь. Его взгляды и мнѣнія, часто казавшіеся вздорными его односельчанамъ и сосѣдямъ, нерѣдко возбуждали удивленіе и приводили въ восторгъ высокообразованныхъ людей изъ большихъ городовъ и ученыхъ мужей изъ университетовъ и колледжей. Можно было сказать по справедливости, что Вилль дожилъ до почтенной старости; онъ всѣми былъ уважаемъ и любимъ и съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большую извѣстность; слава о немъ дошла до многолюдныхъ большихъ городовъ тамъ на равнинѣ. Молодые люди, путешествовавшіе лѣтомъ въ этихъ горахъ, встрѣчаясь въ городскихъ кафэ, вспоминали Вилля съ мельницы и его простую, но здравую философію. Много, много приглашеній, могу васъ увѣрить, получалъ старый Вилль отъ своихъ посѣтителей, но ничто не могло прельстить его и заставить его покинуть хоть на время его горную долину. На всѣ такія увѣщанія и уговоры онъ неизмѣнно отрицательно качалъ головой и, многозначительно усмѣхаясь, не вынимая изо рта трубки, отвѣчалъ: «Вы опоздали, другъ мой, я теперь можно сказать мертвый человѣкъ, моя жизнь отжита! Я жилъ и умеръ, давно уже умеръ! Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ при вашихъ словахъ у меня сердце выскочило бы изъ груди отъ радости, а теперь это даже не прельщаетъ меня; таковы результаты долгой жизни, что въ концѣ концовъ людямъ надоѣдаетъ жить». Или же: «Я знаю только одну разницу между долголѣтней жизнью и хорошимъ обѣдомъ, что за обѣдомъ сладкое подаютъ подъ конецъ, въ жизни же, наоборотъ. Или же отвѣчалъ такъ:—«Когда я былъ еще ребенкомъ и юношей, я всегда тщетно ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ: я ли, или свѣтъ интересенъ, любопытенъ и достоинъ изученія? А теперь я прекрасно знаю, что это я самъ, а отнюдь не свѣтъ! И я давно уже упорно держусь этого мнѣнія».

Несмотря на преклонный возрастъ, Вилль никогда не обнаруживалъ никакихъ признаковъ физической слабости или немощи, а оставался крѣпкимъ, бодрымъ и здоровымъ до конца. Говорятъ, что подъ конецъ онъ сталъ менѣе разговорчивъ и менѣе словоохотливъ, но за то онъ цѣлыми часами готовъ былъ слушать другихъ съ величайшимъ вниманіемъ и видимымъ удовольствіемъ, а когда онъ говорилъ, то говорилъ особенно вѣско, и въ его рѣчи чувствовался разумъ, умудренный долголѣтнимъ опытомъ. Онъ охотно выпивалъ бутылку вина, особенно во время заката, на вершинѣ любимаго пригорка за мельницей, откуда открывался видъ на равнину, или же поздно ночью подъ звѣзднымъ небомъ въ бесѣдкѣ. Онъ говорилъ, что видъ чего-нибудь особенно прекраснаго и недостижимаго усугубляетъ его наслажденіе предметами доступными, и при этомъ утверждалъ, что онъ достаточно долго прожилъ, чтобы научиться любоваться огонькомъ свѣчи, особенно, если онъ имѣлъ возможность сравнивать его съ планетой.

Однажды ночью, когда ему было уже семьдесятъ два года, онъ вдругъ пробудился въ столь тревожномъ состояніи духа, что не могъ оставаться въ постели. Онъ всталъ, одѣлся и вышелъ въ бесѣдку, чтобы предаться размышленіямъ, какъ это было его обыкновеніемъ всегда, когда онъ чувствовалъ себя не по себѣ. Ночь была темная, зги не видать, на небѣ ни единой звѣздочки; рѣка сильно вздулась, а насыщенные влагой лѣса и луга наполняли воздухъ благоуханіемъ. Днемъ была сильная гроза и на-завтра надо было тоже ожидать грозы. То была темная, мрачная, леденящая ночь для старика семидесяти двухъ лѣтъ! Погода ли или окружающій мракъ были тому причиной, или безсонница, или же лихорадочное состояніе и небольшой жаръ въ крови, но Вилля осадили бурныя, жгучія воспоминанія, болѣзненно яркія, тѣснившіяся и толпившіяся въ его мозгу въ непривычномъ безпорядкѣ. Онъ видѣлъ себя мальчикомъ, затѣмъ юношей, бесѣдующимъ въ этой самой бесѣдкѣ съ молодымъ толстякомъ, вспоминалъ, какъ на яву, смерть своихъ пріемныхъ родителей; чудные лѣтніе дни, проведенные здѣсь съ Марджери, и много, много такихъ мелкихъ пустяшныхъ въ сущности обстоятельствъ, которыя кажутся совершенно вздорными и ничего не значущими другимъ, а между тѣмъ представляютъ собою самую суть всей жизни человѣка для того, кто ихъ пережилъ. Нѣчто когда-то видѣнное, слова нѣкогда произнесенныя

и запечатлѣвшіяся въ памяти, взгляды, случайно уловленные— все когда-то имъ видѣнное и слышанное или перечувствованное вдругъ почему-то разомъ поднялось со дна души, выползло изъ забытыхъ уголковъ и овладѣло всѣми его мыслями и чувствами. Даже сами умершіе, нѣкогда близкіе и дорогіе, какъ будто были здѣсь съ нимъ, въ эту ночь, не только какъ блѣдныя тѣни въ ряду воспоминаній, проходящіе передъ его мысленнымъ взоромъ, а какъ живые люди, присутствующіе здѣсь, видимые, чуть-что не осязаемые, какъ это иногда бываетъ во снѣ. Молодой толстякъ, напримѣръ, клалъ локти на столъ, сидя противъ него у стола, Марджери шла по саду съ полнымъ передникомъ только что срѣзанныхъ цвѣтовъ; онъ видѣлъ, какъ она ходила между садомъ и бесѣдкой, онъ слышалъ, какъ старикъ-пасторъ выколачивалъ золу изъ трубки и какъ онъ шумно сморкалъ свой звучный носъ. Сознаніе его все время то затуманивалось, то прояснялось, словно въ немъ происходилъ приливъ и отливъ; временами онъ какъ будто впадалъ въ полудремоту и совершенно тонулъ въ своихъ воспоминаніяхъ прошедшаго, а временами онъ приходилъ въ себя, возвращаясь къ сознанію дѣйствительности, и не могъ надивиться тому, что съ нимъ происходитъ. Но въ половинѣ ночи онъ очнулся, испуганный пробудившимъ его въ дѣйствительности голосомъ старика-мельника. Вилль явственно услышалъ, какъ старикъ звалъ его изъ окна дома, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, когда пріѣзжали посѣтители. Галлюцинація была до того сильна, что Вилль невольно вскочилъ съ мѣста и сталъ прислушиваться, ожидая, что мельникъ позоветъ его опять. Но въ то время, какъ онъ стоялъ и прислушивался, онъ услышалъ другой звукъ, кромѣ шума рѣки у мельницы и лихорадочнаго звона у него въ ушахъ—это былъ какъ бы конскій топотъ и стукъ экипажа, который какъ бы разомъ остановился на дорогѣ, у воротъ гостиницы.

Въ такое время ночью на этомъ крутомъ и опасномъ подъемѣ предположеніе о подъѣхавшемъ экипажѣ было положительно нелѣпо, и Вилль поспѣшилъ отогнать его и снова сѣлъ на свое прежнее мѣсто на скамьѣ въ бесѣдкѣ; но едва онъ сѣлъ, какъ сонъ одолѣлъ его, какъ одолѣваютъ тонущаго смыкающіяся надъ нимъ волны. Затѣмъ онъ снова пробудился, разбуженный вторично голосомъ покойнаго стараго мельника, но на этотъ разъ

голосъ звучалъ какъ-то тоньше и призрачнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и опять раздался стукъ, несущагося по дорогѣ экипажа, разомъ остановившагося у воротъ. И все это повторилось три или четыре раза; былъ ли то сонъ или галлюцинація наяву, трудно сказать, но подъ конецъ Вилль всталъ и, подсмѣиваясь самъ надъ собой, какъ подсмѣиваются надъ ребенкомъ, трусящимъ чего-то несуществующаго, пошелъ къ воротамъ, чтобы провѣрить свои сомнѣнія, удостовѣриться, что все это ему только померещилось, и успокоиться на этомъ.

Разстояніе отъ бесѣдки до воротъ было не особенно большое, но тѣмъ не менѣе Виллю потребовалось довольно много времени для того, чтобы пройти его; казалось, что умершіе столпились вокругъ него во дворѣ, и мѣшали ему пройти, пересѣкая ему на каждомъ шагу дорогу. Во-первыхъ, его поразилъ сильный, одуряющій ароматъ геліотроповъ, невыразимо сладкій и чарующій, какъ будто весь садъ его изъ конца въ конецъ былъ засаженъ этими цвѣтами, и теплая, влажная ночь высасывала изъ нихъ всю силу ихъ аромата своимъ влажнымъ дыханіемъ. А геліотропы были любимѣйшіе цвѣты Марджери, и со времени ея смерти Вилль не сажалъ больше ни одного геліотропа въ своемъ саду.

— Я, должно быть, съ ума схожу!—подумалъ онъ.—Что это мнѣ сегодня все такое чудится—бѣдная, милая Марджери и ея любимые геліотропы! Миръ ей и имъ!

И, говоря эти слова, онъ взглянулъ на то окно, которое нѣкогда было окномъ занимаемой ею комнаты. И если до того онъ былъ смущенъ и удивленъ, то теперь онъ былъ положительно пораженъ. Тамъ въ комнатѣ былъ свѣтъ; окно казалось продолговатымъ оранжево-краснымъ пятномъ на фонѣ окружающаго мрака темной ночи, какъ тогда, много, много лѣтъ тому назадъ, и уголъ занавѣски приподнялся и снова опустился какъ въ ту ночь, когда онъ громко крикнулъ къ звѣздному небу. И этотъ обманъ воображенія, эта поразительная иллюзія длилась всего одинъ моментъ, а затѣмъ все исчезло, но она точно подкосила его силы и унесла бодрость его духа. Онъ стоялъ какой-то растерянный и, протирая глаза, впивался взглядомъ въ темный силуэтъ знакомыхъ очертаній дома, на фонѣ почти столь же темнаго ночного неба. И въ то время, какъ онъ стоялъ и смотрѣлъ на свой домъ, онъ вдругъ опять услышалъ шумъ колесъ экипажа и стукъ конскихъ копытъ на каменистой дорогѣ и въ тотъ моментъ, какъ онъ обернулся лицомъ къ воротамъ, онъ увидѣлъ

незнакомца, шедшаго по двору прямо къ нему навстрѣчу. А тамъ дальше, за спиной незнакомца, на большой дорогѣ у раскрытыхъ настежъ воротъ, виднѣлись смутно очертанія большого парадиаго экипажа, позади котораго стройныя черныя верхушки молодыхъ сосенъ ближайшаго перелѣска казались тонкими черными султанами.

— Мастеръ Вилль?—коротко, по военному, обратился къ хозяину пріѣзжій.

— Онъ самый,—отозвался Вилль,—чѣмъ могу вамъ служить, сударь?

— Я много, очень много слышалъ о васъ, мастеръ Вилль,—сказалъ пріѣзжій,—и все только одно хорошее... Да! И хотя у меня дѣла не обобраться, какъ говорится, рукъ не хватаетъ на все, тѣмъ не менѣе я желаю распить съ вами бутылочку вашего добраго вина тамъ, въ вашей бесѣдкѣ; передъ отъѣздомъ я отрекомендуюсь вамъ по всѣмъ правиламъ, а пока я еще сохраню на-время свое инкогнито.

Вилль повелъ незнакомца къ бесѣдкѣ, зажегъ тамъ лампу и откупорилъ бутылочку вина. Онъ, можно сказать, давно уже привыкъ къ подобнаго рода посѣщеніямъ и подобнымъ любезнымъ вступленіямъ со стороны своихъ гостей и отъ этого новаго гостя не предвидѣлъ ничего особенно пріятнаго; онъ былъ достаточно умудренъ опытомъ и встрѣчалъ на своемъ вѣку немало краснобаевъ и видалъ немало разочарованій. Почему-то мысли у Вилли въ этотъ вечеръ какъ будто затуманивались, и это помѣшало ему вспомнить, что время сейчасъ было весьма неурочное для посѣщеній, и что во всемъ происходившемъ съ нимъ въ эту ночь было нѣчто странное, необычайное. Онъ двигался и дѣлалъ все, какъ во снѣ; ему показалось, что лампа зажглась точно сама собой, что бутылка раскупорилась безъ малѣйшаго усилія съ его стороны, и пока онъ это дѣлалъ, его внутренно разбирало любопытство по отношенію къ внѣшности незнакомца. Тщетно онъ старался направить свѣтъ лампы на его лицо; не то онъ былъ на этотъ разъ неловокъ въ обращеніи съ лампой, не то туманъ застилалъ ему глаза, но только онъ никакъ не могъ различить ничего, кромѣ общихъ очертаній гостя, точно какую-то тѣнь, сидящую у стола противъ него. Перетирая стаканы, Вилль продолжалъ упорно всматриваться въ эту тѣнь, и при этомъ онъ ощущалъ какой-то странный холодокъ около сердца, и царившая кругомъ тишина и безмолвіе тоже тяготили

и удручали его. Теперь онъ ничего рѣшительно не слышалъ, ни шума рѣки, ни шелеста вѣтра, онъ слышалъ только, какъ кровь стучала и гудѣла у него въ вискахъ.

— Пью за васъ!—довольно грубо и отрывисто возгласилъ гость.

— Слуга вашъ покорный, сударь!—отвѣтилъ Вилль и съ вѣжливымъ поклономъ онъ отхлебнулъ вина изъ своего стакана, но вино имѣло на этотъ разъ какой-то странный, непріятный вкусъ.

— Насколько мнѣ извѣстно, вы очень непреклонный и упорный человѣкъ,—продолжалъ незнакомецъ.

Вилль вмѣсто отвѣта едва замѣтно утвердительно кивнулъ головой и скромно, но съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, улыбнулся.

— Я тоже непреклоненъ,—сказалъ незнакомецъ, и мое главное наслажденіе—это досаждать людямъ, наступать имъ на ихъ любимыя мозоли! Я не хочу допустить, чтобы кто-нибудь былъ такъ же непроклоненъ, какъ я! Я люблю щелкать людей по носу; въ свое время я досаждалъ и перечилъ и самымъ надменнымъ и могущественнымъ государямъ, и величайшимъ полководцамъ, и геніальнѣйшимъ артистамъ, и что бы на это сказали вы, если бы я теперь заявилъ вамъ, мастеръ Вилль, что я явился сюда нарочно, чтобы поперечить вамъ!

У Вилля вертѣлся на языкѣ рѣзкій отвѣтъ наглецу, но привычная вѣжливость содержателя гостиницы взяла верхъ надъ его непосредственнымъ чувствомъ, и онъ, промолчавъ, отвѣтилъ на вызывающія слова гостя вѣжливымъ, уклончивымъ жестомъ руки.

— Таково въ дѣйствительности мое намѣреніе,—продолжалъ незнакомецъ,—и если бы я не питалъ къ вамъ особаго уваженія, я бы не сталъ тратить съ вами такъ много времени, а поступилъ бы круто, какъ я часто это дѣлаю, безъ лишнихъ церемоній и проволочекъ... Вы, кажется, гордитесь тѣмъ, что безотлучно прожили въ этомъ углу всю свою жизнь, и что ни что на свѣтѣ не можетъ васъ заставить покинуть вашу мельницу и вашу долину, потому что вы когда-то рѣшили никогда не покидать ихъ; ну, а я рѣшилъ иначе, я рѣшилъ, что вы сегодня уѣдете со мной отсюда въ моей колымагѣ и что мы славно съ вами прокатимся; мало того, говорю вамъ, что прежде чѣмъ вы успѣете допить эту бутылку, вы отправитесь со мной въ дальній путь.

— Удивительно странно было бы это, сударь!—возразилъ, саркастически усмѣхаясь, Вилль.—Вѣдь я здѣсь выросъ, можно сказать, вросъ въ эту почву, какъ вонъ тѣ старые дубы, и самъ дьяволъ, думается мнѣ, едва ли сумѣлъ бы выманить меня отсюда, до того крѣпко я пустилъ здѣсь корни. Но судя по тому, что я отъ васъ слышу, вы, сударь, презабавный и презанятный господинъ, и я готовъ, пожалуй, прозакладывать вамъ еще одну бутылочку моего добраго вина, что на этотъ разъ вы даромъ тратите со мной время.

Между тѣмъ зрѣніе Вилля какъ будто все больше и больше затуманивалось, но это не мѣшало ему все время чувствовать на себѣ упорный, леденящій и вмѣстѣ съ тѣмъ испытующій взглядъ незнакомца, который одновременно и раздражалъ, и подавлялъ его.

— Не думайте, пожалуйста,—вдругъ вырвалось у Вилля съ какой-то лихорадочной запальчивостью, удивившей и встревожившей его самого,—не думайте, что я такой упорный домосѣдъ изъ боязни чего-то неизвѣстнаго! Нѣтъ, я ничего рѣшительно не боюсь во всемъ Божьемъ мірѣ, могу васъ увѣрить! Видитъ Богъ, я достаточно усталъ жить, и когда придетъ, наконецъ, мой часъ отправиться въ болѣе продолжительное путешествіе, чѣмъ то, которое вы рѣшили мнѣ навязать, то къ нему я буду готовъ, могу вамъ поручиться за это!

Незнакомецъ допилъ свой стаканъ и отодвинулъ его отъ себя. Съ минуту онъ внимательно посмотрѣлъ на Вилля, а затѣмъ, облокотясь обѣими руками на столъ, онъ трижды фамильярно ударилъ Вилля однимъ пальцемъ по рукѣ, немного повыше кисти.

— Вашъ часъ пришелъ,—сказалъ онъ не громко, торжественно и внушительно.

Непріятная дрожь пробѣжала по всему тѣлу Вилля отъ того мѣста, котораго коснулся своимъ пальцемъ незнакомецъ, а звукъ его голоса, глухой и жуткій, какъ-то странно отдавался въ сердцѣ Вилли.

— Прошу извинить меня, сударь,—сказалъ онъ, нѣсколько взволнованный и разстроенный,—я не совсѣмъ понимаю, что вы хотите этимъ сказать?

— Хмъ!...—промолвилъ гость.—Посмотрите на меня, и вы убѣдитесь, что ваше зрѣніе измѣняетъ вамъ; подымите руку и вы почувствуете, что она смертельно тяжела. Говорю вамъ, что

это ваша послѣдняя бутылка вина, и это послѣдняя ваша ночь на этомъ свѣтѣ, мастеръ Вилль.

— Развѣ вы врачъ?—дрожащимъ голосомъ спросилъ Вилль.

— Я лучшій изъ врачей, когда-либо существовавшихъ,— отвѣтилъ незнакомецъ.—Я излѣчиваю разомъ и духъ, и тѣло однимъ и тѣмъ же средствомъ; я сразу прекращаю всѣ страданія и отпускаю всѣ прегрѣшенія; а въ тѣхъ случаяхъ, когда моими паціентами являются люди, которымъ жизнь не улыбалась, которыхъ постигали постоянныя неудачи, вездѣ и во всемъ встрѣчались затрудненія, я для нихъ сглаживаю все и вывожу ихъ побѣдителями изъ самыхъ запутанныхъ и тяжелыхъ обстоятельствъ!

— Это, конечно, прекрасно, но благодареніе Богу, я въ вашей помощи нисколько не нуждаюсь!—сказалъ Вилль.

— Для каждаго человѣка приходитъ такое время, мастеръ Вилль,—возразилъ странный врачъ,—когда у него изъ рукъ берутъ руль, и когда другой берется за него и правитъ его ладьей. Потому что вы въ теченіе всей своей жизни всегда были разумны и спокойны и осторожны, эта пора пришла для васъ не скоро, много позднѣе, чѣмъ для другихъ; вамъ дано было довольно много времени подготовиться къ этому моменту. Вы теперь видѣли все, что можно было увидѣть близъ вашей мельницы; вы всю жизнь просидѣли здѣсь, не сходя со своего мѣста, просидѣли, какъ кротъ въ своей норѣ, ну, а теперь довольно! Эта ваша миссія кончена, — добавилъ страшный посѣтитель, вставая изъ-за стола.—Теперь вы должны встать и итти за мной.

— Вы странный господинъ,—сказалъ Вилль, глядя въ упоръ на своего гостя,—и страшный врачъ.

— Я не только врачъ, я законъ природы!—возразилъ собесѣдникъ.—Люди называютъ меня «Смерть».

— Такъ почему же вы не сказали мнѣ этого сразу?!—воскликнулъ Вилль.—Я ждалъ васъ всѣ эти долгіе годы; протяните мнѣ вашу руку, и съ Богомъ въ путь!

— Такъ обопритесь на меня сильнѣе,—сказала гостья.— Ваши силы уходятъ. Опирайтесь крѣпче. Я хотя и стара, какъ міръ, но все еще очень сильна, сильнѣе всѣхъ и сильнѣе всего! Здѣсь не болѣе трехъ шаговъ до моей колымаги, а тамъ окончатся всѣ ваши заботы и печали. Право-же,—добавила гостья, и голосъ ея звучалъ теперь тепло, сердечно и дружелюбно,—я тосковала по васъ, какъ по родномъ сынѣ; изъ всѣхъ людей, за

которыми я прихожу и приходила во весь свой долгій вѣкъ, за вами я пришла съ наибольшей радостью! Я и зла, и насмѣшлива и часто огорчаю людей въ первый моментъ моего приближенія къ нимъ, но въ сущности я для большинства изъ нихъ добрый другъ, особенно же для такихъ людей, какъ вы, мастеръ Вилль.

— Съ тѣхъ поръ, какъ Марджери скончалась, — сказалъ Вилль,—свидѣтель Богъ, что вы были для меня единственнымъ другомъ, котораго я ждалъ и котораго я горячо желалъ увидѣть у своихъ дверей.

И хозяинъ и гостья пошли вмѣстѣ, рука объ руку, черезъ дворъ къ воротамъ. Одинъ изъ слугъ проснулся около этого времени и услышалъ конскій топотъ у самыхъ воротъ, но повернулся на другой бокъ и тотчасъ же опять заснулъ. Въ эту ночь вдоль всей долины отъ мельницы внизъ слышался мягкій, ласковый шелестъ, словно пріятный и нѣжный тихій вѣтерокъ несся съ горъ по направленію къ равнинѣ, а на утро, когда все кругомъ вновь пробудилось къ жизни, Вилль съ мельницы отправился, наконецъ, въ свое первое и послѣднее путешествіе. въ страну, откуда никогда не возвращаются.

УБІЙЦА.

— Да,—сказалъ антикваръ,—наши барыши возростаютъ отъ разнаго рода обстоятельствъ. Одни покупатели бываютъ невѣжественны, не понимаютъ толку въ вещахъ, и тогда мы наживаемся па ихъ невѣжествѣ, т. е. взымаемъ съ нихъ извѣстный дивидентъ за свое превосходство въ знаніи; другіе бываютъ люди сомнительной честности, и при этомъ антикваръ поднялъ свѣчу такъ, что свѣтъ ея упалъ прямо на лицо его посѣтителя,— и въ такихъ случаяхъ мы тоже извлекаемъ пользу изъ своей высшей добродѣтели,—добавилъ онъ.

Маркхеймъ только что вошелъ съ улицы, гдѣ было еще совершенно свѣтло, и глаза его не успѣли еще освоиться со свѣтомъ свѣчи и окружающимъ мракомъ лавочки антиквара, и потому, при послѣднихъ словахъ этого человѣка, вѣроятно, отъ близости поднесенной къ самому его лицу зажженной свѣчи онъ невольно болѣзненно заморгалъ и отвернулся.

Торговецъ странно захихикалъ.

— Вы явились ко мнѣ въ самое Рождество Христово,— продолжалъ онъ,—въ такое время, когда вы знаете, что я одинъ въ цѣломъ домѣ, что я закрываю ставнями окна моей лавочки и ни подъ какимъ видомъ не дѣлаю никакихъ сдѣлокъ или торговыхъ операцій; ну, разумѣется, вамъ придется заплатить мнѣ за это! Вы должны заплатить мнѣ за потраченное мною съ вами время, которое я долженъ былъ употребить на сведеніе балансовъ въ моихъ книгахъ, и кромѣ того, вамъ придется заплатить мнѣ еще и за ту странную манеру, которая сегодня особенно ярко сказывается въ вашемъ обращеніи со мной. Я, видите ли, все учитываю! Какъ вамъ извѣстно, я—сама скромность, и никогда не задаю никому непріятныхъ и щекотливыхъ вопросовъ, но когда мой кліентъ не можетъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, и

я соображаю, что тутъ что-то не совсѣмъ ладно, то и за это ему тоже приходится нѣсколько приплачивать.

Тутъ антикваръ еще разъ хихикнулъ и лукаво и многозначительно прищурился, но затѣмъ перешелъ на свой обычный дѣловой тонъ, въ которомъ, однако, все еще слышалась ироническая нотка.

— Ну, вы, конечно, какъ всегда можете весьма точно и подробно объяснить, какимъ образомъ къ вамъ попала та вещь, которую вы предлагаете мнѣ купить? Вѣроятно, она все изъ той же богатой коллекціи вашего дядюшки, не такъ ли? Удивительный это былъ коллекціонеръ, надо отдать ему справедливость!

И маленькій, блѣдный, тщедушный и сутуловатый антикваръ приподнялся при этомъ на цыпочки и смотрѣлъ поверхъ своихъ золотыхъ очковъ на своего посѣтителя, съ видимымъ недовѣріемъ покачивая головой.

Маркхеймъ отвѣтилъ на это взглядомъ полнымъ безконечной жалости и непреодолимаго отвращенія, но отвѣчалъ сдержанно и спокойно:

— На этотъ разъ вы ошибаетесь; я пришелъ не предложить вамъ купить что-нибудь у меня, а наоборотъ, я пришелъ купить у васъ самъ то, что мнѣ приглянется. Въ данный моментъ, у меня нѣтъ такихъ рѣдкостей, которыя я могъ бы предложить вамъ или отъ которыхъ я хотѣлъ бы отдѣлаться; дядюшкина коллекція совершенно исчерпана; въ его кабинетѣ не осталось ничего, не исключая рѣзной дубовой панели; но даже въ томъ случаѣ, если бы тамъ еще сохранилось кое что, я сегодня скорѣе прибавилъ бы къ ней что-нибудь, чѣмъ убавилъ изъ нея. Въ послѣднее время мнѣ повезло на биржѣ, и сейчасъ я при деньгахъ. Сегодняшнее мое дѣло къ вамъ очень простое: мнѣ нуженъ интересный рождественскій подарокъ для молодой особы,— пояснилъ онъ, становясь все болѣе и болѣе краснорѣчивымъ по мѣрѣ того, какъ онъ добирался до заранѣе приготовленной имъ маленькой басни.—Я, конечно, очень извиняюсь, что обезпокоилъ васъ въ такое неурочное время и по столь маловажному дѣлу, но суть въ томъ, что вчера я забылъ позаботиться о подаркѣ, а между тѣмъ, я долженъ сдѣлать это маленькое подношеніе непремѣнно сегодня за обѣдомъ. Какъ вамъ извѣстно, въ наше время богатыя невѣсты такого рода вещь, которой пренебрегать никакъ нельзя.

Послѣдовало непродолжительное молчаніе, во время котораго антикваръ, повидимому, взвѣшивалъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ слова своего посѣтителя.

Царившую въ лавкѣ тишину нарушало только тиканіе разнохарактерныхъ часовъ, которыхъ было много среди драгоцѣннаго хлама этой антикварной лавки, да еще доносившійся сюда отдаленный шумъ экипажей, проѣзжавшихъ по ближайшей улицѣ.

— Пусть такъ, сэръ,—сказалъ, наконецъ, антикваръ,—вы мой старинный кліентъ и посѣтитель, и если, какъ вы говорите, вамъ представляется случай сдѣлать хорошую партію, то я далекъ отъ мысли быть для васъ препятствіемъ въ этомъ дѣлѣ. Вотъ хорошенькая вещица для дамы,—продолжалъ онъ;—это ручное зеркальце XV-го столѣтія, удивительно изящное; ручаюсь за подлинность. Я пріобрѣлъ его изъ собранія одного очень хорошаго коллекціонера, имя котораго я вамъ не назову, въ интерсахъ моего кліента, который какъ и вы племянникъ и единственный наслѣдникъ своего дядюшки, тоже замѣчательнаго коллекціонера.

Произнося эти слова своимъ обычнымъ сухимъ и нѣсколько язвительнымъ голосомъ, старикъ нагнулся, чтобы взять съ полки зеркальце, и въ тотъ моментъ, когда онъ сдѣлалъ это движеніе, точно электрическій токъ пробѣжалъ по всему тѣлу Маркхейма; онъ почувствовалъ дрожаніе въ рукахъ и въ ногахъ, и на лицѣ его отразились самыя противорѣчивыя чувства и страсти. Но все это прошло такъ же быстро какъ и пришло, не оставивъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда, кромѣ легкаго, едва замѣтнаго дрожанія руки, которая взялась теперь за зеркальце.

— Зеркало?!—произнесъ хрипло Маркхеймъ и спустя немного повторилъ болѣе внятно.—Зеркало? Для рождественскаго подарка? Что вы?

— А почему нѣтъ?!—воскликнулъ антикваръ.—Почему же не зеркало?

Маркхеймъ смотрѣлъ на него съ какимъ-то неуловимымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Вы спрашиваете меня, почему не зеркало? — сказалъ онъ.—А вотъ, взгляните сюда, въ это самое зеркало, что вы видите въ немъ? Себя! Ну, и пріятно вамъ это видѣть, скажите? Нѣтъ, ну и мнѣ тоже непріятно, да я думаю, что и каждому человѣку это непріятно...

Въ тотъ моментъ, когда Маркхеймъ вдругъ неожиданно поднесъ зеркало къ самому лицу тщедушнаго маленькаго антиквара, тотъ невольно отшатнулся назадъ въ испугѣ, но затѣмъ, видя что бояться ему нечего и что молодой человѣкъ въ данномъ случаѣ ничего дурного не замышляетъ, старикъ захихикалъ и любезно возразилъ:

— Но, я полагаю, сэръ, что ваша будущая супруга не обижена красотой, а потому отраженіе ея въ зеркалѣ едва ли можетъ быть непріятно ей...

Но Маркхеймъ не слушалъ его и продолжалъ свое:

— Я васъ просилъ показать мнѣ что-нибудь подходящее для Рождественскаго подарка дамѣ! А вы даете мнѣ вотъ это!.. Это проклятое напоминаніе о возрастѣ, о нашихъ грѣхахъ, проступкахъ, о нашихъ безразсудствахъ и безуміи!.. Эту проклятую, наглядную совѣсть! Скажите, вы съ умысломъ это сдѣлали? Или же вы поступили такъ, просто не подумавъ, безъ всякой задней мысли? Скажите, для васъ же будетъ лучше, если вы скажете мнѣ правду!.. Знаете что?.. Разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ! Я попытаюсь угадать и можетъ быть я не ошибусь, если скажу, что въ душѣ вы человѣкъ добрый, сострадательный, даже можетъ быть милосердый...

Антикваръ пристально и внимательно смотрѣлъ на своего собесѣдника. Странно, Маркхеймъ, повидимому, вовсе не шутилъ; на его лицѣ не было ни малѣйшаго признака усмѣшки; нѣтъ, въ немъ какъ будто теплилась горячая искра надежды, голосъ звучалъ задушевно, но ни въ глазахъ, ни въ голосѣ не было и тѣни веселости.

— Скажите, сэръ, къ чему вы клоните этотъ разговоръ?— спросилъ, наконецъ, хозяинъ лавки.

— Какъ?—воскликнулъ посѣтитель—Такъ, стало быть, вы ничуть не сострадательны, не милосердны, не богобоязненны, не совѣстливы... Вы не любите никого и никто васъ не любитъ! Такъ вы, въ сущности, только руки загребущія, и глаза завидущіе! И голосъ его теперь звучалъ укоризненно и мрачно.—Вы только скряга, руки котораго тянутся къ деньгамъ, вы скупецъ, хранящій и стерегущій эти деньги, и больше ничего! Боже правый! И такое существо зовется человѣкомъ! Скажите же мнѣ, неужели нѣтъ въ васъ ничего, кромѣ этой

страсти къ деньгамъ! Неужели это все, и больше нѣтъ ничего въ этой душѣ!

— Постойте,—сказалъ антикваръ, нѣсколько рѣзкимъ тономъ,—я вамъ скажу, что это... Но затѣмъ, не договоривъ, онъ опять захихикалъ и продолжалъ уже инымъ, болѣе мяткимъ тономъ:—Вы, какъ я вижу, женитесь по любви, и по всѣмъ вѣроятіямъ, вы уже успѣли выпить за здоровье вашей нарѣченной... Такъ, такъ!

— А-а!..—воскликнулъ на это Маркхеймъ съ страннымъ возбужденіемъ и видимымъ любопытствомъ: вы тоже были влюблены? Да?! Разскажите же мнѣ объ этомъ, это должно быть очень любопытно!

— Я?!—запротестовалъ антикваръ,—я влюбленъ? Что вы! У меня никогда не было времени на это, да и теперь у меня тоже нѣтъ времени на такіе пустяки... Такъ вы берете зеркальце, сэръ?

— Куда спѣшить,—возразилъ Маркхеймъ,—мнѣ такъ пріятно стоять здѣсь и бесѣдовать съ вами, а жизнь такъ коротка и такъ ненадежна, что я не желалъ бы лишать себя ни единаго удовольствія, а тѣмъ болѣе, такого невиннаго, какъ это! Мы должны всѣми силами цѣпляться за всякую, даже малѣйшую, радость, доступную намъ, какъ цѣпляется человѣкъ, стоящій на краю пропасти или обрыва, за самыя крошечныя пучечки травы; каждая секунда нашей жизни, это такая опасная, обрывистая скала, если только подумать хорошенько, скала высокая превысокая, настолько высокая, что если мы свалимся и сорвемся съ нея, то отъ насъ не останется ни образа, ни подобія человѣка. Вотъ почему особенно пріятно поговорить по душѣ; будемъ же говорить другъ о другѣ, и о себѣ—будемъ говорить открыто. Зачѣмъ намъ всегда скрываться подъ личиной? Будемъ искренни и довѣрчивы, какъ знать, быть можетъ, мы могли бы стать друзьями, если бы ближе знали другъ друга!

— Я могу вамъ сказать только одно, сэръ, сказалъ довольно сухо антикваръ,—вы, или покупайте что вамъ надо, или уходите изъ моей лавки.

— Да, да,—сказалъ Маркхеймъ,—дѣйствительно довольно балагурить, пора и къ дѣлу! Покажите мнѣ что нибудь другое,—зеркала я не хочу.

Антикваръ еще разъ наклонился, чтобы положить зеркальце

на его мѣсто, на полку, при чемъ его рѣдкіе бѣлокурые волосы упали ему на глаза. Маркхеймъ подался немного впередъ, держа одну руку въ карманѣ своего широкаго пальто, затѣмъ онъ приподнялся немного и втянулъ въ себя воздухъ, какъ бы собираясь наполнить имъ свои легкія, чтобы крикнуть во всю мочь, и при этомъ, на лицѣ его отразилось разомъ нѣсколько противорѣчивыхъ чувствъ и ощущеній: ужасъ, отвращеніе, рѣшимость, непреодолимое влеченіе къ чему-то, и вмѣстѣ съ тѣмъ физическое чувство гадливости; изъ-подъ растерянно вздернувшейся верхней губы какъ-то жутко выглянули его острые бѣлые зубы.

— Можетъ быть, это вамъ подойдетъ,—сказалъ антикваръ, и въ тотъ моментъ, когда онъ сталъ приподыматься, Маркхеймъ сзади наскочилъ на него, длинный, веретеноподобный кинжалъ сверкнулъ въ воздухѣ, ударъ былъ нанесенъ. Антикваръ забарахтался, какъ курица съ перерѣзаннымъ горломъ, затѣмъ ударился вискомъ о полку и копной свалился на полъ.

А часы въ лавкѣ продолжали тикать на разные голоса; одни довольно громко, но медленно и величаво, какъ подобало ихъ почтенному возрасту и ихъ внушительнымъ размѣрамъ,—другіе торопливо болтали своими мѣдными язычками, и всѣ разомъ, каждые по своему отсчитывали секунды, сбивчивымъ, нестройнымъ хоромъ, наполняя царившую кругомъ мертвую тишину своеобразными, странными, жуткими звуками. Но вотъ по тротуару, мимо дверей лавки, пробѣжалъ мальчуганъ, и стукъ его тяжелыхъ сапогъ на каменныхъ плитахъ заглушилъ на мгновеніе эти странные тикающіе звуки часовъ и пробудилъ Маркхейма къ сознанію дѣйствительности и всего окружающаго. Онъ въ ужасѣ осмотрѣлся кругомъ. На конторкѣ горѣла свѣча и пламя ея медленно колебалось отъ движенія воздуха. Отъ этого мелкаго колебанія пламени, все помѣщеніе наполнилось безшумнымъ, какъ бы призрачнымъ движеніемъ; все кругомъ колебалось, дрожало, шаталось, кивало и ходило ходуномъ, какъ при качкѣ на морѣ. Высокія, длинныя тѣни ложились отъ различныхъ предметовъ на стѣны, потолокъ и другіе предметы и тѣни эти дрожали и изгибались, словно насмѣшливо кивали кому-то; мракъ скопившійся въ углахъ и широкія темныя пятна въ тѣхъ мѣстахъ, куда падалъ свѣтъ свѣчи, какъ будто, ширились и росли, вздувались и опадали, какъ грудь при тяжеломъ дыханіи; лица старинныхъ портретовъ и фарфоровыхъ или ко-

стяныхъ китайскихъ божковъ мѣнялись и расплывались какъ отраженія на текучей водѣ. Дверь во внутреннее помѣщеніе была только притворена и черезъ образовавшуюся щель яркій дневной свѣтъ узкой полосой прорѣзывалъ мракъ, сгустившійся въ глубинѣ торговаго помѣщенія, напоминая своей формой яркій указующій перстъ.

Полный ужаса блуждающій взоръ Маркхейма, со всѣхъ этихъ окружающихъ его предметовъ, перешелъ, наконецъ, на трупъ его жертвы. Онъ лежалъ скорченный, и въ то же время, всѣ его члены, какъ будто вытянулись, но несмотря на это, онъ казался такимъ маленькимъ, такимъ невѣроятно жалкимъ и тщедушнымъ; онъ какъ будто съежился даже противъ того, какимъ онъ былъ при жизни. Въ этомъ, почти нищенскомъ платьѣ, и въ этой жалкой, неестественной, гадкой позѣ, антикваръ лежалъ на полу за прилавкомъ, точно кучка опилокъ, сметенныхъ съ пола вмѣстѣ съ мусоромъ. Маркхеймъ сперва боялся взглянуть на трупъ, но теперь онъ смотрѣлъ на него, и ничего! Однако, по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ на эту кучку стараго поношеннаго платья, и небольшую лужицу крови, что-то начинало какъ будто говорить въ ней и въ немъ самомъ.

— Тутъ онъ лежитъ,—тутъ ему и лежать!—мысленно произнесъ Маркхеймъ.—Теперь некому привести въ движеніе весь хитроумный механизмъ этихъ мускуловъ, некому управлять чудомъ передвиженія; теперь ему лежать здѣсь, до тѣхъ поръ, пока его не найдутъ. А найдутъ? Что тогда? Тогда это мертвое тѣло подыметъ шумъ на весь міръ, такъ что его услышатъ изъ конца въ конецъ цѣлой Англіи, и разнесутся по всему свѣту отголоски судебнаго преслѣдованія и начнется такая травля человѣка, какой не бываетъ и на звѣря... Да, живой ли или мертвый, онъ равно мнѣ врагъ! Да, было время, когда я могъ размозжить ему голову. И слово «время» почему то засѣло у него въ мозгу...—Да, было время, а теперь, такое время, когда дѣло уже сдѣлано,—мысленно разсуждалъ Маркхеймъ,—время переставшее существовать для жертвы, стало жгучимъ, мгновеннымъ и жуткимъ для убійцы.

Эта мысль не успѣла еще вылетѣть у него изъ головы, какъ часы одни за другими, и по нѣсколько вмѣстѣ, стали отбивать время; одни быстро, скороговоркой, какъ будто торопясь сдѣлать свое дѣло, другіе торжественно, медленно и раздѣльно:

одни глубокимъ гулкимъ басомъ, какъ старые башенные часы на колокольнѣ собора или какъ церковные колокола, другіе, звенящимъ тоненькимъ голоскомъ выкрикивали время, третьи, на слабыхъ, дрожащихъ нотахъ, выводили прелюдію стариннаго вальса. Всѣ они возвѣщали три часа пополудни.

Этотъ разноголосый звонъ часовъ, прервавшій внезапно мертвую тишину, заставилъ вздрогнуть убійцу и вернулъ его къ дѣйствительности. Онъ какъ бы встрепенулся, и принялся ходить взадъ и впередъ со свѣчей въ рукѣ, сопровождаемый цѣлымъ роемъ движущихся тѣней, и невольно содрогаясь до глубины души, при видѣ своего собственнаго отраженія въ зеркалахъ. Множество роскошныхъ, цѣнныхъ зеркалъ, частію мѣстнаго производства, частью старинныхъ Венеціанскихъ и Амстердамскихъ, повторяли повсюду его блѣдное, растерянное лицо, и ему казалось, что онъ окруженъ цѣлой арміей шпіоновъ. Его собственые глаза встрѣчаясь съ тѣми глазами, казалось, уличали его, онъ читалъ въ нихъ свой приговоръ и тайну своего преступленія; и звукъ его шаговъ, легкихъ и почти неслышныхъ, непріятно нарушалъ окружающую тишину. И въ то время, какъ онъ почти машинально набивалъ свои карманы всѣмъ, что попадалось ему подъ руку, его умъ мучалъ и терзалъ его, уличая и обвиняя его съ болѣзненнымъ раздраженіемъ, въ тысячахъ оплошностей и недочетовъ его плана. Онъ могъ бы избрать болѣе позднее время; онъ долженъ былъ подготовить себѣ заблаговременно alibi; онъ не долженъ былъ прибѣгать къ помощи стилета или кинжала, слѣдовало быть болѣе осторожнымъ, можно было наброситься на свою жертву, связать, заткнуть ротъ кляпомъ, чтобы несчастный не могъ кричать и звать на помощь, а убивать не было никакой надобности. Или же онъ долженъ былъ быть еще смѣлѣе, еще рѣшительнѣе, и убить также и служанку. Словомъ, онъ долженъ былъ все сдѣлать совсѣмъ иначе. И эти горькія, безплодныя сожалѣнія, томительныя, мучительныя и безполезныя, терзали его умъ и душу, утомляли его мозгъ, порождали болѣзненное желаніе измѣнить то, чего уже нельзя было измѣнить, выработать планъ, болѣе совершенный, но который теперь уже нельзя было осуществить, и стать строителемъ того будущаго, которое успѣло уже стать невозвратнымъ прошедшимъ... И на ряду со всѣмъ этимъ, при всей лихорадочной дѣятельности мысли, грубый жи-

вотный страхъ и нелѣпый ужасъ, охватывали все его существо, ледянили ему душу и грызли его мозгъ, какъ крысы грызутъ балки и стропила покинутаго зданія, наполняя его вображеніе страшными галлюцинаціями и дикими, безпорядочными фантазіями. Минутами, онъ ощущалъ на своемъ плечѣ тяжелую руку констэбля, и при этомъ всѣ нервы его сокращались какъ у рыбы, попавшейся на крючекъ. Передъ нимъ быстрой вереницей проносились: скамья подсудимыхъ, тюрьма, висѣлица и черный гробъ. И непреодолимый страхъ, боязнь людей, идущихъ по улицѣ, вдругъ осаждалъ его, какъ побѣдоносная армія осаждаетъ беззащитный городъ. Невозможно,—думалъ онъ,—чтобы ни малѣйшій звукъ борьбы не донесся до ихъ слуха, и не возбудилъ ихъ любопытства; ему казалось, что во всѣхъ сосѣднихъ домахъ онъ видитъ, какъ люди застыли въ неподвижныхъ позахъ, и прислушиваются къ тому, что происходитъ здѣсь. Одинокіе люди, осужденные проводить этотъ день Рождества въ одиночествѣ, одни со своими воспоминаніями о прошломъ, внезапно прервали нить этихъ милыхъ сердцу думъ, этихъ сладкихъ грезъ; страшное дѣло совершилось въ ихъ сосѣдствѣ! Счастливая семья, дружная и веселая, вдругъ окаменѣла отъ ужаса, и смолкла, сидя за праздничнымъ столомъ; мать еще держитъ кверху поднятый палецъ, призывая всѣхъ ко вниманію, а тамъ дальше, люди всѣхъ классовъ и сословій, всѣхъ положеній и возрастовъ,—всѣ, какъ одинъ, молчатъ въ душѣ и ждутъ, и желаютъ видѣть его, Маркхейма, на висѣлицѣ,—и всѣ они готовы сами свить для него веревку... Минутами, ему начинало казаться, что какъ бы тихо и осторожно онъ ни ступалъ, его все-таки слышно; звонъ высокихъ богемскихъ бокаловъ на полкахъ, раздавался въ его ушахъ громко, какъ звонъ колоколовъ, а тиканье часовъ ему казалось столь раздражительнымъ и шумнымъ, что у него являлось желаніе остановить всѣ часы. А минуту спустя, его испуганный умъ съ быстротой мысли создавалъ ему новые страхи, и самая тишина этого помѣщенія начинала ему казаться зловѣщей и жуткой, могущей породить для него новыя опасности. Такая тишина должна поразить каждаго и заставить застыть отъ ужаса всѣхъ прохожихъ; и при этой мысли, онъ начиналъ ступать смѣлѣе, шумно передвигалъ вещи, роясь въ сокровищахъ, загромождавшихъ эту лавку, и подражая съ удивительной обдуманностью и точностью хлопот-

ливому хозяину, прибирающему у себя въ домѣ, съ величайшей непринужденностью.

Но къ этому времени онъ до того измучился и истерзался всѣми этими тревогами и страхами, что ему начинало казаться, что онъ близокъ къ умопомѣшательству. Дѣйствительно, одна половина его мозга еще оставалась лихорадочно дѣятельной, изворотливой, а другая уже начинала мутиться, теряла свои умственныя способности. Особенно сильно его подавляла слѣдующая галлюцинація: поблѣднѣвшій отъ ужаса сосѣдъ, жадно прислушивается, прилѣпившись лицомъ къ стеклу своего окна, и ждетъ чего-то; прохожій, подъ впечатлѣніемъ ужаснаго подозрѣнія, останавливается на тротуарѣ... Но они могли только предполагать, догадываться, а видѣть они не могли! Сквозь толстыя, каменныя стѣны и плотно закрытыя дубовыя ставни могли проникнуть только звуки. Да, но здѣсь въ домѣ, можетъ ли онъ быть увѣренъ, что онъ одинъ, и что кромѣ него здѣсь нѣтъ души живой? Онъ зналъ, что онъ одинъ, онъ видѣлъ еще раньше, чѣмъ вошелъ сюда, какъ единственная прислуга антиквара ушла изъ дома, по своимъ маленькимъ любовнымъ дѣламъ, принарядившись какъ могла. «Отпросилась на цѣлый день», — можно было прочесть въ каждомъ ея движеніи, въ улыбкѣ, въ каждой ленточкѣ, украшавшей ея скромный нарядъ. Да, онъ былъ одинъ въ этомъ домѣ, навѣрное! И все же, во всемъ этомъ пустомъ домѣ, у себя надъ головой, онъ несомнѣнно слышалъ какой-то шумъ, движеніе, тихіе, едва слышные шаги, ощущалъ, явственно ощущалъ чье-то постороннее присутствіе,—до того явственно, что его воображеніе слѣдовало за этимъ невидимымъ и невѣдомымъ существомъ, изъ комнаты въ комнату, изъ угла въ уголъ, по всему дому. То это было безформенное существо, у котораго не было лица, но были глаза, которые все видѣли, или же это была просто тѣнь, его собственная тѣнь, бродившая по дому въ то время, какъ онъ оставался здѣсь внизу; или же онъ вдругъ различалъ у нея лицо и образъ убитаго антиквара, дышащее хитростью, лукавствомъ и ненавистью.

Иногда, сдѣлавъ надъ собой большое усиліе, онъ рѣшался взглянуть на полуотворенную дверь, которая одновременно притягивала и пугала его. Домъ былъ высокій, окно въ крышѣ,

пропускавшее внѣшній свѣтъ, маленькое и загрязненное, день туманный, точно слѣпой, и свѣтъ, проникавшій въ окна нижняго этажа, былъ слабый, болѣзненный свѣтъ. Едва примѣтной, тусклой свѣтовой полосой ложился онъ на порогъ полу-отворенной двери изъ комнаты въ лавку. И въ этой полосѣ сомнительнаго свѣта какъ будто все стояла какая-то колеблющаяся тѣнь.

Вдругъ, съ улицы, въ наружную входную дверь, какой-то жизнерадостный господинъ, проходившій мимо, принялся колотить набалдашникомъ своей трости въ закрытую ставню, сопровождая свой стукъ выкриками, шутками и насмѣшками, въ которыхъ онъ поминутно называлъ антиквара по имени и звалъ его, словно разсчитывая, что онъ откликнется. Оледенѣвъ отъ ужаса, Маркхеймъ взглянулъ на мертвеца, но тотъ лежалъ неподвижно; онъ отошелъ далеко, и ему не слышенъ былъ ни этотъ стукъ, ни этотъ зовъ шутника; онъ потонулъ въ безпредѣльномъ океанѣ вѣчнаго молчанія и забвенія, и теперь его имя, которое прежде, навѣрное, привлекло бы его вниманіе, даже среди завыванія бури, стало звукомъ пустымъ, даже и среди этой гробовой тишины. Но вотъ, жизнерадостный господинъ пересталъ колотить палкой по ставнѣ и двинулся дальше. Это обстоятельство, однако, ясно говорило за то, что нужно спѣшить и, сдѣлавъ то, что еще оставалось дѣлать, убраться изъ этой обличающей его обстановки, уйти подальше отъ трупа и погрузиться съ головой въ волны многолюдной лондонской толпы, а къ вечеру добраться до безопасной пристани и видимой неповинности, т. е. до своей постели на другомъ концѣ города. Одинъ посѣтитель приходилъ уже, другой могъ придти съ минуты на минуту, и этотъ второй можетъ оказаться болѣе настойчивымъ, чѣмъ первый... Совершить такое дѣло и не пожать его плодовъ было бы слишкомъ нелѣпо! Такой гнусной ошибки онъ не могъ допустить въ своей жизни. Деньги,—вотъ что было теперь единственной заботой Маркхейма, и какъ средство достать ихъ— ключи! Прежде всего онъ взглянулъ себѣ черезъ плечо за спину на полуотворенную дверь, ведущую во внутреннее помѣщеніе; тамъ въ дверяхъ все еще стояла та же тѣнь, колеблющаяся, неясная... Затѣмъ безъ всякаго сознательнаго отвращенія или возмущенія совѣсти, но съ чисто физической дрожью во всемъ тѣлѣ и съ чисто животнымъ трепетомъ онъ подошелъ къ трупу и склонился надъ нимъ. Человѣческій образъ почти совершенно исчезъ

въ этой безформенной, безжизненной тушѣ. На полу лежало точно набитое опилками чучело съ разметавшимися въ стороны членами и перегнутымъ пополамъ корпусомъ. Но все же эта туша напоминала ему что-то знакомое. Хотя на видъ она казалась такой жалкой, незначительной, не внушающей никакихъ опасеній, возможно было, что наощупь она произведетъ на него болѣе сильное, быть можетъ, потрясающее впечатлѣніе. Однако, онъ собрался съ духомъ, приподнялъ трупъ за плечи и перевернулъ его на спину. Тѣло было странно легко, и члены, словно всѣ они были переломаны, падая, принимали самыя странныя положенія, какъ корпусъ дешевой куклы. Самое лицо было лишено всякаго выраженія; оно было блѣдно, какъ воскъ, и такъ же тускло-блестяще и только на одномъ вискѣ отвратительно перемарано кровью. Это было единственное непріятное для Маркхейма обстоятельство, возбудившее въ немъ что-то въ родѣ отвращенія въ первый моментъ и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ перенесшее его къ тому далекому времени, когда онъ былъ еще почти ребенкомъ. Въ одно мгновеніе его воображеніе нарисовало передъ нимъ тотъ ярмарочный день въ рыбацкой деревенькѣ, который долгое время былъ памятенъ ему. Сѣрый туманный день, свистящій вѣтеръ съ моря, на главной улицѣ деревушки пестрая толпа поселянъ, движущихся во всѣхъ направленіяхъ; свистятъ свирѣли, звуки духовыхъ инструментовъ оглашаютъ воздухъ, тамъ и сямъ слышится барабанная дробь, зазывающая любопытную публику въ ярмарочные балаганы, и гнусавый голосъ гусляра, поющаго протяжно и жалобно свои баллады и сказанія. И среди всей этой толпы затерявшійся въ ней съ головой мальчуганъ лѣтъ восьми-девяти протискивается то взадъ, то впередъ и засматривается съ жаднымъ любопытствомъ и въ то же время и со страхомъ на всѣ выставленныя приманки и на товары и, наконецъ, добирается до большой площади мѣстечка и вмѣстѣ съ толпой останавливается передъ большимъ открытымъ балаганомъ, на возвышеніи котораго красуется громаднѣйшій экранъ съ расклеенными на немъ лубочными плакатными картинами, безобразно нарисованными и отвратительно ярко и примитивно размалеванными, представлявшими собою изображенія разныхъ ужасовъ: «Швея Маннингсъ истязаетъ свою ученицу», «Семейство Броунриггъ и зарѣзанный ими у нихъ за столомъ гость», «Вэръ умираетъ задушенный руками Туртелля»

и еще десятка два подобныхъ же сюжетовъ и картинъ, наглядно и ярко изображавшихъ недавно нашумѣвшія и разглашенныя всѣми англійскими газетами извѣстныя преступленія. Все это онъ видитъ такъ живо какъ въ тотъ день! Онъ вновь тотъ самый мальчикъ и смотритъ, какъ тогда, на всѣ эти картины съ чувствомъ физическаго возмущенія и непреодолимаго отвращенія ко всѣмъ этимъ злодѣямъ; съ чувствомъ жуткаго ужаса онъ содрагается передъ этими злодѣяніями, передъ этими гадкими, отвратительными картинами; его оглушаетъ барабанная дробь, въ его памяти воскресаетъ даже самый мотивъ слышанной въ тотъ день музыки, и при этомъ онъ теперь испытываетъ приступъ тошноты; онъ чувствуетъ, что ему дѣлается дурно; его мутитъ, и онъ ощущаетъ внезапную слабость; ноги начинаютъ подкашиваться, но онъ долженъ противостоять этому приступу минутной слабости, онъ долженъ побѣдить ее!

И онъ счелъ за лучшее прямо взглянуть въ лицо содѣянному имъ страшному дѣлу, а не отворачиваться отъ него трусливо и малодушно. Онъ нагнулся близко, близко надъ лицомъ мертвеца, принуждая свой умъ сознать и постигнуть всю громадность своего преступленія. Еще такъ недавно это мертвое лицо было подвижно и отражало попеременно всѣ волновавшія этого человѣка чувства; этотъ блѣдный и нѣмой ротъ произносилъ слова, это тѣло было полно движенія и мускульной энергіи, а теперь его рукой эта жизнь была пресѣчена и остановлена, подобно тому, какъ часовой мастеръ, однимъ пальцемъ, останавливаетъ ходъ и бой часовъ. Но напрасно онъ разсуждалъ и анализировалъ свой поступокъ, ни малѣйшее чувство раскаянія не пробуждалось въ его душѣ. Совѣсть его молчала, и то самое сердце, которое когда-то, да даже и теперь еще, всего за одну какую-нибудь минуту, содрогалось при видѣ злодѣйствъ, изображенныхъ на холстѣ, взирало безъ содроганія на страшную дѣйствительность. Ничто рѣшительно не шевелилось при этомъ въ его душѣ. Много, много, если онъ испыталъ нѣчто похожее на слабый проблескъ жалости къ человѣку, котораго судьба напрасно надѣлила всѣми данными, для того, чтобы превратить жизнь въ сей земной юдоли въ садъ наслажденій, и который не сумѣлъ воспользоваться этимъ, который никогда не жилъ, а теперь былъ мертвъ! Но вотъ и все; а раскаянія,—ни тѣни! И, отогнавъ отъ себя всѣ эти размышленія, онъ отыскалъ ключи и направился къ полуоткрытой двери, ведущей во внутреннія

сѣни. На дворѣ теперь лилъ сильный дождь, и шумъ барабанивщаго по крышѣ ливня нарушалъ безмолвіе и тишину опустѣвшаго дома. Всѣ комнаты этого дома производили теперь впечатлѣніе какихъ-то сырыхъ пещеръ, по стѣнамъ которыхъ ручьями стекаютъ струи воды, потому что во всѣхъ углахъ непрестанно отдавался шумъ дождевыхъ струй, сливавшійся съ тиканьемъ часовъ въ лавкѣ.

Когда Маркхеймъ приближался къ двери, ему стало казаться, что онъ слышитъ, въ отвѣтъ на свои осторожные шаги, другіе, столь же осторожные шаги, удаляющіеся вверхъ по лѣстницѣ, а на порогѣ все еще слабо колышется тѣнь. Тогда онъ дѣлаетъ надъ собой невѣроятное усиліе и заставляетъ себя смѣло распахнуть дверь.

Слабый свѣтъ туманнаго пасмурнаго дня тускло стелется по голому каменному полу сѣней и лѣстницы, слабо отсвѣчиваетъ на гладкой полированной поверхности древняго рыцарскаго вооруженія, надѣтаго на манекенѣ, стоящемъ на площадкѣ лѣстницы съ опущеннымъ забраломъ и алебардой въ рукѣ, и на темной рѣзьбѣ по дереву, и на рамахъ старинныхъ картинъ, развѣшенныхъ на желтомъ фонѣ стѣнъ, надъ рѣзными панелями. Дождь такъ громко барабанилъ по крышѣ, окнамъ и трубамъ, и такъ сильно отдавался по всему дому, что нервно напряженный слухъ Маркхейма сталъ различать въ этомъ дождевомъ шумѣ разнообразные звуки. Шаги и вздохи, мѣрный топотъ ногъ проходящаго гдѣ-то въ отдаленіи полка, звонъ монетъ при подсчетѣ, скрипъ дверей, тихонько пріотворяемыхъ, — всѣ эти звуки какъ будто сливались съ шлепаньемъ тяжелыхъ капель дождя о стеклянный куполъ крыши, съ шумомъ стремительно низвергающихся по желобамъ и водосточнымъ трубамъ дождевыхъ струй, и все это вмѣстѣ создавало въ немъ ощущеніе чего-то жуткаго. Впечатлѣніе, что онъ здѣсь не одинъ, росло и усиливалось съ каждой минутой, доведя его до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Со всѣхъ сторонъ его осаждали призраки чьего-то невидимаго присутствія; онъ слышалъ, какъ эти безплотныя существа двигались и ходили въ верхнихъ комнатахъ; онъ слышалъ, какъ тамъ въ лавкѣ мертвецъ подымался на ноги; и когда онъ самъ, сдѣлавъ надъ собой громадное усиліе, сталъ съ трудомъ подыматься по лѣстницѣ, онъ явственно слышалъ, какъ чьи-то легкіе шаги впереди удалялись отъ него, а чьи-то другіе шаги упорно слѣдовали, крадучись за нимъ. «Если бы я только

былъ глухъ,—думалъ онъ,—«какъ бы я былъ спокоенъ теперь, какъ бы спокойна была теперь моя душа!» Но вслѣдъ за тѣмъ, прислушиваясь съ удвоеннымъ вниманіемъ, онъ начиналъ благословлять судьбу за это тревожное состояніе духа, стоящее на стражѣ его безопасности. Онъ безпрестанно поворачивалъ голову, оглядываясь то назадъ, то вправо, то влѣво; глаза его, готовые выскочить изъ орбитъ, вращались изъ стороны въ сторону и тутъ и тамъ какъ будто улавливали нѣчто, похожее на хвостъ чего-то, не имѣющаго названія, чего-то безформеннаго, исчезавшаго въ тотъ моментъ, когда глаза его обращались въ ту сторону. Двадцать четыре ступени, ведущія во второй этажъ, превратились для него въ двадцать четыре агоніи смертельнаго страха. Здѣсь, въ первомъ этажѣ, двери, выходившія на площадку, стояли открытыя настежь; три изъ нихъ зіяли черными зѣвами подобно тремъ громаднымъ пушечнымъ жерламъ, разинувшимъ свои смертоносныя пасти, чтобы поглотить его. И эти раскрытыя двери болѣзненно бередили его расшатанные нервы. Онъ сознавалъ, что нигдѣ онъ не будетъ чувствовать себя достаточно забронированнымъ и укрытымъ отъ любопытныхъ и проницательныхъ человѣческихъ глазъ, и его неудержимо влекло домой, запереться въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты, потонуть въ подушкахъ и пуховикахъ своей постели, спрятаться подъ простынями и одѣялами и сдѣлаться невидимымъ для всѣхъ, кромѣ одного Бога! И при этой послѣдней мысли онъ слегка призадумался. Онъ сталъ припоминать разсказы о другихъ убійцахъ, о томъ, какой страхъ они, какъ говорятъ, испытывали при мысли о небесномъ возмездіи, но съ нимъ, съ Маркхеймомъ, ничего подобнаго не было. Онъ боялся только, какъ бы сама его человѣческая природа, слѣдуя своимъ неизмѣннымъ законамъ, не выдала его, не представила какой-нибудь несомнѣнной очевидности его преступленія, а въ еще большей степени онъ боялся, испытывая рабскій, суевѣрный страхъ передъ возможностью, что эта самая природа, желая погубить его, произвольно нарушитъ свои законы и въ данномъ случаѣ пойдетъ наперекоръ имъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обречь его на гибель. Ему казалось, что онъ ведетъ игру, основанную всецѣло на разсчетѣ, гдѣ все зависитъ отъ правилъ, отъ ловкаго хода, отъ искуснаго расчета шансовъ и послѣдствій. А что, если природа, какъ проигравшійся деспотъ, пинкомъ ноги опрокинетъ шахматную доску со всѣми такъ умно разставленными имъ на ней

фигурами, что отомстить ему за нарушение ея исконныхъ законовъ! Нѣчто подобное, какъ утверждаютъ историки, случилось съ Наполеономъ; зима, наступившая неожиданно, раньше срока, разрушила всѣ планы и расчеты геніальнаго стратега и погубила его и его побѣдоносную армію. То же самое можетъ случиться и съ Маркхеймомъ; толстыя кирпичныя стѣны дома могутъ стать прозрачными, какъ хрусталь, и обнаружить всѣ его дѣйствія, подобно тому, какъ мы видимъ работу пчелъ въ стеклянномъ ульѣ. Крѣпкія балки и доски пола могутъ поддаться подъ его ногами, какъ сыпучій песокъ, и онъ можетъ завязнуть между ихъ обломками, какъ пойманный капканомъ звѣрь. Да, что! Бывали еще болѣе странные и невѣроятные случаи, которые могли повториться и теперь, и уничтожить и погубить его. Напримѣръ, могъ обрушиться домъ и погрести его подъ своими обломками, рядомъ съ трупомъ убитаго имъ антиквара; или же могъ загорѣться сосѣдній домъ, и пожарные обступятъ его со всѣхъ сторонъ и взломаютъ ставни и двери этого, и убійство обнаружится — вотъ, чего боялся Маркхеймъ! Въ извѣстномъ смыслѣ все это, конечно, тоже могло назваться Божіимъ Провидѣніемъ, Перстомъ Божіимъ, карающимъ грѣхъ, но о Самомъ Богѣ, какъ высшемъ Существѣ, онъ ни мало не думалъ и нисколько не безпокоился о Немъ. Онъ сознавалъ, что его поступокъ былъ исключительный, но исключительными были и его побужденія, и его оправданія, которыя были извѣстны Богу, и только отъ Бога онъ ждалъ и справедливости, и милосердія, но отнюдь не отъ людей. Когда онъ, наконецъ, благополучно добрался до гостиной и плотно заперъ за собою дверь, онъ почувствовалъ на минуту нѣкоторое облегченіе и успокоеніе отъ преслѣдовавшихъ его все время страховъ и опасеній. Комната эта была, такъ сказать, совершенно голая, безъ занавѣсей и портьеръ, безъ ковровъ или какихъ-либо иныхъ украшеній, вся заставленная упаковочными ящиками и разнокалиберной мебелью; нѣсколько большихъ простѣночныхъ зеркалъ, въ которыхъ Маркхеймъ увидѣлъ себя съ разныхъ сторонъ, какъ актера на сценѣ, смутили его въ первую минуту. Множество старинныхъ картинъ въ рамахъ и безъ рамъ стояли на полу, обороченныя лицомъ къ стѣнѣ; тутъ же стоялъ превосходный буфетъ работы Шератона и старинный комодъ-маркетри, а также и большая парадная кровать подъ пологомъ изъ стариннаго затканнаго золотомъ штофа. Окна этой комнаты доходили до пола и отво-

рялись какъ двери, но, по счастію, нижняя часть ихъ была закрыта ставнями, и это мѣшало сосѣдямъ видѣть находившихся въ комнатѣ. Придвинувъ довольно большой упаковочный ящикъ къ комоду, Маркхеймъ принялся подбирать къ нему ключи. Это было дѣло не легкое, потому что ключей было много, а кромѣ того это было скучно, потому что въ концѣ концовъ въ комодѣ могло и ничего не оказаться, а время было дорого и летѣло быстро. Но занятіе это требовало напряженнаго вниманія, и потому оно какъ-то разомъ отрезвило его. Краешкомъ глаза онъ могъ видѣть дверь, и время отъ времени онъ даже прямо поглядывалъ на нее, какъ главнокомандующій осажденной крѣпости съ чувствомъ удовлетворенія убѣждается въ хорошемъ и надежномъ состояніи своихъ фортовъ и укрѣпленій. Теперь онъ чувствовалъ себя все же умиротвореннымъ; дождь, лившій на улицѣ, звучалъ теперь въ его ушахъ естественно и даже пріятно; а вотъ на той сторонѣ кто-то заигралъ на роялѣ, мотивъ какого-то гимна, и голоса цѣлаго хора дѣтей подхватили напѣвъ и слова. Какая величественная, какая успокаивающая и умиротворяющая мелодія! Какъ свѣжи и чисты эти молодые голоса! Маркхеймъ прислушивался, улыбаясь, къ этому гимну и въ то же время перебиралъ ключи, а въ головѣ его рождались образы и картины, соотвѣтствующіе настроенію, созданному гимномъ. Онъ видитъ группу дѣтей, направляющихся въ церковь... Вотъ заигралъ органъ, дѣти поютъ подъ его торжественные протяжные звуки; или гурьба дѣтей разсыпалась по полю, у ручья рѣзвятся купающіеся шалуны, другіе пускаютъ змѣй подъ самыя облака, гонимыя вѣтромъ по небу; а затѣмъ, при новомъ переходѣ гимна, снова чудятся ему идущіе въ церковь люди и торжественное воскресное служеніе, и слышится высокій пріятный голосъ священника (который онъ вспоминаетъ съ улыбкой) и видитъ потускнѣвшія золотыя буквы десяти заповѣдей на кафедрѣ.

И вотъ, въ то время, какъ онъ такъ сидѣлъ передъ комодомъ, занятый подбираніемъ ключей, но витавшій вдали мыслью, онъ вдругъ вскочилъ въ испугѣ съ своего мѣста, его ударило и въ жаръ, и въ холодъ, онъ едва удержался на ногахъ; кровь прилила ему къ головѣ и къ сердцу, и онъ стоялъ ошеломленный, дрожа всѣмъ тѣломъ. Онъ явственно услышалъ, что кто-то медленно и увѣренно подымался по лѣстницѣ и, спустя минуту, чья-то рука

взялась за ручку двери, замокъ щелкнулъ, и дверь тихонько отворилась.

Страхъ сжималъ грудь Маркхейма, какъ въ тискахъ. Онъ не зналъ, чего ему ожидать:—всталъ ли мертвецъ и притащился сюда, или же блюстители общественной безопасности, орудія человѣческаго правосудія, т. е. представители судебной власти, явились сюда за нимъ? Или же, наконецъ, можетъ быть, какой-нибудь случайный свидѣтель, наугадъ, вслѣпую, набрелъ на его преступленіе и предастъ его, убійцу, въ руки правосудія, и потащитъ его на висѣлицу!

Но когда чье-то лицо просунулось въ полуотворенную дверь, и, оглядѣвшись кругомъ, обратилось къ нему, дружелюбно кивая и улыбаясь, какъ старому знакомому, а затѣмъ снова скрылось за дверью, которая безшумно затворилась, Маркхеймъ не могъ долѣе совладать съ собой, и хриплый крикъ невыразимаго ужаса вырвался противъ его воли у него изъ груди. На этотъ крикъ странный посѣтитель вернулся.

— Вы меня звали?—спросилъ онъ, просовывая голову въ щелку и любезно улыбаясь. И съ этими словами онъ вошелъ въ комнату, тщательно заперевъ за собою дверь.

Маркхеймъ стоялъ и смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Быть можетъ, у него рябило въ глазахъ, или самое зрѣніе нѣсколько затуманилось, но только ему казалось, что очертанія лица и фигуры вошедшаго поминутно мѣнялись и расплывались, какъ лица портретовъ и фарфоровыхъ китайскихъ божковъ, тамъ внизу въ лавкѣ, при колеблющемся свѣтѣ свѣчи. Временами ему казалось это лицо знакомо, минутами ему даже казалось, что этотъ человѣкъ походитъ на него самого, а временами ему казалось, что онъ видитъ его въ первый разъ въ жизни; во все время онъ чувствовалъ въ груди, точно холодный камень, точно цѣлую глыбу ужаса, давящаго, гнетущаго, тупого, нераздѣльнаго съ сознаніемъ, что это существо было не отъ земли и не отъ Бога.

А вмѣстѣ съ тѣмъ оно было до невѣроятія обыденное; такое существо, какія встрѣчаются въ жизни на каждомъ шагу; и лицо, и манера, и платье, все было самое обыкновенное; онъ стоялъ и, добродушно улыбаясь, смотрѣлъ на Маркхейма, а затѣмъ весьма просто и вѣжливо добавилъ:;

— Вы, если я не ошибаюсь, ищете деньги?

Маркхеймъ на это ничего не отвѣтилъ.

— Я долженъ васъ предупредить, что служанка антиквара въ настоящій моментъ уже разсталась со своимъ возлюбленнымъ, покинувъ его раньше, чѣмъ обыкновенно, и что она скоро уже будетъ здѣсь. А если мистера Маркхейма застанутъ здѣсь, въ этомъ домѣ, то я полагаю, что мнѣ нѣтъ надобности описывать вамъ могущія произойти отъ того послѣдствія!

— Развѣ вы меня знаете?—воскликнулъ убійца.

Гость только улыбнулся.

— Вы издавна были моимъ большимъ любимцемъ, — сказалъ онъ,—я давно слѣжу за вами и не разъ старался помочь вамъ, выручить васъ изъ бѣды,—но вы постоянно какъ будто игнорировали меня.

— Кто вы такой? — воскликнулъ Маркхеймъ.—Дьяволъ что ли?

— Кто я такой? Да не все ли равно?—отвѣтилъ собесѣдникъ.—Это не можетъ имѣть никакого значенія для той услуги, которую я собираюсь вамъ оказать.

— Напротивъ, это не только можетъ, но и имѣетъ громадное значеніе въ моихъ глазахъ! — запальчиво крикнулъ Маркхеймъ.—Принять помощь отъ васъ! Нѣтъ, никогда! Вы, я вижу, еще не знаете меня и слава Богу, что вы меня не знаете!

— Я васъ знаю,—спокойно, но увѣренно, съ оттѣнкомъ доброжелательной строгости съ тонѣ голоса возразилъ посѣтитель.—Я знаю васъ, до самыхъ тайниковъ вашей души.

— Знаете меня!—воскликнулъ Маркхеймъ.—Кто это можетъ утверждать? Вся моя жизнь ничто иное, какъ личина! Одна сплошная клевета на самого себя! Я всю жизнь только и дѣлать, что клеветалъ на себя, на свои природныя качества, чувства и наклонности,—я очернилъ, я оболгалъ себя! И всѣ такъ поступаютъ, всѣ люди на самомъ дѣлѣ лучше, чѣмъ они кажутся, лучше, чѣмъ та внѣшняя оболочка, та кора, что наростаетъ на нихъ и мѣшаетъ имъ свободно двигаться, и жить съ открытою душой, съ душой нараспашку! Вы ежедневно видите, какъ жизнь тащитъ людей въ сторону отъ избраннаго ими пути,—подобно тому, какъ какіе-нибудь «браво» схватываютъ силой и уносятъ свою жертву, завернувъ ее въ темный плащъ.— Если бы людямъ предоставлено было самимъ устраивать свою судьбу, если бы вы могли видѣть ихъ настоящія лица,—вы увидѣли бы въ нихъ святыхъ и героевъ! Я быть можетъ хуже, чѣмъ большинство людей, на мнѣ наросло и тяготѣетъ больше зла и

больше грѣха,—и мое оправданіе извѣстно только мнѣ да Богу! Но если бы у меня сейчасъ было время, я открылся бы вамъ.

— Мнѣ?—спросилъ гость.

— Да вамъ, прежде всего—подтвердилъ Маркхеймъ.—Я полагаю, что вы умны и сможете понять меня. Я думалъ, что разъ вы существуете, то вы должны умѣть читать въ сердцахъ людей, а между тѣмъ, вы какъ я вижу, хотите судить обо мнѣ по моимъ поступкамъ! Подумайте только,—что значатъ всѣ мои поступки? Я родился и жилъ въ странѣ гигантовъ; эти злые гиганты таскали меня съ самаго моего рожденія за руку, куда они хотѣли, не спрашивая меня, даже часто и противъ моей воли! Это гиганты обстоятельствъ, правящихъ жизнью человѣка! И послѣ этого вы хотите судить обо мнѣ по моимъ поступкамъ? Да развѣ вы не можете заглянуть глубже, въ самую душу человѣка? Неужели вы не видите и не можете понять, что всякое зло ненавистно мнѣ? Неужели вы не можете прочесть въ моемъ сердцѣ, въ моемъ разумѣ свѣтлыя предначертанія совѣсти, ничѣмъ не запятнанной и не заслоненной? Я часто не слушалъ ея голоса и шелъ сознательно противъ ея требованій и закона, но я никогда не искажалъ ее никакими софизмами, не допускалъ никакихъ сдѣлокъ съ нею! Неужели вы не видите во мнѣ явленія, по всѣмъ вѣроятіямъ очень обыкновеннаго среди людей,—«невольнаго грѣшника»!

— Не спорю, вы высказали все это весьма прочувствованно и убѣдительно,—отозвался собесѣдникъ.—Но только меня все это вовсе не касается. Всѣ такого рода психологическія тонкости внѣ моей компетенціи, и я отнюдь не интересуюсь, путемъ какого рода стеченія обстоятельствъ или въ силу какихъ побудительныхъ причинъ вы могли быть увлечены въ сторону. Для меня важно только, чтобы вы уклонились въ извѣстную сторону! Но время летитъ! Правда, прислуга нѣсколько запаздываетъ, заглядывая въ лица прохожимъ, глазѣя по сторонамъ, останавливаясь передъ картинами, выставленными въ окнахъ магазиновъ, передъ афишами, расклеенными на столбахъ, но тѣмъ не менѣе она все приближается къ дому и скоро будетъ здѣсь. Поймите, вѣдь она, это почти одно и то же, что сама висѣлица, приближающаяся къ вамъ, шагая по людньмъ улицамъ, въ ихъ рождественскомъ убранствѣ! Ну, помочь вамъ? Указать вамъ, гдѣ вы найдете деньги? Вѣдь, я все рѣшительно знаю!

— А какой цѣной долженъ я купить эту услугу?—спросилъ Маркхеймъ.

— Не будемъ говорить о цѣнѣ! Я предлагаю вамъ мои услуги даромъ, въ качествѣ рождественскаго подарка!—отвѣтилъ посѣтитель.

Маркхеймъ не могъ при этомъ удержаться отъ горькой усмѣшки, въ которой сквозило нѣкоторое торжество.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я ничего не приму отъ васъ, и если бы я умиралъ отъ жажды, и ваша рука поднесла мнѣ спасительный кубокъ, я все-таки нашелъ бы въ себѣ силу и мужество, чтобы отстранить его! Можетъ быть, я слишкомъ довѣряю своимъ силамъ, но, во всякомъ случаѣ, я не сдѣлаю ничего подобнаго, что дало бы вамъ право сказать, что я сознательно и добровольно предался злу и запродалъ душу свою лукавому!

— Но я ничего не имѣю противъ предсмертнаго раскаянія,—замѣтилъ посѣтитель.

— Вѣроятно, потому, что вы не вѣрите въ дѣйствительность и спасительность такого раскаянія!—воскликнулъ Маркхеймъ.

— Я этого не говорю,—возразилъ гость,—я смотрю на эти вещи съ другой точки зрѣнія; когда жизнь кончена, у меня всякій интересъ къ данному существу совершенно пропадаетъ. Если человѣкъ жилъ и служилъ мнѣ, распространяя темное ученіе и темные взгляды подъ знаменемъ религіознаго ученія, или инымъ какимъ путемъ сѣялъ плевелы на Божіей нивѣ, среди чистой пшеницы, какъ это всегда дѣлали вы изъ послабленія вашимъ похотямъ и желаніямъ и въ угоду вашей жаждѣ наслажденій, то въ тотъ моментъ, когда этотъ человѣкъ становится такъ близокъ къ своему освобожденію, онъ можетъ ко всему остальному прибавить всего только еще одну эту услугу мнѣ, — раскаяться въ содѣянномъ и умереть съ улыбкой на устахъ, примиренный съ самимъ собой, съ людьми и даже съ Богомъ, и этимъ утвердить въ вѣрѣ и надеждѣ на возможность спасенія и примиренія въ послѣднюю минуту даже и самыхъ трусливыхъ и малодушныхъ моихъ послѣдователей, которыхъ, быть можетъ, только одни эти сомнѣнія и удерживаютъ еще отчасти... Вы видите, я вовсе уже не столь жестокій господинъ, какъ это многіе еще до сихъ поръ думаютъ. Испробуйте на себѣ мою власть, примите предлагаемую мною вамъ помощь и наслаждайтесь себѣ жизнью, какъ наслаждались ею до сихъ поръ. Наслаждайтесь полнѣе, шире, разставляйте локти на столѣ пира

жизни! Я васъ не выдамъ. А когда станетъ близиться ночь, и занавѣсъ начнетъ опускаться, то, говорю это вамъ для вашего успокоенія и утѣшенія, вы сами удивитесь, какъ легко вамъ будетъ уладить свою маленькую ссору съ вашей совѣстью и заключить миръ съ Господомъ Богомъ. Я какъ разъ только сейчасъ отъ смертнаго одра такого умирающаго. Вся комната была полна родныхъ и друзей, и всѣ они искренно оплакивали его, съ благоговѣніемъ прислушиваясь къ его послѣднимъ словамъ, и когда я заглянулъ ему въ лицо, въ лицо этому человѣку, всю жизнь не знавшему ни состраданія, ни милосердія, я увидѣлъ, что лицо это примиренно улыбалось, просвѣтленное надеждой.

— И вы полагаете, что и я такой, какъ и онъ?—спросилъ Маркхеймъ.—Вы думаете, что и у меня нѣтъ иныхъ болѣе высокихъ стремленій, какъ только грѣшить, грѣшить и грѣшить, а подъ конецъ какъ-нибудь змѣей проползти въ рай? Вся моя душа возмущается при подобной мысли. Неужели васъ этому только научилъ вашъ опытъ по отношенію къ роду человѣческому? Или же вы потому такъ говорите со мной, что застали меня съ руками, обагренными кровью, и потому предполагаете, что я долженъ быть способенъ на всякую подлость? И неужели это преступленіе, убійство человѣка такой ужасный поступокъ, что изъ-за него долженъ изсякнуть навсегда въ человѣкѣ даже самый источникъ добра?

— Для меня убійство не представляетъ собою особой категоріи грѣха, — возразилъ собесѣдникъ. — Въ сущности, если вглядѣться поглубже, всѣ грѣхи суть убійства такимъ или инымъ способомъ, точно такъ же, какъ самая жизнь есть война не на жизнь, а на смерть. Я смотрю на весь вашъ родъ людской, какъ на обреченныхъ на голодную смерть моряковъ, на затерявшемся среди океана суднѣ, гдѣ вышли съѣстные припасы. Всѣ вы вырываете послѣднюю корку хлѣба изъ рта голоднаго и питаетесь за счетъ жизни другого подобнаго вамъ несчастливца; какъ озвѣрѣвшіе отъ голода люди поѣдаютъ другъ друга, такъ точно поѣдаютъ другъ друга всѣ, хотя это и не сразу замѣтно. Я слѣжу не столько за самымъ актомъ грѣха, сколько за его послѣдствіями, и пришелъ къ тому убѣжденію, что въ конечныхъ результатахъ каждый грѣхъ влечетъ за собою смерть, и на мой глазъ, хорошенькая дѣвушка, которая перечитъ своей матери, съ очаровательной граціей противорѣча ей, по поводу какого-нибудь пустого бальнаго вопроса, точно также, хотя и

менѣе видимо, заставляетъ сочиться человѣческую кровь, какъ и такой убійца, какъ вы. Я сейчасъ сказалъ, кажется, что я слѣжу за грѣхомъ въ его послѣдствіяхъ, но я точно также слѣжу и за добродѣтелями и говорю вамъ, что, въ сущности, добродѣтель и порокъ ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга; между ними, можно сказать, нѣтъ ни на іоту разницы; какъ одни, такъ и другіе являются косой въ рукахъ ангела смерти. То зло, ради котораго я существую, заключается не въ самомъ поступкѣ, а въ самой душѣ преступника; мнѣ дорогъ злодѣй, а не его злодѣяніе, плоды котораго, если бы мы могли ихъ прослѣдить достаточно далеко впередъ по бушующимъ порогамъ, катарактамъ и стремнинамъ жизни, могутъ быть болѣе благословенными, чѣмъ плоды величайшихъ подвиговъ добродѣтели! И теперь я предлагаю вамъ обезпечить вашу безопасность и предоставить вамъ возможность наслаждаться жизнью, отнюдь не потому, что вы сейчасъ убили человѣка, но потому, что вы Маркхеймъ.

— Я открою вамъ мою душу,—сказалъ Маркхеймъ,—это преступленіе, на которомъ вы накрыли меня,—послѣднее! По пути къ нему я научился многому, понялъ и постигъ очень многое, и само оно явилось для меня громаднаго значенія урокомъ! Урокомъ, котораго я никогда не забуду. По сіе время мною руководило возмущеніе, и, возмущенный несправедливостью судьбы, я часто дѣлалъ то, чего я не хотѣлъ, противъ чего возставала моя душа! Бѣдность поработила меня, я былъ ея подневольнымъ рабомъ, она угнетала меня, толкала, куда я не хотѣлъ, хлестала меня своимъ безпощаднымъ бичемъ. Есть, конечно, сильныя натуры, которыя могутъ устоять противъ искушенія, могутъ восторжествовать надъ своими склонностями и соблазнами, но я не былъ таковъ, меня мучала жажда наслажденій! Но отнынѣ въ этомъ проступкѣ моемъ я разомъ почерпну и богатство, и предостереженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ и силу, и свѣжую рѣшимость быть впредь самимъ собой. Теперь я становлюсь во всѣхъ отношеніяхъ свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и вижу себя совершенно преображеннымъ, совершенно другимъ, новымъ человѣкомъ! Эти руки станутъ орудіемъ добра, это сердце полно примиренія, любви и состраданія къ ближнимъ. На меня какъ будто что-то находитъ, во мнѣ выростаетъ изъ самой глубины души что-то далекое, давно забытое, чистое, свѣтлое и хорошее! То, о чемъ я мечталъ въ дѣтствѣ въ праздничные дни подъ звуки церковнаго органа, то, что я предвкушалъ, когда проливалъ

слезы умиленія надъ благородными поступками героевъ въ хорошихъ, благородныхъ книгахъ, или бесѣдовалъ съ покойной матушкой, когда я еще былъ чистымъ и невиннымъ ребенкомъ, и всѣмъ сердцемъ внималъ ея благимъ совѣтамъ, поученіямъ и наставленіямъ. Передо мною лежитъ вся моя жизнь; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я блуждалъ, но теперь я снова вижу передъ собой обѣтованную землю, и намѣренъ неуклонно итти къ ней.

— Вы вѣроятно пустите эти деньги въ оборотъ? Употребите ихъ на игру на биржѣ?—спросилъ посѣтитель.—Но вѣдь именно на биржѣ, если я не ошибаюсь, вы уже проиграли не одну тысячу фунтовъ.

— Это что! Мало ли что было!—возразилъ Маркхеймъ.— На этотъ разъ я буду играть навѣрняка!

— И на этотъ разъ вы опять проиграете,—спокойно и увѣренно произнесъ гость.

— Но я половину оставлю въ запасъ!

— И эту половину вы тоже проиграете,—такъ же увѣренно и безаппеляціонно заявилъ собесѣдникъ. При этихъ послѣднихъ его словахъ, потъ выступилъ на лбу у несчастнаго.

— Ну такъ что же! Что за бѣда!—воскликнулъ онъ.— Допустимъ, что я проиграю, что я снова окажусь въ нуждѣ, въ нищетѣ, такъ неужели же всю жизнь во мнѣ всегда будетъ одерживать верхъ только все то, что во мнѣ есть дурного, и такъ до конца дней моихъ! И все это дурное будетъ постоянно подавлять и душить во мнѣ все хорошее, все свѣтлое и чистое и прекрасное!.. Нѣтъ, и зло и добро одинаково сильны во мнѣ, и вотъ почему меня влечетъ и въ ту, и въ другую сторону; я люблю не что нибудь одно, я люблю все! Я способенъ понимать и великіе, и благородные поступки, способенъ и на самоотверженіе, и на отреченіе, даже на мученичество! И хотя я сейчасъ только дошелъ до такого преступленія, какъ убійство, я тѣмъ не менѣе не чуждъ и чувства сострадаңія, и сочувствія, и жалости и доброжелательства! Да, я жалѣю бѣдныхъ, и кому знать ближе ихъ мученія и страданія, какъ не мнѣ! Я люблю честный, открытый смѣхъ; и нѣтъ на свѣтѣ такой хорошей, благородной и прекрасной идеи или мысли, нѣтъ ничего честнаго, высокаго, благороднаго и великодушнаго, чему бы я отъ всей души не сочувствовалъ, что не нашло бы отклика въ моемъ сердцѣ! Такъ неужели же одно только зло всегда будетъ руководить всей моей жизнью? И всѣ мои дурныя стороны неизмѣнно будутъ брать

верхъ надъ моими добрыми душевнымъ качествами, которымъ суждено оставаться безплодными и лежать на днѣ души моей, подобно безполезному хламу, сваленному на чердакѣ! Нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ быть: все доброе такая же могучая пружина, какъ и все злое, и оно также можетъ руководить жизнью человѣка!..

Но тутъ странный посѣтитель поднялъ кверху палецъ и остановилъ его:

— Всѣ тридцать шесть лѣтъ вашей жизни на этомъ свѣтѣ я слѣдилъ за вами во всѣхъ перипетіяхъ вашей жизни; я видѣлъ васъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, во всевозможныхъ обстановкахъ, въ минуты самыхъ разнородныхъ настроеній, самыхъ простыхъ и сложныхъ переживаній, и, слѣдя за вами на протяженіи всего этого долгаго періода времени, на протяженіи, можно сказать, всего пройденнаго вами жизненнаго пути, я видѣлъ, какъ вы все время катились, словно по наклонной плоскости, какъ вы падали все ниже и ниже, какъ вы становились съ каждымъ днемъ податливѣе и слабовольнѣе. Припомните, хотя бы пятнадцать лѣтъ тому назадъ, вы содрогнулись бы при мысли о кражѣ! А всего какихъ-нибудь года три тому назадъ вы поблѣднѣли бы при одномъ словѣ «убійца», а теперь, скажите мнѣ по совѣсти, развѣ вы не подыскиваете оправданій вашему поступку, не стараетесь все спихнуть на условія жизни? Есть ли такое преступленіе, или такое злодѣйство, жестокость или безумство, передъ которыми бы вы остановились? Есть ли такая низость, или подлость, отъ которой бы вы отвернулись? Нѣтъ такого грѣха или такого дурного поступка, на который бы вы не отважились! Нѣтъ такого страшнаго преступленія, которое вы бы побоялись взять на душу! Лѣтъ черезъ пять я представилъ бы вамъ неопровержимыя доказательства всего этого, я уличилъ бы васъ на дѣлѣ. Все подъ гору, внизъ, ведетъ вашъ жизненный путь, и ничто, кромѣ смерти, не можетъ васъ спасти, или остановить васъ въ этомъ стремительномъ паденіи.

— Да, это правда, — хрипло проговорилъ Маркхеймъ,—я дѣйствительно, примирился до извѣстной степени со зломъ, свыкся какъ-то съ нимъ, освоился и поддался ему... Да, но то же самое бываетъ вѣдь со всѣми; даже и святые, и тѣ часто поддавались злу и всякому искушенію, и даже величайшіе проповѣдники отъ одного соприкосновенія съ жизнью становились

менѣе праведными и непорочными, дѣлались болѣе похожими на другихъ, становились, такъ сказать, подъ масть большинству окружающихъ и всему окружающему.

— Постойте, я предложу вамъ одинъ простой вопросъ,— сказалъ на это собесѣдникъ,—и сообразно тому, что вы мнѣ на него отвѣтите, я предскажу вамъ ваше будущее. Неоспоримо вѣрно, что вы во многомъ стали податливѣе и менѣе строги къ себѣ, возможно, что вы правы, поступая такъ, не спорю, и кромѣ того у васъ есть готовое оправданіе, что то же наблюдается съ большинствомъ людей. Пусть такъ, но скажите мнѣ, стали-ли вы хоть въ чемъ-нибудь, хотя бы даже самомъ пустяшномъ и незначительномъ, строже, взыскательнѣе и требовательнѣе, чѣмъ раньше? Смотрите-ли вы теперь неодобрительно и укоризненно на какіе-нибудь ваши личные поступки или ваше общее поведеніе, или же вы во всемъ рѣшительно спустили себѣ вожжи? Укажите мнѣ хотя на что нибудь, что можно было бы признать за тѣнь или за признакъ улучшенія въ вашей морали! Укажите мнѣ, въ чемъ вы стали лучше, чѣмъ были!

— Ни въ чемъ!—воскликнулъ Маркхеймъ съ внутреннимъ мучительнымъ сознаніемъ своего нравственнаго паденія. — Ни въ чемъ рѣшительно!—повторилъ онъ съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ.—Во всѣхъ отношеніяхъ, и во всемъ безъ исключенія, я постепенно падалъ все ниже и ниже!

— Да... Ну а если такъ, то мой совѣтъ примириться съ тѣмъ, что вы есть,—сказалъ гость,—это безспорно самое разумное, потому что вы никогда не измѣнитесь къ лучшему. Ваша роль здѣсь, на свѣтѣ, иная: вамъ предназначено судьбой итти отъ паденія къ паденію. Такъ ужъ предначертано въ книгѣ судебъ!..

Маркхеймъ долго молчалъ, погрузясь въ мрачное, тяжелое раздумье. Первымъ прервалъ молчаніе его собесѣдникъ.

— Послушайте, разъ это такъ,—сказалъ онъ,—то ужъ не указать ли вамъ, гдѣ лежатъ эти деньги?

— Развѣ я не могу даже искать спасенія! Развѣ для меня не можетъ быть возрожденія?!

— Вѣдь вы уже испробовали это средство! Не я ли видѣлъ васъ года два тому назадъ на митингахъ общества «Духовнаго Возрожденія», гдѣ ваши рѣчи раздавались всѣхъ громче, гдѣ и вы воспѣвали съ хоромъ гимнъ покаянія, провозглашали вос-

кресеніе къ новой жизни на землѣ, расцвѣтающей на развалинахъ грѣха и порока!.. Ну, и что же изъ этого вышло?

— Ничего!..—упавшимъ голосомъ согласился Маркхеймъ.— Да, вы правы! И все, что вы мнѣ здѣсь сейчасъ сказали, все это правда!.. Теперь я ясно вижу, что мнѣ остается дѣлать, и въ чемъ теперь заключается мой долгъ. Благодарю васъ за этотъ урокъ, благодарю отъ всей души! Теперь глаза мои раскрылись, и, наконецъ, я вижу себя такимъ, каковъ я есть на самомъ дѣлѣ.

Онъ смолкъ. Въ этотъ самый моментъ рѣзкій звукъ колокольчика у входной двери, дребезжа, раздался по всему дому. При этомъ звукѣ, какъ будто это былъ заранѣе условленный сигналъ, котораго онъ ждалъ, странный посѣтитель вдругъ разомъ измѣнилъ свое обращеніе.

— Это прислуга!—воскликнулъ онъ.—Вы видите, она вернулась, какъ я васъ о томъ предупреждалъ. Теперь вамъ предстоитъ еще одно маленькое затрудненіе,—отвлечь ея вниманіе отъ васъ, и не дать ей замѣтить и догадаться, что здѣсь случилось нѣчто не совсѣмъ обычное. Вы должны сказать ей, что ея господинъ заболѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы непремѣнно должны впустить ее въ домъ и при этомъ все время сохранять совершенно увѣренный, спокойный, но нѣсколько серьезный и озабоченный тонъ. Никакихъ улыбочекъ или усмѣшекъ,—главное дѣло, это не переигрывать, и тогда я ручаюсь вамъ за успѣхъ. Разъ она войдетъ въ сѣни, и дверь за ней будетъ заперта покрѣпче, то съ помощью той же ловкости и проворства, какія вы примѣнили къ ея господину, нетрудно будетъ избавиться и отъ ея нежеланнаго и неудобнаго присутствія и устранить съ вашего пути и эту послѣднюю опасность. Разъ это будетъ сдѣлано, весь вечеръ будетъ въ вашемъ распоряженіи, а если нужно, то и всю ночь. Все это время вы можете употребить на разграбленіе собранныхъ здѣсь сокровищъ, и на то, чтобы обезопасить себя отъ всякаго рода подозрѣній. Въ этомъ, конечно, я тоже могу помочь вамъ. Въ сущности, ея приходъ является для васъ и пособіемъ и даже въ нѣкоторой степени спасеніемъ подъ видомъ новой опасности. Только дѣйствуйте смѣлѣе, мой милый другъ, не то помните, что ваша жизнь виситъ на волоскѣ! Мѣшкать нельзя, надо дѣйствовать!..

Маркхеймъ пристально смотрѣлъ на своего совѣтчика и неособенно торопился.

— Если я обрѣченъ на одни только дурные поступки, если мнѣ суждено, какъ вы говорите, творить только зло,—сказалъ онъ,—то у меня остается еще одинъ свободный выходъ изъ этого положенія; передо мной еще открыта дверь къ спасенію,— я могу перестать творить что бы то ни было! Могу отказаться отъ какихъ бы то ни было поступковъ. Если вся моя жизнь есть ни что иное, какъ одно сплошное зло, то я могу отказаться отъ нея!.. Хотя я,—какъ вы совершенно справедливо замѣтили,—поддаюсь каждому малѣйшему искушенію, я все-таки еще способенъ однимъ рѣшительнымъ движеніемъ поставить себя въ такое положеніе, гдѣ я стану совершенно недоступенъ никакимъ искушеніямъ. Вы утверждаете, что моя любовь къ добру, ко всему честному, благородному и прекрасному обрѣчена на безплодіе—возможно, что такъ! Но даже если это и такъ, то, помимо этой любви и на ряду съ ней во мнѣ живетѣ и ненависть ко всякому злу, и изъ-за этой ненависти, къ горчайшему вашему разочарованію, любезный мой совѣтчикъ и благожелатель, вы увидите, что я сумѣю почерпнуть въ себѣ достаточно энергіи и рѣшимости, чтобы противостоять злу.

При этихъ словахъ физіономія гостя замѣтно измѣнялась; въ ней наблюдалась какая-то удивительная перемѣна, можно сказать, почти пріятная; выраженіе его лица какъ-то смягчилось и просвѣтлѣло; въ немъ чувствовалось и торжество, и нѣкоторая нѣжность, но при этомъ самое лицо его какъ будто стушевывалось, какъ будто расплывалось, точно туманъ.

Но Маркхеймъ не остановился надъ наблюденіемъ перемѣны, происшедшей въ лицѣ его собесѣдника, онъ не далъ себѣ труда вникнуть въ смыслъ и въ значеніе этого превращенія, онъ отворилъ дверь на площадку и сталъ медленно спускаться по лѣстницѣ, погруженный въ глубокія думы.

Все его прошедшее постепенно и послѣдовательно развертывалось передъ нимъ, и онъ видѣлъ его такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности: неприглядным, безобразнымъ, какъ кошмаръ, случайнымъ, какъ пестрая смѣсь мотивовъ въ какомъ-нибудь музыкальномъ попурри. Вся его жизнь предстала теперь передъ нимъ, какъ одна общая картина пораженія.

Жизнь, такая, какою онъ видѣлъ ее теперь, не прельщала его болѣе, она не манила его къ себѣ, не сулила ему ни радостей, ни утѣхъ, напротивъ того, она отталкивала его, какъ нѣчто гадко-кошмарное, что тяготитъ и давитъ и порабощаетъ его, а

тамъ вдали, по ту сторону этого печальнаго земного бытія, ему виднѣлась тихая пристань для его разбитой бурей ладьи.

Въ сѣняхъ онъ остановился и заглянулъ въ лавку, гдѣ на конторкѣ надъ трупомъ убитаго имъ антиквара все еще горѣла, колыхаясь, свѣча. Теперь тамъ было какъ-то особенно тихо и безмолвно, какъ въ пустой церкви. Маркхеймъ стоялъ и смотрѣлъ на покойника, и мысли о немъ вдругъ цѣлымъ роемъ закружились у него въ головѣ.

Вдругъ колокольчикъ снова на этотъ разъ нетерпѣливо зазвенѣлъ и задребезжалъ на весь домъ. Маркхеймъ очнулся и пошелъ къ двери. Отворивъ, онъ встрѣтилъ прислугу на порогѣ и остановилъ ее. На лицѣ у него блуждала слабая тѣнь печальной улыбки, а голосъ звучалъ спокойно, кротко, почти ласково.

— Знаете, вы бы сходили за полиціей,—сказалъ онъ,—я убилъ вашего хозяина.

ДЖАНЕТЪ ПРОДАЛА ДУШУ ДЬЯВОЛУ.

Достопочтенный Мордухъ Соулисъ долгіе годы былъ пасторомъ въ Больвирійскомъ приходѣ, расположенномъ на болотахъ низменной долины рѣки Дьюль. Это былъ строгій, суровый, мрачнаго вида, смуглолицый старикъ, наводившій страхъ и трепетъ на всѣхъ своихъ прихожанъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ жилъ въ совершенномъ одиночествѣ, не имѣя подлѣ себя ни родныхъ, ни близкихъ, ни прислуги, ни какого бы то ни было человѣческаго общества; словомъ, ни одной души живой! Такъ и жилъ онъ одинъ одинешенекъ въ своемъ маленькомъ пасторскомъ домикѣ, уединенно стоявшемъ въ сторонѣ, пріютившись подъ нависшей надъ нимъ скалой, прозванной «Висячій Шоу». Несмотря на странную, почти полную неподвижность его словно застывшаго лица, напоминавшаго маску, глаза его постоянно тревожно блуждали по сторонамъ, какъ будто озирались, и дико сверкали изъ-подъ нависшихъ бровей. Когда во время исповѣди, взглядъ его останавливался на кающемся, котораго онъ по долгу своего служенія обыкновенно строго увѣщевалъ, и внушительно говорилъ о будущей жизни и о томъ, что ждетъ тамъ за гробомъ нераскаянныхъ грѣшниковъ, то исповѣдающемуся начинало казаться, что его взглядъ проникаетъ въ даль будущаго и видитъ тамъ всѣ ужасы вѣчныхъ мукъ, уготованныхъ грѣшникамъ. Многіе молодые люди, приходившіе къ нему готовиться къ первому пріобщенію Св. Тайнъ, оставались глубоко потрясенными его рѣчами и наставленіями на долгое время.

Каждый годъ, въ первое воскресенье послѣ 17-го августа, онъ имѣлъ обыкновеніе говорить проповѣдь на тему: «Дьяволъ какъ левъ рыкающій» и въ этотъ день онъ старался всегда превзойти

себя, какъ въ силѣ развитія этой и безъ того уже столь устрашающей темы, приводившей въ ужасъ и трепетъ его паству, такъ и по неистовству своего поведенія на каѳедрѣ въ этотъ день. Съ дѣтьми отъ страха приключались припадки, многіе падали безъ чувствъ, взрослые и старики буквально цѣпенѣли отъ ужаса и смотрѣли мрачно и таинственно, а послѣ того весь день говорили тѣми странными намеками, какими любилъ выражаться Гамлетъ.

Люди осторожные, хвалящіеся своимъ благоразуміемъ, еще съ самаго начала водворенія мистера Соулиса на должности пастора этого прихода стали обходить въ сумерки и въ поздній вечерній часъ домъ пастора. Даже и то мѣсто, гдѣ стоялъ домъ въ тѣни нѣсколькихъ старыхъ толстыхъ деревьевъ, надъ самой рѣкой Дьюль, съ нависшимъ надъ нимъ съ одной стороны угрюмымъ утесомъ Шоу, а другой стороной, обращенной къ громоздившимся чуть не къ самому небу, поросшимъ мхомъ вершинамъ мрачныхъ, холодныхъ горъ, считалось недобрымъ среди населенія. Даже проводники, сидя вечеромъ въ маленькой тавернѣ мѣстечка, сокрушенно качали головами при мысли о необходимости пройти поздно вечеромъ или ночью мимо этого нечистаго мѣста. Особенно недовѣрчиво поглядывали люди тамъ на одно небольшое пространство у самаго дома; это мѣстечко пользовалось чрезвычайно скверной репутаціей и внушало людямъ какой-то особенный суевѣрный страхъ.

Самый домъ пастора стоялъ между большой проѣзжей дорогой и рѣкой; одной стороной къ дорогѣ, а другой къ рѣкѣ. Задній фасадъ его былъ обращенъ къ городку Больвири, лежащему въ полумилѣ разстоянія отъ дома, а передній фасадъ выходилъ въ обнесенный живой изгородью изъ терновника жалкій, запущенный садъ. Садъ этотъ занималъ все пространство отъ дороги до рѣки, а домъ стоялъ какъ разъ посрединѣ; домъ былъ въ два этажа, и въ каждомъ этажѣ по двѣ большихъ хорошихъ комнаты; онъ выходилъ не прямо въ садъ, а на узкую насыпную дорожку, упиравшуюся однимъ концомъ въ большую дорогу, а другимъ доходившую до старыхъ ивъ и бузины, росшихъ на берегу рѣки. Вотъ именно эта дорожка, этотъ небольшой кусочекъ шоссе передъ окнами пасторскаго дома, и пользовался среди юныхъ прихожанъ Больвирійскаго прихода особенно дурной славой. Но пасторъ часто по вечерамъ, когда уже стемнѣетъ, хо-

дилъ по ней долго взадъ и впередъ, иногда громко вздыхая отъ полноты чувствъ, вознося къ Богу усердную молитву безъ словъ. Когда же его не бывало дома, и люди знали, что пасторъ находится въ отсутствіи, потому что на дверяхъ дома висѣлъ замокъ, самые отчаянные смѣльчаки изъ школьниковъ отваживались, крикнувъ предварительно товарищамъ: «Ребята, за мной!», пробѣжать по этой дорожкѣ, чтобы потомъ хвастать передъ другими, что они побывали на страшномъ мѣстѣ.

Эта атмосфера суевѣрнаго ужаса, окружавшая, какъ это было въ данномъ случаѣ, служителя Божія, человѣка во всѣхъ отношеніяхъ безупречнаго, высокорелигіознаго, даже праведнаго, возбуждала постоянно удивленіе и недоумѣніе и вызывала безконечные разспросы со стороны всѣхъ тѣхъ немногихъ пріѣзжихъ постороннихъ лицъ, которые случайно или по дѣламъ заѣзжали въ эту захолустную малоизвѣстную мѣстность. Впрочемъ, многіе даже изъ прихожанъ этого прихода не знали ничего о странныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ первый годъ служенія мистера Соулиса въ этомъ приходѣ, а среди тѣхъ, кто былъ лучше освѣдомленъ объ этомъ, многіе были по природѣ своей люди несообщительные и воздержанные на языкъ, другіе же просто боялись касаться этого предмета и избѣгали говорить о немъ. Только въ кои вѣки разъ кто-нибудь изъ стариковъ расхрабрится послѣ третьяго стаканчика, и когда винцо развяжетъ ему языкъ, возьметъ да и разскажетъ, какая тому причина, что у пастора всегда такой угрюмый мрачный видъ и почему онъ живетъ въ такомъ одиночествѣ, какъ какой-нибудь отшельникъ.

Пять-десять лѣтъ тому назадъ, когда въ Больвири впервые прибылъ мистеръ Соулисъ, онъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, начитанный, ученый, какъ говорили люди, преисполненный всякаго книжнаго знанія и при томъ еще великій краснобай и усердный толкователь всякихъ писаній, но, какъ того и слѣдовало ожидать отъ человѣка въ столь молодыхъ лѣтахъ, онъ при всемъ этомъ былъ совершенно неопытенъ въ дѣлѣ религіи, а вѣдь это для пастора самое главное! Молодежь всего прихода была прямо-таки въ восторгѣ отъ него; она превозносила его знанія, его образованность, даръ слова, его вдохновенную рѣчь и всѣ другіе его таланты и способности, но старики и серьезные, степенные люди, какъ мужчины такъ и женщины, неодобрительно покачивали головами, и вскорѣ дѣло дошло до того, что бого-

боязненные люди стали возносить молитвы Богу объ этомъ неразумномъ молодомъ человѣкѣ, моля Господа вразумить его; они считали его за человѣка самообольщеннаго, заблудшаго, лишеннаго всякаго христіанскаго смиренія, а также молили Бога и за бѣдную паству, порученную такому плохому и ненадежному руководителю. Это было еще до торжества и побѣды «умѣренныхъ», но вѣдь все дурное никогда не приходитъ разомъ, а мало-по-малу, капля за каплей, частичка за частичкой. Впрочемъ, и тогда уже были люди, которые говорили, что Господь отвернулся отъ профессоровъ въ колледжахъ и предоставилъ ихъ ихъ заблужденіямъ и ихъ собственному слабому разуму и что потому юноши, отправляющіеся учиться въ колледжахъ у этихъ профессоровъ и набираться отъ нихъ ума-разума, лучше сдѣлали бы, если бы остались дома и засѣли копать торфъ на болотахъ, какъ ихъ предшественники, до временъ гоненія, у которыхъ всегда была библія подъ мышкой, а въ сердцѣ доброе молитвенное настроеніе. Во всякомъ случаѣ, не подлежало сомнѣнію, что мистеръ Соулисъ пробылъ слишкомъ долго въ колледжѣ. Онъ очень много думалъ и заботился о такихъ вещахъ, которыя въ сущности были вовсе не нужны. Онъ привезъ съ собой цѣлый ворохъ книгъ, гораздо больше, чѣмъ ихъ когда-либо видѣли здѣсь въ этомъ приходѣ. О сколько горя и бѣды съ ними натерпѣлись возчики, они чуть было совсѣмъ не завязли съ ними въ болотѣ, у Чертова Логовища, на полпути между нашимъ мѣстечкомъ и Кильмаккерли. Говорятъ, что все это были божественныя книги, или быть можетъ ихъ только такъ называли, кто ихъ знаетъ!.. Но люди серьезные и разсудительные были того мнѣнія, что все это пустое. Какая могла быть надобность и польза въ столькихъ божественныхъ книгахъ, когда все то слово Божіе можно унести въ одномъ небольшомъ узелкѣ. И сидѣлъ онъ, бывало, надъ этими книгами цѣлыми днями, а часто даже и ночами, что едва ли было прилично его званію, и все писалъ что-то, все писалъ... Сначала всѣ было переполошились; испугались, что онъ станетъ, пожалуй, проповѣди свои по книгамъ читать, но вскорѣ успокоились, оказалось, что онъ самъ какую-то книгу пишетъ, что ужъ, конечно, было совсѣмъ непристойно и неприлично для пастора, да и что могъ онъ написать путнаго въ его возрастѣ и съ его малымъ опытомъ.

Но вотъ понадобилась ему какая-нибудь старая приличная

женщина, чтобы смотрѣть за порядкомъ въ его домѣ, вести хозяйство и кормить его обѣдомъ; кто-то порекомендовалъ ему старую негодницу Джанетъ Макъ Клоуръ, такъ ее по крайней мѣрѣ звали всѣ въ нашемъ мѣстечкѣ, порекомендовалъ, а затѣмъ предоставилъ ему самому рѣшить, на комъ остановить свой выборъ. Многіе пытались отсовѣтовать ему брать къ себѣ въ домъ эту женщину, потому что Джанетъ была болѣе чѣмъ въ подозрѣніи у большинства лучшихъ людей въ Больвири. Еще давно когда-то она питала нѣжныя чувства къ одному драгуну, а затѣмъ чуть не тридцать лѣтъ не ходила къ исповѣди и къ причастію; кромѣ того нѣкоторые парни видѣли, какъ она шатается одна въ сумерки и даже поздно вечеромъ по такимъ мѣстамъ, куда ни одна порядочная и богобоязненная женщина и заглянуть не рѣшится, и все ходитъ и бормочетъ что-то про себя, а что, никто разобрать не можетъ! Ну, какъ бы то ни было, а указалъ па нее первымъ пастору нашъ мѣстный лордъ. Въ ту пору мистеръ Соулисъ такъ дружилъ съ лордомъ, что не было на свѣтѣ такой вещи, которой бы онъ не сдѣлалъ въ угоду лорду. Когда люди говорили ему, что Джанетъ сродни дьяволу и что она предалась нечистому, то мистеръ Соулисъ отвѣчалъ, что все это вздоръ, глупыя суевѣрія; вотъ какого онъ былъ тогда мнѣнія о такихъ вещахъ; а когда передъ нимъ раскрыли библію на томъ мѣстѣ, гдѣ упоминается объ Эндорской колдуньѣ, онъ захлопнулъ книгу и сказалъ, что тѣ времени давно прошли, что никакихъ колдуній на свѣтѣ больше нѣтъ и что теперь милостію Божіею дьяволъ укрощенъ и побѣжденъ.

Когда всему клану стало извѣстно, что Джанетъ Макъ Клоуръ поступаетъ въ услуженіе къ пастору мистеру Соулису, то народъ прямо-таки словно бѣлены объѣлся; всѣ обозлились на нее да и на него вмѣстѣ съ нею, и нѣкоторыя женщины, преимущественно жены проводниковъ, которымъ все равно дѣлать нечего, собрались у ея двери, обступили ея домъ со всѣхъ сторонъ и ну попрекать и корить ее всячески; и срамили онѣ ее какъ только могли, всѣмъ что только было извѣстно о ней и даже тѣмъ, что никому не было извѣстно и чего, быть можетъ, никогда и не было... и солдатомъ ее попрекали, и парнями, и двумя ключами Джона Томсона, которыхъ она быть можетъ никогда и въ глаза не видала, и попрекали, и срамили ее и орали у нея подъ окнами что было мочи, такъ что на томъ концѣ улицы слышно

было. Но Джанетъ, это вамъ скажетъ всякій, вообще была баба не говорливая,—эта умѣла держать свой языкъ на привязи,—бывало, что ты ей не говори, она словно и не слышитъ тебя, идетъ себѣ и рта не разжимаетъ, какъ истуканъ какой, даже головы не поворотитъ и вообще она ни въ какія ссоры и дрязги съ другими женщинами никогда не ввязывалась, никого не задѣвала и всегда проходила сторонкой мимо всякаго шума или неурядицы, а потому люди обыкновенно не мѣшали ей идти своей дорогой, и она, съ своей стороны, предоставляла имъ идти ихъ путемъ, и при встрѣчѣ всегда проходила мимо, не сказавъ никому ни «здравствуйте», ни «прощайте», не пожелавъ никому ни «добраго вечера», ни «добраго дня». Только когда удавалось кому-нибудь вывести ее изъ себя, о, тогда у нея неизвѣстно откуда что и бралось! Языкъ у нея былъ такой, что мельничному жернову было не угнаться за нимъ; даже мельника она оглушить могла, а ужъ тотъ ли къ шуму не привыченъ! И вотъ, какъ встала она, да вышла тогда къ бабамъ, да какъ принялась ихъ всѣхъ честить на чемъ свѣтъ стоитъ, такъ всѣ-то самыя старыя, самыя гнусныя сплетни, какія когда-либо ходили по Больвири, всѣ-то она откуда-то повыкопала, да и выложила имъ все на этотъ разъ. И если кто изъ бабъ скажетъ слово, она на него тотчасъ два, и десять, и двадцать, пока, наконецъ, бабы не разсвирѣпѣли и не накинулись на нее всѣ разомъ, схватили ее, сорвали съ нея все платье да и поволокли ее по всему мѣстечку къ водѣ, къ рѣкѣ Дьюль, чтобы испытать, вѣдьма ли она на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ, и посмотрѣть потонетъ она или поплыветъ. А негодница эта ну давай орать и вопить и кричать такъ что ее и подъ «Висячимъ Шоу» слышно было и отбивалась она отъ бабъ, какъ десять женщинъ, такая у нея сила была, и царапала и щипала, и колотила направо и налѣво, и не одна изъ проводниковыхъ бабъ еще долго послѣ того носила на своемъ тѣлѣ и на лицѣ слѣды ея когтей и кулаковъ. И въ самый-то разгаръ побоища, какъ вы думаете, кто явился къ ней на выручку? Никто иной, какъ нашъ новый пасторъ.

— Женщины!—крикнулъ онъ, а голосъ у него былъ зычный.—Приказываю вамъ Именемъ Господа отпустить ее!

Тогда эта безстыдница Джанетъ прямо можно сказать обезумѣла отъ страха, кинулась къ нему, повисла на немъ и молила ради Христа заступиться за нее и спасти ее отъ этихъ кумушекъ,

а тѣ со своей стороны стали выговаривать ему все, что о ней было извѣстно, и стали поносить ее всячески и даже больше того сказали, что на самомъ дѣлѣ было, но и это не помогло.

— Женщина, — обратился пасторъ къ Джанетѣ, — правда это, что онѣ говорятъ?—А самъ глядитъ на нее строго, прямо въ упоръ.

— Вотъ видитъ Богъ, который знаетъ всѣ мои прегрѣшенія!—воскликнула она.—Онъ знаетъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ни одного слова правды! Богъ свидѣтель! Кромѣ одного только парня, котораго я любила, я всю жизнь свою была честной женщиной!

— Такъ согласна ты,—спрашиваетъ ее мистеръ Соулисъ,— передъ Господомъ Богомъ и передо мной, его недостойнымъ и смиреннымъ служителемъ, отречься отъ дьявола и всѣхъ дѣлъ его?

Когда онъ спросилъ ее такъ, то она, какъ говорятъ люди, точно вся перекосилась, такъ что тѣмъ, кто ее видѣлъ, даже страшно стало, и всѣ слышали, что у нея даже зубы во рту застучали какъ въ злой лихорадкѣ. Но дѣлать было нечего, надо было сказать либо да, либо нѣтъ, и вотъ Джанетъ въ присутствіи всѣхъ подняла вверхъ руку, какъ для клятвы, и передъ всѣмъ народомъ отреклась отъ дьявола и всѣхъ дѣлъ его.

— Ну, а теперь,—сказалъ мистеръ Соулисъ, обращаясь къ бабамъ и женамъ проводниковъ,—маршъ сейчасъ по домамъ, всѣ до одной и молите Бога, чтобы Онъ отпустилъ вамъ ваши грѣхи!

А самъ предложилъ Джанетъ руку, хотя на ней не было ничего, кромѣ одной сорочки, и повелъ ее черезъ все мѣстечко наше къ ея дому и проводилъ ее до самыхъ дверей, словно она была какая-нибудь знатная мѣстная леди; а она и кричала, и хохотала и причитала такъ, что слушать-то было зазорно; онъ же словно ничего не слыхалъ.

И въ ту же ночь многіе почтенные и уважаемые люди долго не ложились и все молились, а когда настало утро, то такой страхъ овладѣлъ всѣмъ нашимъ мѣстечкомъ и всей округой Больвири, что и сказать вамъ нельзя: ребятишки всѣ куда попало попрятались, молодые парни глазъ показать на улицу не смѣли, да и пожилые и старые люди тоже стояли и боялись отъ своихъ дверей отойти, а только съ порога глядѣли. По улицѣ шла Джанетъ или ея двойникъ, кто ее знаетъ, а шея у нея скручена, и голова свѣсилась на сторону, точь въ точь какъ у мертвеца,

котораго только что изъ петли вынули, и лицо все перекошено. Мало-по-малу къ этому привыкли и стали даже разспрашивать ее, что такое съ нею случилось, но съ того дня она уже не могла говорить, какъ всѣ крещеные люди, а только слюни пускаетъ, бывало, да лопочетъ что-то, словно мычитъ, да зубами стучитъ и челюсти сводитъ и разводитъ точно ножницы, и вотъ съ самого этого дня Имя Божіе ни разу не сходило у нея съ языка. Даже когда она старалась произнести его, все равно ничего не выходило! Тѣ, что всѣхъ больше знали и понимали, ничего не говорили и молчали объ этомъ дѣлѣ, да и вообще народъ боялся упоминать объ этомъ, но съ того времени уже никто никогда не называлъ ее ея прежнимъ именемъ, Джанетъ Макъ Клоуръ, потому что всѣ считали, что старая Джанетъ въ тотъ день въ адъ кромѣшный попала. Но пастора нашего ни унять, ни урезонить нельзя было тогда ничѣмъ! Долго онъ угомониться не могъ. Что не разъ, то все грозныя, прегрозныя проповѣди говорилъ о жестокосердіи, о человѣческой злобѣ и несправедливости и корилъ бабъ и грозилъ имъ гнѣвомъ Божіимъ за то, что черезъ ихъ злобу и жестокость несчастную женщину параличемъ разбило; и долго онъ ни о чемъ другомъ не говорилъ. А парней, которые дразнили ее или смѣялись надъ ней, онъ тоже строго журилъ и корилъ и въ ту же ночь взялъ ее къ себѣ въ домъ и сталъ жить съ ней одинъ тамъ подъ темнымъ утесомъ «Висячій Шоу».

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ, и люди болѣе легкомысленные и бездѣльные стали легче смотрѣть на это темное дѣло. О пасторѣ всѣ стали лучшаго мнѣнія чѣмъ по началу, хотя онъ попрежнему сидѣлъ до поздней ночи за своимъ писаніемъ, и люди часто видѣли, какъ надъ рѣкой Дьюль въ его окнѣ далеко за полночь мерцало пламя свѣчи. Казалось, что онъ былъ доволенъ собой и своей судьбой, но всѣ стали замѣчать, что онъ какъ будто чахнетъ, а что касается Джанетъ, то она молча дѣлала свое дѣло, уходила и приходила, хлопотала на кухнѣ и по дому, и если раньше она была не ахти какъ говорлива, то теперь у нея была основательная причина стать еще болѣе молчаливой. Она никого не трогала, но на нее жутко было смотрѣть, и никто въ цѣлой Больвирійской землѣ не рѣшился бы довѣриться ей.

Въ концѣ іюля того года наступила еще невиданная перемѣна погоды; никогда ничего подобнаго не бывало въ этой мѣстности.

Стало до того душно, и жарко и томительно, что стада нельзя было загнать на Черный Холмъ, потому что скотина совсѣмъ ослабѣла и не шла въ гору. Даже молодые парни и ребятишки уставали играть и рѣзвиться; всѣхъ одолѣвала жара. Особенно душно, нестерпимо томительно и даже жутко было, когда временами вдругъ начиналъ дуть горячій вѣтеръ, шумѣть по деревьямъ, свистѣть по полямъ и лугамъ, по горамъ и долинамъ, или вдругъ проносился короткій ливень, ничего рѣшительно не освѣжавшій и не оживлявшій. Сколько разъ всѣ думали, что назавтра соберется большущая гроза, но наступало завтра и послѣзавтра, а погода стояла все та же, и никакой грозы не было. Всѣ мучались отъ жары и духоты, и люди, и скотъ, но изъ всѣхъ страдавшихъ въ это время живыхъ существъ, никто такъ не страдалъ и не мучился какъ мистеръ Соулисъ. Онъ не могъ ни спать, ни ѣсть, какъ онъ самъ говорилъ своему епархіальному начальству, и когда онъ не сидѣлъ надъ писаніемъ своей книги, то бродилъ цѣлыми часами по окрестностямъ, какъ человѣкъ, не находящій себѣ нигдѣ покоя, тогда какъ всѣ другіе люди прятались по домамъ, укрываясь отъ зноя.

Надъ «Висячимъ Шоу» передъ Чернымъ Холмомъ, гдѣ обыкновенно паслись стада, есть клочекъ земли, обнесенный каменной оградой съ желѣзными рѣшетчатыми воротами. Какъ видно, въ прежнія времени это было кладбище Больвирійскаго прихода, освященное еще папистами, еще до того благословеннаго времени, когда надъ нашей страной и надъ всѣмъ нашимъ королевствомъ занялся свѣтъ истинной вѣры. Какъ бы тамъ ни было, только это старое кладбище было излюбленнымъ мѣстомъ пастора Соулисъ; здѣсь онъ часто подолгу сидѣлъ и обдумывалъ свои проповѣди и любовался открывавшимся отсюда видомъ. Мѣстечко это было живописное, и видъ съ него былъ дѣйствительно очень красивый, — настоящая картина! Однажды взобрался мистеръ Соулисъ на Черный Холмъ и вышелъ на самое широкое его мѣсто; видитъ сперва двухъ, а тамъ и четырехъ, а тамъ и цѣлыхъ семь вороновъ, летающихъ и кружащихся надъ однимъ мѣстомъ на старомъ кладбищѣ. И летаютъ они то легко и весело, то тяжело и грузно, словно имъ трудно махать крылами, и каркаютъ все время безъ умолку, словно перекликаются другъ съ другомъ. Мистеру Соулису сразу стало ясно, что вороновъ встревожило что-нибудь необычайное; однако, его не легко было напугать, не

трусливаго онъ былъ десятка, нашъ пасторъ Соулисъ, а потому и пошелъ прямо къ оградѣ посмотрѣть. И что вы думаете, что онъ тамъ увидѣлъ? Видитъ человѣкъ сидитъ, или быть можетъ то былъ только съ вида человѣкъ; сидитъ въ оградѣ, на одной изъ могилъ, рослый, плечистый и черный, что сажа *), словно онъ изъ чертова пекла вылѣзъ, и глаза у него такіе странные, страшные. Мистеръ Соулисъ не разъ слыхалъ разсказы о черныхъ людяхъ, и много читалъ о нихъ, но было что-то недоброе въ этомъ черномъ человѣкѣ, котораго онъ теперь видѣлъ передъ собой, и какъ ни было ему жарко, а все же его пробрала дрожь до самаго мозга костей, но мистеръ Соулисъ былъ человѣкъ смѣлый и заговорилъ съ чернымъ: «Вы, вѣроятно, чужой здѣсь, мой другъ?»—спросилъ онъ его. Но черный ничего не отвѣтилъ, а только вскочилъ на ноги и побѣжалъ къ противоположной стѣнѣ ограды и все оглядывался на пастора; а тотъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и тоже все смотрѣлъ на чернаго до тѣхъ поръ, пока тотъ въ одну минуту не перескочилъ черезъ ограду и не сталъ спускаться бѣгомъ внизъ съ холма, прямо къ чащѣ деревьевъ, росшихъ неподалеку отъ Чернаго Холма. Мистеръ Соулисъ, самъ не зная зачѣмъ, побѣжалъ за нимъ, но былъ слишкомъ утомленъ и обезсиленъ и жарой и своей прогулкой по этой жарѣ и истомленъ тяжелой душной погодой и какъ онъ ни бѣжалъ, а угнаться за чернымъ не могъ; чернокожій только мелькнулъ между березами и спустился внизъ по скату холма; и затѣмъ пасторъ опять увидѣлъ его, какъ онъ большими прыжками перебирался черезъ рѣку Дьюль въ бродъ, прямо по направленію къ пасторскому дому.

Мистеръ Соулисъ, конечно, не остался доволенъ тѣмъ, что эта безобразная черная образина такъ безцеремонно направляется въ его домъ, и онъ пустился бѣжать пуще прежняго. Минуту спустя и онъ перебрался черезъ рѣчку въ бродъ, пробѣжалъ по дорожкѣ, но никакого чернаго человѣка нигдѣ не было видно. Тогда онъ вышелъ на большую дорогу, посмотрѣлъ и въ ту, и въ другую сторону, нигдѣ никого! Онъ обошелъ весь садъ, но и въ саду не было чернокожаго; тогда, въ концѣ концовъ, нѣсколько встревоженный и напуганный, что было вполнѣ естественно, онъ взялся за щеколду своихъ дверей и вошелъ въ домъ. Здѣсь на

---

*) Въ Шотландіи было вообще повсемѣстно распространено повѣріе, что дьяволъ является на землю въ образѣ чернокожаго, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе судебные процессы вѣдьмъ и колдуній, а также и сборникъ легендъ Лоу «Memorials».

самомъ порогѣ его глазамъ предстала Джанетъ Макъ Клоуръ съ скрученной шеей и какъ будто не особенно довольная тѣмъ, что видитъ его. А послѣ онъ вспомнилъ, что когда онъ въ этотъ разъ взглянулъ на нее, онъ почувствовалъ ту же холодную смертельную дрожь, какую испыталъ только-что тамъ наверху у кладбищенской ограды при видѣ чернаго человѣка.

— Джанетъ,—спросилъ онъ,—не видали ли вы здѣсь чернаго человѣка?

— Чернаго человѣка?—переспросила она.—Что вы, Богъ съ вами! Ну, разумный ли вы человѣкъ послѣ этого, а еще пасторъ! Да во всемъ Больвири нѣтъ ни одного чернаго человѣка.

Ну, конечно, она говорила не такъ ясно и чисто, какъ всѣ люди, а такъ шамкала и слюнявила какъ деревенская лошаденка, когда она жуетъ овесъ.

— Ну, Джанетъ,—сказалъ мистеръ Соулисъ,—если здѣсь не было чернаго человѣка, то, значитъ, я говорилъ съ самимъ чертомъ!

И съ этими словами пасторъ опустился на стулъ какъ подкошенный и трясло его какъ въ лихорадкѣ, такъ что зубы у него стучали.

— Стыдно вамъ говорить такой вздоръ! А вы еще пасторъ!—пробормотала или прошамкала она и принесла ему глоточекъ водки, которую она всегда имѣла у себя въ запасѣ.

Мистеръ Соулисъ выпилъ водку и пошелъ въ свою комнату, гдѣ и засѣлъ за свои книги. То была длинная, довольно темная комната, страшно холодная зимой и даже въ самый разгаръ лѣта довольно сырая и мозглая, вслѣдствіе того, что домъ стоялъ надъ самой водой, да и вся мѣстность здѣсь во всей округѣ сырая и болотистая. Сѣлъ это онъ къ своему столу и сталъ думать обо всемъ, что съ нимъ было съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ поселился здѣсь въ Больвири, а также и въ то время, когда онъ еще жилъ дома, когда былъ еще мальчикомъ и бѣгалъ по горамъ и купался въ ручьяхъ, а черный человѣкъ, нѣтъ, нѣтъ, да и предстанетъ вдругъ передъ нимъ среди этихъ пріятныхъ воспоминаній; ворвется ни съ того, ни съ сего въ его мысли, какъ приливъ крови. И чѣмъ больше онъ старался думать о другомъ, тѣмъ больше онъ все думалъ о черномазомъ. Онъ пытался молиться, но слова молитвы вылетали у него изъ головы, и онъ никакъ не могъ ихъ припомнить; тогда онъ принимался писать свою

книгу, но и изъ этого тоже ничего не выходило. Были минуты когда ему начинало казаться, что черный человѣкъ сидитъ гдѣ-то въ немъ самомъ, но въ другія минуты онъ приходилъ въ себя и разсуждалъ какъ добрый христіанинъ, и тогда ему казалось, что нигдѣ ничего нѣтъ, и даже не помнилъ ничего изъ того, что было съ нимъ всего за одну минуту.

Напослѣдокъ онъ всталъ, подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на воду рѣки Дьюль. Деревья у берега растутъ густо, а рѣка-то бѣжитъ глубоко внизу подъ горкой и кажется въ этомъ мѣстѣ передъ домомъ совсѣмъ черной; а у рѣки стояла Джанетъ и полоскала свое тряпье, подоткнувъ подолъ своей юбки высоко, чтобы не обмочить его. Она стояла спиной къ дому и къ пастору, а тотъ съ своей стороны едва сознавалъ, на что онъ смотритъ. Но вотъ она обернулась, и онъ увидѣлъ ея лицо. И при этомъ у него опять дрожь пробѣжала по всему тѣлу, какъ уже дважды раньше того въ этотъ самый день. И вдругъ ему пришло въ голову, что люди говорятъ, что Джанетъ давно умерла, а что это существо просто оборотень, принявшій ея видъ и вселившійся въ ея тѣло. Тутъ онъ отступилъ немножко отъ окна и сталъ пристально разглядывать ее. Смотритъ онъ и видитъ, что она топчется тамъ у воды, полощетъ, нагнувшись, свое бѣлье и что-то каркаетъ про себя... И, прости Господи, какое у нея было страшное лицо! А она пѣла все громче и громче, но ни одинъ рожденный отъ женщины человѣкъ не могъ бы сказать вамъ словъ ея пѣсни; а она нѣтъ, нѣтъ, да и скоситъ глаза въ сторону, книзу, хотя и смотрѣть то тамъ ей было нечего. Дрожь опять пробѣжала по всему тѣлу пастора Соулиса, и онъ почувствовалъ, что ознобъ добирался у него до самыхъ костей. Это, видите ли вы было божеское предостереженіе ему, но мистеръ Соулисъ сталъ даже корить себя за такія мысли; онъ упрекалъ себя въ томъ, что такъ дурно подумалъ о бѣдной женщинѣ, старой и больной, которую и безъ того постигло такое тяжелое несчастіе, и у которой не было въ цѣломъ мірѣ ни близкихъ, ни родныхъ, ни друзей кромѣ одного его. И онъ сталъ молиться за нее и за себя, а потомъ пошелъ и испилъ холодной водицы и какъ будто нѣсколько успокоился; ѣсть онъ не хотѣлъ, потому что при видѣ мяса его начинало тошнить. Напившись воды, онъ добрался въ потьмахъ до своей спальной и легъ въ свою холодную, неуютную, ничѣмъ не завѣшенную постель.

Эту ночь никто въ Больвари никогда не забудетъ! Это была ночь на 17-е августа 1712 года. День передъ тѣмъ, какъ я уже говорилъ раньше, былъ жаркій, томительный, но ночь была еще жарче, еще душнѣе; было такъ жарко и такъ душно, какъ еще никогда не бывало. Солнце зашло среди темныхъ, почти черныхъ тучъ, не предвѣщавшихъ ничего добраго, а потому темень была такая, какъ на днѣ глубокаго колодца. На небѣ не было видно ни единой звѣздочки; въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка; собственной своей ладони у себя передъ носомъ не было видно! Даже старые люди посбрасывали съ себя свои одѣяла и покрывала и лежали на своихъ кроватяхъ, въ полной наготѣ, задыхаясь отъ жары и духоты, потому что даже въ домахъ дышать было нечѣмъ. Ну а со всѣми тѣми мыслями, какія бродили въ эту ночь въ головѣ мистера Соулиса, конечно, едва ли можно было заснуть, хотя бы только на минуту. Онъ, какъ говорится, глазъ сомкнуть не могъ, а лежалъ да ворочался съ боку на бокъ, и хотя постель у него была хорошая, прохладная, она жгла его какъ огонь, жгла до самыхъ костей. И когда онъ минутами задремывалъ, а затѣмъ снова пробуждался, томясь все время между сномъ и дремотой, онъ считалъ часы долгой ночи, и слушалъ однообразный заунывный вой собаки гдѣ-то тамъ, на болотѣ, и думалъ, что она воетъ точно по покойнику.

Временами ему казалось, что онъ слышитъ, какъ какіе-то чудища возятся на своемъ логовищѣ, а временами онъ видѣлъ у себя передъ глазами безчисленныя гнилушки, свѣтящіяся, какъ свѣтляки, повсюду въ его комнатѣ. Принимая все это въ соображеніе пасторъ Соулисъ рѣшилъ, что онъ, вѣроятно, боленъ.

И онъ былъ, дѣйствительно, боленъ; какъ ни мало вѣрилъ въ болѣзнь, какъ ни мало желалъ онъ ее, все же онъ былъ боленъ. Однако, мало-по-малу, у него какъ будто стало проясняться въ головѣ; онъ сѣлъ у себя на кровати, въ рубашкѣ, какъ былъ, и спустилъ ноги на полъ, хотѣлъ встать, пройтись, но вдругъ задумался о черномъ и о Джанетъ, и затѣмъ, самъ онъ не зналъ какъ и почему, потому ли что у него ноги зазябли, или по другой какой причинѣ, только ему вдругъ пришло въ голову, что между этими двумя, т. е. между Джанетъ и чернымъ, есть какая-то связь, что между ними есть что-то общее, и что каждый изъ нихъ, или оба они оборотни!

И вотъ, въ этотъ самый моментъ, какъ онъ это подумалъ, въ комнатѣ Джанетъ, смежной съ его собственной комнатой, онъ услышалъ какой-то странный шумъ и возню, какъ будто тамъ двое боролись между собой; затѣмъ вдругъ подавленный крикъ и громкій ударъ, какъ если бы, кто нибудь сильно хлопнулъ дверью. Въ то же время, вѣтеръ на дворѣ вдругъ задулъ разомъ со всѣхъ четырехъ сторонъ дома и со свистомъ пронесся надъ крышей, а потомъ все снова стало тихо и безмолвно какъ въ могилѣ.

Надо вамъ сказать, что мистеръ Соулисъ не боялся ни людей, ни чертей, а потому онъ взялъ со стола свою коробку спичекъ, зажегъ свѣчу и сдѣлалъ три шага по направленію къ двери, ведущей въ комнату Джанетъ съ площадки лѣстницы. Дверь была заперта на щеколду. Пасторъ Соулисъ отодвинулъ засовъ, отворилъ дверь и смѣло заглянулъ въ комнату. Это была большая, просторная комната, такая же какъ его собственная; вся она была заставлена старинной, прочной, но громоздкой мебелью; другой мебели у пастора не было. Тутъ была и широкая старинная кровать съ пологомъ и балдахиномъ на четырехъ витыхъ колонкахъ, съ пестрымъ, затканнымъ крупными цвѣтами, пологомъ изъ старинной полинялой ткани, и громадный, пузатый коричневый комодъ стараго дуба, биткомъ набитый божественными книгами пастора; комодъ этотъ нарочно былъ поставленъ здѣсь, чтобы онъ не былъ на виду у всѣхъ приходившихъ къ пастору посѣтителей. На полу были разбросаны въ большомъ безпорядкѣ различныя вещи Джанетъ, но самой Джанетъ мистеръ Соулисъ нигдѣ не видѣлъ. Также, кромѣ этого безпорядка, никакихъ другихъ признаковъ борьбы въ комнатѣ не было замѣтно. Онъ переступилъ за порогъ, несмѣло вошелъ въ комнату (не всякій бы на его мѣстѣ при такихъ условіяхъ рѣшился послѣдовать его примѣру). Оглядѣвшись кругомъ, онъ прислушался, но нигдѣ ничего не было слышно, ни въ домѣ, ни на дворѣ, ни даже въ цѣломъ Больварійскомъ приходѣ, а также ничего не было видно, кромѣ странныхъ тѣней, вертѣвшихся вокругъ пламени свѣчи. Но вдругъ сердце дрогнуло въ груди у пастора и замерло, точно совсѣмъ остановилось; холодный потъ выступилъ у него на лбу; волосы встали дыбомъ у него на головѣ. Страшное зрѣлище предстало глазамъ бѣднаго пастора: между большимъ платянымъ шкафомъ и старымъ дубовымъ комодомъ висѣла на

гвоздѣ Джанеттъ. Голова у нея, какъ всегда, свѣсилась на плечо, глаза выкатились изъ орбитъ и остановились точно стеклянные, языкъ высунулся изо рта и висѣлъ наружу, какъ у подохшей собаки, а пятки болтались на воздухѣ, фута на два отъ пола.

— Господи, спаси и помилуй насъ грѣшныхъ!—подумалъ мистеръ Соулисъ.—Бѣдная Джанетъ, она уже умерла!

Онъ подошелъ ближе къ трупу, и въ этотъ моментъ сердце его чуть не перевернулось у него въ груди. Какимъ колдовствомъ, или какимъ чудомъ, могла она быть удавлена, объ этомъ пусть теперь каждый самъ разсудитъ. Джанетъ висѣла на одномъ маленькомъ гвоздикѣ, на одной только тоненькой шерстинкѣ, такой, какими обыкновенно штопаютъ носки.

Страшное это дѣло быть такъ одному ночью, среди мрака кромешнаго въ пустомъ домѣ, да еще при такой обстановкѣ! Но мистеръ Соулисъ былъ силенъ духомъ въ Ботѣ. Онъ спокойно повернулся и пошелъ вонъ изъ комнаты. Заперевъ за собою дверь, онъ замкнулъ ее на ключъ снаружи, и сталъ медленно, шагъ за шагомъ, въ глубокомъ раздумьѣ, спускаться съ лѣстницы. Ноги у него были тяжелы, точно свинцомъ налитыя, и когда онъ сошелъ внизъ, то поставилъ свѣчу на столъ, стоявшій внизу у самой лѣстницы, а самъ остался стоять у этого стола. Онъ не былъ въ состояніи ни молиться, ни думать; холодный потъ такъ и катился у него со лба; онъ ничего передъ собой не видѣлъ и не слышалъ, ничего, кромѣ страшно громкаго біенія своего собственнаго сердца, стучавшаго какъ-то глухо, но въ то же время гулко, и какъ-то неровно, точно судорожно: туки, туки-туки, туки... и опять, и опять, все такъ же, то торопливо, то съ задержкой. Можетъ быть онъ простоялъ здѣсь часъ, а можетъ и два, онъ этого не помнилъ, но вотъ, онъ услыхалъ тамъ на верху какъ бы легкій шумъ. Чьи-то осторожные шаги слышались на верху; они двигались взадъ и впередъ, словно тамъ ходилъ кто нибудь, въ той комнатѣ, гдѣ находилось мертвое тѣло. Немного погодя, дверь тихонько отворилась, хотя мистеръ Соулисъ отлично помнилъ, что заперъ ее, выходя, снаружи на ключъ, затѣмъ послышались шаги на площадкѣ лѣстницы, и ему показалось, что трупъ перевѣсился черезъ перила и смотритъ внизъ—какъ разъ на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ.

Тогда онъ взялъ свѣчу (безъ свѣчи онъ никакъ не могъ обойтись и, какъ только могъ осторожнѣе, онъ вышелъ изъ дома на

улицу, и пошелъ въ самый дальній конецъ шоссированной дорожки, проходившей у него передъ окнами дома. На дворѣ было такъ темно, что просто зги не видать, что называется, хоть глазъ выколи, и когда онъ поставилъ свѣчу на землю, то пламя ея даже не колыхнулось, она горѣла ясно и спокойно, какъ въ горницѣ. Нигдѣ кругомъ ничто не шелохнулось,—только вода въ рѣкѣ Дьюль чуть слышно бѣжала по каменистому дну, внизъ въ долину, да тамъ въ домѣ слышались тихіе, жуткіе шаги, какъ будто съ трудомъ, неспѣша спускавшіеся съ лѣстницы. Мистеръ Соулисъ слишкомъ хорошо зналъ эти шаги, это были шаги Джанетъ, и съ каждымъ шагомъ, который приближалъ ее понемногу къ нему, холодъ и ознобъ все глубже проникали въ его тѣло. Онъ мысленно поручилъ свою душу Творцу Своему и мысленно помолился такъ:—«О, Господи! Дай мнѣ силы въ сію ночь отразить отъ себя власть нечистаго и огради меня отъ всяческаго зла!»

Тѣмъ временемъ, шаги спустились съ лѣстницы и направились черезъ сѣни къ выходнымъ дверямъ; онъ слышалъ какъ рукой вели по стѣнѣ, словно нащупывали въ потьмахъ дорогу. Вдругъ ивы надъ рѣкой закачались, зашумѣли своей мелкой листвой, закивали своими тонкими верхушками; надъ сосѣдними холмами пронесся точно глубокій вздохъ, пламя свѣчи заколыхалось и чуть было не загасло, и теперь Джанетъ со свернутой шеей, въ ея темномъ затасканномъ платьѣ и черной косынкѣ на плечахъ, съ головой, свѣсившейся на бокъ, и искривленной улыбкой на лицѣ, стояла на порогѣ дома, какъ живая. Но пасторъ зналъ, что она умерла, и зналъ, что тамъ на порогѣ стояла не она, а ея трупъ.

Странное это дѣло, что душа, безсмертная душа человѣка, можетъ такъ содрогаться въ его смертномъ, бренномъ тѣлѣ; но пасторъ въ этомъ на личномъ опытѣ убѣдился, и при этомъ сердце его не разорвалось.

Джанетъ не долго стояла на порогѣ; она стала медленно подвигаться впередъ, постепенно приближаясь къ мистеру Соулису, къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ подъ старыми ивами надъ рѣкой. Казалось будто всѣ силы ея души, вся энергія ея ума, свѣтились теперь въ ея глазахъ; казалось, она готова была заговорить, но не находила словъ, а потому, только сдѣлала знакъ лѣвой рукой. Вдругъ откуда-то налетѣлъ страшный порывъ вѣтра и злобно

зашипѣлъ, точно раздраженная злая кошка, и задулъ свѣчу. Ивы застонали точно живые люди. А мистеръ Соулисъ почувствовалъ, что будь что будетъ, жить такъ жить, а умирать такъ умирать, но что этому во всякомъ случаѣ, надо положить конецъ!

— Вѣдьма, нечисть, или дьяволъ! Кто бы ты ни былъ,— крикнулъ онъ, и голосъ его звучалъ громко, и грозно, и зычно,— заклинаю тебя властью, данной мнѣ отъ Бога, сгинь! пропади! разсыпься прахомъ!.. Если ты мертвецъ отыди въ могилу! Если ты проклятый, — отыди въ адъ! И въ этотъ самый моментъ, Перстъ Божій поразилъ съ небеси оборотня, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ. Страшное мертвое тѣло, тѣло старой колдуньи и оборотня, столько лѣтъ вырванное чертями изъ могилы, и столько времени тасканное ими по бѣлу свѣту, на грѣхъ и соблазнъ добрымъ людямъ, вспыхнуло, какъ искра на кремнѣ, и разсыпалось пепломъ по землѣ. Громъ загремѣлъ ударъ за ударомъ, самое небо содрогнулось, и проливной дождь хлынулъ разомъ, какъ изъ ведра. Мистеръ Соулисъ перескочилъ черезъ изгородь сада, и какъ былъ въ одной ночной сорочкѣ бросился бѣжать большущими прыжками прямо по направленію къ нашему мѣстечку.

На слѣдующее утро, Джонъ Кристи видѣлъ чернаго человѣка, когда онъ проходилъ мимо Мекль-Каирнъ, ровно въ шесть утра; около восьми онъ проходилъ мимо мѣнялы въ Нокдоу; а вскорѣ послѣ того Макъ Лелланъ видѣлъ его, какъ онъ бѣжалъ внизъ подъ откосъ отъ Кильмакерли. Нѣтъ сомнѣнія, что это онъ такъ долго пребывалъ въ тѣлѣ и въ образѣ старой Джанетъ, но, наконецъ, онъ убрался, и съ той поры, дьяволъ не показывалъ намъ больше своихъ глазъ здѣсь, въ Больвари.

Но не легко досталась нашему пастору эта бѣда: — долго, долго пролежалъ онъ послѣ того въ бреду, не вставая съ постели, и съ того часа и по сіе время, онъ сталъ такимъ, какимъ вы видите его теперь.

ОЛАЛЬЯ.

— Ну-съ, а теперь,—сказалъ докторъ,—моя роль окончена. Я свое дѣло сдѣлалъ и могу сказать не безъ нѣкоторой гордости, сдѣлано оно хорошо. Теперь остается только выпроводить васъ изъ этого холоднаго и зловреднаго города и предоставить вамъ мѣсяца два отдыха, гдѣ нибудь на чистомъ воздухѣ, со спокойною совѣстью и безъ всякихъ заботъ. Послѣднее, конечно, всецѣло ваше дѣло, но что касается перваго, то мнѣ кажется, что я могъ бы вамъ это предоставить. Вышло это, можно сказать, довольно странно; всего только нѣсколько дней тому назадъ Padre пріѣзжаетъ ко мнѣ изъ деревни, и хотя мы съ нимъ люди различныхъ профессій, мы тѣмъ не менѣе добрые старые друзья, и онъ обратился ко мнѣ, прося помочь чѣмъ-нибудь одной сильно нуждающейся семьѣ изъ его прихожанъ. Это семья... впрочемъ, вѣдь вы совершенно незнакомы съ Испаніей, и даже самые громкія имена нашихъ грандовъ, вамъ ровно ничего не скажутъ, а потому достаточно, если я вамъ скажу, что нѣкогда они были великими міра сего, а теперь находятся на краю паденія и не только полнаго разоренія, но даже нищеты. Теперь отъ всѣхъ ихъ прежнихъ помѣстій, дворцовъ и сокровищъ остались лишь послѣдніе крохи; имъ принадлежитъ только «residencia», т. е. самая усадьба изъ бывшаго родового помѣстья и небольшой клочекъ, въ нѣсколько сотъ десятинъ, совершенно безплодной, ни на что непригодной земли, высоко въ горахъ, гдѣ даже козѣ прокормиться нечѣмъ. Но самый домъ, такъ называемая «ресиденсія»,—прекрасное, величественное старинное зданіе, великолѣпно расположенное на весьма значительной высотѣ среди живописныхъ горъ и холмовъ въ превосходной, здоровой мѣстности. Какъ только я услышалъ все это отъ моего пріятеля Padre, я

тотчасъ же подумалъ о васъ. Я сказалъ ему, что у меня на попеченіи находится раненый офицеръ, сражавшійся за правое дѣло, который теперь пошелъ на поправку и нуждается въ перемѣнѣ воздуха, и я предложилъ ему, чтобы его нуждающіеся друзья приняли васъ въ качествѣ жильца на нѣкоторое время. Лицо моего добраго патера тотчасъ же нахмурилось, какъ я это, впрочемъ, предвидѣлъ заранѣе.

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!—сказалъ онъ.

— Ну, такъ и пусть они себѣ подыхаютъ съ голода, со своимъ чванствомъ,—отвѣтилъ я,—потому что, какъ вамъ извѣстно, я не сочувствую гордости лохмотниковъ. По одѣжкѣ протягивай ножки!—вотъ мое правило.

На этомъ мы и разстались, на этотъ разъ не совсѣмъ довольные другъ другомъ. Но вчера онъ опять зашелъ ко мнѣ и, къ великому моему удивленію, сказалъ мнѣ, что затрудненія оказались не столь велики, какъ онъ предполагалъ, и что дѣло можетъ уладиться; иначе говоря, эти гордецы припрятали свою гордость въ карманъ до болѣе удобнаго случая. Я тутъ же и покончилъ съ нимъ и, разсчитывая на ваше согласіе, занялъ для васъ пару комнатъ въ «ресиденсіи». Горный воздухъ возстановитъ, несомнѣнно, ваши силы, а тишина и спокойствіе, которыя вы тамъ найдете, будутъ для васъ полезнѣе всякихъ лекарствъ.

— Докторъ,—сказалъ я,—вы все время были моимъ добрымъ геніемъ, а потому вашъ совѣтъ равносиленъ для меня предписанію. Но разскажите мнѣ, ради Бога, если можете, что-нибудь объ этой семьѣ, въ которой мнѣ теперь придется жить.

— Я только что собирался это сдѣлать, — отвѣтилъ докторъ,—тѣмъ болѣе, что тутъ есть одно маленькое затрудненіе, которое, я боюсь, смутитъ васъ. Эти нищіе, видите ли, какъ я уже говорилъ вамъ, принадлежатъ, по своему происхожденію, къ очень высокому роду и поэтому преисполнены самой нелѣпой, ни на чемъ не основанной гордости; они вотъ уже нѣсколько поколѣній живутъ въ страшномъ уединеніи, вслѣдствіе своего раззоренія. Отъ знатныхъ и богатыхъ они сторонятся, потому что тѣ стоятъ теперь какъ бы выше ихъ, и имъ за ними не угнаться, а отъ бѣдныхъ они сторонятся потому, что тѣ имъ кажутся слишкомъ низкими для нихъ, и даже теперь, когда бѣдность довела ихъ до необходимости раскрыть двери своего дома гостю, они не могутъ рѣшиться на это безъ въ высшей степени неделикатной оговорки или условія, а именно, чтобы вы оставались совер-

шенію постороннимъ для нихъ человѣкомъ. Они, конечно, будутъ заботиться о томъ, чтобы вы имѣли все для васъ необходимое, но уже впередъ просятъ васъ отказаться отъ всякой мысли о возможности какого бы то ни было сближенія съ ними.

Не стану скрывать, что въ первый моментъ я почувствовалъ себя нѣсколько обиженнымъ такого рода условіемъ, но, быть можетъ, это самое чувство возбудило во мнѣ желаніе поѣхать въ этотъ домъ, въ надеждѣ, что мнѣ удастся сломить эту преграду, воздвигнутую гордостью этихъ людей, если я только захочу.

— Въ сущности,—сказалъ я,—въ этомъ ихъ условіи нѣтъ ничего обиднаго; я даже симпатизирую тому чувству, которое могло внушить имъ такое желаніе.

— Правда, что вѣдь они васъ не знаютъ и никогда не видали,—вѣжливо замѣтилъ докторъ,—и если бы они знали, что вы самый красивый и милый, и пріятный человѣкъ, который когда-либо пріѣзжалъ сюда изъ Англіи, гдѣ, какъ я слышалъ, много красивыхъ мужчинъ, но не такъ много милыхъ и пріятныхъ, какъ вы, я увѣренъ, что они приняли бы васъ съ большимъ радушіемъ. Но разъ вы съ этимъ такъ хорошо миритесь, то говорить не о чемъ! Мнѣ это кажется весьма нелюбезнымъ, но, быть можетъ, вы отъ этого только выиграете. Семья эта едва ли прельститъ васъ; она состоитъ изъ матери семейства, сына и дочери. Старуха, говорятъ, почти полоумная, сынъ просто деревенскій парень съ большими претензіями, а дочь деревенская дѣвица, выросшая на свободѣ, какъ сорная трава, и всецѣло подпавшая подъ вліяніе своего духовника, что можетъ служить доказательствомъ того, что она, вѣроятно, весьма недалекая. Такъ вы видите, что здѣсь едва ли найдется, чѣмъ плѣнить воображеніе такого блестящаго молодого офицера.

— А между тѣмъ вы говорите, что это люди высокаго происхожденія, принадлежащіе къ старой родовой аристократіи?—замѣтилъ я.

— Ну, что касается этого, то тутъ слѣдуетъ сдѣлать маленькую оговорку,—замѣтилъ докторъ.—Мать, точно, можетъ считать себя родовитой аристократкой, но дѣти не совсѣмъ такъ. Дѣло въ томъ, что мать—послѣдняя представительница стараго княжескаго рода, выродившагося и обѣднѣвшаго. Отецъ ея былъ не только бѣденъ, но и безуменъ; дочь этого помѣшаннаго аристократа до самой его смерти бѣгала по усадьбѣ безъ всякаго

призора, какъ простая деревенская дѣвчонка, а послѣ его смерти, когда ушли и послѣднія крохи бѣднаго достатка, и вся эта родовитая семья, за исключеніемъ одной ея, вымерла, дѣвчонка эта осталась совсѣмъ безъ удержа и, наконецъ, добѣгалась до того, что вышла замужъ не то за какого-то погонщика муловъ, не то за контрабандиста, словомъ, одному Богу извѣстно за какого проходимца! Нѣкоторые утверждаютъ даже, что она вовсе ни за кого замужъ не выходила, и что Филиппъ и Олалья ея незаконные ублюдки, прижитые ею неизвѣстно съ кѣмъ. Бракъ этотъ, былъ ли онъ законный или незаконный, о чемъ одному Богу извѣстно, окончился трагической развязкой нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но семья эта живетъ такъ замкнуто, такъ недоступно, да и кромѣ того здѣсь въ странѣ въ эту пору царили такія смуты и безпорядки, что никто не можетъ съ увѣренностью сказать, какъ именно кончилъ жизнь этотъ человѣкъ, и кто или что было причиной его внезапной смерти. Знаетъ объ этомъ, можетъ быть, одинъ только падре, да и то еще трудно сказать, знаетъ ли и онъ.

— Я начинаю думать, что мнѣ предстоитъ испытать тамъ много интереснаго,—сказалъ я.

— На вашемъ мѣстѣ, я не сталъ бы заранѣе создавать романическія фантазіи, — промолвилъ докторъ, — потому что я боюсь, что вы наткнетесь на самую будничную и даже довольно грубую дѣйствительность. Филиппа этого я видѣлъ, и что мнѣ вамъ сказать о немъ? На мой взглядъ, это просто глуповатый, простоватый деревенскій парень, очень лукавый и скрытный и вмѣстѣ съ тѣмъ наивный. Вѣроятно, и остальные члены семьи въ томъ же духѣ. Нѣтъ, сеньоръ команданте, подходящее для себя общество вы должны искать не у этихъ людей, а среди благородныхъ красотъ природы, нашихъ величественныхъ и живописныхъ горъ, и если вы вообще любите красоту природы, то я могу вамъ поручиться, что въ этомъ отношеніи вы не разочаруетесь!

На другой день за мной пріѣхалъ Филиппъ на простой деревенской телѣжкѣ, запряженной муломъ. Незадолго до полудня, простившись съ моимъ милымъ докторомъ, съ хозяиномъ гостиницы, гдѣ я жилъ, и еще съ кое кѣмъ изъ добрыхъ людей, обласкавшихъ меня и ухаживавшихъ за мной во время моей болѣзни, мы выѣхали изъ города черезъ восточныя ворота и стали подыматься на Сіерру. Я такъ давно не дышалъ свѣжимъ возду-

хомъ, и вообще не выходилъ изъ своей комнаты съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, потерявъ сопровождавшій меня конвой, былъ оставленъ умирающимъ на произволъ судьбы, что теперь даже самый запахъ земли пріятно опьянялъ меня и вызывалъ у меня улыбку умиленія. Мѣстность, по которой мы ѣхали, была дикая, скалистая, мѣстами поросшая старымъ лѣсомъ, то пробковыхъ деревьевъ, то громадныхъ развѣсистыхъ испанскихъ каштановъ; во многихъ мѣстахъ лѣсъ пересѣкали шумливые горные потоки и свѣтлые ручьи съ темнымъ каменистымъ русломъ. Солнце ярко свѣтило на небѣ, вѣтерокъ весело шелестилъ кругомъ; мы отъѣхали нѣсколько миль отъ города, который теперь казался незначительнымъ комочкомъ, лежащимъ тамъ, въ долинѣ, позади насъ, когда я впервые обратилъ свое вниманіе на своего спутника. Съ вида онъ, дѣйствительно, казался сравнительно малорослымъ, хорошо сложеннымъ, но неотесаннымъ деревенскимъ парнемъ, именно такимъ, какимъ его мнѣ описывалъ докторъ; очень проворный, дѣятельный, подвижной и ловкій, но совершенно некультурный; и это первое впечатлѣніе, очевидно, для большинства оставалось окончательнымъ. Меня съ самаго начала поразила его развязность и фамильярность, и его удивительная болтливость, столь явно не вязавшіяся съ тѣми условіями, на какихъ эти люди соглашались принять меня въ свой домъ. Говорилъ онъ безсвязно, непослѣдовательно перескакивая съ предмета на предметъ, такъ что за его рѣчью съ трудомъ можно было слѣдить безъ особаго усилія мысли. Мнѣ и раньше приходилось разговаривать съ людьми, стоящими приблизительно на одномъ съ нимъ уровнѣ развитія и образованности, съ людьми, которые, повидимому, жили прежде всего своими внѣшними впечатлѣніями, какъ это дѣлалъ и онъ, которыхъ сразу захватываетъ какой-нибудь видимый предметъ до такой степени, что у нихъ является потребность сію же минуту высказать кому-нибудь зародившееся въ ихъ мозгу впечатлѣніе или мимолетную мысль, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же поддаться новому впечатлѣнію съ точно такимъ же непосредственнымъ увлеченіемъ. Мнѣ казалось, слушая его навязчивую рѣчь довольно разсѣяннымъ ухомъ, что это какъ разъ тотъ родъ разговора, который обыкновенно свойственъ возчикамъ и ямщикамъ, проводящимъ большую часть дня въ ѣздѣ по одной и той же знакомой имъ дорогѣ, въ полномъ бездѣйствіи мысли; но какъ оказалось, Филиппъ, по его собственнымъ словамъ, былъ скорѣе домосѣдъ.—«Я и теперь желалъ бы

уже быть дома»,—сказалъ онъ и, увидавъ дерево у дороги, онъ, не досказавъ начатой мысли, вдругъ сообщилъ мнѣ, что однажды видѣлъ ворону на этомъ деревѣ.

— Ворону?—переспросилъ я, удивленный странностью этого заявленія и полагая, что я, вѣроятно, ослышался.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить на мой вопросъ, онъ уже занялся чѣмъ-то другимъ; напряженно прислушиваясь къ чему-то склонивъ голову на-сторону и озабоченно хмуря лобъ, онъ довольно сильно хлопнулъ меня по колѣну, чтобы я молчалъ и не мѣшалъ ему. Спустя минуту онъ весело улыбался, покачивая головой.

— Къ чему вы прислушивались?—спросилъ я его.

— Ахъ, нѣтъ, ничего, теперь ужъ все прошло,—отозвался онъ и принялся погонять своего мула дикими окриками и чисто извозчичьими понуканіями, которые жутко раздавались въ ущельяхъ горъ.

Я сталъ внимательнѣе разглядывать его. Онъ былъ на рѣдкость хорошо сложенъ, легокъ, гибокъ и силенъ; у него были красивыя правильныя черты и очень большіе каріе глаза, красивые, но не слишкомъ выразительные. Въ общемъ, это былъ юноша весьма пріятной наружности, въ которой я не находилъ никакихъ явныхъ недостатковъ, кромѣ развѣ только смуглаго цвѣта его кожи и извѣстной наклонности къ излишнему обилію растительности, т. е. волосъ; то и другое было не въ моемъ вкусѣ. Фраза доктора, что Филиппъ «дѣтски наивенъ», пришла мнѣ теперь въ голову, и, глядя на него, я готовъ былъ, пожалуй, усумниться въ вѣрности этой оцѣнки, когда явилось нѣчто, явно подтвердившее ее. Дорога стала спускаться подъ гору, въ узкій, лишенный всякой растительности оврагъ, въ глубинѣ котораго бушевалъ, стремительно несясь впередъ, шумный горный потокъ. Быстрыя воды этого потока оглушительно ревѣли и стонали, и узкое ущелье оврага буквально заполнялось этимъ шумомъ и мелкими водяными брызгами и пылью, и свистомъ проносившагося вмѣстѣ съ потокомъ по ущелью вѣтра. Вся эта дикая картина несомнѣнно способна была произвести сильное впечатлѣніе, но дорога въ этомъ мѣстѣ была совершенно безопасная, хорошо огражденная каменнымъ парапетомъ, и мулъ спокойно шагалъ впередъ, не останавливаясь и не озираясь. Однако, къ немалому моему удивленію, я замѣтилъ, что мой возница былъ странно блѣденъ, и на лицѣ его читались явные признаки страха

и испуга. Ревъ этой горной рѣчки былъ далеко не однообразенъ: то онъ какъ будто замиралъ, точно въ изнеможенiи, то вдругъ усиливался до самаго бѣшенаго порыва отчаянiя и ярости или переходилъ въ грозный вой. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ нее стремительно вливались горные ручьи, рѣчка замѣтно вздувалась отъ новаго притока воды, пѣнилась, клокотала, сжатая въ своихъ высокихъ каменныхъ берегахъ, и бѣшено билась о нихъ, обдавая ихъ брызгами и пѣной. Я замѣтилъ, что каждый разъ, когда ревъ рѣки особенно усиливался, мой молодой спутникъ замѣтно блѣднѣлъ, вздрагивалъ и чуть-что не корчился. При этомъ мнѣ пришла въ голову мысль о шотландскихъ повѣрiяхъ относительно рѣки Кельпiи, и я подумалъ, что, можетъ быть, нѣчто подобное существуетъ и здѣсь, въ этой части Испанiи, и обратился къ Филиппу, надѣясь узнать отъ него что-нибудь объ этихъ легендахъ или повѣрьяхъ, которыя, очевидно, должны были быть извѣстны ему.

— Что съ вами?—спросилъ я.

— Я боюсь,—отвѣтилъ онъ.

— Чего же вы, собственно, боитесь?—продолжалъ я разспрашивать.—Мнѣ кажется, что здѣсь дорога болѣе безопасна, чѣмъ гдѣ-либо на всемъ протяженiи этого пути. Тамъ она часто пролегаетъ по самому краю обрыва, во многихъ мѣстахъ подъемы и спуски такъ круты и неровны, тогда какъ здѣсь нѣтъ ничего подобнаго.

— А слышите, какъ она шумитъ!.. Мнѣ страшно!..—промолвилъ юноша съ такимъ наивнымъ ужасомъ въ лицѣ и въ голосѣ, что всѣ мои сомнѣнiя относительно его ребяческой наивности разомъ исчезли.

Да, дѣйствительно, этотъ красивый юноша, или, вѣрнѣе, мальчикъ, былъ настоящiй ребенокъ по уму; его умъ, какъ и тѣло, былъ живой, дѣятельный, воспрiимчивый и впечатлительный, но, повидимому, онъ остановился на младенческой стадiи своего развитiя, остановился, такъ сказать, на полъ-пути.

И съ этого момента я сталъ смотрѣть на него съ извѣстнымъ чувствомъ жалости и сочувствiя и сталъ слушать его болтовню сначала снисходительно, а затѣмъ даже не безъ удовольствiя, несмотря на всю несвязность этого дѣтскаго лепета.

Около четырехъ часовъ пополудни мы перевалили черезъ вершину горнаго хребта, разстались съ западнымъ его склономъ, освѣщеннымъ яркимъ солнцемъ, и стали спускаться по другому

скату хребта, часто слѣдуя по самому краю страшныхъ обрывовъ и овраговъ и медленно подвигаясь впередъ подъ темной сѣнью густыхъ лѣсовъ. Со всѣхъ сторонъ слышался шумъ паденія водъ, не образующихъ одного общаго громаднаго потока, какъ тамъ въ ущельѣ, гдѣ такъ неистово ревѣла и клокотала рѣка, но отдѣльными быстрыми ручейками, говорливыми и веселыми, падающими со скалы на скалу и торопливо сбѣгающими съ музыкальнымъ журчаньемъ изъ долинки въ долинку. Здѣсь настроеніе духа моего возницы разомъ измѣнилось; онъ замѣтно повеселѣлъ и даже запѣлъ громкимъ фальцетомъ, съ полнымъ отсутствіемъ всякаго понятія о музыкѣ, поминутно фальшивя и детонируя, сбиваясь съ мотива и даже съ гаммы, просто, какъ Господь Богъ на душу положитъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ это странное пѣніе выходило и мелодично, и пріятно и производило странное своеобразное впечатлѣніе своей естественностью и пріятностью, подобно тому, какъ это бываетъ съ пѣніемъ птицъ. По мѣрѣ того, какъ начинало темнѣть, я все больше и больше поддавался очарованію этого безыскусственнаго пѣнія, прислушиваясь къ нему и ожидая, наконецъ, услышать какой-нибудь опредѣленный ясный мотивъ, но, увы, ожиданія мои не оправдались, и когда я, наконецъ, спросилъ его, что онъ такое поетъ, онъ воскликнулъ: «О, я просто пою!» Особенно меня очаровывала его манера постоянно выкрикивать одну и ту же ноту черезъ регулярный маленькій промежутокъ времени, и, замѣтьте, что это выходило вовсе не такъ монотонно, какъ бы этого можно было ожидать, и ужъ во всякомъ случаѣ, отнюдь не непріятно; напротивъ, эта нота какъ бы дышала удивительнымъ довольствомъ всѣмъ окружающимъ и своей судьбой и всей жизнью вообще, тѣмъ довольствомъ, какимъ мы въ своемъ воображеніи надѣляемъ деревья, когда на нихъ не шелохнется листва, или же спокойно дремлющую гладь соннаго пруда.

Было уже совершенно темно, когда мы, наконецъ, выѣхали на небольшое плато, а затѣмъ вскорѣ послѣ того подъѣхали къ чернѣвшей среди мрака громадѣ, возвышавшейся передъ нами, какъ черная глыба утеса, въ которой я угадалъ «ресиденсію». Здѣсь мой возница слѣзъ съ тележки, принялся аукать и свистать весьма продолжительное время, и все безрезультатно. Но вотъ, наконецъ, старый, дряхлый крестьянинъ услышалъ его и, вынырнувъ откуда-то изъ мрака, подошелъ къ намъ со свѣчей въ рукѣ. При свѣтѣ этой свѣчи я могъ смутно различить высокій

сводчатый порталъ въ мавританскомъ вкусѣ. Ворота подъ порталомъ были тяжелыя желѣзныя, кованныя; въ одномъ изъ створовъ была продѣлана калитка, которую отворилъ Филиппъ.

Старикъ крестьянинъ отвелъ тележку съ муломъ куда-то въ надворную постройку, лежащую, повидимому, совсѣмъ въ сторонѣ, а мы съ Филиппомъ вошли въ калитку, которую сейчасъ же заперли за нами. При свѣтѣ свѣчи мы прошли по большому вымощенному плитками двору и вверхъ по широкой каменной лѣстницѣ, потомъ по открытой галлереѣ и снова вверхъ по другой лѣстницѣ и, наконецъ, остановились у дверей большой и красивой комнаты, почти совершенно пустой. Эта комната, которая, очевидно, предназначалась мнѣ, имѣла три громадныхъ окна съ откосами и подоконниками изъ какого-то драгоцѣннаго полированнаго дерева; на полу вмѣсто ковра лежало много звѣриныхъ шкуръ; яркій огонь пылалъ въ каминѣ и распространялъ кругомъ веселый мигающій свѣтъ. Къ самому огню былъ придвинутъ столъ, и на немъ накрытъ ужинъ; а въ дальнемъ концѣ, т. е. въ глубинѣ комнаты, стояла широкая старинная кровать, приготовленная на ночь. Я былъ весьма доволенъ всѣми этими приготовленіями и высказалъ свое удовольствіе Филиппу, а онъ, со свойственной ему наивностью и простодушіемъ, замѣченнымъ мною уже и раньше въ немъ, сейчасъ же принялся горячо вторить моимъ похваламъ.

— Прекрасная комната!—восклицалъ онъ.—Превосходная комната! А огонь въ каминѣ! Хорошій огонь, онъ такъ пріятно согрѣваетъ васъ, такъ пріятно, что косточки ваши млѣютъ отъ удовольствія! А постель-то?.. Чудесная постель!..

И онъ поднесъ къ ней свѣчу такъ близко, чтобы я могъ все разсмотрѣть.

— Видите, какія тонкія простыни,—продолжалъ онъ,—какія нѣжныя, гладкія, гладкія!

И онъ проводилъ по нимъ рукой, разъ и другой съ видимымъ наслажденіемъ; затѣмъ положилъ голову на подушку и сталъ тереться щекой о тонкія полотняныя наволочки съ такой сладострастной нѣгой, что мнѣ стало положительно неловко и даже какъ-то противно смотрѣть на это.

Я взялъ свѣчу у него изъ рукъ, опасаясь, что онъ какъ-нибудь подожжетъ постель, и направился къ столу, на которомъ былъ приготовленъ ужинъ. Увидя здѣсь бутылочку вина, я налилъ стаканчикъ и позвалъ его, желая предложить ему выпить

со мной. Услыхавъ мой зовъ, онъ сразу вскочилъ на ноги и подбѣжалъ ко мнѣ, видимо, въ надеждѣ получить какой-нибудь лакомый кусокъ, какъ это бываетъ съ дѣтьми; но когда онъ увидѣлъ вино въ стаканѣ, онъ замѣтно содрогнулся.

— Ахъ, нѣтъ!—сказалъ онъ.—Нѣтъ, только не это! Это для васъ. Я его ненавижу!

— Ну, что же, въ такомъ случаѣ, сеньоръ, я выпью его за ваше здоровье и за благоденствіе вашего дома и всей вашей семьи,—промолвилъ я.—Да, кстати, — добавилъ я, осушивъ свой стаканъ,—могу я надѣяться имѣть завтра честь засвидѣтельствовать, сеньоръ, вашей матушкѣ лично мое почтеніе?

Но при этихъ, какъ мнѣ казалось, самыхъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ словахъ, все, что было дѣтскаго, добродушнаго и наивнаго въ лицѣ Филиппа, разомъ исчезло и замѣнилось выраженіемъ скрытности и лукавства. Одновременно съ этимъ онъ попятился отъ меня къ двери, какъ будто я былъ какой-нибудь хищный звѣрь, готовый наброситься на него, или какой-нибудь опасный бандитъ съ оружіемъ въ рукахъ. Когда онъ такимъ образомъ добрался до дверей, онъ остановился, и, бросивъ на меня недобрый взглядъ, при чемъ зрачки его глазъ сузились, какъ у дикой кошки въ моментъ коварнаго прыжка, онъ коротко и отрывисто съ несвойственной ему рѣзкостью проговорилъ:—Нѣтъ!—И въ тотъ же моментъ неслышно скрылся за дверью, оставивъ меня одного въ комнатѣ. Вслѣдъ затѣмъ я услышалъ его шаги, спускавшіеся съ лѣстницы и замолкнувшіе гдѣ-то внизу. Шаги легкіе, благозвучные, точно капли лѣтняго дождя. Послѣ того весь домъ словно замеръ и погрузился въ полнѣйшее безмолвіе и тишину.

Поужинавъ, я оттащилъ столикъ отъ камина поближе къ кровати и сталъ готовиться отойти ко сну. Но свѣтъ свѣчи упалъ теперь на стѣну надъ каминомъ, и я остановился, пораженный при видѣ портрета, висѣвшаго на той стѣнѣ, и котораго я раньше не замѣтилъ. На этомъ портретѣ была изображена еще молодая женщина; судя по ея костюму, прическѣ и пріятному ласкающему глазъ однотонному сочетанію мягкой гаммы красокъ на холстѣ, можно было сказать съ увѣренностью, что этой женщины давно уже не было въ живыхъ. Но, глядя на эту живую позу, на выраженіе глазъ и улыбки и всего этого прелестнаго лица,—вамъ невольно начинало казаться, что вы видите передъ собой живую женщину, плѣнительный образъ

которой отражается передъ вами въ зеркалѣ. Вся ея фигура, стройная, сильная и прекрасная, отличалась какой-то удивительной пропорціональностью; красноватыя косы улеглись точно тяжелыя змѣи на ея красивой головкѣ, образуя надъ нею какъ бы царскую корону и красиво оттѣняя ея лилейное, гордое чело. Глаза ея золотисто-каріе приковывали къ себѣ мой взглядъ. Я не могъ оторваться отъ нихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это прекрасное лицо съ изящнымъ правильнымъ оваломъ, лицо столь безупречной красоты было искажено жестокой, коварной и чувственной усмѣшкой. Что-то совершенно неуловимое въ этомъ лицѣ и въ фигурѣ, какъ отзвукъ какого-то отдаленнаго эхо, напоминало и лицо, и фигуру моего недавняго спутника Филиппа. Нѣкоторое время я стоялъ непріятно пораженный и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы прикованный къ мѣсту этимъ страннымъ сходствомъ, которому я не могъ надивиться. Какъ видно, фамильный запасъ чувственности и красоты формъ, нѣкогда предназначавшійся для такихъ знатныхъ дамъ, какъ та, что теперь смотритъ на меня съ портрета, въ настоящее время расходовался на предметы домашняго обихода вмѣсто тѣхъ высокохудожественныхъ произведеній искусства, для какихъ они первоначально предназначались. Теперь этотъ драгоцѣнный матеріалъ облекался, вмѣсто шика и бархата, драгоцѣнныхъ кружевъ и самоцвѣтныхъ камней, въ грубую куртку изъ домодѣльнаго крестьянскаго сукна и садился на облучекъ деревенской телѣжки и погонялъ лѣниваго мула, когда тотъ везъ незваннаго гостя въ этотъ знатный домъ—да и не гостя, а платнаго жильца.

Но можетъ быть живое звено и теперь еще связывало между собой эти два столь различныя существа. Можетъ быть остатокъ изнѣженности и прихотливости прекраснаго тѣла этой красавицы, знавшаго лишь прикосновеніе самыхъ мягчайшихъ и нѣжнѣйшихъ тканей, самыхъ дорогихъ шелковъ и брокаровъ, заставлялъ теперь болѣзненно вздрагивать бѣднаго Филиппа при грубомъ прикосновеніи къ его смуглому тѣлу грубаго ворса деревенской сермяги.

Можетъ и многое другое еще изъ личныхъ качествъ красавицы живетъ въ бѣдномъ Филиппѣ.

Первые лучи утренней зари залили своимъ розовымъ свѣтомъ портретъ на стѣнѣ моей комнаты, а я все еще лежалъ безъ сна съ широко раскрытыми глазами, устремленными на этотъ портретъ, съ все возрастающимъ очарованіемъ. Красота этой

женщины коварно закрадывалась мнѣ въ душу, заставляя смолкать всѣ мои сомнѣнія, убивая ихъ одно за другимъ; и хотя я сознавалъ, что полюбить такую женщину значило бы все равно, что подписать свой собственный приговоръ и обречь сознательно свое потомство на всѣ ужасы дегенераціи, я все же былъ увѣренъ, что, будь она жива, я полюбилъ бы ее всѣмъ своимъ существомъ. И съ каждымъ днемъ сознаніе коварства, лживости, жестокости и развращенности этой женщины и моей собственной слабости и безволія передъ ней все росло и росло въ моей душѣ. Вскорѣ она стала героиней всѣхъ моихъ помысловъ, всѣхъ моихъ одинокихъ мечтаній и грезъ; ея глаза, я чувствовалъ, могли подвинуть меня на какія угодно преступленія и вознаградить за нихъ съ избыткомъ. Образъ этой женщины, давно уже покоившейся въ могилѣ, наводилъ меня на мрачныя думы, омрачалъ мое воображеніе, мысль о ней постоянно и неотступно преслѣдовала меня. Когда я уходилъ изъ дома и находился на свѣжемъ воздухѣ подъ открытымъ благодатнымъ небомъ Испаніи, когда я долго находился въ движеніи и запасался свѣжими силами и здоровьемъ, я нерѣдко съ радостью думалъ о томъ, что моя чаровница давно умерла и спокойно лежитъ въ своемъ склепѣ, что магическій жезлъ ея красоты расщепленъ, коварныя уста ея сомкнулись на вѣкъ и безмолвны, любовный напитокъ расплесканъ; и все же во мнѣ жило какое-то смутное опасеніе, какой-то страхъ, что быть можетъ она не совсѣмъ умерла, что она можетъ возстать и воскреснуть въ образѣ кого-нибудь изъ своихъ потомковъ.

Я обѣдалъ и ужиналъ всегда въ своей комнатѣ. Кушанье мнѣ приносилъ Филиппъ, и сходство его съ женскимъ портретомъ на стѣнѣ положительно преслѣдовало меня. Временами я не видѣлъ этого сходства, его какъ будто не было, но вдругъ одинъ какой-нибудь оборотъ или мимолетное выраженіе въ его лицѣ, и это сходство, точно призракъ, кидалось мнѣ въ глаза. Особенно ярко выступало это сходство въ тѣ минуты, когда Филиппъ бывалъ золъ или не въ духѣ. Онъ несомнѣнно былъ расположенъ ко мнѣ и гордился тѣмъ, что я удѣлялъ ему нѣкоторое вниманіе, которое онъ часто старался возбудить безхитростными, чисто дѣтскими выходками и пріемами. Онъ любилъ подолгу сидѣть подлѣ меня передъ моимъ каминомъ, безсвязно

по-дѣтски болтая или распѣвая свои странныя безконечныя пѣсни безъ словъ, а иногда ласково гладилъ рукой мое платье, точно женщина, желающая приласкать любимаго человѣка, и эта его странная манера всегда почему-то вызывала во мнѣ чувство неловкости и смущенія, которыхъ я потомъ очень стыдился. Но, несмотря на все это, онъ былъ способенъ иногда къ почти безпричиннымъ вспышкамъ гнѣва и приступамъ мрачнаго настроенія, нерѣдко даже прямо злобнаго. Такъ, напримѣръ, при одномъ моемъ словѣ замѣчанія, сдѣланнаго ему, онъ схватилъ блюдо и вывернулъ на полъ весь мой ужинъ, и сдѣлалъ онъ это не по неловкости и не нечаянно, а преднамѣренно, съ вызывающимъ видомъ; точно такъ же при малѣйшемъ намекѣ на какой-нибудь вопросъ съ моей стороны онъ моментально ощетинивался, если можно такъ выразиться. Я вовсе не былъ непомѣрно любопытенъ, въ особенности если принять во вниманіе, что я находился въ совершенно необычайной обстановкѣ и среди въ высшей степени странныхъ людей, но стоило мнѣ только заикнуться о чемъ-нибудь, касающемся этого дома или его обитателей, стоило только произнести слово, похожее на вопросъ, какъ онъ тотчасъ же какъ будто свертывался въ клубокъ, точно ежъ, настораживался и начиналъ глядѣть звѣремъ. Черезъ минуту это у него проходило, но въ эти моменты неотесанный, грубоватый деревенскій парень до того походилъ на ту прекрасную знатную даму, что смотрѣла на него и на меня изъ своей почернѣвшей мѣстами золотой рамы, что его можно было бы принять за ея брата. Однако, эти моменты быстро проходили, и вмѣстѣ съ ними проходило и сходство.

Въ первые дни моего пребыванія въ ресиденсіи я не видѣлъ никого, кромѣ Филиппа, если только не считать портрета на стѣнѣ моей комнаты. Такъ какъ мальчикъ этотъ былъ несомнѣнно невысокихъ умственныхъ способностей и кромѣ того очень вспыльчивый и раздражительный, то можно было удивляться, что меня заставляло терпѣть и выносить подлѣ себя его неинтересное и даже опасное общество. Дѣйствительно, первое время онъ надоѣдалъ мнѣ и даже иногда раздражалъ меня, но вскорѣ я пріобрѣлъ надъ нимъ такую власть, что могъ быть совершенно спокоенъ по отношенію къ нему.

Вышло это такъ. По натурѣ своей онъ былъ лѣнивъ и весьма склоненъ къ бродяжничеству, а между тѣмъ онъ постоянно былъ около дома, и не только прислуживалъ мнѣ и заботливо ухажи-

валъ за мной, но еще кромѣ того ежедневно подолгу усердно работалъ въ саду или огородѣ маленькой фермы, лежащей съ южной стороны дома. Онъ работалъ здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ старымъ крестьяниномъ, котораго я видѣлъ въ первую ночь моего пріѣзда, и который жилъ на дальнемъ концѣ усадьбы въ одной изъ такъ называемыхъ хозяйственныхъ надворныхъ построекъ, на разстояніи около полумили отъ самой «Ресидэнсіи». Хотя старикъ былъ работникъ, а Филиппъ долженъ былъ только помогать ему, но я сразу увидѣлъ, что изъ нихъ двоихъ большую часть работы дѣлаетъ Филиппъ. Иногда мнѣ случалось видѣть, какъ, наскучивъ работать, онъ кидалъ свою лапату и заваливался спать тутъ же на грядѣ, которую онъ только что вскапывалъ; все же его настойчивость и энергія, съ которой онъ всегда брался за дѣло, возбуждали во мнѣ удивленіе и невольное одобреніе, тѣмъ болѣе, что я лично сознавалъ, что эти качества были совершенно чужды его характеру и являлись результатомъ упорнаго насилованія его природныхъ склонностей, требовавшаго постоянныхъ усилій съ его стороны. Я не могъ не удивляться и не спрашивать себя, что могло породить у этого легкомысленнаго мальчика такое настойчивое и упорное чувство долга? Чѣмъ поддерживалось въ немъ это чувство долга, спрашивалъ я себя, и какихъ невѣроятныхъ усилій должно это было стоить ему, и до какого предѣла удавалось ему побороть въ себѣ свои природные инстинкты? Быть можетъ то было вліяніе его духовника? Но однажды, когда сюда пріѣзжалъ патеръ, я видѣлъ съ небольшого пригорка, на которомъ я сидѣлъ и дѣлалъ наброски пейзажа, какъ пріѣхалъ и какъ уѣхалъ патеръ, и за все это время Филиппъ ни на секунду не бросалъ своей работы въ огородѣ, такъ что вѣроятно не обмѣнялся съ нимъ даже и парой словъ.

Однажды, ради весьма неосновательныхъ и непохвальныхъ побужденій, я рѣшился совратить мальчугана съ добраго пути, и, перехвативъ его у калитки сада, куда онъ шелъ съ намѣреніемъ приняться за работу, я безъ особаго труда уговорилъ его отправиться со мной побродить по лѣсу. Погода стояла прекрасная, а лѣсъ, куда мы направились, стоялъ такой зеленый, такой тѣнистый и манящій, полный аромата и веселаго жужжанія насѣкомыхъ. Здѣсь Филиппъ показалъ мнѣ себя въ совершенно новомъ свѣтѣ: онъ до того развеселился, что я былъ положительно ошеломленъ этой безудержной, шумной и рѣзвой весе-

*

лостью его. При этомъ, рѣзвясь, прыгая и бѣгая здѣсь въ лѣсу, онъ проявлялъ въ каждомъ своемъ движеніи столько граціи и красоты, что я невольно восхищался имъ. Онъ скакалъ и прыгалъ и бѣгалъ вокругъ меня въ дѣтскомъ восторгѣ, или же вдругъ останавливался и начиналъ прислушиваться, какъ будто жадно впивая въ себя весь этотъ ароматъ лѣса, всѣ эти едва уловимые звуки; потомъ вдругъ однимъ прыжкомъ вскакивалъ на дерево съ ловкостью дикой кошки и повисалъ на немъ, кувыркался, какъ обезьяна, и вообще чувствовалъ себя тамъ, какъ дома. Хотя онъ говорилъ мало, и то, что онъ говорилъ, въ сущности не имѣло почти никакого значенія, все же я могу сказать, что рѣдко наслаждался столь пріятнымъ обществомъ, какъ именно въ этотъ день въ лѣсу. Глядѣть на его восторженное настроеніе, на его непритворную радость было настоящимъ наслажденіемъ; красота и проворство его движеній восхищали меня до глубины души и соблазняли меня даже къ необдуманному и дурному намѣренію, ввести въ обычай подобныя прогулки вдвоемъ съ этимъ мальчуганомъ, отвлекая его отъ его работы и отъ исполненія его долга. Но судьба готовила мнѣ жестокое наказаніе въ результатѣ этого громаднаго удовольствія, и это сразу вразумило меня. Какимъ-то ловкимъ способомъ или хитростью Филиппъ изловчился поймать на деревѣ маленькую бѣлочку; онъ былъ въ этотъ моментъ въ нѣсколькихъ метрахъ разстоянія впереди меня, и я видѣлъ, какъ онъ разомъ соскочилъ съ дерева и, присѣвъ на корточки, громко кричалъ отъ радости, какъ это часто дѣлаютъ дѣти. Этотъ радостный крикъ вызвалъ во мнѣ сочувствіе, столько въ немъ было искренности и непосредственности; но въ тотъ моментъ, когда я подбѣжалъ поближе, чтобы раздѣлить радость Филиппа, я вдругъ услышалъ пронзительный, жалобный крикъ бѣднаго, маленькаго животнаго, отъ котораго у меня невольно кольнуло въ сердце. Я часто слышалъ и даже видѣлъ жестокость дѣтей, и мальчугановъ въ особенности и преимущественно среди крестьянскихъ дѣтей, но то, что я теперь увидѣлъ, заставило меня выйти изъ себя отъ чувства возмущенія и негодованія. Отшвырнувъ парня въ сторону, я вырвалъ у него изъ рукъ несчастное животное, и чтобы прекратить его мученія тутъ же разомъ убилъ его. Затѣмъ, обернувшись къ мучителю, я обрушился на него цѣлымъ градомъ упрековъ и порицаній его звѣрской жестокости, доказывая ему все отвратительное безобразіе его

поступка со всѣмъ пыломъ моего искренняго негодованія и возмущенія и награждая его такими эпитетами, отъ которыхъ его видимо коробило. Наконецъ, указавъ ему на ресиденсію, я приказалъ ему убираться туда немедленно, и оставить меня одного, потому что я желаю гулять въ обществѣ человѣческомъ, а не звѣрскомъ. Тогда онъ упалъ передо мной на колѣни и сталъ молить и просить о прощеніи, и при этомъ слова его были послѣдовательнѣе, рѣчь его была значительно осмысленнѣе и логичнѣе, чѣмъ обыкновенно—и лилась рѣкой. Въ самыхъ трогательныхъ и искреннихъ выраженіяхъ онъ умолялъ меня смиловаться и простить его и забыть то, что онъ сдѣлалъ и повѣрить ему, что въ будущемъ это никогда болѣе не повториться.

— О, я такъ стараюсь быть хорошимъ!—воскликнулъ онъ.—О, прошу васъ, сеньоръ Коменданте, простите на этотъ разъ Филиппа, онъ никогда больше не будетъ жестокимъ, и не станетъ звѣрски обращаться ни съ однимъ живымъ существомъ.

Послѣ этого болѣе растроганный, чѣмъ я желалъ это выказать, я позволилъ себя убѣдить въ искренности раскаянія и добрыхъ намѣреніяхъ юноши, и въ концѣ концовъ пожалъ ему руку и примирился съ нимъ. Но въ видѣ наказанія я заставилъ его похоронить бѣлку, и пока онъ это дѣлалъ, я все время говорилъ ему о красотѣ этого маленькаго животнаго, о его граціи, проворствѣ, о его жизнерадостности и о той страшной боли и мукахъ, которыя по его злой волѣ бѣдняжка должна была претерпѣть, и какъ низко и подло вообще злоупотреблять своей физической силой.

— Вотъ посмотрите, Филиппъ,—сказалъ я,—вы сильный и ловкій, но въ моихъ рукахъ вы будете такой же безпомощный, какъ это несчастное маленькое существо, что жило тамъ на деревѣ. Дайте мнѣ сюда вашу руку. Видите я сжалъ ее, и вы не можете вырвать ее у меня. Ну, а подумайте, что было бы, если бы я былъ жестокъ и безжалостенъ, какъ вы, если бы я захотѣлъ причинить вамъ боль и страданія? Видите, я только сожму посильнѣе вашу руку, и это уже вызываетъ у васъ боль и мученія.

Онъ громко вскрикнулъ, при этомъ лицо его исказилось и поблѣднѣло, а на лбу выступили капли пота, и когда я выпустилъ его руку, онъ кинулся на землю и сталъ стонать и причитать, тереть и дуть на нее и нянчить ее съ жалобнымъ хныканьемъ, какъ это дѣлаютъ дѣти, когда они ушибутся. Однако,

урокъ этотъ пошелъ ему въ прокъ. Оттого ли, что онъ самъ почувствовалъ боль, или оттого, что я ему говорилъ, или же потому что теперь онъ былъ лучшаго мнѣнія о моихъ физическихъ силахъ, но съ этого времени его первоначальное расположеніе ко мнѣ превратилось въ какую-то собачью преданность и привязанность близкую къ обожанію.

Тѣмъ временемъ я быстро оправлялся; здоровье мое улучшалось со дня на день.

«Ресиденсія» стояла на вершинѣ довольно большого каменистаго плато, окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокими горами, и только съ крыши дома открывался видъ черезъ просвѣтъ между двумя горными вершинами на небольшой клочекъ долины внизу, казавшейся голубой по своей отдаленности. Воздухъ на этой высотѣ былъ чистый и вольный, простору было много, а жилья кругомъ почти вовсе не было; громадныя тучи собирались надъ нами, и затѣмъ ихъ разносило и разбивало вѣтромъ, и только клочки облаковъ оставались тутъ и тамъ, словно они зацѣпились за вершины горъ. Кругомъ слышался глухой плескъ и слабый ропотъ горныхъ ручьевъ и потоковъ, сбѣгавшихъ повсюду съ горъ; здѣсь можно было изучать первоначальныя дикія красоты природы въ ея дѣвственномъ видѣ, не тронутомъ рукой человѣка, въ томъ, что въ ней было сильнаго, мощнаго и грознаго. Я съ самаго начала былъ очарованъ этой дикой природой и измѣнчивостью погоды въ этой мѣстности не менѣе, чѣмъ красотой и величіемъ этого стараго, приходящаго въ разрушеніе великолѣпнаго зданія, гдѣ я теперь проживалъ. Это было большое величественное зданіе, имѣющее форму длиннаго прямоугольника съ бастіонообразными выступами на обоихъ концахъ. Одинъ изъ этихъ выступовъ возвышался надъ входомъ, и оба были снабжены бойницами и повидимому служили нѣкогда для цѣлей защиты. Весь нижній этажъ зданія не имѣлъ оконъ, такъ что это зданіе, будучи снабжено надежнымъ гарнизономъ, не могло быть взято безъ содѣйствія артиллеріи. Зданіе это обрамлялъ съ трехъ сторонъ большой открытый дворъ, вымощенный плитками и обсаженный цвѣтущими гранатными деревьями. Съ этого двора широкая мраморная лѣстница вела на верхъ, къ открытой галлереѣ, которая опоясывала кругомъ все зданіе и поддерживалась со стороны двора рядомъ стройныхъ тонкихъ колоннъ. Изъ этой каменной галлереи снова вели нѣсколько лѣстницъ въ слѣдующій верхній этажъ дома, распадавшійся на нѣ-

сколько совершенно отдѣльныхъ корпусовъ. Всѣ окна были какъ снаружи такъ и изнутри плотно закрыты ставнями. Кое-гдѣ причудливыя каменныя украшенія въ верхнемъ этажѣ обвалились. Крыша въ одномъ мѣстѣ была совершенно снесена во время одного изъ свирѣпыхъ ураганов, нерѣдко бушующихъ здѣсь въ горахъ, и все это чудесное зданіе, залитое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, выступавшее словно изъ темной рамы изъ густой рощи старыхъ пробковыхъ деревьевъ, занесенныхъ пылью, и совершенно обезцвѣченныхъ, производило впечатлѣніе какого-то сказочнаго заколдованнаго замка, погруженнаго въ вѣчную дремоту, о какихъ говорится въ старыхъ легендахъ. Особенно внутренній мощеный дворъ казался выхваченнымъ изъ соннаго царства; здѣсь какъ будто все было объято сладкой дремотой; подъ карнизами глухо ворковали бѣлые голуби; вѣтеръ не врывался сюда, но когда онъ бушевалъ кругомъ зданія и въ горахъ, то съ горъ сюда летѣла пыль въ такомъ обиліи, въ какомъ иногда льетъ лѣтомъ дождь, и эта пыль заволакивала собою даже и ярко-красные цвѣты гранатовыхъ деревьевъ. Закрытыя ставнями окна и тяжелыя, глухія, окованныя желѣзомъ двери многочисленныхъ погребовъ и подваловъ смотрѣли въ этотъ дворъ, словно сомкнутые глаза спящаго великана, а высокія каменныя арки верхней галлереи зіяли, какъ зѣвающіе рты. Солнце весь день заливало съ разныхъ сторонъ этотъ мощеный дворъ и рисовало причудливые силуеты тѣней на стѣнахъ и на плитахъ двора и протягивало узкія полосы тѣней отъ тонкихъ колоннъ, на полу галлереи. Въ нижнемъ этажѣ, въ самомъ центрѣ зданія имѣлась значительной глубины и величины ниша, съ колонами, родъ широкой красивой амбразуры, и въ ней можно было замѣтить признаки человѣческаго присутствія. Со стороны двора эта широкая ниша была совершенно открыта, но въ ней помѣщался громадный каминъ, въ которомъ постоянно пылали дрова, а плитный каменный полъ былъ густо устланъ звѣриными шкурами.

Именно здѣсь, въ этой амбразурѣ, я увидѣлъ впервые хозяйку дома. Вытащивъ впередъ одну изъ мягкихъ шкуръ, она сидѣла на ней и грѣлась на солнцѣ, прислонясь спиной къ одной изъ колоннъ. Прежде всего мнѣ бросился въ глаза ея необычайно яркій, богатый и красивый нарядъ, выдѣлявшійся какъ-то особенно рѣзко на блѣдно-сѣромъ, однотонномъ фонѣ запыленнаго двора, точно яркій цвѣтокъ граната, среди его запыленной

листвы. Но въ слѣдующій же моментъ меня поразила ея необычайная, удивительная красота. Она сидѣла откинувшись назадъ, и какъ мнѣ казалось разглядывала меня, хотя взглядъ ея не былъ обращенъ на меня, и глаза оставались полузакрытыми. Лицо ея носило отпечатокъ какого-то тупого, пассивнаго добродушія и довольства, но черты были безукоризненно прекрасны, и вся ея поза и манера дышали благородствомъ и нѣгой и лѣнью, и спокойной, величавой неподвижностью и граціей античной статуи. Проходя мимо ея, я почтительно снялъ передъ нею шляпу, и при этомъ замѣтилъ, что ея лицо мгновенно подернулось выраженіемъ подозрѣнія, недовѣрія и смутной тревоги какъ у вспугнутаго, насторожившагося звѣрька. Но это выраженіе прибѣжало по нему такъ же быстро и едва замѣтно, какъ пробѣгаетъ при дуновеніи вѣтерка легкая зыбь, по спокойной поверхности соннато пруда. На мой поклонъ она не обратила вниманія, и я прошелъ дальше совершать свою обычную ежедневную прогулку, чувствуя себя почему-то немного взволнованнымъ. Ея безстрасное, какъ у идола лицо, преслѣдовало меня. Когда я возвращался домой, я былъ нѣсколько озадаченъ, увидя, что она хотя и не измѣнила своей прежней позы, но перемѣнила мѣсто и сидѣла теперь прислонившись къ второй колоннѣ, очевидно, слѣдуя за движеніемъ солнца. На этотъ разъ она неожиданно для меня, обратилась ко мнѣ съ какимъ-то общепринятымъ ничего не значущимъ привѣтствіемъ, которое она, однако, проговорила довольно любезнымъ тономъ, произнося слова какъ-то неясно, съ какимъ-то страннымъ полудѣтскимъ лепетомъ, довольно красивымъ и забавнымъ, и тѣмъ же низкимъ, музыкальнымъ груднымъ голосомъ, какимъ говорилъ и ея сынъ. Это сходство голоса и выговора и манеры произносить слова невольно бросилось мнѣ въ глаза. Это было то самое, что когда-то такъ поразило меня у ея сына. Я отвѣтилъ ей прямо на угадъ, не потому только, что я не съумѣлъ уловить въ точности смыслъ ея словъ, но главнымъ образомъ потому, что внезапно встрѣтивъ взглядъ ея глазъ, я совершенно растерялся. Это были необычайно большіе и прекрасные по формѣ и разрѣзу глаза, золотисто-каріе, какъ цвѣты ириса, походившіе на глаза Филиппа; но въ этотъ моментъ зрачки ихъ были до того расширены, что они казались совершенно черными. Что меня болѣе всего поразило въ нихъ, это не ихъ громадная величина, а то, что быть можетъ являлось отчасти

слѣдствіемъ этой необычайной величины, это странное, почти полное отсутствіе всякаго выраженія во взглядѣ. Такого безсмысленнаго, рѣшительно ничего не выражающаго взгляда, я еще никогда не встрѣчалъ во всей своей жизни. Я невольно опустилъ глаза передъ нимъ, даже еще не договоривъ своей фразы. Мнѣ почему-то стало чуть что не совѣстно за нее! Поклонившись я пошелъ дальше и вернулся въ свою комнату озадаченный и смущенный, подъ впечатлѣніемъ этой неожиданной, странной встрѣчи. Когда я опять очутился одинъ въ своей комнатѣ и увидѣлъ передъ собой портретъ златокудрой красавицы и ея чудесное лицо я опять вспомнилъ о чудѣ наслѣдственности и о родовыхъ особенностяхъ семьи и нашелъ въ этомъ прекрасномъ лицѣ, смотрѣвшемъ на меня изъ старой рамы, много общаго со страннымъ лицомъ моей хозяйки.

Правда, послѣдняя была значительно старше и полнѣе въ тѣлѣ, и цвѣтъ глазъ у нея былъ другой, и лицо ея не только не выражало того коварства, вѣроломства и сладострастія, которыя одновременно оскорбляли и отталкивали меня и въ то же время прельщали и притягивали меня, въ лицѣ портрета, но оно не говорило вамъ ровно ничего, ни хорошаго, ни дурного. Это красивое лицо была какая-то бѣлая страница, на которой ничего нельзя было прочесть, потому что на ней буквально ничего не было написано. И все же сходство между этими двумя женщинами существовало несомнѣнно. Это сходство не кидалось въ глаза, не поражало васъ съ перваго взгляда, не проявлялось въ какой-нибудь отдѣльной чертѣ, но оно безспорно чувствовалось во всемъ; и въ лицѣ и въ фигурѣ, и въ общемъ обликѣ обѣихъ женщинъ. Казалось, что великій художникъ, писавшій портретъ рыжей красавицы, уловилъ и закрѣпилъ на холстѣ, не только образъ одной прекрасной, лукаво улыбающейся женщины, съ коварнымъ горящимъ взглядомъ и сладострастной усмѣшкой въ глубинѣ этихъ глазъ,—но постигъ и передалъ на этомъ холстѣ всѣ характерныя черты всего этого рода. Съ этого дня, когда бы я ни шелъ, или когда бы я ни возвращался, я всегда могъ быть увѣренъ, что увижу сеньору, грѣющуюся на солнцѣ, у одной изъ колоннъ амбразуры или растянувшуюся на коврѣ или на шкурахъ передъ огнемъ камина въ той же амбразурѣ. Иногда она переносила свою штабъ-квартиру на верхнюю круглую площадку мраморной лѣстницы, ведущей на галлерею, и

здѣсь она точно также располагалась на мягкихъ шкурахъ и коврахъ, съ присущими ей небрежной граціей и нѣгой, какъ разъ поперекъ моей дороги.

Видя ее ежедневно по нѣсколько разъ, я никогда не видѣлъ, чтобы эта женщина проявляла хоть малѣйшую долю энергіи, чтобы она хоть когда-нибудь занялась чѣмъ-бы то ни было. Впрочемъ, иногда она расчесывала свои роскошные мѣдно-красные волосы, видимо любуясь ими, расчесывала ихъ съ любовью и нѣгой, проводя лѣниво гребенкой по ихъ мягкимъ золотистымъ волнамъ—медленно, медленно, какъ сквозь сонъ. Иногда она перекидывалась со мной парой словъ, но и это она дѣлала какъ-то особенно лѣниво, точно боясь потревожить свою дремоту. Это были всегда пустыя слова обыденнаго привѣтствія, но они звучали у нея въ устахъ какъ-то особенно мелодично, пѣвуче и пріятно. Это были, повидимому, единственныя удовольствія и развлеченія сеньоры, если не считать состояніе полнаго и абсолютнаго покоя, въ которомъ она пребывала цѣлые дни и которымъ видимо наслаждалась. Когда бы она ни раскрыла свой ротъ для двухъ-трехъ словъ, она всегда оставалась чрезвычайно довольна собой, и повидимому, весьма гордилась каждымъ своимъ словомъ и замѣчаніемъ, цѣня ихъ на вѣсъ золота, какъ будто все это были наимудрѣйшія изрѣченія. Впрочемъ, я долженъ отдать ей справедливость и сказать, что хотя все, что она говорила были обыкновенно самыя пустыя, ничего не значущія слова, какъ, впрочемъ, и большинство словъ, употребляемыхъ въ разговорахъ, которыми обыкновенно пробавляются въ обществѣ, и хотя разговоры ея вертѣлись обыкновенно на самомъ ограниченномъ кругѣ предметовъ, какъ и у весьма многихъ почтенныхъ особъ, тѣмъ не менѣе, слова ея никогда не были лишены смысла, или безсвязны, или неумѣстны. Въ нихъ была даже какая-то своеобразная прелесть и красота, и, кромѣ того, всѣ они дышали такимъ полнымъ довольствомъ всѣмъ окружающимъ. Иногда она говорила о жарѣ, о зноѣ, которые она такъ любила, какъ и ея сынъ,—иногда, о цвѣтахъ гранатовъ, которые такъ прельщали ее веселой яркостью своихъ красокъ, или же о бѣлыхъ голубяхъ, или о длиннокрылыхъ ласточкахъ и стрижахъ, разсѣкавшихъ воздухъ своими длинными крыльями, проносясь у ней надъ головой. Птицъ она почему-то особенно любила, онѣ возбуждали ее, или вѣрнѣе онѣ обладали способностью вы-

водить ее изъ ея постояннаго полудремотнаго состоянія. Задѣвъ на лету край крыши и промелькнувъ передъ лицомъ сеньоры такъ близко, что крылья ихъ пахнули на нее легкимъ вѣтеркомъ, точно отъ движенія опахала,—птицы заставляли ее пошевелиться, перемѣнить позу, заставляли иногда даже присѣсть на минуту, нарушали на мгновеніе ея постоянное полуоцѣпенѣніе, полное сладкаго довольства и нѣги, но она не досадовала на нихъ, а даже лѣниво улыбалась имъ вслѣдъ, провожая ихъ нѣкоторое время глазами. Затѣмъ она снова впадала въ сладострастную полудремоту и познавала по своему сладость бытія. Это ея невозмутимое довольство, это полное блаженство лѣни и нѣги, въ этой женщинѣ, вначалѣ раздражало меня, но мало-по-малу, я сталъ находить что-то успокаивающее въ этомъ зрѣлищѣ человѣка, блаженствующаго на землѣ. А въ концѣ-концовъ я до того привыкъ къ этому зрѣлищу, что сталъ даже чувствовать положительную потребность четыре раза въ день садиться подлѣ этой женщины, идя на прогулку и возвращаясь домой, и разговаривать съ ней какъ сквозь сонъ—часто самъ не зная, о чемъ,—почти безсознательно произнося слова и ловя лѣнивымъ ухомъ ея реплики. Мало того, я положительно полюбилъ ея скучное, почти можно сказать сонное общество, общество и бесѣду этой прозябающей красавицы. Красота и вялость мысли ея дѣйствовали на меня какъ-то успокоительно, умиротворяюще, и временами она, положительно, нравилась мнѣ и забавляла меня. Вскорѣ я началъ даже находить извѣстный здравый смыслъ въ ея замѣчаніяхъ и ея неизмѣнное добродушное настроеніе и довольство не только восхищало меня, но даже возбуждало во мнѣ иногда нѣкоторую зависть. Мое расположеніе къ ней росло со дня на день и встрѣчало съ ея стороны полную взаимность. Она полубезсознательно наслаждалась моимъ присутствіемъ такъ, какъ погруженный въ глубокое раздумье человѣкъ можетъ наслаждаться журчаньемъ ручейка, бѣгущаго у его ногъ. Я не смѣю сказать, что лицо ея прояснялось при моемъ появленіи, нѣтъ, потому что полное довольство и блаженство были постоянно написаны у нея на лицѣ, какъ на лицѣ какой-нибудь статуи, изображающей блаженное состояніе полнаго довольства, но я имѣлъ счастіе убѣдиться въ ея особомъ удовольствіи видѣть меня, подлѣ себя болѣе нагляднымъ

образомъ даже чѣмъ если бы я могъ о томъ судить по ея внѣшнему виду или по выраженію ея лица.

Однажды, когда я сидѣлъ на мраморной ступенькѣ лѣстницы довольно близко отъ нея, она вдругъ протянула свою прекрасную руку и ласково похлопала меня по рукѣ. Сдѣлавъ это, она снова приняла свою обычную позу, откинувшись назадъ къ колоннѣ, прежде даже, чѣмъ я успѣлъ сообразить, что это была ласка, проявленіе извѣстной нѣжности ко мнѣ съ ея стороны, и когда я взглянулъ на нее, лицо ея какъ всегда не выражало ничего; я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго слѣда хотя бы минутнаго волненія. Ясно было, что ласка эта была у нея, такъ сказать, почти непроизвольна, безотчетна, и сама она не придавала ей особаго значенія, а мнѣ стало обидно и досадно, что меня то она нѣсколько взволновала, вызвала во мнѣ какое-то странное чувство неловкости.

Глядя на мать и ознакомившись съ ней въ достаточной мѣрѣ, я находилъ лишь новыя подтвержденія того представленія, какое я себѣ составилъ о сынѣ. Фамильная кровь и родовыя качества, несомнѣнно, съ теченіемъ времени вырождались, особенно вслѣдствіе долгаго ряда браковъ въ ближайшемъ родствѣ, являющихся весьма распространеннымъ заблужденіемъ среди людей, гордящихся своимъ происхожденіемъ и исключительныхъ по своему міровоззрѣнію. Въ смыслѣ физическомъ нельзя было подмѣтить упадка, но зато въ отношеніи умственныхъ способностей вырожденіе было почти полное; физическія качества этого знатнаго рода наслѣдовались, можно сказать, въ полной неприкосновенности изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ въ отношеніи красоты формъ, такъ и въ отношеніи физической силы, и лица нынѣшнихъ представителей рода были такъ же чисто отчеканены изъ бронзы или золота, какъ и лица представителей этого рода лѣтъ двѣсти тому назадъ, столь же правильныя, гордыя и прекрасныя, какъ два вѣка тому назадъ, какъ на чудесномъ портретѣ, смотрѣвшемъ на меня со стѣны моей комнаты. Выродился главнымъ образомъ умъ—это наиболѣе цѣнное наслѣдіе, наслѣдіе духовное; это сокровище, завѣщанное предками мало-по-малу, растрачивалось и размѣнивалось на мелкую монету, какъ и наслѣдіе матеріальное, таявшее постепенно въ рукахъ вырождавшихся потомковъ нѣкогда славнаго рода. Потребовался притокъ новой, свѣжей, совершенно чуж-

дой этому роду крови, плебейской крови какого-то погонщика муловъ или горца контрабандиста, для того, чтобы пріостановить процессъ полнаго умственнаго вырожденія этой семьи, и видоизмѣнить близкое къ идіотизму отупѣніе и неподвижность матери въ подвижное недомысліе и чудачество или простоватость сына. Однако, изъ нихъ двоихъ я все же предпочиталъ мать. Филиппъ мстительный и вмѣстѣ податливый, наивный и чистосердечный и въ то же время скрытный и лукавый, одновременно смѣлый и отважный, и боязливый и игривый, какъ заяцъ, непостоянный до крайности,—скорѣе производилъ на меня впечатлѣніе существа до извѣстной степени опаснаго и вреднаго,—мать же въ моихъ глазахъ всегда являлась нѣжной и доброй и невозмутимо спокойной. И какъ это часто бываетъ съ посторонними, не посвященными въ самую суть дѣла свидѣтелями какого-нибудь конфликта, когда судятъ о дѣлѣ по однимъ лишь видимостямъ, и на основаніи ихъ становятся на ту или другую сторону, такъ точно и я сталъ чѣмъ-то въ родѣ сторонника матери противъ ея сына въ той скрытой распрѣ, о которой я началъ догадываться по нѣкоторымъ мимолетнымъ признакамъ, случайно уловленнымъ мною въ послѣднее время. Правда, что эта скрытая непріязнь обнаруживалась преимущественно со стороны матери; такъ, я замѣчалъ, что она всякій разъ втягивала въ себя воздухъ, и зрачки ея глазъ съуживались, какъ подъ впечатлѣніемъ страха или ужаса, при приближеніи къ ней сына. А такъ какъ всякое ея волненіе проявлялось у нея непосредственно и не могло ускользнуть ни отъ чьего вниманія, то оно поневолѣ вызывало сочувствіе. Такъ, оно, вѣроятно, было и со мной. Во всякомъ случаѣ, эта скрытая непріязнь между матерью и сыномъ сильно занимала мое воображеніе, и я спрашивалъ себя, на чемъ она могла быть основана, и какія причины могли породить ее, а также, былъ ли сынъ, дѣйствительно, виновенъ въ этомъ.

Я былъ уже дней десять въ ресиденсіи, когда въ одинъ прекрасный день вдругъ поднялся страшный, рѣзкій вѣтеръ, несшій съ собой цѣлыя тучи пыли. Онъ дулъ съ малярійныхъ низменностей и попутно проносился надъ нѣсколькими снѣговыми сіеррами, а потому былъ рѣзкій и холодный. Нервы наши подъ вліяніемъ этого вѣтра, были до крайности напряжены и разстроены; глаза нестерпимо горѣли отъ ѣдкой пыли, ноги ныли подъ тяжестью тѣла, чувствовалось полное разслабленіе, и

даже прикосновеніе одной руки къ другой вызывало ощущеніе, болѣзненно непріятное, почти отвратительное. Кромѣ того, вѣтеръ спускался по ущельямъ горъ и бушевалъ неистово вокругъ дома, со свистомъ и ревомъ утомляющимъ слухъ и дѣйствующимъ угнетающимъ образомъ на мозгъ. И бушевалъ онъ не бурными порывами, какъ это часто бываетъ, а шумѣлъ и ревѣлъ безостановочно, какъ воды громаднаго водопада, такъ, что не было даже моментовъ отдыха для напряженныхъ нервовъ, не было возможности хоть секунду передохнуть. А тамъ, выше, въ горахъ, тамъ ураганъ налеталъ и бушевалъ порывами, то съ удвоенной силой, то какъ будто притаившись стихалъ и затѣмъ снова принимался свирѣпствовать съ дикимъ бѣшенствомъ,—и тогда до насъ доносился отдаленный протяжный вой этой страшной бури, переходившій подъ конецъ въ жалобное завываніе, невыразимо мучительное для слуха. По временамъ мы видѣли какъ на той или другой террасѣ горныхъ уступовъ, вдругъ подымался громадный столбъ пыли и затѣмъ разсѣивался и разсыпался подобно облаку пыли при взрывѣ. Не успѣлъ я проснуться, какъ уже, лежа въ постелѣ, я почувствовалъ страшное нервное напряженіе и удрученное состояніе вслѣдствіе этой погоды, и по мѣрѣ того какъ день подвигался впередъ это состояніе все усиливалось и ухудшалось. Напрасно я пытался бороться противъ этого дѣйствія погоды и даже рѣшилъ совершить свою обычную утреннюю прогулку. Неистовое бѣшенство бури очень скоро подорвало мои силы, побороло мое упорство и испортило мое настроеніе до невозможности. Я вернулся домой, изнемогая отъ слабости, съ пересохшимъ горломъ, весь въ жару, въ пыли и пескѣ. Дворъ казался опустѣлымъ и заброшеннымъ; время отъ времени блеснетъ откуда-то случайно ворвавшійся въ него солнечный лучъ, на одно лишь мгновеніе, или залетитъ яростный порывъ злобнаго вѣтра и затеребитъ кусты и вѣтви гранатныхъ деревьевъ и разметаетъ, разсыплетъ ихъ яркій цвѣтъ по всему двору, застучитъ и захлопаетъ ставнями оконъ, и промчится дальше.

Въ большой нишѣ или амбразурѣ сеньора расхаживала взадъ и впередъ, раскраснѣвшаяся, съ горящими глазами, и мнѣ показалось будто она разговаривала сама съ собой, какъ человѣкъ разгнѣванный или возмущенный чѣмъ-нибудь. И когда я обратился къ ней съ обычнымъ привѣтствіемъ, она только махнула досадливо рукой, какъ бы желая сказать,—«проходи дальше»—

и продолжала свою прогулку. Погода нарушила душевное равновѣсіе даже и этого невозмутимаго существа, и идя дальше къ себѣ наверхъ по лѣстницѣ, я чувствовалъ себя менѣе пристыженнымъ своей необычайной нервозностью въ этотъ день.

Вѣтеръ не стихалъ въ продолженіе всего дня. Я сидѣлъ въ своей комнатѣ и притворялся передъ самимъ собой, что я читаю, или ходилъ взадъ и впередъ отъ дверей къ камину и прислушивался къ шуму и вою вѣтра у меня надъ головой. Стемнѣло, а у меня даже не было свѣчи; я начиналъ тосковать по какомъ-нибудь человѣческомъ обществѣ и тихонько спустился во дворъ. Онъ утопалъ теперь въ голубоватой мглѣ наступающей ночи; только въ большой нишѣ свѣтился яркій огонь въ каминѣ, и освѣщалъ ее всю красноватымъ свѣтомъ. Это было чрезвычайно красиво. Дровъ было наложено очень много, высокимъ костромъ, надъ которымъ развѣвался цѣлый снопъ длинныхъ языковъ пламени, колыхавшихся отъ врывавшагося въ нишу вѣтра. И въ этомъ яркомъ, неровномъ, колеблющемся свѣтѣ сеньора продолжала ходить взадъ и впередъ отъ одной стѣны къ другой безпрерывно, нервно жестикулируя, то ломая руки, то складывая ихъ молитвенно, то простирая ихъ впередъ, какъ бы взывая къ небу или къ человѣческому милосердію, и въ этихъ безпорядочныхъ движеніяхъ удивительная красота и грація этой женщины выявлялись еще ярче; но въ глазахъ ея горѣлъ теперь странный огонь, который поразилъ меня какъ-то особенно непріятно. Въ немъ было что-то жуткое, недоброе. Постоявъ нѣкоторое время въ тѣни и поглядѣвъ на нее, но не будучи замѣченъ ею, какъ мнѣ показалось, я повернулся и пошелъ обратно, ощупью пробираясь въ свою комнату. Къ тому времени, когда, наконецъ, пришелъ Филиппъ и принесъ мнѣ ужинъ и свѣчу, мои нервы окончательно расшатались, и если бы онъ былъ сегодня такимъ, какимъ онъ бывалъ обыкновенно, я непремѣнно удержалъ бы его у себя, во что бы то ни стало, даже силой, если бы это понадобилось,—лишь бы мнѣ только избавиться отъ мучительнаго состоянія томившаго меня одиночества. Но и на Филиппа этотъ вѣтеръ также произвелъ свое удручающее дѣйствіе; онъ тоже весь день былъ какъ въ жару, въ немъ тоже сказывалось лихорадочное возбужденіе, а теперь съ наступленіемъ ночи онъ впалъ въ такое уныніе, въ такое пришибленное состояніе и смутную тревогу, которыми онъ зара-

жалъ и меня. Видъ его вытянувшагося, поблѣднѣвшаго лица, его поминутныя вздрагиванія и испуганныя озиранія или напряженное прислушиваніе страшно дѣйствовали на меня. И когда онъ вдругъ, вздрогнувъ, уронилъ изъ рукъ блюдо и разбилъ его, я не могъ удержаться, вскочилъ съ мѣста и крикнулъ:

— Да что это съ нами такое! Мы всѣ какъ будто помѣшались! И при этомъ я постарался разсмѣяться, но это вышло какъ-то неестественно и странно.

— Все это отъ этого проклятаго вѣтра,—жалобно отозвался Филиппъ. Чувствуется какъ будто надо что-то сдѣлать, а что— не знаешь!

Я не могъ не замѣтить, что сравненіе это было чрезвычайно удачное; и вообще Филиппъ обладалъ способностью выражаться иногда замѣчательно образно и весьма наглядно передавать свои физическія ощущенія.

— И ваша матушка тоже, повидимому, болѣзненно ощущаетъ на себѣ вредное вліяніе этой погоды,—замѣтилъ я.—Вы не опасаетесь за нее, что она можетъ почувствовать себя нехорошо?

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня какимъ-то подозрительнымъ, испытующимъ взглядомъ, а затѣмъ сказалъ рѣзко, отрывисто, какъ бы умышленно вызывающимъ тономъ:

— Нѣтъ! Ничего не опасаюсь!

А въ слѣдующій за симъ моментъ онъ схватился обѣими руками за голову и, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, вдругъ началъ жалобно причитать и жаловаться на вѣтеръ и на шумъ, отъ котораго у него въ головѣ все кругомъ идетъ, и въ ушахъ гудитъ, и все кружится въ мысляхъ, точно колесо на мельницѣ. «И кому только можетъ быть хорошо въ такую погоду? Кто можетъ чувствовать себя спокойно и пріятно при такомъ вѣтрѣ?»— воскликнулъ онъ наконецъ, и дѣйствительно, я могъ только согласиться съ нимъ и повторить за нимъ тотъ же вопросъ, потому что и я былъ достаточно разстроенъ и измученъ за этотъ день.

Я рано легъ въ постель, утомленный за весь этотъ долгій томительный день, постояннымъ напряженнымъ состояніемъ безъ единой минуты отдыха. Но вредоносное вліяніе этой погоды и несмолкаемый, безпрерывный шумъ вѣтра не давали мнѣ заснуть. Я лежалъ и изнывалъ и ворочался съ бока на бокъ, не находя себѣ покоя. Всѣ мои чувства и всѣ нервы были до того напряжены, что я не могъ болѣе совладать съ ними. Минутами

я начиналъ задремывать, и въ эти минуты меня мучали и душили страшные кошмары, отъ которыхъ я пробуждался въ холодномъ поту, хватался за голову и чувствовалъ себя на волосокъ отъ умопомѣшательства. Эти минуты полузабытья заставляли меня утрачивать сознаніе времени, такъ что я не могъ опредѣлить, который это былъ часъ, но вѣроятно было уже поздно ночью, когда я вдругъ пробудился отъ внезапно раздавшихся не то жалобныхъ, не то озлобленныхъ криковъ, до крайности раздражающихъ и непріятныхъ. Я вскочилъ съ кровати, полагая, что это снова сонъ, но крики все продолжали раздаваться по всему дому; крики отъ физической боли, какъ мнѣ начинало казаться, но и вмѣстѣ съ тѣмъ крики ярости, бѣшенства и безсильной злобы, до того дикіе, безобразные и рѣжущіе слухъ, что ихъ невозможно было выносить. И это была не иллюзія; нѣтъ, несомнѣнно гдѣ-то истязали какое-то живое существо, помѣшаннаго или дикое животное. И почему-то у меня вдругъ мелькнула мысль о Филиппѣ и замученной имъ бѣлкѣ. Внѣ себя я кинулся къ двери, но дверь оказалась запертою на ключъ снаружи, и какъ я ее ни трясъ, какъ ни стучалъ, все было напрасно. Я былъ подъ надежнымъ запоромъ, запертъ какъ плѣнникъ въ моей комнатѣ. А между тѣмъ, крики все продолжались; то они какъ будто затихали, переходя въ жалобное стенаніе, и тогда мнѣ начинало казаться, что я различаю въ немъ членораздѣльные звуки, и въ эти минуты я былъ увѣренъ, что это человѣческій голосъ; но затѣмъ крики снова усиливались, и весь домъ оглашался безумными адскими воплями, которые могли свести и здороваго человѣка съ ума. Я стоялъ у двери и прислушивался до тѣхъ поръ, пока все въ домѣ не стихло, и крики эти не замерли. Но я долго еще стоялъ и все прислушивался, и эти страшные крики все еще раздавались у меня въ ушахъ; мнѣ все еще казалось, что я слышу ихъ сливающихся съ воемъ бури и свистомъ вѣтра, и когда я, наконецъ, добрался до своей постели, то чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Съ истерзанной душой и чувствомъ смертельнаго отвращенія я легъ въ постель и старался укрыться въ ней отъ охватившаго меня ужаса и безотчетнаго страха, сдавливавшаго мнѣ сердце.

Но удивительно, что послѣ этого я не могъ заснуть. Меня мучилъ вопросъ: зачѣмъ меня заперли? Что такое происходило

въ эту ночь? Кто издавалъ эти ужасные нечеловѣческіе крики, неподдающіеся никакому описанію? Человѣческое существо? Нѣтъ, это было невѣроятно! Животное? Но едва ли это были крики животнаго. Да и какое животное, за исключеніемъ льва или тигра, могло такъ потрясать своимъ крикомъ самыя стѣны? И въ то время, какъ я перебиралъ все это въ мысляхъ, мнѣ вдругъ пришло въ голову, что вѣдь я еще до сихъ поръ ни разу не видалъ даже издали дочери хозяйки дома. Что могло быть болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположеніе, что дочь сеньоры и сестра Филиппа была помѣшанная? Или что могло быть болѣе правдоподобнымъ, какъ не мысль, что такіе невѣжественные и слабоумные люди, какъ Филиппъ и его мать, не знали другого средства справляться съ больной, кромѣ жестокаго насилія? Это являлось какъ-бы разрѣшеніемъ всѣхъ тревожившихъ меня вопросовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, когда я воскрешалъ въ своей памяти эти крики (при чемъ я каждый разъ невольно содрагался и чувствовалъ, какъ морозъ пробѣгалъ у меня по тѣлу), такое объясненіе мнѣ казалось неудовлетворительнымъ; даже и самая ужасная жестокость, думалось мнѣ, не въ состояніи была вырвать подобные крики у помѣшаннаго. Только въ одномъ я былъ совершенно увѣренъ: я не могъ жить въ домѣ, гдѣ такія невѣроятныя вещи могли происходить и не дознаться сути дѣла, а если нужно, то и вмѣшаться въ него.

Наступилъ слѣдующій день; вѣтеръ какъ видно израсходовалъ всѣ свои силы, и теперь ничто не напоминало о томъ, что здѣсь происходило въ послѣднюю ночь. Филиппъ подошелъ ко мнѣ, когда я еще лежалъ въ постели. Онъ былъ чрезвычайно веселъ и радовался хорошей погодѣ и яркому солнцу; когда я проходилъ по двору сеньора какъ всегда съ небрежной граціей возлежала у колонны и грѣлась на солнцѣ, прекрасная и по обыкновенію неподвижная. Когда я вышелъ изъ воротъ, то вся природа кругомъ какъ будто мрачно улыбалась; небо было такое холодно-голубое, и на немъ повсюду были разсѣяны точно острова на океанѣ, обрывки тучъ и облаковъ, а склоны горъ, залитые солнцемъ, пестрѣли темными пятнами тѣней отъ облаковъ. Непродолжительная прогулка освѣжила меня и возстановила мои силы, и вмѣстѣ съ тѣмъ я утвердился въ намѣреніи во что бы то ни стало выяснить мучившую меня тайну, а потому, когда я увидѣлъ со своего излюбленнаго пригорка Филиппа, отправлявшагося работать въ саду, я тотчасъ же вернулся въ

домъ и рѣшилъ теперь же осуществить мое намѣреніе. Сеньора, какъ мнѣ казалось, была погружена въ сладкую дремоту; подойдя къ ней, я немного постоялъ, смотря на нее въ упоръ, но она даже и не шевельнулась; даже въ томъ случаѣ, если мое намѣреніе было бы нескромно, мнѣ нечего было опасаться такого надзора, и вотъ я поднялся по лѣстницѣ на галлерею и приступилъ къ осмотру дома.

Все утро я ходилъ отъ одной двери къ другой и обходилъ просторныя, красивыя, но опустѣлыя комнаты съ поблекшими обоями и дорогими тканями на стѣнахъ; однѣ были темныя изъ-за плотно заколоченныхъ ставень, другія ярко залиты дневнымъ солнцемъ, но всѣ запущенныя, опустѣлыя, непривѣтныя. Несомнѣнно, это былъ нѣкогда богатый домъ, на который время дохнуло своимъ опустошительнымъ дыханіемъ и заволокло все густой пылью и посѣяло повсюду разочарованіе; пауки качались повсюду на своихъ длинныхъ паутинахъ, пятнистые тарантулы бѣгали по карнизамъ, муравьи суетливо бѣгали цѣлыми полчищами по полу большой залы, гдѣ нѣкогда происходили торжественные пріемы. Большія мясныя и трупныя мухи нашли себѣ убѣжище въ старинной рѣзьбѣ деревянныхъ панелей, и эти питающіяся падалью, противныя насѣкомыя, нерѣдко распространяющія заразу и смерть, тяжело летали по комнатамъ и жужжали на окнахъ. Изъ обстановки уцѣлѣли, гдѣ одинъ стулъ или кресло, гдѣ одна кушетка, гдѣ большая старинная кровать, или монументальное рѣзное сѣдалище, напоминающее тронъ, одиноко стоящіе въ пустыхъ комнатахъ на голомъ полу, словно острова, затерявшіеся среди моря, свидѣтельствующіе о томъ, что нѣкогда здѣсь жили люди. И во всѣхъ этихъ пустыхъ комнатахъ стѣны были украшены портретами давно умершихъ людей. По этимъ ихъ изображеніямъ я могъ судить, въ какую знатную и родовитую семью меня забросила судьба, и къ какой аристократической и красивой породѣ принадлежали хозяева этихъ хоромъ, по которымъ я теперь такъ безпрепятственно бродилъ. Многіе изъ мужчинъ на портретахъ были украшены орденами и знаками отличій, и имѣли внушительный и мужественный видъ старыхъ благородныхъ воиновъ; женщины были одѣты въ богатые и красивые наряды и украшены драгоцѣнными уборами. Большинство полотенъ было писано рукой великихъ и извѣстныхъ мастеровъ. Но не это доказательство прежняго величія произвело на меня особенно сильное впечатлѣні— даже и въ

сравненіи съ настоящимъ упадкомъ и безлюдьемъ этого дворца и съ захудалостью этого вымирающаго рода. Нѣтъ, меня главнымъ образомъ поражала здѣсь наглядная семейная хроника этого стариннаго рода, которую я читалъ въ этомъ рядѣ красивыхъ лицъ и горделивыхъ фигуръ. Никогда еще въ жизни не видѣлъ я такъ ясно несомнѣннаго чуда наслѣдственности въ породѣ, въ силу котораго всѣ физическія черты и характерныя особенности расы съ изумительной точностью передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ребенокъ родится отъ матери и растетъ и складывается и становится незамѣтно человѣкомъ со всѣми, присущими человѣку, свойствами, которыя онъ пріобрѣтаетъ неизвѣстно какъ, и наслѣдуетъ общій обликъ своихъ родителей и родныхъ, что именуется обыкновенно «фамильнымъ сходствомъ». Онъ поворачиваетъ голову, какъ одинъ изъ его предковъ, протягиваетъ вамъ руку, какъ другой изъ нихъ,—все это несомнѣнно чудеса, которыя, однако, утратили для насъ свою поразительную изумительность, вслѣдствіе того, что они постоянно повторяются на нашихъ глазахъ. Но здѣсь, это изумительное сходство во взглядѣ, въ чертахъ лица, въ осанкѣ всѣхъ этихъ изображенныхъ на портретахъ представителей разныхъ поколѣній, смотрѣвшихъ на меня со стѣнъ »Ресиденсіи»,— здѣсь это чудо било въ глаза. Оно такъ поразило меня, что я невольно остановился передъ запыленнымъ стариннымъ зеркаломъ и долго всматривался въ свою физіономію, стараясь уловить въ ней сходство съ тѣмъ или другимъ изъ моихъ сородичей, найти то связующее звено, которое сроднило меня съ моей семьей, съ моимъ родомъ. Наконецъ, продолжая осмотръ дома, я отворилъ дверь комнаты, которая казалась жилой. Это была очень большая комната, обращенная окнами на сѣверъ, гдѣ горы были особенно дики и угрюмы. Къ самому камину, гдѣ еще тлѣли уголья, былъ придвинутъ высокій стулъ, деревянный, безъ подушекъ; полъ и стѣны были голые, общій видъ комнаты получался какой-то аскетическій, можно даже сказать, мрачный и суровый.

Кромѣ книгъ, лежавшихъ въ безпорядкѣ тутъ и тамъ, въ комнатѣ не было никакихъ слѣдовъ или признаковъ какой-нибудь работы, развлеченія или труда. Присутствіе книгъ въ этомъ домѣ крайне удивило меня, и я принялся съ чрезвычайной поспѣшностью, подгоняемый чувствомъ страха быть накрытымъ, проглядывать одну за другой эти книги, желая ознакомиться съ

ихъ характеромъ и содержаніемъ. Это были самыя разнородныя книги: были тутъ и божественныя, т. е. священныя, и историческія, и научныя, всѣ очень старыя и преимущественно латинскія. На нѣкоторыхъ изъ нихъ я увидѣлъ несомнѣнные слѣды постояннаго употребленія и усерднаго изученія, другія же были порваны и отброшены въ сторону, какъ негодныя, какъ бы въ порывѣ гнѣва и негодованія. Торопливо обходя комнату, я наткнулся на столѣ у окна на нѣсколько листковъ простой желтой бумаги, исписанныхъ карандашемъ. Необдуманное любопытство толкнуло меня схватить одинъ изъ нихъ и ознакомиться съ его содержаніемъ. Это были стихи, не совсѣмъ удовлетворительные по рифмѣ и размѣру, написанные на современномъ испанскомъ языкѣ; содержаніе ихъ было приблизительно такое:

Радость пришла повитая стыдомъ,
Горе повито лилейнымъ вѣнкомъ;
Радость на солнце смотрѣла,
Какъ оно чудно горѣло!
Христосъ, на Тебя указало мнѣ Горе
Своимъ изможденнымъ перстомъ! *)

Мнѣ стало невыразимо совѣстно за мой неделикатный поступокъ; положивъ листокъ на мѣсто, я поспѣшно бѣжалъ изъ этой комнаты. Ужъ, конечно, ни Филиппъ, ни его мать не могли читать этихъ книгъ, ни тотъ, ни другой не были въ состояніи написать эти стихи, хотя и не мудрые по формѣ, но проникнутые глубокой мыслью и чувствомъ, недоступными этимъ двумъ существамъ. Значитъ, я забрелъ въ комнату дочери сеньоры и святотатственно хозяйничалъ въ ея святилищѣ. Но видитъ Богъ, что моя совѣсть жестоко казнила меня за это. Мнѣ не давала покоя и меня угнетала мысль, что я насильственно вторгнулся въ тайники души этой молодой дѣвушки, занимавшей такое странное положеніе въ этой странной семьѣ, и страхъ и опасенія, что она можетъ какъ-нибудь узнать о моей нескромности, тяготили надо мной, какъ тяжелое преступленіе. Кромѣ того я упрекалъ себя за свои предположенія въ предшествующую ночь, и

*) Болѣе точно было бы такъ:

Радость пришла къ намъ съ мукой стыда,
Горе—въ лилейномъ вѣнкѣ на челѣ.
Радость намъ указала на солнце прекрасное;
Іисусе сладчайшій, какъ чудно горѣло оно!
Горе же намъ указало рукою своей изможденной
На Тебя, мой сладчайшій Іисусъ!

недоумѣвалъ, какъ я могъ приписать эти ужасные дикіе крики дѣвушкѣ, которая теперь представлялась мнѣ почти святой, блѣднымъ и одухотвореннымъ призракомъ, изнуреннымъ бдѣніемъ, постомъ и молитвой, проводящей дни свои въ слѣпомъ исполненіи всѣхъ предписаній и обрядовъ своей религіи, живущей одинокой отшельницей, въ полномъ душевномъ одиночествѣ, среди своихъ слабоумныхъ родныхъ, въ этой совершенно не соотвѣтствующей ей семьѣ. И въ то время, какъ я облокотясь на баллюстраду галлереи, смотрѣлъ внизъ на залитый солнцемъ дворъ, съ его яркой рамкой изъ цвѣтущихъ гранатныхъ деревьевъ, и на богато, красиво и пестро разодѣтую сеньору, какъ всегда нѣжащуюся на солнцѣ, на эту красивую женщину, дремлющую въ небрежной граціозной позѣ на мягкихъ шкурахъ,— которая теперь такъ сладко потянулась и облизнула кончикомъ розоваго язычка свои красивыя губы, какъ бы смакуя съ особымъ сладострастнымъ наслажденіемъ свою нѣгу и лѣнь,—я невольно сравнилъ эту сцену съ тѣмъ, что я сейчасъ только что видѣлъ тамъ, въ пустой холодной комнатѣ, съ голыми полами и стѣнами, напоминающей мрачную монастырскую залу, съ окнами, выходящими на сѣверъ, а потому печальную и мрачную, съ видомъ на горы, дикія и суровыя, какъ и сама эта огромная мрачная комната, въ которой жила юная и, быть можетъ, прекрасная отшельница.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, я со своего любимаго пригорка, гдѣ я сидѣлъ и отдыхалъ послѣ прогулки, увидѣлъ Падре, входящаго въ калитку. Открытія, сдѣланныя мной относительно личности и нравственнаго облика дочери хозяйки дома, въ такой мѣрѣ поразили меня, что я почти забылъ о всѣхъ ужасахъ предыдущей ночи; они точно заслонили ихъ отъ меня, но теперь, при видѣ патера, все это снова съ невѣроятной живостью ожило въ моей памяти. Я спустился съ моего пригорка и, обойдя небольшой лѣсокъ или рощицу, вышелъ на дорожку, по которой, какъ я зналъ, непремѣнно долженъ былъ пройти Падре на обратномъ пути. Какъ только онъ показался въ концѣ дороги, я вышелъ изъ лѣска и пошелъ къ нему навстрѣчу. Поравнявшись съ нимъ, я представился ему, какъ жилецъ «Ресиденсіи». Лицо у него было строгое, но честное и открытое, такое, на которомъ легко было прочесть разнорѣчивыя чувства, вызванныя въ его душѣ моимъ появленіемъ. Я былъ въ его глазахъ, прежде всего, чужестранецъ и еретикъ, но съ другой стороны—онъ зналъ, что

я былъ раненъ, сражаясь за правое дѣло,—а здѣсь я былъ, такъ сказать, гость. О семействѣ владѣльцевъ «Ресиденсіи» онъ говорилъ очень сдержанно, но съ большимъ уваженіемъ. А когда я упомянулъ, что я по сіе время еще не видалъ дочери хозяйки дома, то на это онъ возразилъ, что такъ оно и должно было быть, и онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на меня. Наконецъ, я набрался смѣлости и сообщилъ ему о крикахъ, встревожившихъ меня въ прошедшую ночь; онъ молча выслушалъ меня до конца, затѣмъ сдѣлалъ шагъ впередъ и, обернувшись ко мнѣ въ полъоборота, какъ бы давая этимъ понять, что онъ меня долѣе не задерживаетъ, онъ протянулъ мнѣ свою табакерку и любезно спросилъ:

— Вы нюхаете табакъ?—И когда я отвѣтилъ отрицательно, онъ добавилъ:—Я старый человѣкъ и потому да будетъ мнѣ позволено напомнить вамъ, что вы здѣсь только гость.

— Такъ, значитъ, вы мнѣ совѣтуете,—сказалъ я довольно твердо, хотя краска бросилась мнѣ въ лицо отъ полученнаго выговора,—безучастно смотрѣть на все, что бы тутъ ни дѣлалось, и ни во что не вступаться?

На это онъ мнѣ отвѣтилъ утвердительно, наклонивъ голову—«да» и, приподнявъ шляпу и какъ-то неловко поклонившись, онъ ушелъ, оставивъ меня, гдѣ я стоялъ.

Тѣмъ не менѣе за эти нѣсколько минутъ разговора, онъ сдѣлалъ двѣ вещи: онъ успокоилъ мою совѣсть и пробудилъ во мнѣ чувство деликатности. Сдѣлавъ надъ собой большое усиліе, я отогналъ отъ себя воспоминаніе о прошедшей ночи и снова сталъ думать и мечтать о моей святой поэтессѣ. Но въ то же время я не могъ забыть, что я былъ запертъ въ моей комнатѣ; такая безцеремонность возмущала меня, и когда въ этотъ вечеръ Филиппъ принесъ мнѣ ужинъ, я смѣло, но осторожно атаковалъ его съ обоихъ интересовавшихъ меня пунктовъ.

— Я почему-то никогда не вижу вашей сестры,—замѣтилъ я, какъ бы вскользь.

— О, нѣтъ! — воскликнулъ онъ, точно протестуя противъ чего-то.—Она хорошая, хорошая дѣвушка!—И затѣмъ мысль его мгновенно перелетѣла на другой предметъ, и онъ быстро, быстро заговорилъ о чемъ-то, чего я не слушалъ.

— Ваша сестра, кажется, очень набожна, если не ошибаюсь?—спросилъ я, какъ только успѣлъ вставить слово.

— О!—воскликнулъ онъ чуть не съ экстазомъ, сложивъ мо-

литвенно руки.—Она святая! Это она постоянно поддерживаетъ меня.

— Это ваше счастье,—замѣтилъ я,—такъ какъ большинство людей, и я боюсь, что и я въ томъ числѣ, мы всѣ охотнѣе полземъ внизъ.

— Нѣтъ, сеньоръ, — возразилъ Филиппъ наставительно и серьезно,—я бы этого не сказалъ! Зачѣмъ вы вводите во искушеніе вашего ангела такими рѣчами; вѣдь если человѣкъ начнетъ ползти внизъ, то гдѣ же онъ остановится?

— Да, ну, Филиппъ,—я и не воображалъ, что вы такой проповѣдникъ; да еще и хорошій проповѣдникъ, могу вамъ сказать. Это, навѣрное, ваша сестра васъ этому научила?—спросилъ я.

Онъ утвердительно кивнулъ головой, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

— А если такъ, то она, вѣроятно, не разъ журила васъ и за вашу жестокость; вѣдь это тяжкій грѣхъ быть безсердечнымъ и жестокимъ.

— О, да! Она меня корила за то двѣнадцать разъ!—воскликнулъ онъ.—Эту цыфру онъ всегда называлъ, когда хотѣлъ выразить повторность какого-нибудь дѣйствія.—И я сказалъ ей, что и вы меня корили за то же самое, я это хорошо помню,—добавилъ онъ съ гордостью,—и она была этимъ очень довольна.

— Въ такомъ случаѣ, Филиппъ,—продолжалъ я,—что это были за душу раздирающіе крики нынче ночью? Это несомнѣнно былъ крикъ какого-то несчастнаго существа, которое мучали и истязали.

— Это вѣтеръ,—проговорилъ Филиппъ, глядя мимо меня въ огонь камина.

Я взялъ его за руку, и онъ, думая вѣроятно, что это ласка съ моей стороны, улыбнулся, и лицо его засіяло такой невыразимой радостью, что я готовъ былъ отказаться отъ своего намѣренія, такъ онъ меня обезоружилъ такой своей довѣрчивостью и любовью. Но я все же подавилъ въ себѣ эту минутную слабость и рѣшительно пошелъ къ своей цѣли.

— Вѣтеръ,—повторилъ я,—ну, вѣтеръ вѣтромъ, а вотъ не эта ли самая рука,—и я приподнялъ ее немного кверху,—передъ тѣмъ заперла меня на ключъ?

Мальчикъ замѣтно вздрогнулъ при этихъ словахъ, но не проронилъ ни звука.

— Пусть я здѣсь чужой человѣкъ,—продолжалъ я,—гость, такъ сказать, и не мое это дѣло вмѣшиваться и судить о томъ, что здѣсь происходитъ. Вы всегда можете посовѣтоваться съ вашей сестрой, ничего кромѣ хорошаго, добраго и разумнаго вы отъ нея не услышите, я въ томъ увѣренъ; но что касается лично меня, моей особы, то въ этомъ я привыкъ всегда быть самъ себѣ господинъ, и не потерплю, чтобы со мной поступали, какъ съ плѣнникомъ, а потому я требую, чтобы вы принесли мнѣ теперь же ключъ отъ этой комнаты.

Полчаса спустя дверь моей комнаты съ шумомъ распахнулась, и въ нее швырнули ключъ, который, звеня, покатился по полу.

Черезъ день или два послѣ этого я возвращался съ прогулки незадолго передъ полуднемъ; я засталъ сеньору, лежащую въ сладкой дремотѣ на порогѣ ниши; бѣлые голуби дремали подъ навѣсомъ крыши, точно комочки снѣга, уцѣлѣвшаго на карнизахъ; весь домъ былъ какъ бы зачарованъ полуденнымъ покоемъ; все кругомъ будто замерло или погрузилось въ сказочный сонъ, и только легонькій вѣтерокъ, пробиравшійся сюда съ сосѣднихъ горъ, прокрадывался тихонько по галлереямъ, чуть слышно шелестя вѣтвями гранатныхъ деревьевъ и едва замѣтно колыхалъ тѣни предметовъ. Что-то въ этой общей тишинѣ и безмолвіи заразило и меня, и я не слышно ступая, точно боясь разбудить это сонное царство, прошелъ черезъ дворъ и поднялся по мраморной лѣстницѣ. Едва поставилъ я ногу на верхнюю площадку, какъ одна изъ дверей, выходящихъ на галлерею, вдругъ распахнулась, и я очутился лицомъ къ лицу съ Олальей. Неожиданность пригвоздила меня къ мѣсту. Красота ея поразила меня въ самое сердце. Какъ драгоцѣнный самоцвѣтный камень, сверкала и сіяла она въ тѣни галлереи; ея глаза впились въ мои и установили между нами столь же тѣсную связь, какъ если бы наши руки встрѣтились и замерли въ крѣпкомъ пожатіи. И эти минуты, когда мы оба такъ стояли лицомъ къ лицу, другъ противъ друга, были священныя, торжественныя минуты; совершалось великое таинство сліянія двухъ душъ. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чѣмъ я очнулся отъ трепетнаго забытья, отъ того полнаго самозабвенія, близкаго къ оцѣпенѣнію, которое овладѣло мной. Придя въ себя, я поспѣшно отвѣсилъ ей поклонъ и поднялся наверхъ, къ себѣ. Она не шевельнулась, но провожала меня своими большими, горящими. жаждущими глазами. и когда я скрылся

изъ вида, мнѣ показалось, что она какъ будто поблѣднѣла и поблекла.

Придя въ свою комнату, я раскрылъ окно и сталъ глядѣть на небо и на горы, и не могъ надивиться, не могъ понять, что за перемѣна произошла съ этими строгими горными хребтами, громоздившимися одни надъ другими подъ самое небо, почему они какъ будто пѣли и ликовали и сіяли и словно тянулись къ голубому воздушному своду небесъ. Я видѣлъ ее, Олалью! И мнѣ казалось, что каменные утесы вторили мнѣ: Олалья!—и холодная безмолвная небесная лазурь тоже вторила имъ:—Олалья!—И теперь блѣдноликая, святая отшельница навсегда угасла и исчезла изъ моего воображенія, и на ея мѣстѣ я видѣлъ теперь эту дѣвушку, которую Богъ надѣлилъ самой чудесной красотой, на которую природа излила свои самыя яркія и живыя краски, въ которую она влила бьющую черезъ край жажду жизни, силы и энергію, которую Господь Богъ создалъ быстрой, какъ лань, стройной, какъ пальма, гибкой, какъ тростникъ, и въ громадныхъ глазахъ которой Онъ зажегъ огонь страсти и тихій свѣтъ высокой благородной души. Трепетъ молодой жизни, полной силъ, мощи и желаній, какъ у лѣсного звѣря, сообщился и мнѣ, а ея душевная сила, свѣтившаяся въ ея взглядѣ, покорила мою душу, околдовала мое сердце, и моя душа просилась на уста, готовая излиться хвалебнымъ гимномъ ея красотѣ, ея чистотѣ и ея совершенствамъ! Все ея существо слилось съ моимъ, я чувствовалъ, какъ будто ея кровь прошла по моимъ жиламъ, какъ будто мы съ нею были одно нераздѣльное цѣлое!

Я не могу сказать, что этотъ мой восторженный экстазъ ослабъ, нѣтъ, вся моя душа преисполнилась имъ, и онъ побѣдно выдержалъ жестокую осаду со стороны моего здраваго разсудка, холодныхъ и печальныхъ размышленій и множества справедливыхъ возраженій. Я не могъ сомнѣваться въ томъ, что полюбилъ ее съ перваго взгляда; полюбилъ съ такой безумной силой, съ такимъ чисто-юношескимъ пыломъ, что это было странно для человѣка, столько испытавшаго радостей и горестей въ любви, для человѣка, столь богатаго тяжелымъ житейскимъ опытомъ, какъ я. Что же должно было теперь случиться дальше? Вѣдь она была отпрыскомъ такой печальной больной семьи; вѣдь она дочь сеньоры и сестра Филиппа; и это сказывалось даже въ ея красотѣ. Въ ней была та же легкость и сила, и проворство, какъ у брата; и она была быстра, какъ стрѣла, легка, какъ капля

росы! И какъ мать она сіяла, какъ яркій блестящій цвѣтокъ на темномъ фонѣ окружающей ее жизни и природы. Я никогда не могъ бы и не посмѣлъ назвать своимъ братомъ этого полоумнаго мальчика, ни назвать матерью это неподвижное, безсмысленное, но прекрасное существо, эту изящную глыбу мяса съ тупыми, ничего не выражающими глазами, и неизмѣнной безсмысленной улыбкой, которая теперь стояла у меня передъ глазами, какъ нѣчто отвратительное и ненавистное. А если я не могъ жениться, то что же? Вѣдь она была совершенно безпомощна и беззащитна, а ея глаза, ея дивные глаза, признались мнѣ въ томъ долгомъ, долгомъ взорѣ, который былъ единственной нашей бесѣдой, обмѣномъ мыслей и чувствъ, въ ея слабости и такомъ же влеченіи ея ко мнѣ, въ какихъ и я признался ей. Но въ глубинѣ души я сознавалъ, что она, та одинокая отшельница, которая просвѣщаетъ свой умъ учеными трактатами и поученіями св. отцовъ, что она авторъ тѣхъ скорбныхъ стиховъ, и это сознаніе могло обезоружить даже самаго грубаго человѣка. Бѣжать отсюда, но на это я не находилъ въ себѣ ни достаточно силъ, ни воли, ни мужества; все, что я могъ, это дать себѣ обѣтъ неустаннаго надъ собой надзора и осторожности по отношенію къ этой дѣвушкѣ.

Когда я отошелъ, наконецъ, отъ окна, глаза мои случайно остановились на портретѣ. Онъ какъ будто полинялъ и поблекъ, и умеръ для меня, какъ блѣднѣетъ и меркнетъ свѣча, когда взойдетъ яркое солнце. Теперь на меня смотрѣло со стѣны не живое, а прекрасно написанное лицо, и меня уже не удивляло его сходство съ ней; я въ этомъ былъ давно увѣренъ. Но меня восхищала эта выдержанность типа въ этой вырождающейся семьѣ. Въ данномъ случаѣ сходство поглощалось различіемъ. Я вспомнилъ, какъ мнѣ казалось, что въ жизни такой женщины не могло существовать, что многое въ ней было создано фантазіей художника, а не скромной и разумной природой; а теперь я удивлялся этой моей мысли, и когда я сравнивалъ эту красоту съ красотой Олальи, ея чудесный образъ приводилъ меня въ неописуемый восторгъ. Красавицъ я видѣлъ не мало и раньше и далеко не всегда былъ ими очарованъ; но меня часто привлекали женщины, которыя не были прекрасными для другихъ, а только для меня. Но въ Олальѣ соединялось все, о чемъ я не смѣлъ даже мечтать, все, чего я только могъ желать въ минуты самой дикой и разнузданной фантазіи.

Весь слѣдующій день я не видѣлъ ея, и сердце у меня ще-

мило, и мой взоръ жаждалъ увидѣть ее хоть только мелькомъ, хоть издали, жаждалъ такъ, какъ истомившійся за ночь больной жаждетъ дождаться утра, жаждетъ увидѣть первый лучъ восхода. Но напрасно!

На третій день, однако, когда я возвращался къ себѣ послѣ прогулки, приблизительно въ обычное мое время, она опять стояла въ галлереѣ, и наши глаза встрѣтились, и наши взоры слились какъ тогда. Я хотѣлъ бы заговорить, я хотѣлъ подойти къ ней ближе, но, несмотря на то, что меня къ ней тянуло, какъ магнитомъ, что-то еще болѣе сильное, чѣмъ мое желаніе, вопреки моей воли удерживало меня. Я только поклонился и прошелъ мимо, а она, не отвѣтивъ даже на мой поклонъ, только проводила меня глазами, не проронивъ ни звука, не пошевельнувшись.

Ея образъ врѣзался въ моей памяти; мнѣ кажется, я въ любую минуту могъ вызвать его въ своемъ воображеніи, со всѣми самыми мельчайшими подробностями, и когда я, сосредоточиваясь мыслью, вглядывался въ ея черты, мнѣ казалось, что я читаю въ нихъ самую ея душу. Одѣта она была съ тѣмъ же кокетствомъ и тѣмъ же пристрастіемъ къ яркимъ цвѣтамъ, какія я замѣчалъ у ея матери; платье, сшитое, какъ я зналъ, ея собственными руками, сидѣло на ней съ какой-то, какъ мнѣ казалось, лукавой граціей, вырисовывая всѣ ея прекрасныя формы; согласно модѣ этой страны, корсажъ былъ съ глубокимъ вырѣзомъ, а посрединѣ онъ оставался спереди совершенно раскрытымъ, образуя какъ бы длинную щель; на смуглой шеѣ, на ленточкѣ, висѣла, несмотря на крайнюю бѣдность этой семьи, большая золотая монета. И все это были явныя доказательства, если вообще таковыя были еще нужны, насколько это молодое существо любило жизнь и радовалось своей красотѣ, и сознавало ее. А въ ея глазахъ, впивавшихся въ меня, я читалъ такую глубину страсти, такую бездну скорби и безысходной печали и тоски, искры поэзіи и надежды и въ то же время мракъ полнаго отчаянія, а также думы о неземномъ, о томъ, что за предѣлами этой бѣдной земной жизни. Да, это было прекрасное тѣло, но духовное существо, обитавшее это тѣло, было больше, чѣмъ достойно его. Такую высокую, такую прекрасную душу трудно было встрѣтить! И неужели я долженъ былъ оставить этотъ роскошный, несравненный цвѣтокъ засохнуть и зачахнуть въ безызвѣстности среди этихъ горъ? Неужели я могъ презрѣть великій даръ, который мнѣ предлагали безмолвно ея чудесные глаза? Я понималъ, что здѣсь томится

въ заключеніи прекрасная высокая душа, заживо замуравленная въ этой тюрьмѣ. Могъ ли я не разбить ея оковъ, не выпустить ее на волю?! При этой мысли всѣ побочныя соображенія мгновенно отпадали, и я клялся назвать ее своей, хотя бы она была дочерью Ирода, и, придя къ этому рѣшенію, я въ тотъ же вечеръ приступилъ со смѣшаннымъ чувствомъ неискренности и разсчета къ привлеченію ея брата на мою сторону. Быть можетъ, я никогда до этого времени не смотрѣлъ на него съ такимъ снисхожденіемъ, или мысль о его сестрѣ невольно вызывала во мнѣ потребность видѣть въ этомъ юношѣ лучшія его стороны, но только никогда еще онъ не казался мнѣ столь привлекательнымъ и милымъ, и самое его сходство съ сестрой и раздражало, но вмѣстѣ съ тѣмъ и смягчало меня.

Прошелъ еще день напраснаго ожиданія. Пустой, безсмысленный день, рядъ безконечно длинныхъ томительныхъ часовъ. Я боялся все время пропустить случай и все время слонялся по двору, гдѣ, ради соблюденія приличія, я долѣе обыкновеннаго бесѣдовалъ съ сеньорой. И видитъ Богъ, что теперь я присматривался къ ней и изучалъ ее съ особымъ интересомъ и съ чувствомъ искренней и живой симпатіи, и какъ по отношенію къ Филиппу, такъ точно и по отношенію къ ней я чувствовалъ, что въ душѣ у меня пробудилось къ нимъ болѣе теплое и нѣжное чувство, сопровождавшееся большей терпимостью и снисходительностью въ оцѣнкѣ ихъ личностей и дѣйствій. И все же я не могъ не дивиться, что даже въ то время, когда я разговаривалъ съ ней, она задремывала и даже засыпала и затѣмъ снова безъ малѣйшаго смущенія просыпалась и лѣниво, какъ всегда, но съ неизмѣнной безжизненной улыбкой отвѣчала на то слово или вопросъ, который дошелъ до ея сознанія.

Такое состояніе ея поражало меня, я былъ не въ состояніи его понять. Между прочимъ, я замѣтилъ, что она безконечно часто мѣняла положеніе своего тѣла и своихъ членовъ, какъ будто наслаждаясь и смакуя удовольствіе лѣнивыхъ, плавныхъ и красивыхъ движеній, удовольствіе чисто физическаго ощущенія, обнаруживая этимъ всю глубину своей пассивной чувственности. Она жила исключительно только однимъ тѣломъ, и ея сознательность не шла далѣе чисто физическихъ ощущеній, отъ которыхъ она могла и страдать, но чаще сладострастно упивалась чувственной нѣгой пріятныхъ ощущеній. Я никакъ не могъ свыкнуться съ ея глазами, и каждый разъ, когда она останавливала

на мнѣ свои огромные, прекрасные, ничего не выражающіе глаза, широко раскрытые для дневнаго свѣта и словно закрытая книга для каждаго, кто желалъ бы прочесть въ нихъ что-нибудь, каждый разъ, когда мнѣ приходилось видѣть быстрое измѣненіе въ ея зрачкахъ, которые то суживались, то расширялись въ одно мгновеніе ока, я самъ не могъ понять, что тогда дѣлалось со мной; на меня находило нѣчто, чему я не могу подыскать подходящаго названія. Какое-то смѣшанное чувство горькаго разочарованія, раздраженія, отвращенія заставляло болѣзненно дрожать всѣ мои нервы; короче, я положительно физически не могъ выносить ея взгляда. Въ этотъ день я тщетно пытался завязать съ ней бесѣду, наводя разговоръ на самые разнообразные предметы, и, наконецъ, перевелъ его на ея дочь. Но и этотъ предметъ, повидимому, оставлялъ ее совершенно равнодушной. Она сказала только про нее, что она «хорошенькая», и это было все, что было доступно ея пониманію; выше этой похвалы для нея ничего не существовало, какъ для дѣтей. Всякое же болѣе высокое пониманіе душевныхъ качествъ ея дочери было свыше ея способностей. А когда я замѣтилъ, что Олалья кажется молчалива, то моя собесѣдница весьма безцеремонно зѣвнула мнѣ прямо въ лицо и затѣмъ возразила, что она не видитъ толка въ разговорѣ, когда сказать нечего.—Люди много болтаютъ, очень много,—добавила она и опять раскрыла для протяжнаго зѣвка свой прелестный, красивый, какъ игрушка, ротъ. На этотъ разъ я понялъ ея намекъ и, предоставивъ ей мирно дремать, пошелъ наверхъ въ мою комнату, гдѣ сѣлъ къ окну и сталъ глядѣть на горы, не видя ихъ, потому что тотчасъ же погрузился въ радужныя мечты и въ глубокія сладкія думы, мысленно прислушиваясь къ звукамъ голоса, котораго я никогда еще не слышалъ.

На пятый день послѣ первой моей встрѣчи съ Олальею я проснулся окрыленный надеждами, которыя, казалось, слали вызовъ самой судьбѣ. Теперь я былъ увѣренъ въ себѣ и въ своемъ чувствѣ; теперь я окончательно разобрался въ немъ, и и на душѣ и на сердцѣ у меня было легко. Я былъ полонъ рѣшимости высказать, наконецъ, мою любовь въ словахъ и поставить кого слѣдуетъ въ извѣстность о ней. Я рѣшилъ снять съ нея печать молчанія; она не должна была долѣе оставаться безмолвнымъ обожаніемъ, находящимъ себѣ выраженіе только во взглядѣ. Она не должна была жить только въ однихъ глазахъ, а наполнять собою все наше существо! Не должна была уподоб-

ляться чувству безсловесныхъ животныхъ, а должна была облечься въ живую форму рѣчи, найти себѣ выраженіе въ прекраснѣйшихъ словахъ и получить всѣ радости человѣческаго сближенія и тѣснаго общенія. И я думалъ объ этомъ, окрыленный самыми радужными надеждами, готовый безбоязненно вступить, какъ въ какую-нибудь обѣтованную страну, въ неизвѣданныя дебри ея души. Они не страшили меня, а, напротивъ того, влекли и манили. Но когда я встрѣтилъ ее, страсть снова нахлынула на меня съ такой непонятной силой, что умъ мой помутился, его какъ будто захлестнуло этой горячей волной; слова не шли у меня съ языка, я совершенно утратилъ способность говорить; я только молча приближался къ ней, какъ усталый путникъ подходитъ къ краю обрыва или пропасти. Она немного отступила назадъ, когда я сталъ подходить къ ней, но не отрывала глазъ своихъ отъ меня, и этотъ взглядъ ее звалъ и манилъ меня къ себѣ. Наконецъ, когда я подошелъ достаточно близко, чтобы она могла коснуться меня, я остановился. Словъ у меня не было, но если бы я сдѣлалъ еще одинъ шагъ, я могъ бы молча прижать ее къ своей груди и удержать ее на моемъ сердцѣ. Все, что во мнѣ было здраваго, честнаго и непорабощеннаго еще страстью, возмутилось при одной мысли о подобномъ поступкѣ. Такъ мы стояли съ минуту, пожирая другъ друга глазами, и, казалось, вся душа наша перешла въ этотъ долгій напряженный взглядъ. Мы стояли такъ чувствуя непреодолимое тяготѣніе другъ къ другу и въ то же время противясь ему изо всѣхъ силъ, сознавая взаимное влеченіе и стараясь побороть его; наконецъ, сдѣлавъ надъ собой страшное усиліе и ощущая въ душѣ горечь разочарованія, я повернулся и молча пошелъ прочь.

Какая непонятная сила сковывала мнѣ уста? А она—почему и она хранила молчаніе? Почему она отступала молча передо мной, не сводя съ меня очарованныхъ глазъ? Неужели это была любовь? Или же просто животное влеченіе, безсознательное и неизбѣжное, подобное силѣ магнита, притягивающаго къ себѣ сталь? Мы ни разу не говорили, мы были совершенно чужіе другъ другу, и тѣмъ не менѣе какая-то странная, непостижимая сила, словно рука гиганта, молча толкала насъ другъ къ другу. Что касается меня, то меня это раздражало и сердило, хотя я былъ увѣренъ, что она дѣвушка достойная; я видѣлъ ея книги, я читалъ ея стихи и такимъ образомъ до извѣстной степени могъ судить о ея душѣ, о ея нравствен-

ныхъ качествахъ; но она, что она знала обо мнѣ? И при этой мысли у меня пробѣгала дрожь по всему тѣлу. Обо мнѣ она не знала ничего, кромѣ моей внѣшности; значитъ, ее влекло ко мнѣ простою силою физическаго притяженія, какъ падающій камень влечетъ къ землѣ. Ею руководилъ просто физическій законъ, и онъ противъ воли ея, быть можетъ, кидалъ ее въ мои объятія. При мысли о подобномъ бракѣ я невольно отступалъ назадъ. Не такой любви я желалъ! Я хотѣлъ быть любимымъ иной любовью, и я начиналъ ревновать ее къ ея же собственной наружности; и затѣмъ мнѣ становилось страшно жаль ее. Я представлялъ себѣ, какое униженіе она должна была испытывать отъ сознанія, что она, строгая отшельница, посвятившая себя наукѣ, святая руководительница Филиппа, что она должна была признаться себѣ и мнѣ въ непреодолимомъ влеченіи къ мужчинѣ, съ которымъ она никогда не обмѣнялась даже парой словъ. И какъ только явилась жалость, такъ она тотчасъ же потопила всѣ остальныя чувства и мысли, и я теперь желалъ лишь одного—разыскать ее, утѣшить, успокоить и обнадежить, увѣрить ее, какой святой взаимностью я отвѣчаю на ея любовь, сказать, что выборъ ея, сдѣланный случайно, наугадъ, все же не совсѣмъ недостоинъ ея.

На слѣдующій день была великолѣпная погода; надъ вершинами горъ высился глубокій лазоревый сводъ, словно громадный голубой куполъ. Легкій вѣтерокъ, шелестящій въ листвѣ, и плескъ и шумъ бѣгущихъ въ горахъ ручейковъ и потоковъ наполняли воздухъ плѣнительною, нѣжной музыкой чарующихъ звуковъ. Но я былъ удрученъ своими мыслями, я изнемогалъ отъ тоски. Сердце мое надрывалось и плакало по Олальѣ, какъ ребенокъ плачетъ по отсутствующей матери. Я сидѣлъ на большомъ камнѣ на краю одного изъ утесовъ, обращенныхъ къ сѣверу и окаймляющихъ снизу то плато, на которомъ возвышалась «Ресиденсія». Отсюда я могъ видѣть внизу подо мной лѣсистую долину одного изъ горныхъ потоковъ, долину недоступную, какъ я полагалъ, человѣческой ногѣ; въ ней не было ни одного жилья, ни одна живая душа не спускалась туда; но въ томъ настроеніи, въ какомъ я былъ въ это утро, я былъ особенно радъ тому, что эта долина была безлюдна. Въ ней недоставало Олальи! И я думалъ о томъ, какое несравненное блаженство, какое счастье было бы провести цѣлую жизнь съ ней въ этой безлюдной долинѣ, на этомъ живительномъ воздухѣ, да-

ющемъ человѣку силу и мощь и радость бытія среди этой дикой и живописной природы, полной своеобразныхъ красотъ, въ этой поэтической обстановкѣ... Сначала я думалъ объ этомъ съ грустью, какъ о несбыточной мечтѣ, но потомъ у меня словно выросли крылья, меня охватила безумная, бѣшеная радость, я почувствовалъ въ себѣ приливъ новыхъ силъ, ощутилъ въ себѣ такую мощь, словно я былъ Самсонъ и Титанъ, и могъ перевернуть весь міръ.

И вдругъ, я увидѣлъ, что Олалья приближалась сюда. Она появилась, точно видѣніе, изъ темной рощицы пробковыхъ деревьевъ, и шла прямо на меня. Я вскочилъ на ноги и ждалъ ее. На ходу она казалась мнѣ воплощеніемъ силы, граціи, легкости и быстроты, созданьемъ полнымъ жизни и огня, а между тѣмъ она шла медленно, спокойно. Но даже въ самой этой медленности чувствовалась ея необычайная сила воли, ея энергія. Если бы не эта сила воли, я чувствовалъ, что она понеслась бы ко мнѣ, какъ ураганъ, полетѣла бы, какъ птица. Но она шла медленно и увѣренно, опустивъ глаза въ землю, и за все время она ни разу не подняла ихъ на меня. Когда она подошла ко мнѣ совсѣмъ близко, она заговорила, все такъ же не глядя на меня. При первыхъ звукахъ ея голоса я вздрогнулъ. Это было послѣднее испытаніе моего чувства къ ней. И что же, выговоръ ея былъ чистъ и ясенъ: она не лепетала и не глотала словъ, произнося ихъ какъ-то неявственно, по-дѣтски, какъ Филиппъ и ея мать, а голосъ ея, хотя болѣе низкій, чѣмъ у большинства женщинъ, былъ тѣмъ не менѣе свѣжій, молодой и женственный. Она говорила густымъ груднымъ контральто, нѣсколько глухимъ, но мелодичнымъ и пѣвучимъ; этотъ голосъ не только шелъ прямо къ моему сердцу, но онъ говорилъ мнѣ о ней, онъ былъ для меня настоящимъ откровеніемъ, а между тѣмъ ея слова повергли меня въ отчаяніе.

— Вы уѣдете отсюда сегодня же!—сказала она.

И эти слова разомъ развязали мнѣ языкъ, словно они разрушили тѣ злыя чары, что обрекали меня на безмолвіе; съ меня какъ будто сняли тяжесть, давившую меня, точно меня освободили отъ колдовства или наговора, и рѣчь сама собою полилась изъ моихъ устъ, бурная, неудержимая, убѣжденная. Я не знаю, въ какихъ словахъ я отвѣчалъ, но знаю только, что, стоя передъ

ней, здѣсь на краю утеса, я излилъ передъ ней всю свою душу, высказалъ ей всю силу моей любви, говорилъ ей, что живу только мыслью о ней, сплю только для того, чтобы грезить о ней и видѣть ее хоть во снѣ, хоть во снѣ упиваться ея красотой, говорилъ, что готовъ отречься отъ своей родины, отъ родного языка, отъ родныхъ и друзей, для того, чтобы всю жизнь прожить подлѣ нея. А затѣмъ, сдѣлавъ надъ собой невѣроятное усиліе, я разомъ перемѣнилъ тонъ. Я сталъ успокаивать ее, утѣшать, сказалъ, что сразу понялъ и угадалъ, что у нея высокая и благородная душа, что она набожна, и что въ ней живетъ геройскій духъ, и что я отъ души могу всѣму этому сочувствовать и умѣю цѣнить въ ней эти качества и готовъ раздѣлять съ ней ея духовную жизнь.

— Голосъ природы,—сказалъ я,—это голосъ самого Бога, и ослушаніе его влечетъ за собой горе и погибель; и если насъ противъ воли влечетъ другъ къ другу, если въ насъ чудомъ родилась взаимная любовь, то это значитъ, что наши души сродны, что мы должно быть созданы другъ для друга. Это значило бы итти противъ Бога,—воскликнулъ я убѣжденно,—если бы мы вздумали итти противъ нашихъ инстинктовъ, вложенныхъ въ насъ Самимъ Богомъ!

Но она только отрицательно покачала головой на эти слова и повторила еще разъ:

— Вы уѣдете сегодня же.

Но вдругъ, махнувъ рукой, она пронзительно выкрикнула:

— Нѣтъ, не сегодня! Завтра!

При этомъ послабленіи я вдругъ почувствовалъ приливъ новыхъ силъ, у меня откуда-то родилось мужество и смѣлость, и, протянувъ къ ней руки со страстнымъ призывомъ, я произнесъ ея имя, а она, не помня себя, кинулась въ мои объятія и повисла на мнѣ. Горы зашатались, заколыхались передо мной; земля дрожала у насъ подъ ногами; я ощутилъ сотрясеніе, какъ отъ сильнаго электрическаго тока, какъ отъ удара, и это сотрясеніе прошло по всѣмъ моимъ членамъ и ослѣпило и ошеломило меня. Но уже въ слѣдующій за симъ моментъ она оттолкнула меня отъ себя, рѣзкимъ движеніемъ вырвалась изъ моихъ объятій и бѣжала отъ меня съ быстротой лани, преслѣдуемой охотникомъ, и скрылась въ чащѣ пробковыхъ деревьевъ.

А я стоялъ и въ опьяненіи взывалъ къ горамъ, призывая ихъ въ свидѣтели моего счастья. Я славилъ Бога и всю природу, и

когда я нѣсколько успокоился и пошелъ домой, я словно не ступалъ по землѣ, а леталъ по воздуху. Она отсылала меня прочь отъ себя, но стоило мнѣ назвать ее по имени и протянуть къ ней руки, и она падала въ мои объятія. Нѣтъ, это была минутная слабость, присущая ея полу,—отгонять отъ себя любимое существо,—слабость, отъ которой даже и она, сильнѣйшая изъ себѣ подобныхъ, была не свободна. Уѣхать? Нѣтъ! Нѣтъ, Олалья, я не могу, я не долженъ уѣхать! О, Олалья! О, моя несравненная Олалья!.. Вблизи гдѣ-то запѣла птичка, а въ это время года здѣсь птицы почти не поютъ. Я счелъ это за доброе предзнаменованіе. И снова вся природа кругомъ меня, начиная съ величавыхъ и неподвижныхъ горъ и кончая мельчайшимъ листочкомъ или свѣтлячкомъ, тамъ въ тѣни рощи, или быстро летящей мошкой, все какъ будто встрепенулось и ожило и повеселѣло, и все какъ будто ликовало вмѣстѣ со мной. Солнце ударяло на скаты горъ съ такой силой, какъ молотъ бьетъ по наковальнѣ, и казалось, что горы содрогались, а земля подъ этими жгучими лучами, словно разнѣжившись, издавала опьяняющій ароматъ, и лѣса точно зардѣлись отъ его пламенныхъ лучей. Я чувствовалъ, какъ трепетъ творчества и восторга созидательныхъ силъ природы пробѣгалъ въ нѣдрахъ земли. И то, что было стихійнаго, грубаго, сильнаго и дикаго въ той любви, которая теперь пѣла свой торжествующій гимнъ въ моемъ сердцѣ, являлось для меня какъ бы ключемъ для разрѣшенія великихъ тайнъ природы. Даже тѣ камни, что скатывались у меня изъ-подъ ногъ, когда я ступалъ по нимъ, казались мнѣ теперь дружественными и живыми. «Олалья!» Это ея прикосновеніе ко мнѣ ускорило бьющійся во мнѣ пульсъ жизни, обновило и возродило меня; оно пробудило во мнѣ прежнее единеніе съ матерью землей, когда нашъ пульсъ и сердце бьются заодно съ окружающей насъ природой, когда это біеніе захватываетъ духъ, когда душа какъ будто расширяется и способна объять всю природу и слиться съ ней, утонуть и раствориться въ ней,—словомъ то, чему такъ легко разучаются люди, что они совершенно забываютъ, живя въ своемъ благовоспитанномъ кругу. Любовь во мнѣ горѣла, какъ пожаръ, и нѣжность становилась свирѣпой; я ненавидѣлъ и боготворилъ, я жалѣлъ и чтилъ ее въ какомъ-то бѣшеномъ экстазѣ. Мнѣ казалось, что она то звено, которое меня связуетъ и съ неодухотворенными предметами и съ чистымъ милосердымъ Божествомъ; въ ней я видѣлъ воплощеніе начала животнаго и боже-

ственнаго, сроднаго одновременно и непорочной чистотѣ, и разнузданнымъ дикимъ силамъ земныхъ страстей.

Съ одурманенной головой вернулся я на дворъ ресиденсіи, и при видѣ сеньоры меня словно осѣнило откровеніе. Она возлежала, какъ обыкновенно, грѣясь на солнцѣ, вся нѣга, лѣнь и самодовольство, усиленно щурясь подъ сверкающими лучами горячаго солнца, утопая въ блаженствѣ пассивнаго довольства своей судьбой и всѣмъ окружающимъ, спокойная и безмятежная, какъ существо, стоящее внѣ всякихъ житейскихъ треволненій и желаній; и передъ ней весь мой страстный пылъ разомъ пропалъ. Я почувствовалъ себя даже какъ будто пристыженнымъ. Остановившись на минуту и овладѣвъ собой, насколько это было возможно, насколько я могъ отдышаться отъ своего волненія, я обратился къ ней съ нѣсколькими словами. Она взглянула на меня съ своей невозмутимой, благодушной и доброй улыбкой и отвѣтила все тѣмъ же мягкимъ, пѣвучимъ, лѣнивымъ голосомъ неясно, неразборчиво, какъ сквозь сонъ, словно боясь нарушить свой сладкій покой, боясь разстаться съ тѣмъ царствомъ нѣги, мира и спокойствія, въ которомъ непрестанно пребывали всѣ ея чувства, въ невозмутимой сладкой дремотѣ, и тутъ во мнѣ впервые проснулось чувство почти благоговѣйнаго уваженія къ существу, столь невозмутимо незлобивому, невинному и счастливому,—и я ушелъ, внутренно дивясь въ ней ея уравновѣшенной безмятежности, а въ себѣ—своей собственной неусыпной тревогѣ и волненіямъ, своей вѣчной странной, безпокойной суетливости въ мысляхъ и чувствахъ и желаніяхъ.

Придя въ свою комнату, я увидѣлъ у себя на столѣ клочекъ той самой желтой бумаги, какую я видѣлъ тогда въ комнатѣ, выходящей на сѣверъ; онъ былъ написанъ карандашемъ и тѣмъ же почеркомъ, который я уже видѣлъ разъ—почеркомъ Олальи. Я схватилъ его съ чувствомъ необъяснимой тревоги, какъ бы предвидя что-то недоброе,—и сердце во мнѣ упало, когда я сталъ читать эти строки.

«Если вы питаете хоть какое-нибудь доброе чувство къ Олальѣ, и въ васъ есть хоть сколько-нибудь жалости къ существу, жестоко обиженному судьбой, то изъ состраданія, изъ чувства чести, ради того, кто всѣхъ насъ искупилъ своею смертью—я умоляю васъ, уѣзжайте!»

Нѣкоторое время я смотрѣлъ на эту записку, какъ ошеломленный, едва понимая, что происходитъ со мной; затѣмъ я

сталъ какъ будто пробуждаться, и во мнѣ сказалась такая жестокость, такое отвращеніе къ жизни, что солнце какъ будто померкло тамъ, на голыхъ скалистыхъ горахъ, и всего меня трясло какъ человѣка, объятаго безумнымъ страхомъ и ужасомъ. Раскрывшаяся вдругъ передо мной точно бездонная пропасть, пустота жизни, сразила меня, какъ физическій недугъ, обезсилила меня, лишила меня мужества, убила всякую надежду. То, что случилось, грозило не моей любви, не моему счастью,—оно грозило самой моей жизни.

— Я не могу жить безъ нея!—говорилъ я себѣ и стоялъ пришибленный, отупѣлый и твердилъ все одно и то же:—Я не могу жить безъ нея.—Едва сознавая, что я дѣлаю и зачѣмъ, я протянулъ впередъ руку, чтобы раскрыть раму, но какимъ-то образомъ попалъ въ стекло и высадилъ его. Кровь брызнула изъ перерѣзанной руки, и безсознательный инстинктъ самосохраненія мгновенно заставилъ меня очнуться. Ко мнѣ вернулось и полное сознаніе, и самообладаніе, и я тотчасъ же поспѣшилъ зажать рану пальцемъ другой руки, чтобы остановить брызжущую фонтаномъ кровь. Затѣмъ я сталъ размышлять, что мнѣ дѣлать. Въ этой пустой комнатѣ не было рѣшительно ничего, чѣмъ бы я могъ помочь себѣ, а между тѣмъ я чувствовалъ, что нуждаюсь въ чьей-нибудь помощи. И вдругъ у меня мелькнула мысль, что сама Олалья могла бы мнѣ помочь, и съ этой мыслью я спустился внизъ по лѣстницѣ, продолжая зажимать пальцами рану.

Но нигдѣ не было видно ни Олальи, ни Филиппа, и тогда я побрелъ въ нишу, въ самую глубь которой теперь удалилась сеньора и дремала, сидя передъ огнемъ камина. Никакая жара не казалась ей излишней.

— Простите, что я потревожилъ васъ,—сказалъ я,—но я вынужденъ обратиться къ вамъ за помощью.

Она взглянула на меня сонливымъ томнымъ взглядомъ и освѣдомилась, въ чемъ дѣло. Но не успѣла она еще договорить своей фразы, какъ я замѣтилъ, что она потянула въ себя воздухъ, раздувъ ноздри, и вдругъ какъ будто совершенно проснулась и даже оживилась.

— Я порѣзалъ руку, и, какъ видите, довольно сильно,—сказалъ я,—посмотрите!—И я протянулъ къ ней обѣ руки, съ которыхъ капала и струилась кровь!

При этомъ ея громадные глаза широко раскрылись, зрачки

сузились до того, что превратились въ едва замѣтныя точки; съ лица ея словно упала маска; оно было полно сильнѣйшей выразительности, но то, что оно выражало въ данный моментъ, никто не могъ бы этого опредѣлить. И въ то время, когда я стоялъ передъ ней и дивился происходившей въ ней перемѣнѣ, ея странному возбужденію, она вдругъ быстро приблизилась ко мнѣ, схватила мою руку, поднесла ее къ своему рту и въ тотъ же моментъ впилась въ нее зубами, и прокусила чуть не до самой кости. Боль отъ укуса и брызнувшая изъ раны кровь, а главнымъ образомъ невыразимое отвращеніе, вызванное во мнѣ этимъ мерзкимъ поступкомъ, все разомъ слилось во мнѣ въ одно общее чувство гнѣва и негодованія, подъ впечатлѣніемъ котораго у меня достало силы оттолкнуть ее отъ себя. Но она кинулась на меня, и я опять оттолкнулъ ее; она же продолжала кидаться на меня, какъ разъяренное животное, съ дикими криками, которые были мнѣ знакомы и которыхъ я не могъ не узнать. Это были тѣ самые крики, которые разбудили меня въ ту ночь, когда здѣсь бушевала буря. Вмѣстѣ съ возбужденіемъ ея безумія возрастала и ея сила, мои же силы падали быстро, вслѣдствіе большой потери крови; кромѣ того, въ головѣ у меня все мутилось отъ неожиданности этого нападенія; я до того ослабѣлъ, что уже не могъ сопротивляться, я только отступалъ передъ ней; но теперь я былъ уже припертъ къ стѣнѣ и отступать мнѣ было некуда. Вдругъ между нами кинулась Олалья, и почти одновременно съ ней я увидѣлъ Филиппа, который однимъ прыжкомъ наскочилъ на мать, повалилъ ее на полъ и старался удержать ее своими сильными руками, не давая ей подняться. Я до того ослабъ, что не могъ пошевелить ни рукой, ни ногой, не могъ произнести ни единаго слова; я едва сознавалъ, что вокругъ меня происходитъ, и видѣлъ, и слышалъ все какъ сквозь сонъ. Я видѣлъ, какъ борющіеся катались по полу, слышалъ крики безумной, оглашавшіе воздухъ, видѣлъ, какъ она бѣшено вырывалась изъ рукъ державшихъ ее, силясь добраться до меня; она рвалась ко мнѣ, не видя ничего передъ собою, рвалась съ дикимъ крикомъ и воемъ, какъ посаженный на цѣпь песъ. Я чувствовалъ, какъ Олалья схватила меня обѣими руками, какъ распустившіеся волосы ея упали мнѣ на лицо, и какъ она съ силой, которой могъ бы позавидовать мужчина, подняла меня и понесла наверхъ по крутой каменной лѣстницѣ, въ мою комнату.

Здѣсь она положила меня на кровать. Все это время я былъ въ состояніи полной прострации; я съ трудомъ могъ поднять вѣки чтобы видѣть, какъ сквозь туманъ, то, что происходило вокругъ меня. Опустивъ меня на кровать, она поспѣшила къ двери и заперла ее на ключъ, затѣмъ простояла еще нѣсколько секундъ у запертой двери, прислушиваясь къ дикимъ крикамъ, потрясавшимъ самыя стѣны. Въ слѣдующій моментъ легка и быстра, какъ мысль, она была уже у моей постели и съ ловкостью хирурга перевязывала мою израненную руку; при этомъ она прижимала ее къ своему сердцу, гладила и ласкала ее, причитая надъ ней, какъ надъ больнымъ ребенкомъ, воркуя нѣжно, какъ тоскующая голубка, но воркуя безмолвно, безъ словъ. Словъ не было, это были просто тихіе, ласкающіе звуки, какъ жалобная музыка, звуки, которые были прекраснѣе всякихъ словъ, до того они были трогательны, пѣвучи и нѣжны, чарующи до безконечности!

И вотъ въ то время, когда я такъ лежалъ, въ полузабытьѣ, прислушиваясь къ этимъ своеобразнымъ звукамъ, которые нѣжили, голубили и какъ бы баюкали меня, у меня въ головѣ вдругъ родилась мысль, которая меня больно кольнула въ самое сердце. Все мое существо содрогнулось, точно мнѣ въ трудь вонзили отравленный кинжалъ и стали точить меня, какъ червь точитъ цвѣтокъ или листокъ. Да, это были чудесные звуки, и вызвало ихъ чувство жалости и пѣжности, добрыя человѣческія чувства, но сами они, эти звуки, были ли это человѣческіе звуки?

Весь день я пролежалъ недвижимо. Долго, долго раздавались по всему дому дикіе, звѣриные крики этой женщины-самки, боровшейся со своимъ полуумнымъ дѣтенышемъ, возбуждая во мнѣ ужасъ и отвращеніе и доводя меня до отчаянія. Это были предсмертные крики моей любви; надъ ней совершили убійство; ее убили на моихъ глазахъ! Она не только умерла, но еще стала оскорбленіемъ для меня. И все же, что бы я ни думалъ и что бы я ни чувствовалъ, я сознавалъ, что эта любовь попрежнему переполняетъ мою душу и сладостно волнуетъ мое сердце, подымая въ немъ цѣлую бурю страсти, нѣжности и скорби и обиды. Глядя на Олалью и чувствуя ея прикосновеніе, я невольно таялъ; всякое возмущеніе, всякое отвращеніе, всякое разумное сужденіе замирало во мнѣ. Даже весь ужасъ и омерзеніе того,

что теперь предстало передъ моими глазами, и то сомнѣніе, которое сейчасъ только закралось въ мою душу относительно самой Олальи, ни даже дикая, звѣрская, нечеловѣческая черта, проглядывавшая не только во всѣхъ поступкахъ и во всемъ поведеніи ея семьи, но находившая себѣ мѣсто и въ нашей взаимной любви, въ первоначальныхъ нашихъ отношеніяхъ, все это, хотя и пугало, и оскорбляло, и отталкивало меня, но тѣмъ не менѣе было не въ силахъ окончательно порвать узы моего очарованія.

Когда, наконецъ, крики внизу прекратились, мнѣ послышалось, что кто-то скребется у моихъ дверей, и я зналъ, что это Филиппъ. Олалья встала и пошла къ двери и, выйдя за порогъ, о чемъ-то говорила съ нимъ, но о чемъ, я не знаю. За исключеніемъ этого непродолжительнаго отсутствія она ни на минуту не отходила отъ меня все это время; то она стояла на колѣняхъ у моего изголовья и горячо молилась, то сидѣла совсѣмъ близко подлѣ меня и не сводила съ меня глазъ. Такъ что я въ продолженіе цѣлыхъ шести часовъ могъ безпрепятственно упиваться ея красотой и молча читать въ ея чертахъ исторію нашей любви. Я видѣлъ золотую монету, лежащую на ея пышной груди, видѣлъ ея глаза, то вспыхивавшіе, то будто угасавшіе, то прояснявшіеся, то вдругъ темнѣвшіе, но неизмѣнно говорившіе мнѣ о неизмѣримой добротѣ. Я восхищался безупречной красотой ея лица, улавливалъ черезъ складки одежды безупречныя линіи ея тѣла, а тѣмъ временемъ стала надвигаться ночь, и въ сгущающемся постепенно мракѣ моей комнаты чудный образъ ея начиналъ какъ бы расплываться и таять; но и тогда нѣжное прикосновеніе ея руки, покоившейся въ моей, говорило мнѣ о ней, о ея присутствіи, и я чувствовалъ, что и она говорила со мной. Лежать часами такъ, въ полномъ изнеможеніи, смертельно ослабѣвъ, и молча упиваться красотой и лаской своей возлюбленной, и не дать возродиться своей любви, помѣшать ей воскреснуть и ожить отъ какихъ бы то ни было потрясеній и разочарованій—да развѣ это было возможно? — спрашивалъ я себя. И теперь я умышленно закрывалъ глаза на всѣ ужасы, и снова у меня являлось мужество и смѣлость, и я готовъ былъ мириться съ самымъ худшимъ, готовъ былъ пренебречь всѣмъ на свѣтѣ. И что изъ того, если это громадное чувство надо всѣмъ брало верхъ, если оно было сильнѣе всего остальнаго; что изъ того,

если ея глаза попрежнему покоряютъ и манятъ меня, если и теперь, какъ раньше, каждый фибръ моего существа томится по ней, жаждетъ ея, тянется къ ней?!.. Поздно ночью я вдругъ почувствовалъ приливъ новыхъ силъ, я какъ будто вновь ожилъ и могъ говорить.

— Олалья,—сказалъ я, но такъ тихо, что самъ едва разслышалъ свой голосъ,—Олалья, все это ничего не значитъ; я ничего знать не хочу. Мнѣ все равно! Я счастливъ, потому, что я васъ люблю.

Вмѣсто отвѣта она встала на колѣни у моей кровати и долго молилась... Я съ нѣмымъ благоговѣніемъ слѣдилъ за ней. Тѣмъ временемъ взошла луна, и свѣтъ ея упалъ косымъ лучомъ во всѣ три окна моей комнаты, освѣтивъ ее трепетнымъ мягкимъ свѣтомъ, таинственнымъ и неяснымъ, который, однако, позволялъ мнѣ видѣть Олалью, хотя и смутно, но достаточно, чтобы различать ея движенія и черты. Когда она, наконецъ, встала съ колѣнъ, я видѣлъ, что она перекрестилась, а затѣмъ уже обратилась ко мнѣ.

— Говорить должна я,—сказала она,—а вы, вы должны слушать. Я знаю, а вы, вы можете только догадываться! Я молилась, о, какъ я молилась за васъ, чтобы вы уѣхали отсюда! Я просила и васъ объ этомъ, и я знаю, что вы исполнили бы мою просьбу, даже и эту, что бы вамъ это ни стоило; позвольте мнѣ думать, что вы бы это сдѣлали для меня.

— Я васъ люблю,—сказалъ я.

— А между тѣмъ вы жили въ свѣтѣ,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія,—вы мужчина, вы человѣкъ умный и разсудительный, а я почти ребенокъ. Простите же меня, если я какъ будто берусь васъ учить; я столь же невѣжественная, какъ вотъ эти деревья, что растутъ у насъ въ горахъ; но мнѣ кажется, что люди, которые учатся очень многому, только касаются поверхности вещей; они усваиваютъ себѣ общіе законы, они могутъ объять все величіе даннаго предмета, все его великое значеніе, но ужасъ живого факта ускользаетъ отъ нихъ. Мы, безвыходно остающіяся дома, среди всего этого зла, мы постоянно помнимъ о немъ, мы знаемъ настоящую его силу и значеніе, и на насъ лежитъ долгъ — предостеречь и пощадить. Уѣзжайте лучше, уѣзжайте теперь же, но не забывайте меня. Пусть я буду жить въ счастливомъ сознаніи. что я занимаю хоть небольшое

мѣстечко въ вашемъ сердцѣ и въ вашей памяти. И тамъ я буду жить такой же собственной обособленной жизнью, какъ та, которой я живу теперь въ своемъ собственномъ тѣлѣ. Да, я буду жить въ васъ, какъ и въ себѣ самой.

— Я люблю васъ,—сказалъ я опять въ отвѣтъ на ея слова и съ трудомъ протянувъ свою ослабѣвшую руку.

Взявъ ея руку, я медленно поднесъ ее къ своимъ губамъ и припалъ къ ней долгимъ поцѣлуемъ. Она не отдернула у меня руки, а только вздрогнула слегка, и при этомъ я замѣтилъ, что она взглянула на меня, сдвинувъ брови; но взглядъ ея былъ не гнѣвный, не сердитый, а только печальный и смущенный. Затѣмъ, призвавъ, какъ видно, на помощь всю свою рѣшимость, она привлекла къ себѣ мою руку и, наклонясь немного впередъ, прижала ее къ своему сильно бьющемуся сердцу.

— Вотъ!—воскликнула она.—Теперь вы чувствуете біеніе моего сердца; это самый пульсъ моей жизни! Оно живетъ и бьется только для васъ; оно всецѣло ваше! Но вмѣстѣ съ тѣмъ я спрашиваю себя, мое ли оно? Конечно, оно мое настолько, что я могу отдать его вамъ, какъ могла бы отдать вамъ вотъ эту монету, снявъ ее съ своей шеи, какъ могла бы отдать вамъ вѣтку, отломанную мною отъ дерева. Но вѣдь въ сущности, развѣ все это мое?.. Мнѣ кажется, что я живу гдѣ-то далеко (если только я вообще существую, какъ самостоятельное существо), гдѣ-то внѣ этого бреннаго грѣшнаго тѣла, въ которомъ я заключена точно безсильный и безпомощный узникъ въ своей тюрьмѣ; но меня, мою живую душу здѣсь влачитъ за собою толпа предковъ, которая стремится обезсилить меня, толпа, которую я презираю, отъ которой я отрекаюсь всѣми силами моей души. Это сердце, такое, какое бьется въ груди каждаго животнаго, признало васъ своимъ господиномъ; при первомъ вашемъ прикосновеніи оно рвется къ вамъ! Да, оно любитъ васъ! Но душа моя, любитъ ли она васъ? Я думаю, что нѣтъ; впрочемъ, я сама этого не знаю, я боюсь даже спросить себя объ этомъ, боюсь задать себѣ этотъ вопросъ. Я знаю только; что когда вы говорили со мной, то слова ваши шли отъ души; вы спрашивали меня отъ души, вы только ради души моей желали бы назвать меня своей. Вамъ нужна моя душа! Да?

— Олалья,—возразилъ я,—вѣдь душа и тѣло одно, и въ любви они почти всегда нераздѣльны: то, что избрало наше тѣло,

то любитъ и наша душа! Къ чему насъ влечетъ тѣло, туда льнетъ и душа! Потому что всѣ мы состоимъ изъ тѣла и души, а потому тѣло для тѣла и душа для души! По Божію велѣнію они соединились воедино; низменное чувство, если только можно назвать его низменнымъ, т. е. чувство физическое, также вполнѣ законное и естественное, служитъ у человѣка ступенью къ высшему чувству, т. е. чувству духовному.

Она молчала, а спустя немного она спросила:

— Видѣли вы портреты моихъ предковъ здѣсь, въ этомъ домѣ? Всматривались ли вы внимательно въ мою мать или въ Филиппа? Неужели вашъ взглядъ никогда не останавливался вотъ на этомъ портретѣ, висящемъ здѣсь противъ вашей кровати? Та, съ которой писанъ этотъ портретъ, умерла много лѣтъ тому назадъ, но она много надѣлала зла въ своей жизни... Теперь посмотрите на ея руки, вѣдь это мои руки, до мельчайшихъ подробностей мои!.. А эти глаза? Вѣдь они тоже мои! А волосы? Все у нея мое или, вѣрнѣе, у меня ея! Послѣ того, скажите мнѣ, что же у меня мое? Мое собственное, не унаслѣдованное отъ нихъ? И что же я сама такое, если ни одна малѣйшая черта во всемъ этомъ тѣлѣ, которое вы любите, изъ-за котораго вы воображаете, что любите меня, если ни одинъ жестъ не мой, если въ каждомъ моемъ движеніи и взглядѣ невольно сказывается цѣлый рядъ другихъ женщинъ; если ни одинъ звукъ моего голоса, ни одинъ взглядъ моихъ глазъ даже и теперь, когда я смотрю на самое дорогое мнѣ существо, когда я говорю съ любимымъ человѣкомъ, если они не исключительно мои! Все это уже раньше было чье-то; принадлежало другимъ, отдавалось другимъ, другимъ давно отжившимъ и давно умершимъ женщинамъ, смотрѣвшимъ на другихъ мужчинъ вотъ этими же самыми глазами; онѣ ласкали другихъ мужчинъ вотъ этими же самыми руками, и другіе мужчины слышали слова любви и мольбу того же голоса, который теперь звучитъ въ вашихъ ушахъ. Руки давно умершихъ женщинъ лежатъ у меня на груди, онѣ меня толкаютъ, онѣ ведутъ меня, а я, я только кукла, маріонетка въ ихъ распоряженіи... Я только повтореніе прекрасной модели, я перевоплощеніе ихъ чертъ и свойствъ, ихъ атрибутовъ, давно ужъ устраненныхъ отъ всякаго зла и опущенныхъ въ тихую могилу. Такъ меня ли вы любите, спрашиваю я васъ! Меня ли, или же ту породу, которая меня произвела? Ту дѣвушку, которая не мо-

жетъ поручиться ни за одну малѣйшую частицу своего существа, или же тотъ могучій потокъ, котораго она является лишь кратковременнымъ притокомъ, быстро изсякающей маленькой струйкой. Любите ли вы то дерево, котораго она есть только скоропреходящій плодъ, или же самый этотъ бѣдный плодъ? Порода существуетъ несомнѣнно, она стара и въ то же время вѣчно молода и сильна; она несетъ въ себѣ свои предвѣчныя судьбы и свои неизмѣнныя черты и свойства, а въ ней, какъ волны въ морѣ, смѣняются одно другимъ поколѣнія и отдѣльныя личности, одаренныя какъ бы въ насмѣшку мнимой свободной волей; на дѣлѣ же они безсильны, а сильна въ нихъ только порода, сильна наслѣдственность, и ее имъ не побѣдить, не побороть, не уничтожить. Даже душа, о которой мы говоримъ, которую мы ставимъ выше всего, и та въ насъ родовая, наслѣдственная... Она живетъ въ роду!..

— Вы грѣшите противъ закона природы,—сказалъ я,—вы возстаете противъ воли Всевышняго, противъ Его голоса, говорящаго въ насъ, голоса столь плѣнительнаго, когда Онъ убѣждаетъ, и столь грознаго, когда Онъ повелѣваетъ. Прислушайтесь къ нему! Голосъ Божій это голосъ природы, говорящій въ насъ. Ваша рука невольно сжимаетъ мою, ваше сердце рвется навстрѣчу моему при одномъ моемъ прикосновеніи къ вамъ, и тѣ невидимые элементы, изъ которыхъ мы состоимъ, пробуждаются въ насъ одновременно и сливаются въ одно общее чувство и желаніе; при одномъ взглядѣ другъ на друга эта земная глина вдругъ вспоминаетъ о своей независимой жизни и жаждетъ нашего соединенія и возрожденія! Насъ влечетъ другъ къ другу какая-то непонятная сила; та самая, что руководитъ движеніемъ звѣздъ въ пространствѣ, та самая, что создаетъ на морѣ приливы и отливы, сила закона вещей и законы природы, которые старѣе и сильнѣе насъ.

— Увы,—промолвила она,—что могу я сказать вамъ на это?.. Мои предки 300 лѣтъ тому назадъ владѣли всей этой землей и всей этой провинціей и управляли ею какъ короли. Они были и мудры, и могущественны, и хитры, и коварны, и жестоки. Ихъ родъ былъ однимъ изъ славнѣйшихъ и знатнѣйшихъ въ Испаніи; подъ ихъ знамена становились люди, и ихъ знамена вели ихъ въ бой, и всюду ихъ знамена шли впереди! Короли называли ихъ своими кузенами, но люди, когда ихъ на арканахъ та-

щили на войну, когда они, придя домой, находили вмѣсто своихъ лачугъ и семей дымящіяся головни и кресты на кладбищѣ,—народъ ихъ проклиналъ и ненавидѣлъ. Впослѣдствіи все измѣнилось. Человѣкъ стоитъ выше животнаго, но ученые утверждаютъ, что онъ произошелъ отъ него, и если онъ могъ нѣкогда возвыситься надъ животнымъ, то, конечно, можетъ и снова снизойти до него, до своего прежняго уровня. Это мы видимъ воочію!.. Достигнувъ вершины славы и величія, мои предки почувствовали какъ бы пресыщеніе всѣмъ, чего они такъ добивались; на нихъ подуло вѣтромъ переутомленія, усталости и лѣни; ослабѣли туго натянутыя струны ихъ честолюбія и энергіи, въ нихъ начинало чувствоваться общее разслабленіе и постепенный упадокъ. Умъ у нихъ сталъ засыпать, но зато страсти пробуждались съ удвоенною силой, неудержимыя и безразсудныя, и бушевали въ нихъ, проявляясь въ такихъ же бѣшеныхъ порывахъ, какъ вѣтеръ въ ущельяхъ нашихъ горъ. Физическая красота еще передавалась изъ поколѣнія въ поколѣніе, но руководящій жизнью человѣка разумъ и сердечныя качества уже не наслѣдовались въ прежней мѣрѣ. Сѣмена давали плодъ, плодъ облекался мясомъ, мясо наростало на кости, но и кости и мясо есть и у животныхъ, а это были такія же кости и такое же мясо, а умъ ихъ былъ подобенъ уму мухъ! Я говорю вамъ то, что считаю себя вправѣ сказать вамъ, но вы видѣли сами, какъ колесо, олицетворявшее собою мой обреченный на гибель родъ, катится подъ гору. Я стою какъ будто на небольшомъ пригоркѣ посреди этого крутого ската и вижу все и впереди и позади себя; вижу все, что мы утратили уже, и все что еще ждетъ насъ впереди, все что еще можетъ грозить намъ и чего намъ никакъ не избѣжать. Я вижу, что намъ суждено катиться все ниже и ниже. Могу ли я, стоящая совсѣмъ особнякомъ въ этомъ жилищѣ мертвыхъ, моемъ бѣдномъ тѣлѣ, я, которой претитъ это наслѣдье родовое, могу ли я сознательно продлить это заклятье! Смѣю ли я приковать другую человѣческую душу, столь же возмущенную этимъ паденіемъ, какъ и моя, приковать на всю жизнь къ этому заклятому игралищу страстей, къ этому проклятому сосуду, въ которомъ поневолѣ томится моя душа! Могу ли я передать дальше проклятый этотъ сосудъ, наполнивъ его свѣжимъ ядомъ, т. е. новой жизнью? Могу ли кинуть этотъ зажженный горящій факелъ въ лицо потомству? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я дала обѣтъ, что этого не будетъ, и что

нашъ родъ отнынѣ прекратится! Онъ долженъ навсегда исчезнуть съ лица земли!.. Это рѣшеніе мое неизмѣнно, и ничто на свѣтѣ не заставитъ меня отказаться отъ него!.. Да, мой другъ, въ настоящую минуту мой братъ приготовляетъ тамъ внизу все для вашего отъѣзда, и скоро мы услышимъ его шаги на лѣстницѣ, и вы уѣдете съ нимъ отсюда навсегда! Вы навсегда уйдете изъ моихъ глазъ! Но молю васъ, думайте иногда обо мнѣ, вспоминайте о той, которой жизнь задала непосильно тяжелую задачу, и которая приняла ее безропотно и смѣло, съ твердой рѣшимостью выполнить ее, чего бы это ей ни стоило. Вспоминайте ту дѣвушку, которая горячо любила васъ, но такъ глубоко ненавидѣла себя, что даже самая любовь ея ей стала ненавистна!.. Да, вспоминайте Бога ради ту, которая удалила васъ отъ себя, но у которой не было высшаго желанія, какъ удержать васъ навсегда подлѣ себя, у которой не было лучшей надежды, какъ сумѣть забыть о васъ, ни большаго страха, чѣмъ страхъ при мысли быть забытой вами!

Говоря это, она постепенно отступала къ двери; ея глубокій грудной голосъ звучалъ все мягче удаляясь; съ послѣднимъ словомъ она переступила за порогъ и скрылась. Я остался лежать одинъ, въ освѣщенной луною комнатѣ. Мнѣ вдругъ стало невыносимо больно и жутко и сиротливо. Что бы я сдѣлалъ въ этотъ моментъ, если бы проклятая слабость не приковывала меня къ постели, я не знаю. Но я знаю, что въ своемъ полнѣйшемъ безсиліи я почувствовалъ жгучее отчаяніе, которое овладѣло всѣмъ моимъ существомъ.

Спустя немного, въ полуотворенную дверь моей комнаты упалъ рѣдкій свѣтъ фонаря, и затѣмъ вошелъ Филиппъ. Не произнеся ни слова, онъ подошелъ къ моей постели, взвалилъ меня себѣ на спину и пошелъ внизъ къ большимъ рѣшетчатымъ воротамъ, гдѣ насъ ожидала знакомая мнѣ тележка.

При мягкомъ лунномъ свѣтѣ, горы вырисовывались какъ-то особенно рѣзко,—какъ будто они были изъ картона. На слабо освѣщенной площади плато, изъ-за низкихъ сонныхъ деревьевъ, тихо колыхавшихся отъ дуновенія ночного вѣтерка, высился громадный, точно темная глыба скалы, каменный кубъ величественнаго зданія Ресиденсіи. Тяжелымъ и громоздкимъ и мрачнымъ казалось оно,—только съ сѣверной стороны, надъ главными воротами, темную массу зданія прорѣзывали точно три

открытые глаза,—три слабо освѣщенныя окна: то были окна комнаты Олальи. Я не сводилъ съ нихъ глазъ даже и тогда, когда телѣжка покатилась по дорогѣ, и только, когда дорога стала спускаться внизъ, въ лощину, эти окна навсегда исчезли у меня изъ глазъ. Филиппъ молча шагалъ подлѣ телѣжки, держась рукою за оглоблю; время отъ времени онъ оглядывался назадъ на меня, затѣмъ мало-по-малу приблизился ко мнѣ и ласково положилъ свою руку мнѣ на голову. Въ этой простой безмолвной ласкѣ, въ этомъ прикосновеніи его руки, было столько нѣжности, что слезы невольно брызнули у меня изъ глазъ,—какъ брызгаетъ кровь изъ лопнувшей артеріи.

— Филиппъ,—сказалъ я молящимъ голосомъ, — отвезите меня туда, гдѣ меня ни о чемъ не будутъ спрашивать.

Не проронивъ ни слова, Филиппъ повернулъ мула назадъ и, проѣхавъ нѣсколько саженъ по той самой дорогѣ, по которой мы только что ѣхали, свернулъ на другую дорогу, которая привела насъ въ горную деревеньку или, какъ у насъ говорятъ, село, или погостъ, такъ какъ въ ней была церковь и приходъ всей этой мало населенной мѣстности. Я смутно помню, что начинало свѣтать, что телѣжка остановилась передъ какимъ-то строеніемъ, что чьи-то руки подняли меня и внесли въ почти пустую комнату, съ голыми стѣнами и поломъ, затѣмъ я впалъ въ забытье или въ обморокъ и уже ничего больше я не помню. На другой день и во всѣ послѣдующіе дни меня навѣщалъ старикъ патеръ, тотъ самый, котораго я видалъ въ «Ресидепсіи». Онъ приходилъ нѣсколько разъ въ день и молча садился у моей постели, съ молитвенникомъ въ одной рукѣ и табакеркой въ другой. По прошествіи нѣкотораго времени, когда у меня понемногу стали возстанавливаться силы, онъ сказалъ мнѣ, что теперь я на пути къ выздоровленію, и что мнѣ пора подумать о томъ, чтобы какъ можно скорѣе поторопиться отъѣздомъ отсюда. Затѣмъ, не предвидя никакихъ возраженій отъ меня, онъ взялъ понюшку табаку и искоса взглянулъ на меня, видимо желая узнать, какое на меня произвели впечатлѣнія его слова. Я не сталъ прикидываться непонимающимъ; для меня было ясно, что онъ видѣлся это время съ Олальей, и что, торопя меня съ отъѣздомъ, онъ поступалъ согласно ея желанію.

— Достопочтимый отецъ, вамъ извѣстно,—сказалъ я,—что я спрашиваю васъ не изъ пустого любопытства,—скажите мнѣ, что это за семья?

На это онъ отвѣтилъ, что вся эта семья очень несчастная; что, повидимому, это вырождающійся родъ; что они очень бѣдны и сильно нуждаются, и что, вообще, они совсѣмъ одичали.

— Но во всякомъ случаѣ не она!—сказалъ я. Она, благодаря, вѣроятно,—вамъ, настолько образована, развита и умна, какъ рѣдкая изъ женщинъ!

— Да,—подтвердилъ старикъ,—сеньорита во многомъ хорошо освѣдомлена, но семья ея совершенно невѣжественна.

— И мать такъ же?—спросилъ я.

— Да, и мать тоже,—отозвался патеръ, нюхая табакъ.— Но Филиппъ юноша благонамѣренный,—добавилъ онъ.

— Мать странная женщина,—замѣтилъ я.

— Да, очень, очень странная,—согласился со мной патеръ.

— Мы съ вами, досточтимый отецъ, все ходимъ вокругъ да около,—сказалъ я,—вамъ должно быть извѣстно о моихъ дѣлахъ гораздо больше, чѣмъ вы желаете меня увѣрить; вы должны знать, что мое любопытство во многихъ отношеніяхъ имѣетъ оправданіе, что у меня есть серьезныя причины и основанія узнать все что только можно объ этой семьѣ. Будьте же откровенны со мной, прошу васъ!

— Сынъ мой,—сказалъ старикъ,—я буду вполнѣ откровененъ съ вами въ томъ, что входитъ въ область моей компетенціи, въ томъ, что мнѣ дѣйствительно извѣстно, но о чемъ самъ я ничего не знаю, я поневолѣ умолчу. Я не стану скрывать, я вполнѣ понимаю ваши намѣренія и то, чего вы желали бы отъ меня добиться;—но что могу я вамъ сказать, кромѣ того, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, и что Его пути неисповѣдимы!.. Я даже совѣтовался относительно этого вопроса съ моими начальствующими, но и они ничего не могли мнѣ сказать. Это великая тайна!

— Что она сумасшедшая?—спросилъ я.

— Я отвѣчу вамъ на это, согласно моему внутреннему убѣжденію,—сказалъ старикъ.—По-моему—нѣтъ. Или, по крайней мѣрѣ, она не была сумасшедшей раньше. Когда она была молода,—прости меня Господи, боюсь, что я тогда мало обратилъ вниманія на эту дикую овцу моего стада,—тогда, я могу сказать съ увѣренностью, она не была помѣшанной, но и тогда, я замѣчалъ въ ней, хотя, конечно, не въ такой степени, тѣ же странности и тѣ же склонности. То же самое раньше было

и съ ея отцомъ, который подъ конецъ жизни былъ несомнѣнно сумасшедшимъ; а раньше его тѣ же черты и склонности были у его отца, т. е. у ея дѣда, и даже у прадѣда, какъ утверждали старики, и это, быть можетъ, склонило меня слишкомъ легко смотрѣть на ея странности и не придавать имъ особенно серьезнаго значенія. Какъ видно, такія ненормальности возрастаютъ, усиливаются съ теченіемъ времени не только у отдѣльныхъ индивидовъ, но и въ самомъ роду.

— А когда она была молода,—началъ было я, но голосъ у меня порвался, и лишь съ большимъ усиліемъ я могъ докончить начатую фразу,—была она похожа на Олалью?

— О, Боже сохрани!—воскликнулъ патеръ.—Спаси насъ Господи отъ того, чтобы кто-нибудь могъ подумать такъ пренебрежительно о моей возлюбленной духовной дочери! Нѣтъ, нѣтъ, (за исключеніемъ ея внѣшней, физической красоты, — а какъ бы я отъ всей души желалъ, чтобы и этой красоты у нея было меньше) ни на волосъ, ни въ чемъ нѣтъ у нея сходства съ тѣмъ, какою была ея мать въ ея годы. Ахъ, какъ это вы могли допустить подобную мысль! Я положительно не могъ бы примириться съ мыслью, что въ васъ живетъ такое подозрѣніе. Нѣтъ, нѣтъ... Хотя одному небу извѣстно... быть можетъ, для васъ обоихъ было бы лучше, если бы вы продолжали такъ думать... Но все же это ужасно!

Старикъ совсѣмъ разволноі ался. Видя это, я приподнялся на постели и раскрылъ передъ нимъ всю мою душу. Я повѣдалъ ему и про нашу любовь, и про ея рѣшеніе; я подѣлился съ нимъ всѣми моими переживаніями, моимъ ужасомъ и минутами омерзенія и отвращенія, пережитыми мной подъ ихъ кровомъ, я признался ему во всѣхъ моихъ дикихъ фантазіяхъ, но сказалъ ему также, что теперь съ этимъ покончено, и въ заключеніе я обратился къ нему не съ чисто внѣшней покорностью, а съ искреннею просьбой подать мнѣ совѣтъ, высказать мнѣ свое мнѣніе о томъ, какъ мнѣ слѣдуетъ поступить.

Онъ очень терпѣливо выслушалъ меня до конца, но при этомъ не выказалъ ни малѣйшаго удивленія. И когда я кончилъ, онъ нѣкоторое время сидѣлъ молча и видимо обдумывалъ, что ему мнѣ сказать, или же хотѣлъ разобраться въ моихъ переживаніяхъ.

— Церковь,—началъ онъ и тотчасъ же оборвалъ на этомъ словѣ.—Простите, сынъ мой, я совершенно забылъ, что вѣдь вы не христіанинъ,—сказалъ онъ,—но все равно, я хотѣлъ вамъ сказать, что въ столь необычайномъ вопросѣ, въ столь исключительномъ случаѣ, даже и сама Святая Церковь не сказала своего рѣшающаго слова. Но если вы желаете услышать мое личное мнѣніе, то вотъ оно: лучшимъ судьею въ данномъ случаѣ несомнѣнно является сеньорита, и я на вашемъ мѣстѣ подчинился бы ея рѣшенію. Ей все лучше извѣстно, чѣмъ кому-либо изъ насъ, и она въ состояніи разсудить справедливо и разумно.

Послѣ этихъ словъ онъ всталъ и пожавъ мнѣ руку ушелъ, и съ того времени сталъ менѣе часто навѣдываться ко мнѣ; а когда я началъ вставать съ постели и выходить на улицу, онъ положительно избѣгалъ моего общества, какъ будто онъ боялся и старался отстранить отъ себя всякіе дальнѣйшіе разговоры со мной. Не то, чтобы онъ дѣлалъ это изъ чувства непріязни ко мнѣ, нѣтъ, но скорѣе такъ, какъ бы человѣкъ старался избѣгать встрѣчи съ задающимъ загадки сфинксомъ. Жители деревни тоже видимо избѣгали и сторонились меня;—съ большой неохотой соглашался кто-нибудь изъ нихъ служить мнѣ проводникомъ, когда я желалъ совершить прогулку въ горы, несмотря даже на то, что я всегда весьма щедро оплачивалъ ихъ трудъ. Сначала я думалъ, что они косятся на меня, и какъ я замѣчалъ, многіе, вѣроятно, болѣе суевѣрные изъ нихъ, даже осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ при моемъ приближеніи, потому что я, по ихъ мнѣнію, еретикъ, но вскорѣ я убѣдился, что главная причина ихъ отчужденія отъ меня крылась въ томъ, что я нѣкоторое время жилъ въ Ресиденсіи. Въ большинствѣ случаевъ люди моего уровня пренебрегаютъ дикими и суевѣрными взглядами темнаго крестьянства, но я при этомъ почему-то противъ воли ощущалъ какъ будто холодокъ, и мрачная тѣнь понемногу спускались на мою любовь и заволакивала ее словно саваномъ; она не то, чтобы совсѣмъ умерла въ моей душѣ,—нѣтъ, но прежней жгучей мучительной страсти уже не было. Всѣ эти мелочи не могли, конечно, убить во мнѣ любви, но я не смѣю отрицать, что онѣ до извѣстной степени обуздали мое увлеченіе и мой пылъ.

Въ нѣсколькихъ миляхъ къ западу отъ деревни Сіерра образовывала какъ бы широкую брешь, въ которую видно было все

зданіе Ресиденсіи съ прилегающими къ ней садомъ и огородомъ и все плато, на которомъ стояло это зданіе. Я взялъ привычку ежедневно ходить туда. На вершинѣ горы стоялъ лѣсъ, и какъ разъ въ томъ мѣстѣ гдѣ лѣсная тропинка выходила изъ чащи на открытое мѣсто, выступъ утеса точно навѣсъ свѣшивался надъ нимъ. На этомъ выступѣ стоялъ большой каменный крестъ съ Распятіемъ, въ натуральную величину. Распятіе это по рисунку и исполненію производило особенно тяжелое впечатлѣніе, но меня къ нему влекло неудержимо, и это мѣсто у креста было моимъ излюбленнымъ мѣстомъ, гдѣ я обыкновенно просиживалъ часами, изо дня въ день, глядя на знакомое плато и на величественное старое зданіе Ресиденсіи; иногда я видѣлъ Филиппа, который отсюда казался не больше мухи, видѣлъ, какъ онъ работалъ въ саду, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ. Иногда туманъ застилалъ мнѣ видъ на Ресиденсію, но затѣмъ вѣтеръ, приносившійся съ горъ, разгонялъ его, и тогда передъ моими глазами словно отдергивалась невидимой рукой завѣса; иногда вся долина подо мной дремала залитая солнцемъ, а въ другой разъ дождь сплошь застилалъ ее сѣрой пеленой, такъ что мнѣ ея совсѣмъ не было видно. Этотъ отдаленный наблюдательный постъ съ открывающимся съ него видомъ на тѣ мѣста, гдѣ моя жизнь испытала столь странный переворотъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ моему душевному настроенію. Здѣсь я проводилъ иногда цѣлые дни, обсуждая и взвѣшивая всѣ условія нашего взаимнаго положенія, то склоняясь на сторону голоса любви, то внимая голосу разсудка и осторожности, а въ концѣ концовъ оставаясь все въ томъ же положеніи неопредѣленности и нерѣшимости и попрежнему колеблясь между тѣмъ и другимъ.

Однажды, когда я сидѣлъ на своей скалѣ, по тропинкѣ изъ лѣса вышелъ высокій тощій крестьянинъ въ темномъ плащѣ; очевидно онъ былъ не здѣшній и не зналъ меня даже и по наслышкѣ, а потому, вмѣсто того, чтобы обойти меня стороной, онъ, напротивъ того, подошелъ ко мнѣ и присѣлъ на камень подлѣ меня. Вскорѣ между нами завязался разговоръ. Между прочимъ онъ сообщилъ мнѣ, что раньше онъ былъ погонщикомъ муловъ и въ былые годы много исходилъ горъ и всѣ эти горы знаетъ какъ свой дворъ, а впослѣдствіи онъ слѣдовалъ за

арміей со своими мулами, заработалъ маленькій капиталецъ и теперь живетъ на покоѣ со своей семьей.

— А вотъ это зданіе вы знаете?—спросилъ я, указывая ему на Ресиденсію; дѣло въ томъ, что мнѣ быстро наскучивалъ всякій разговоръ, отвлекавшій мои мысли отъ Олальи. Прежде, чѣмъ отвѣтить, мой собесѣдникъ посмотрѣлъ на меня мрачно и строго, а затѣмъ набожно перекрестился.

— Слишкомъ хорошо знаю,—промолвилъ онъ.—Въ этомъ проклятомъ гнѣздѣ одинъ изъ моихъ товарищей продалъ свою душу сатанѣ; защити насъ, Пресвятая Дѣва, отъ соблазна и искушенія!.. И заплатилъ онъ бѣдняга за это дорогою цѣной; теперь онъ вѣрно горитъ въ геевнѣ огненной, въ самомъ жаркомъ адскомъ пламени.

При этихъ его словахъ на меня вдругъ напалъ такой страхъ, что я не могъ сказать ни слова. Немного помолчавъ, бывшій погонщикъ муловъ продолжалъ, но такимъ тономъ, какъ если бы онъ говорилъ самъ съ собой.

— Да, хорошо, охъ, какъ хорошо знаю я это мѣсто. Я и самъ тамъ побывалъ, за порогомъ этого дьявольскаго гнѣзда! Стояла мятель, въ горахъ снѣгомъ проходы завалило, вѣтеръ вылъ, что лютый звѣрь, и гналъ передъ собой цѣлыя тучи снѣга, и кружилъ его; въ эту ночь въ горахъ была вѣрная смерть; но тамъ у очага было хуже смерти! Я схватилъ его за руку и силкомъ потащилъ его къ воротамъ; я молилъ его, упрашивалъ, уговаривалъ, заклиналъ всѣмъ, что у него было дорогого и любимаго на землѣ, чтобы онъ шелъ со мной; но нѣтъ! Я упалъ передъ нимъ на колѣни, на снѣгу, и звалъ его, и я видѣлъ, что онъ былъ тронутъ моей мольбой и готовъ былъ быть можетъ послѣдовать за мной; но какъ разъ въ эту минуту она вышла на галлерею и позвала его по имени. Онъ обернулся, а она стояла съ шандаломъ въ рукахъ и улыбкой манила его къ себѣ. Я громко взмолился къ Богу и обхватилъ его обѣими руками; держалъ крѣпко, но онъ оттолкнулъ меня и какъ обезумѣвшій побѣжалъ къ ней безъ оглядки, оставивъ меня одного... Выборъ его былъ сдѣланъ! Прости ему, Господи!.. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!.. Я бы охотно помолился за него, но какая ему отъ этого будетъ польза?.. Есть грѣхи, которыхъ даже и самъ папа отпустить не можетъ.

— Ну, а послѣ, что же сталось съ вашимъ товарищемъ?—спросилъ я.

— Что съ имъ сталось, одному Богу извѣстно,—сказалъ крестьянинъ.—Но если правда то, что говорятъ, и что кругомъ слышишь, то его конецъ былъ достоинъ его грѣха!.. При одной мысли о томъ волосы становятся дыбомъ... Да, сеньоръ!..

— Вы хотите сказать, что его убили?..

— Ну, конечно, убили, — отозвался мой собесѣдникъ, — но какъ! Вотъ въ чемъ весь ужасъ. Впрочемъ, есть вещи, о которыхъ грѣшно даже и говорить.—Онъ махнулъ рукой и замолкъ.

— Ну, а тѣ люди, что живутъ тамъ...—началъ было я, но онъ съ дикимъ порывомъ перебилъ меня:

— Люди!? — крикнулъ онъ. — Какіе тамъ люди!? Тамъ нѣтъ людей, нѣтъ ни мужчинъ ни женщинъ, въ этомъ сатанинскомъ гнѣздѣ. Тамъ всѣ дьявольское отродье! Какъ? Неужели вы прожили здѣсь такъ долго и ничего не слыхали?..

И онъ приблизилъ свой ротъ къ самому моему уху и принялся таинственнымъ, жуткимъ шепотомъ собщать мнѣ самыя ужасныя вещи, озираясь и оглядываясь, словно боясь, чтобы птицы здѣсь въ горахъ не услышали его и не пали мертвыми, сраженныя ужасомъ. То, что онъ мнѣ говорилъ, едва ли была правда. Это скорѣе всего была басня, вымышленная суевѣрными горцами,—басня, даже и не оригинальная, одно изъ старыхъ, какъ міръ, преданій, изукрашенныхъ фантазіей невѣжественнаго деревенскаго люда,—но меня поразила въ его словахъ не самая суть этой басни, а то заключеніе, которое я услышалъ изъ его устъ.

— Въ прежнія времена, — сказалъ онъ, — церковь непремѣнно бы приказала сжечь это дьявольское гнѣздо и все это змѣиное отродье, но теперь у церкви руки стали коротки. Даже товарищъ мой, Мигуель, остался здѣсь на землѣ не наказаннымъ, ни людьми, ни церковью, но зато онъ предсталъ во всемъ своемъ страшномъ грѣхѣ передъ судомъ прогнѣваннаго Бога. Конечно, это было очень дурно, что это такъ случилось, но теперь этого больше не будетъ. Падре уже старъ, онъ въ преклонныхъ годахъ, ослабъ и потому смотритъ на все сквозь пальцы; мало того, говорятъ, что его тамъ околдовали; но зато у его паствы теперь раскрылись глаза! Люди поняли, наконецъ, опасность такого сосѣдства, поняли, что если они еще дольше будутъ терпѣть это, то сами за то дадутъ отвѣтъ Богу, или же сами погибнутъ съ нечестивцами—и вотъ, не сегодня, завтра... во всякомъ случаѣ скоро, отъ этого сатанинскаго гнѣзда оста-

нется только одинъ пепелъ, а дымъ взовьется высоко къ небу, какъ дымъ кадильницъ передъ алтаремъ.

Его слова привели меня въ такой ужасъ, до того ошеломили и поразили меня, что я не видѣлъ, какъ онъ всталъ, простился со мной и ушелъ. Я сидѣлъ, словно громомъ пораженный, и не зналъ, что мнѣ дѣлать, что предпринять; предупредить ли предварительно патера, или отправиться съ этой недоброй вѣстью прямо къ обитателямъ Ресиденсіи, которымъ грозила такая страшная участь. Но этотъ вопросъ рѣшила за меня сама судьба: пока я размышлялъ и обсуждалъ этотъ вопросъ, я увидѣлъ на тропинкѣ, ведущей на скалу, женскую фигуру подъ густой вуалью; но никакая вуаль не была въ состояніи обмануть мою проницательность въ данномъ случаѣ; въ каждомъ движеніи и въ каждой линіи этой фигуры я узнавалъ Олалью и, притаившись за выступомъ скалы съ безумно бьющимся сердцемъ, я далъ ей подойти совсѣмъ близко, подняться на самую вершину утеса. Тогда я выступилъ впередъ; она сразу узнала меня и остановилась, но не проронила ни слова; я тоже молчалъ; нѣкоторое время мы безмолвно смотрѣли другъ на друга съ выраженіемъ страсти и печали. Наконецъ, она заговорила первая.

— Я думала, что вы уже уѣхали отсюда,—сказала она.— Вѣдь это все, что вы могли бы сдѣлать для меня—уѣхать отсюда—и вы все-таки не уѣхали... Это все, о чемъ я просила васъ, а вы еще остаетесь здѣсь. Но вы не знаете, что каждый лишній день навлекаетъ все большую смертельную опасность не только на вашу голову, но и на наши. Здѣсь въ горахъ прошелъ слухъ, что вы любите меня, и мѣстное населеніе рѣшило не допустить этого; рѣшило пустить въ ходъ самыя смѣлыя средства и противъ насъ, и противъ васъ...

Я понялъ, что она была уже освѣдомлена о грозившей ей опасности, и былъ этому очень радъ.

— Олалья,—сказалъ я.—Я готовъ уѣхать отсюда сегодня же, сейчасъ, сію минуту, но только не одинъ!

Она отошла немного въ сторону и опустилась на колѣни передъ распятіемъ; она молилась, а я стоялъ подлѣ нея и смотрѣлъ то на нее, то на святое изображеніе Того, Кому она молилась, то на живую фигуру прекрасной молящейся женщины, то на страшный, какъ у привидѣнія, намалеванный ликъ, на расписанныя раны и выступающія ребра многострадальнаго Хри-

ста. Кругомъ царила мертвая тишина, нарушаемая только жалобнымъ крикомъ какихъ-то крупныхъ горныхъ птицъ, кружившихся словно въ недоумѣніи и тревогѣ надъ вершинами сосѣднихъ горъ. Но вотъ Олалья поднялась съ колѣнъ, повернулась ко мнѣ лицомъ, откинула скрывавшую ея лицо чадру и, держась одной рукой за перекладину креста, къ которому она прижималась, точно ища убѣжища и защиты, и я увидѣлъ ея блѣдное, скорбное и печальное лицо.

— Вы видите, я держу руку на крестѣ,—сказала она,—и хотя Падре говоритъ, что вы не христіанинъ, но все равно, взгляните хоть одно мгновеніе моими глазами на это скорбное лицо Божественнаго Страдальца, и вы почувствуете, что всѣ мы такъ же, какъ и Онъ, унаслѣдовали грѣхи всѣхъ предыдущихъ поколѣній, и всѣ мы должны нести ихъ и искупать ихъ и расплачиваться за то прошлое, которое не было наше; и въ каждомъ изъ насъ, да, даже и во мнѣ, есть искра божества! И подобно Ему, всѣ мы должны нѣкоторое время нести свой крестъ, пока не взойдетъ для насъ лучезарное утро и не принесетъ намъ миръ и успокоеніе и свѣтлую радость! Такъ позвольте же мнѣ идти моимъ путемъ одной; такимъ образомъ, я все же буду менѣе одинока и менѣе несчастна, потому что моимъ защитникомъ и помощникомъ, моею крѣпостью и моимъ утѣшеніемъ будетъ Тотъ, Кто является другомъ и утѣшителемъ всѣхъ отчаявшихся и скорбящихъ! Онъ будетъ со мной! И въ своемъ горѣ и несчастьѣ, простившись навсегда со всѣми земными радостями и добровольно принявъ на себя крестъ, крестъ отреченія и страданій, я буду болѣе счастлива, чѣмъ утопая въ грѣхѣ и пользуясь всѣми видимыми благами жизни.

И когда она говорила, я смотрѣлъ на ликъ распятаго Христа, и хотя я не былъ любителемъ подобныхъ изображеній и отъ души презиралъ это лубочное искусство, эту грубую мазню, подражательную и уродливую, образцомъ которой являлось и это распятіе, все же та мысль, которая была вложена здѣсь въ это изображеніе, какимъ-то образомъ проникла въ мой мозгъ. Ликъ Христа смотрѣлъ на меня съ такой смертельной мукой и душевной скорбью и въ то же время съ кротостью и любовью, а лучи сіянія, обрамлявшіе его, напоминали о томъ, что жертву свою Онъ принесъ добровольно, что муки эти и смерть Онъ претерпѣлъ ради искупленія многихъ. И стоитъ здѣсь этотъ крестъ на

вершинѣ скалы, какъ стоитъ онъ на столькихъ перекресткахъ дорогъ, и тщетно взываетъ къ прохожимъ, уча ихъ той высокой и скорбной истинѣ, эмблемой которой онъ служитъ,—тому, что радости и наслажденія — не цѣль, а только случайность, — что сильные духомъ, великодушные люди должны избрать своимъ удѣломъ страданіе и скорбь... Что лучше терпѣть и страдать, чѣмъ творить зло!

И когда Олалья кончила говорить, я съ трудомъ оторвался отъ лика Христа и даже не взглянувъ на нее, молча повернулся и сталъ спускаться съ горы. И когда я въ послѣдній разъ оглянулся назадъ на нее передъ тѣмъ, какъ тропинка сворачивала въ лѣсъ, я увидѣлъ Олалью все еще стоящею у креста. Такъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ въ моей жизни!

Кладъ подъ развалинами Франшарскаго монастыря.

I. Подлѣ умирающаго паяца.

Послали за докторомъ въ Бурронъ, когда еще не было шести; около восьми крестьяне стали сходиться, чтобы посмотрѣть на предполагавшееся представленіе; имъ сообщили о случившемся, и они стали расходиться по домамъ, весьма недовольные тѣмъ, что какой-то паяцъ позволилъ себѣ вольность заболѣть какъ настоящіе порядочные люди. Въ десять часовъ г-жа Тентальонъ серьезно встревожилась и, не дождавшись доктора изъ Буррона, пошла за докторомъ Депрэ, жившимъ здѣсь поблизости.

Докторъ сидѣлъ за работой надъ своими рукописями въ одномъ концѣ небольшой столовой, а его жена мирно спала въ креслѣ передъ каминомъ въ другомъ концѣ, въ то время когда явился посланный.

— О, чортъ возьми!—воскликнулъ докторъ.—Слѣдовало послать за мной раньше. Въ такихъ случаяхъ нельзя медлить!

И онъ послѣдовалъ за посланнымъ въ томъ, въ чемъ онъ былъ, т. е. въ туфляхъ и въ ермолкѣ.

Гостиница находилась всего въ какихъ-нибудь тридцати шагахъ отъ его дома; но посланный не остановился у самой гостиницы, а, войдя въ одну дверь, вышелъ въ другую на задній дворъ, а затѣмъ пошелъ впередъ, указывая доктору дорогу, вверхъ по узкой деревянной лѣсенкѣ, подлѣ конюшенъ, на чердакъ, служившій иногда сѣноваломъ, гдѣ лежалъ больной паяцъ.

Если бы докторъ Депрэ прожилъ тысячу лѣтъ, то и тогда онъ не забылъ бы того момента, когда онъ вошелъ въ это помѣщеніе. Представившаяся его глазамъ картина была не только живописна и необычайна, но она запечатлѣлась въ его памяти, и моментъ

этотъ сталъ какъ бы событіемъ въ его жизни. Мы обыкновенно вспоминаемъ свою жизнь,—не знаю почему,—съ первой нашей неудачи въ обществѣ, такъ сказать, съ перваго нашего ощущенія чувства униженія. Не заглядывая дальше назадъ, что могло бы быть сочтено за излишнее любопытство, хотя въ жизни каждаго человѣка бываетъ немало такихъ потрясающихъ и знаменательныхъ случаевъ, которые могутъ считаться столь же важными эпохами жизни, какъ и фактъ рожденія,—мы только скажемъ, что докторъ Депрэ, которому было уже за 40 лѣтъ и который сдѣлалъ не одну ошибку въ своей жизни и былъ даже женатъ, отворивъ дверь этой каморки на чердакѣ надъ конюшнями г-жи Тентальонъ, онъ вступилъ въ новый періодъ своей жизни. Каморка эта была довольно большая, но почти совершенно пустая, освѣщенная всего только одной свѣчкой, стоящей на полу. Больной паяцъ лежалъ на спинѣ на жалкой узкой койкѣ; это былъ крупнаго роста мужчина, съ длиннымъ, тонкимъ, покраснѣвшимъ отъ пьянства носомъ, придававшимъ его физіономіи что-то напоминавшее Донъ-Кихота. Г-жа Тентальонъ наклонилась надъ нимъ и прикладывала ему къ ногамъ горячія бутылки и горчичники, а на стулѣ подлѣ постели больного сидѣлъ мальчуганъ лѣтъ одиннадцати или двѣнадцати, болтая тихонько ногами въ воздухѣ. Въ комнатѣ, кромѣ этихъ трехъ лицъ, никого больше не было, если не считать тѣней. Но тѣни представляли собой свою собственную тѣсную компанію; благодаря размѣрамъ помѣщенія, тѣни удлинялись и увеличивались до невѣроятныхъ, чисто гигантскихъ размѣровъ, а благодаря тому, что свѣча стояла на полу и свѣтъ ударялъ вверхъ, получались уродливые ракурсы. Рѣзкій профиль паяца вырисовывался на стѣнѣ въ увеличенномъ карикатурномъ видѣ, и забавно было видѣть, какъ его носъ на тѣни то укорачивался, то удлинялся, въ зависимости отъ того, какъ колебалось отъ вѣтра пламя свѣчи. Что же касается г-жи Тентальонъ, то ея тѣнь представляла собою просто громадное безформенное пятно съ закругленіемъ плечъ, надъ которыми время отъ времени появлялось полушаріе громадной головы. Ножки стула, на которомъ сидѣлъ мальчуганъ, вытянулись, точно высокія ходули, а на нихъ мальчикъ представлялся просто въ видѣ туманнаго облачка въ самомъ дальнемъ углу подъ крышей.

Этотъ мальчикъ сразу привлекъ вниманіе доктора и съ первой же минуты овладѣлъ его воображеніемъ. У него былъ крупный

хорошо развитой черепъ, а лобъ и руки какъ у музыкантовъ, и при этомъ такіе глаза, которые преслѣдуютъ васъ долго послѣ того, какъ вы ихъ видѣли, глаза, которые долго не забываются. И не потому, чтобы они были особенно красивы, не потому, что они были большіе, смотрящіе въ упоръ, прекраснѣйшаго золотисто-каряго цвѣта, нѣтъ, но у нихъ былъ такой взглядъ, который точно пронизывалъ васъ, и докторъ испытывалъ отъ него какую-то неловкость, чувствовалъ себя какъ-то не по себѣ. Онъ былъ увѣренъ, что уже разъ когда-то видѣлъ именно такой взглядъ, но никакъ не могъ вспомнить, гдѣ и когда. Какъ будто у этого мальчика, который былъ ему совершенно чужой, котораго онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни, какъ будто у него были глаза его давнишняго друга или стараго недруга. И этотъ мальчикъ не давалъ ему покоя; онъ казался глубоко равнодушнымъ ко всему, что происходило здѣсь вокругъ него, или же поглощенъ какими-то болѣе серьезными размышленіями. Спокойно сложивъ руки на колѣняхъ, онъ слегка постукивалъ медленно болтающимися ногами о перекладину стула, на которомъ сидѣлъ; но при этомъ глаза его неотступно слѣдили за докторомъ, слѣдуя за нимъ по комнатѣ, провожая каждое его движеніе вдумчивымъ настойчивымъ взглядомъ. Депрэ не могъ рѣшить, онъ ли гипнотизировалъ мальчугана, или же мальчуганъ гипнотизировалъ его. Онъ склонялся надъ больнымъ, щупалъ его пульсъ, разспрашивалъ о симптомахъ, о ходѣ болѣзни, шутилъ, слегка горячился, даже выругался раза два, но что бы онъ ни дѣлалъ, когда бы онъ ни обернулся, онъ всякій разъ встрѣчалъ вопрошающій взглядъ печальныхъ карихъ глазъ мальчугана.

Наконецъ, докторъ какъ-то разомъ напалъ на рѣшеніе мучившаго его вопроса: онъ вдругъ вспомнилъ, почему ему были такъ странно знакомы глаза этого мальчика. Хотя онъ былъ прямъ какъ струна, и во всей его фигурѣ не было ни малѣйшаго признака какой-либо уродливости, но глаза у него были такіе, какіе обыкновенно бываютъ у горбатыхъ. Это былъ вполнѣ нормально сложенный мальчикъ, но когда онъ смотрѣлъ на васъ, вамъ казалось, что на васъ смотритъ горбунъ. Докторъ облегченно вздохнулъ, онъ испытывалъ такое удовлетвореніе при мысли, что нашелъ подтвержденіе своей теоріи (а къ теоріямъ онъ имѣлъ положительное пристрастіе) и теперь могъ себѣ объяснить причину, почему этотъ мальчуганъ такъ заинтересовалъ его.

Однако, несмотря на то, онъ съ необычайной поспѣшностью постарался поскорѣе отдѣлаться отъ больного, и, все еще стоя однимъ колѣномъ на полу у постели паяца, онъ обернулся въ полъоборота и сталъ смотрѣть, не стѣсняясь, на мальчика.

Это ни мало не сконфузило мальчугана, который въ свою очередь совершенно спокойно смотрѣлъ на доктора.

— Это твой отецъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Ахъ, нѣтъ!—отозвался мальчикъ.—Это мой хозяинъ.

— Любишь ты его?—продолжалъ Депрэ.

— Нѣтъ, сударь,—отвѣтилъ ребенокъ.

Г-жа Тентальонъ и докторъ переглянулись при этомъ, и затѣмъ послѣдній продолжалъ, обращаясь опять же къ мальчику:

— И тебѣ его не жаль?

— Нѣтъ,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Это дурно, мой милый,—сказалъ докторъ нѣсколько сурово и наставительно,—дурно, потому что всякій человѣкъ долженъ жалѣть умирающаго или же скрывать свои чувства, а твой хозяинъ умираетъ теперь. Если я иной разъ всего нѣсколько минутъ наблюдалъ, какъ какая-нибудь маленькая птичка расклевывала вишни въ моемъ саду, я уже жалѣю ее, когда она вспорхнетъ и улетитъ за ограду моего сада, и полетитъ въ лѣсъ и скроется тамъ; жалѣю, потому что больше не увижу ее. А здѣсь отъ насъ уходитъ человѣкъ, существо сильное, осмысленное, проницательное, такъ богато одаренное всякими чувствами и способностями! Когда я только подумаю, что черезъ нѣсколько часовъ его уста умолкнутъ навсегда, что дыханіе его прекратится и замретъ, и что даже тѣнь его съ этой стѣны безвозвратно исчезнетъ, я, никогда не видѣвшій его до этого часа, и вотъ эта женщина, знавшая его только какъ своего постояльца, мы оба печалимся и жалѣемъ его...

Мальчикъ нѣкоторое время молчалъ и какъ будто размышлялъ про себя.

— Вы его не знали,—сказалъ онъ, наконецъ,—онъ былъ нехорошій человѣкъ.

— Экій маленькій нехристь!—промолвила хозяйка.—Впрочемъ, всѣ они такіе,—добавила она,—всѣ эти паяцы, акробаты, канатные плясуны и всякіе такіе артисты—нѣтъ у нихъ нутра!.. Безчувственные какіе-то!

А докторъ, сдвинувъ брови, продолжалъ внимательно вглядываться въ этого маленькаго нехристя.

— А какъ тебя зовутъ?—спросилъ онъ.

— Жанъ-Мари,—сказалъ мальчуганъ.

Депрэ подскочилъ къ нему со свойственной ему порывистой живостью и возбужденностью и принялся ощупывать его черепъ со всѣхъ сторонъ, какъ это сдѣлалъ бы френологъ или этнологъ.

— Кельтъ! Кельтъ! Несомнѣнный кельтъ! — пробормоталъ онъ.

— Кельтъ!—повторила за нимъ и г-жа Тентальонъ, вѣроятно, принявшая это слово за синонимъ гидрокефала и полагая, что рѣчь идетъ о головной водянкѣ, добавила:—бѣдный ребенокъ! А что, это опасно?

— Это зависитъ отъ обстоятельствъ, какъ когда! — почти угрюмо отвѣтилъ докторъ и затѣмъ снова обратился къ мальчику:—А какъ ты жилъ до сихъ поръ? Что ты дѣлалъ ради своего пропитанія, Жанъ-Мари?

— Я кувыркался,—отвѣтилъ онъ.

— Такъ! Кувыркался?—повторилъ за нимъ Депрэ.—Вѣроятно, это здорово. Я предполагаю, госпожа Тентальонъ, что кувыркаться это весьма полезный для здоровья образъ жизни. И что же ты никогда ничего другого въ своей жизни не дѣлалъ, какъ все только кувыркался?

— Прежде чѣмъ я научился этому, я воровалъ, — сказалъ Жанъ-Мари совершенно серьезно, даже съ нѣкоторой важностью.

— Даю слово, что ты для своихъ лѣтъ удивительный человѣчекъ!—сказалъ Депрэ и затѣмъ обратился къ хозяйкѣ гостиницы.

— Сударыня, когда пріѣдетъ мой коллега изъ Буррона, потрудитесь передать ему мое мнѣніе относительно больного. Я считаю его положеніе безнадежнымъ, но во всякомъ случаѣ предоставляю все на полное усмотрѣніе коллеги. Конечно, въ случаѣ, если появятся какіе-нибудь угрожающіе симптомы до прибытія врача, ради Бога не стѣсняйтесь разбудить меня, я сейчасъ же явлюсь. Хотя я, слава Богу, теперь уже не докторъ, т. е. не практикующій врачъ, но я былъ имъ когда-то... Покойной ночи, г-жа Тентальонъ, покойной ночи! Спи спокойно Жанъ-Мари!

II. Утренняя бесѣда.

Докторъ Депрэ всегда вставалъ рано. Раньше, чѣмъ покажется первый дымокъ изъ трубы въ цѣлой деревнѣ, раньше, чѣмъ прогремитъ на мосту первая телѣга, возвѣщая начало рабочаго дня на поляхъ, его уже можно было видѣть, какъ онъ бродилъ по саду около своего дома. То сорветъ гроздь винограда, то, остановившись подъ деревомъ, съ аппетитомъ уплетаетъ огромную сочную грушу, только что сорванную со шпалеръ, а не то сидитъ себѣ на скамеечкѣ и рисуетъ на пескѣ дорожки самые причудливые фантастическіе линіи и разводы концомъ своей тросточки. А то пойдетъ внизъ къ рѣкѣ и станетъ смотрѣть, какъ она безостановочно бѣжитъ мимо того мѣста, гдѣ складываютъ въ штабеля доски съ лѣсопильнаго завода. Здѣсь онъ обыкновенно привязывалъ свою лодку.

— Нѣтъ лучшаго времени,—говаривалъ онъ,—какъ раннее утро для созданія теорій и всякаго иного размышленія. Я,—хвасталъ онъ,—встаю раньше всѣхъ во всей деревнѣ и вслѣдствіе этого знаю больше другихъ, но меньше другихъ злоупотребляю тѣмъ, что я знаю.

Благодаря этой своей привычкѣ вставать рано, докторъ сталъ настоящимъ знатокомъ восходовъ и любилъ, чтобъ его день начинался красивымъ театральнымъ эффектомъ. Онъ создалъ свою теорію росъ, по которой онъ могъ предсказывать погоду. Въ сущности, почти все служило ему для этой цѣли: и звукъ колокольнаго звона со всѣхъ церквей сосѣднихъ деревень, и благоуханіе лѣса, и прилетъ и отлетъ птицъ, и самое поведеніе этихъ пернатыхъ и даже рыбъ, и видъ растеній у него въ саду, и состояніе облаковъ у него надъ головой, и цвѣтъ восхода и заката, и, наконецъ, и не въ меньшей мѣрѣ, тому же служилъ и цѣлый арсеналъ метеорологическихъ инструментовъ, хранившихся въ ларѣ подъ навѣсомъ, на лужайкѣ въ саду. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ поселился и обосновался въ Гретцѣ, онъ превращался все болѣе и болѣе въ мѣстнаго метеоролога и безкорыстнаго и безвозмезднаго поборника мѣстнаго климата, который онъ восхвалялъ и превозносилъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Вначалѣ онъ считалъ, что нѣтъ мѣста болѣе здороваго во всей этой округѣ, но къ концу второго года его пребыванія здѣсь онъ уже сталъ утверждать, что не было болѣе здороваго мѣста во всемъ

департаментѣ, т. е. во всей провинціи, а за нѣсколько времени до того, какъ онъ столкнулся съ маленькимъ Жаномъ-Мари, онъ готовъ былъ бросить вызовъ не только всей Франціи, но и большей части Европы въ томъ, что нигдѣ не найдется мѣстечка лучше по своимъ климатическимъ условіямъ, чѣмъ возлюбленная его деревенька Гретцъ.

— «Докторъ»,—говаривалъ онъ,—скверное слово! Его не слѣдовало бы произносить при дамахъ; оно вызываетъ представленіе о болѣзняхъ. Но я замѣчалъ, и это настоящій бичъ нашей цивилизаціи, что мы недостаточно ненавидимъ болѣзни, не питаемъ къ нимъ надлежащаго отвращенія. Что касается меня, то я омылъ свои руки и отказался отъ почетнаго званія и обязанностей врача; я уже слава Богу не докторъ больше, я просто ревностный поклонникъ и почитатель единой истинной богини Гигіены. И вѣрьте мнѣ, это она владѣетъ венеринымъ поясомъ! И здѣсь въ этой маленькой деревушкѣ она воздвигнула свой храмъ; здѣсь она пребываетъ неизмѣнно и щедрою рукой расточаетъ людямъ свои дары. Здѣсь я каждое утро, рано на зарѣ, гуляю въ ея обществѣ, и она указываетъ мнѣ на крестьянъ, которыхъ она сдѣлала такими сильными и здоровыми, на поля, которыя она сдѣлала такими плодородными, на деревья, которымъ она дала такую пышность и красоту, на рыбокъ такихъ веселыхъ, проворныхъ и опрятныхъ, рѣзвящихся въ рѣкѣ.—Ревматизмъ! — воскликнулъ онъ, когда какой-нибудь невѣжа позволялъ себѣ прервать его хвалебный гимнъ какимъ-нибудь неумѣстнымъ замѣчаніемъ относительно кое-какихъ погрѣшностей въ его словахъ. О, да, не спорю, у насъ встрѣчаются люди, жалующіеся на ревматизмы, но вѣдь это же совершенно неизбѣжно, какъ вы сами понимаете, когда живешь надъ самой рѣкой. Ну, а кромѣ того, мѣсто здѣсь нѣсколько низкое, луга болотистые, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но вы взгляните, сударь мой, на Бурронъ! Бурронъ лежитъ высоко, Бурронъ кругомъ въ лѣсахъ и слѣдовательно получаетъ со всѣхъ сторонъ притокъ озона, скажете вы, да! Ну а сравните его съ Гретцемъ! Бурронъ противъ нашего мѣста, что мясные ряды противъ благоуханнаго сада, вотъ что я вамъ доложу! Да-съ, сударь мой!

На утро послѣ того дня, когда его призывали къ постели умирающаго паяца, докторъ Депрэ пошелъ къ своей пристанькѣ въ концѣ сада и долго смотрѣлъ на быстротечную воду рѣки.

Это онъ называлъ своей утренней молитвой. Но возносились ли его мысли въ это время къ возлюбленной имъ богинѣ Гигіенѣ, или къ другому, болѣе ортодоксальному божеству, оставалось невыясненнымъ. Самъ онъ выражался довольно загадочно на этотъ счетъ; иногда онъ, напримѣръ, говорилъ, что рѣка является прообразомъ тѣлеснаго здравія, а въ другой разъ онъ горячо распространялся о томъ, что рѣка это величайшій учитель и наставникъ, непрестанно проповѣдующій людямъ высокую мораль, непрестанно научающій ихъ мирному усердному труду, душевному спокойствію и безропотной настойчивости, умиротворяющій метущійся умъ и духъ человѣческій. Пройдя около мили вдоль рѣки и любуясь свѣтлой, прозрачной водой, весело бѣгущей впередъ и впередъ у него передъ глазами, полюбовавшись двумя-тремя рыбами, сверкнувшими на мгновеніе своей серебристой чешуей надъ поверхностью воды, и вдоволь наглядѣвшись на длинныя, точно кружевныя тѣни отъ деревьевъ, растущихъ на противоположномъ берегу, протянувшіяся далеко впередъ, чуть не до самой середины рѣки, и засмотрѣвшись на яркіе солнечные блики въ просвѣтахъ этихъ тѣней, блики, двигавшіеся и дрожавшіе на водѣ, докторъ пошелъ, наконецъ, обратно черезъ весь садъ къ дому, а пройдя черезъ домъ, вышелъ на улицу. Онъ чувствовалъ себя освѣженнымъ, бодрымъ и обновленнымъ, какъ бы помолодѣвшимъ.

Звукъ его шаговъ по мощеной улицѣ деревни обыкновенно начиналъ собою рабочій день въ Гретцѣ; сейчасъ все населеніе еще спало, кругомъ было какъ-то особенно тихо; освѣщенная первыми лучами солнца церковная колокольня казалась особенно стройной и воздушной; нѣсколько птицъ, кружившихся вокругъ нея, казались плавающими въ голубомъ эфирѣ, болѣе чистомъ и прозрачномъ, чѣмъ обыкновенно. Медленно шествуя по улицѣ, докторъ съ особымъ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя чистый воздухъ и чувствовалъ себя благодушно настроеннымъ и довольнымъ этимъ прекраснымъ, радостнымъ утромъ, которое какъ будто улыбалось ему.

На одной изъ тумбъ, стоящихъ по обѣ стороны воротъ гостиницы г-жи Тентальонъ, докторъ замѣтилъ маленькую, темную фигуру, сидѣвшую неподвижно въ созерцательной позѣ, и сразу узналъ въ ней своего вчерашняго знакомца, Жана-Мари.

— А-а!—сказалъ онъ, подходя къ мальчугану, и, остано-

вившись противъ него, оперся обѣими руками въ свои колѣни и съ добродушнымъ любопытствомъ смотрѣлъ ему въ лицо.—Видите ли, какъ мы рано встаемъ! Прекрасно! Какъ видно, мы страдаемъ всѣми недостатками настоящаго философа.

Мальчикъ соскочилъ съ тумбы и пресерьезно и превѣжливо раскланялся.

— Ну, какъ нашъ больной сегодня?—спросилъ Депрэ.

Оказалось, что больной находился все въ томъ же положеніи, какъ и вчера.

— Такъ,—сказалъ докторъ,—а теперь скажи мнѣ, зачѣмъ ты такъ рано встаешь?

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія Жанъ-Мари отвѣтилъ, что онъ самъ этого хорошенько не знаетъ и потому не можетъ сказать, зачѣмъ онъ рано встаетъ.

— Такъ, такъ,—подтвердилъ докторъ,—ты и самъ не знаешь зачѣмъ, да и всѣ мы, едва ли что-нибудь знаемъ толкомъ, прежде чѣмъ не постараемся этого узнать, а чтобы узнать, почему и зачѣмъ мы что-нибудь дѣлаемъ, надо спросить себя объ этомъ. Ну-ка, попробуй себя спросить, подумай и скажи мнѣ, какъ тебѣ кажется... Можетъ быть тебѣ нравится рано вставать?

— Да, нравится!—не спѣша сказалъ мальчикъ.—Да, мнѣ нравится,—повторилъ онъ еще разъ, уже совершенно увѣренно.

— Ну, ну,—ободрялъ его докторъ,—а теперь скажи мнѣ, почему тебѣ это нравится? Замѣть, что мы съ тобой теперь слѣдуемъ методу Сократа,—вставилъ онъ;—итакъ, спроси себя, почему тебѣ нравится вставать рано?

— Кругомъ такъ тихо, такъ спокойно,—отвѣтилъ Жанъ-Мари;—у меня въ это время нѣтъ никакого дѣла, а затѣмъ, когда такъ тихо, и никого нѣтъ кругомъ, чувствуется, какъ будто ты хорошій.

Депрэ усмѣхнулся и сѣлъ на другую тумбу, по ту сторону воротъ; его начиналъ интересовать этотъ разговоръ съ мальчуганомъ; Жанъ-Мари отвѣчалъ и говорилъ не наобумъ, а подумавши, и старался на каждый вопросъ отвѣтить правдиво и по совѣсти.

— Ты, какъ я вижу, испытываешь удовольствіе чувствовать себя хорошимъ,—замѣтилъ докторъ,—и признаюсь, это меня крайне удивляетъ; вѣдь ты же самъ говорилъ мнѣ вчера, что

раньше ты воровалъ, а эти двѣ вещи не вяжутся вмѣстѣ—быть хорошимъ и воровать.

— А развѣ воровать такъ ужъ очень дурно?—спросилъ Жанъ-Мари.

— Да, таково, по крайней мѣрѣ, общее мнѣніе, мой милый другъ,—отвѣтилъ наставительно и слегка насмѣшливо докторъ.

— Нѣтъ, вы меня не совсѣмъ поняли, — замѣтилъ мальчикъ;—я хотѣлъ васъ спросить, такъ ли ужъ дурно воровать такъ, какъ я воровалъ,—пояснилъ онъ.—У меня не было выбора, я былъ вынужденъ воровать; я полагаю, что не можетъ быть дурно, что человѣкъ хочетъ имѣть кусокъ хлѣба; вѣдь каждому надо ѣсть! Это такая сильная потребность, что съ нею спорить нельзя! Да еще, кромѣ того, меня прежестоко били, когда я возвращался домой ни съ чѣмъ!—добавилъ онъ.—Я уже зналъ тогда, что хорошо и что дурно, потому что раньше того меня многому научалъ одинъ добрый священникъ, который относился ко мнѣ очень хорошо и котораго всѣ люди уважали. (При словѣ «священникъ» докторъ скорчилъ отвратительную гримасу). Но я думалъ, что когда человѣку ѣсть нечего, когда у него нѣтъ куска черстваго хлѣба, чтобы утолить свой голодъ, да когда еще вдобавокъ его бьютъ нещадно, то при такихъ условіяхъ воровать, пожалуй, даже позволительно. Я не сталъ бы красть сласти или что другое ради лакомства, по крайней мѣрѣ, я думаю, что не сталъ бы; но мнѣ кажется, что ради куска насущнаго хлѣба каждый сталъ бы воровать!

— И я такъ полагаю,—согласился докторъ. — Ну, а послѣ каждой кражи ты, конечно, становился на колѣни и просилъ у Господа Бога прощенія и объяснялъ Ему весьма подробно всѣ свои обстоятельства?—слегка насмѣшливо добавилъ онъ, усмѣхаясь.

— Нѣтъ, къ чему?—удивился Жанъ-Мари.—Я не видѣлъ въ этомъ никакой надобности.

— Вотъ какъ! Ну, а твой священникъ навѣрное бы увидѣлъ эту надобность!—все въ томъ же тонѣ продолжалъ докторъ.

— Вы думаете? Неужели?—воскликнулъ мальчикъ и впервые смутился.—А я думалъ, что Господу Богу и безъ того все извѣстно... что онъ и такъ все знаетъ...

— Эге,—подтрунилъ докторъ,—такъ вотъ ты какой вольнодумецъ!

— Я думалъ, что Богъ самъ меня пойметъ,—продолжалъ мальчикъ очень серьезно, не обративъ вниманія на последнее замѣчаніе своего собесѣдника,—а вы, какъ я вижу, этого не думаете: но вѣдь и самыя эти мысли мои мнѣ Богъ вложилъ въ голову! Развѣ нѣтъ?

— Ахъ ты, мальчуганъ, мальчуганъ!—почти сокрушенно промолвилъ Депрэ.—Я уже сказалъ тебѣ, что въ тебѣ гнѣздятся всѣ пороки философіи, но если ты еще совмѣщаешь въ себѣ и всѣ ея добродѣтели, то мнѣ, старому грѣшнику, остается только поскорѣе бѣжать отъ тебя безъ оглядки. Я, видишь ли ты, служитель и сторонникъ благословенныхъ законовъ здоровой нормальной природы въ ея простыхъ и обычныхъ проявленіяхъ, и потому не могу равнодушно и спокойно смотрѣть на такое чудовище, на такого нравственнаго уродца! Понялъ ты меня?

— Нѣтъ, сударь,—отвѣтилъ, не задумываясь, Жанъ-Мари.

— Ну, погоди, я постараюсь разъяснить тебѣ то, что я хотѣлъ сказать этими словами. Вотъ посмотри сперва сюда,—продолжалъ докторъ,—видишь ты тамъ это небо, за колокольней, видишь, какое оно тамъ свѣтлое, блѣдно-блѣдно голубое? А теперь посмотри выше и еще выше, до самой верхушки небеснаго свода у тебя надъ головой, гдѣ небо густо-голубое, почти синее, какъ въ полдень... Такъ! А теперь скажи мнѣ, развѣ это не прекрасный цвѣтъ? Развѣ онъ не ласкаетъ глаза? Не радуетъ сердца? Мы видимъ это голубое небо изо дня въ день въ теченіе всей нашей жизни, мы до того свыклись, сроднились съ нимъ, что даже наша мысль видитъ его такимъ. Но предположимъ,—продолжалъ Депрэ, переходя отъ любовнаго умиленія, съ какимъ онъ говорилъ о голубомъ небѣ, къ совершенно иному тону,—предположимъ, что это небо вдругъ бы сдѣлалось ярко-янтарно-огненнаго цвѣта, подобно цвѣту горячихъ углей, а въ самомъ зенитѣ небеснаго свода огненно-краснымъ. Я не скажу, что это было бы менѣе красиво, нѣтъ! Но нравилось ли бы оно тебѣ такъ же, какъ это наше голубое небо?

— Я думаю, что нѣтъ,—сказалъ Жанъ-Мари.

— И я также не могъ бы его любить,—продолжалъ докторъ нѣсколько грубо;—я ненавижу все странное, и странныхъ людей въ особенности; а ты самый странный, самый своеобраз-

ный мальчуганъ, какого я когда-либо встрѣчалъ въ своей жизни!

Жанъ-Мари нѣкоторое время молчалъ и какъ будто что-то обдумывалъ, а затѣмъ поднялъ голову и взглянулъ на доктора съ добродушно вопрошающимъ видомъ.

— А вы сами, развѣ вы не чрезвычайно странный господинъ?—спросилъ онъ.

Тогда докторъ бросилъ на землю свою палку, кинулся къ мальчугану, прижалъ его къ своей груди и звонко расцѣловалъ его въ обѣ щеки.

— Превосходно! Безподобно, малышъ!—восклицалъ онъ.— Нѣтъ, какое прекрасное утро! Какой счастливый, какой удачный день для стараго, сорокадвухлѣтняго теоретика! А? Нѣтъ,—продолжалъ онъ, какъ бы обращаясь къ небесамъ,—вѣдь я даже не зналъ, что такіе мальчуганы существуютъ на свѣтѣ! Я сомнѣвался, чтобы родъ человѣческій могъ производить подобныхъ индивидовъ! Вотъ теперь,—добавилъ онъ, подымая съ земли свою палку,—эта встрѣча для меня точно первое любовное свиданіе. Я сломалъ свою любимую трость въ моментъ энтузіазма,—но это не бѣда! Можно будетъ поправить.

И взглянувъ на мальчика, онъ уловилъ на себѣ его взглядъ, полный удивленія, недоумѣнія, смущенія и даже смутной тревоги.

— Э!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ мальчугану.—Отчего ты такъ смотришь на меня? Право, кажется, этотъ малышъ презираетъ меня,—пробормоталъ онъ въ сторону.—Ты презираешь меня что ли, мальчуганъ?—обратился онъ снова къ нему.

— О, нѣтъ,—отозвался Жанъ-Мари совершенно серьезно,— нѣтъ, но только я не понимаю васъ.

— Вы должны извинить меня, сударь,—продолжалъ докторъ съ нѣкоторой напыщенностью,—я еще слишкомъ молодъ. Чертъ бы его подралъ!—мысленно добавилъ онъ про себя и опять сѣлъ на свое прежнее мѣсто и сталъ наблюдать за мальчикомъ нѣсколько насмѣшливо.

«Онъ мнѣ испортилъ это прекрасное, спокойное утро,—думалъ онъ;—теперь я буду нервничать весь день, и пищевареніе будетъ неправильное—лихорадочное; надо непремѣнно успокоиться». И, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ отогналъ отъ себя всѣ тревожившія и волновавшія или даже сколько-нибудь смущавшія его мысли тѣмъ усиліемъ воли, къ которому

онъ давно уже пріучилъ себя. Теперь помыслы его стали блуждать среди окружавшихъ его знакомыхъ и любимыхъ предметовъ; онъ любовался и наслаждался прекраснымъ утромъ; вдыхалъ въ себя свѣжій утренній воздухъ и съ видомъ знатока смаковалъ его, какъ смакуютъ любители хорошее вино, и затѣмъ медленно выдыхалъ его, какъ то рекомендуется предписаніями гигіены; онъ считалъ маленькія облачка на небѣ, слѣдилъ за полетомъ птицъ вокругъ церковной колокольни, мысленно описывая вмѣстѣ съ ними длинные, плавные взлеты и спуски, или паря въ воздухѣ, или же продѣлывая удивительные воздушные сальто-мортале и разсѣкая воздухъ воображаемыми крыльями. Такимъ способомъ докторъ въ короткое время вернулъ себѣ прежнее спокойствіе духа и животное благодушіе и полное сознаніе своихъ движеній, своихъ чувствъ и ощущеній, сознаніе, что воздухъ имѣлъ прохладный и освѣжающій вкусъ, напоминающій вкусъ сочнаго спѣлаго плода, и, совершенно поглощенный этими ощущеніями и ихъ мысленнымъ анализомъ, онъ отъ избытка благодушнаго настроенія запѣлъ. Онъ зналъ всего только одинъ мотивъ, «Мальбрукъ въ походъ собрался», да и тотъ онъ зналъ не совсѣмъ твердо и обращался съ нимъ довольно безцеремонно. Впрочемъ, свои музыкальные таланты докторъ проявлялъ обыкновенно только въ тѣ минуты, когда онъ бывалъ одинъ и чувствовалъ себя особенно благодушно настроеннымъ, когда онъ чувствовалъ себя, такъ сказать, вполнѣ счастливымъ.

Но на этотъ разъ онъ былъ довольно грубо пробужденъ къ дѣйствительности почти болѣзненно огорченнымъ выраженіемъ въ лицѣ мальчика; онъ оборвалъ свое пѣніе на полунотѣ и обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что ты думаешь о моемъ пѣніи, мальчуганъ? Нравится оно тебѣ?

Мальчикъ молчалъ. Не дождавшись отвѣта, онъ повторилъ еще разъ довольно повелительно:

— Что ты думаешь о моемъ пѣніи?

— Оно мнѣ не нравится,—пробормоталъ Жанъ-Мари.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ докторъ. — Можетъ быть ты самъ пѣвецъ?

— Я пою лучше,—спокойно отвѣтилъ мальчикъ.

Докторъ смотрѣлъ на него нѣкоторое время въ недоумѣніи, и

внутренно онъ сознавалъ, что сердится, и по этому случаю краснѣлъ за себя, и это заставляло его еще больше сердиться.

— Если ты также разговариваешь и со своимъ хозяиномъ,— сказалъ онъ, наконецъ, пожавъ плечами и поднявъ руки кверху,—то могу тебя только похвалить.

— Я съ нимъ вовсе не разговариваю,—отозвался Жанъ-Мари,—я его не люблю.

— Значитъ, меня ты любишь?—попробовалъ поймать его на словѣ докторъ, и при этомъ въ голосѣ его слышалась необычайная живость и воодушевленіе.

— Не знаю,—отвѣтилъ Жанъ-Мари.

Докторъ всталъ—не такого онъ ждалъ отвѣта, и хотя онъ и себѣ въ томъ не сознавался, но чувствовалъ себя какъ будто обиженнымъ.

— Я пожелаю вамъ добраго утра,—сказалъ онъ, церемонно раскланиваясь со своимъ собесѣдникомъ; я вижу, что вы слишкомъ мудры для меня. Возможно, что у васъ въ жилахъ течетъ кровь, а можетъ быть и небесный флюидъ, а, быть можетъ, въ нихъ ничто иное, какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ; но въ одномъ я безусловно увѣренъ,—это въ томъ, что вы, сударь, не человѣческое существо, говорю я вамъ,—добавилъ онъ, потрясая своей палкою передъ носомъ мальчика.—Такъ и запишите въ своей памяти:—Я не человѣческое существо и не имѣю претензіи быть человѣческимъ существомъ; я обманъ, сонъ, ангелъ, загадка, иллюзія, все что угодно, но только не человѣческое существо! Итакъ, примите мой почтительнѣйшій поклонъ—и прощайте!

И съ этими словами докторъ удалился, и слегка взволнованный зашагалъ вдоль улицы, а мальчикъ остался стоять въ недоумѣніи, глядя на то пустое мѣсто, гдѣ только что стоялъ докторъ.

III. Усыновленіе.

Мадамъ Депрэ, носившая христіанское имя Анастази, представляла собою весьма пріятный и симпатичный типъ особы женскаго пола. Необычайно цвѣтущая и здоровая съ вида, полная, красивая брюнетка съ упругими мягкими щеками, румяными губами и привѣтливымъ, спокойнымъ взглядомъ темныхъ

глазъ, и ручками несравненной красоты, она была такого рода женщина, надъ которыми горя и невзгоды проносятся какъ утреннія лѣтнія облачки по небу; въ худшемъ случаѣ она могла сдвинуть свои темныя брови такъ, чтобы онѣ образовали одну вертикальную линію, но всего на одну минуту, а затѣмъ и эта мимолетная морщинка на ея лбу тотчасъ же сглаживалась.

Въ ней было очень много безстрастнаго спокойствія монахинь, при почти полномъ отсутствіи ихъ благочестія; напротивъ того, Анастази была женщина весьма преданная всякаго рода благамъ міра. Она страстно любила устрицы и доброе, старое вино, любила нѣсколько смѣлыя шутки и разсказы и была очень предана своему мужу, но скорѣе въ видахъ своего собственнаго благополучія, чѣмъ ради него. Она была невозмутимо добродушна по природѣ, но не имѣла ни малѣйшей склонности къ самоотверженію или самопожертвованію.

Жить въ этомъ уютномъ старомъ домѣ, съ большимъ тѣнистымъ зеленымъ садомъ позади и яркимъ, пестрымъ цвѣтникомъ передъ окнами, ѣсть и пить сладко и вволю, поболтать четверть часика съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей, никогда не носить корсета и не одѣваться, исключая тѣхъ случаевъ, когда она отправлялась въ Фонтэнбло за покупками, имѣть постоянный богатый запасъ новостей и немудрыхъ романовъ, быть къ тому же женой доктора Депрэ и не имѣть никакихъ основаній ревновать его,— этимъ исчерпывались всѣ ея притязанія на счастье, и чаша благъ земныхъ, по ея мнѣнію, наполнялась этимъ до краевъ. Люди, знавшіе доктора Депрэ еще холостымъ, когда у него было ровно столько же самыхъ разнообразныхъ теорій, но теорій другого рода, утверждали, что его теперешняя философія сложилась подъ вліяніемъ изученія Анастази. Онъ раціонализировалъ ея животное довольство и чувство полной удовлетворенности и безсознательно, тщетно старался подражать ей по своему. Въ кулинарномъ дѣлѣ г-жа Депрэ была настоящей артисткой, а кофе готовила она въ совершенствѣ. Кромѣ того, она была помѣшана на чистотѣ и опрятности въ домѣ, и этимъ она заразила и мужа. Всякая вещь у нихъ въ домѣ была на своемъ мѣстѣ, все сіяло и блестѣло, начиная съ мѣдныхъ ручекъ и задвижекъ, а пыль была совершенно изгнана изъ ея царства. Это было нѣчто такое, что совершенно недопускалось въ домѣ доктора Депрэ. Алина, ихъ единственная служанка, не знала другого дѣла, какъ

весь день стирать пыль, чистить, скрести и подметать съ ранняго утра и до поздняго вечера. И такимъ образомъ, докторъ Депрэ въ своемъ домѣ жилъ какъ теленокъ, котораго откармливаютъ къ празднику въ теплѣ, холѣ, чистотѣ и полномъ довольствѣ.

Въ полдень подавался прекраснѣйшій обѣдъ, и въ этотъ день какъ всегда обѣдъ былъ вкусный и обильный. Была и спѣлая ароматная дыня и только что пойманная въ рѣкѣ рыба, съ достопамятнымъ беарнскимъ соусомъ и откормленная пулярдка въ видѣ фрикассе, и превосходная спаржа, а затѣмъ цѣлое блюдо фруктовъ самыхъ отборныхъ. Ко всему этому докторъ Депрэ выпилъ полбутылки съ добавкой еще одного стаканчика прекраснаго семилѣтняго Côte-Rotie (французскаго вина), а г-жа Депрэ — полбутылки безъ стаканчика, того же самаго вина—одинъ стаканчикъ изъ ея полбутылки переходилъ въ качествѣ прибавки къ порціи ея мужа, въ ознаменованіе признанія за нимъ мужскихъ привиллегій. Въ заключеніе подали превосходнѣйшій кофе и графинчикъ «Chartreuse'а» для мадамъ. Докторъ не довѣрялъ всѣмъ этимъ декоктамъ и пренебрегалъ ими, считая ихъ вредными для здоровья. Поставивъ подносъ на столъ, Алина удалилась и оставила супруговъ Депрэ вдвоемъ, предоставивъ имъ безъ помѣхи наслаждаться послѣобѣденной бесѣдой, пріятными воспоминаніями и процессомъ правильнаго пищеваренія.

— Право, душа моя, говорю тебѣ, что для насъ съ тобой большое счастье...—началъ было докторъ.—Да, могу сказать, что твой кофе превосходенъ!—перебилъ онъ себя, отхлебнувъ немного изъ чашки.—Такъ вотъ, я говорю,—продолжалъ онъ,—что для насъ съ тобой большое счастье... Ахъ, Анастази, умоляю тебя, не пей ты этѝ гадости! Не пей этой отравы, ну хоть только сегодня, ну всего только одинъ день, и ты сама увидишь, какую это принесетъ тебѣ пользу; ты будешь чувствовать себя гораздо лучше, ручаюсь тебѣ за это моею репутаціей!

— Но ты не сказалъ мнѣ еще, въ чемъ для насъ съ тобой большое счастье,—замѣтила Анастази, не обративъ вниманія на обычную мольбу и уговоры мужа не пить ликера съ кофе,— мольбу, повторявшуюся регулярно каждый день.

— Въ томъ, душа моя, что у насъ съ тобой нѣтъ дѣтей, красавица моя!—отвѣтилъ нѣжный супругъ.—Я все чаще и чаще объ этомъ думаю по мѣрѣ того, какъ идутъ годы, и все больше и больше благословляю Всевышняго, избавившаго насъ

отъ этой страшной обузы, отъ столькихъ заботъ, хлопотъ и огорченій. Подумать только, какъ твое цвѣтущее здоровье, ненаглядная моя, могло бы пострадать отъ этого, а мои спокойныя ученыя занятія, а наши вкусные обѣды и всякія гастрономическіе деликатесы и лакомства... все, все рѣшительно должно было бы пострадать будь у насъ дѣти, отъ всего этого пришлось бы, если не совсѣмъ, то до извѣстной степени отказаться, пожертвовать, хотя бы отчасти всѣми этими радостями жизни, и спрашивается ради чего? Вѣдь дѣти, это послѣдній остатокъ человѣческаго несовершенства! Передъ ихъ лицомъ бѣжитъ цвѣтущее здоровье женщины; они являются причиной хворости и преждевременной старости нашихъ женъ; они кричатъ, шумятъ, раздражаютъ наши нервы, нарушаютъ миръ и спокойствіе въ домѣ; мало того, они вѣчно задаютъ вамъ неумѣстные, глупые и ненужные вопросы, надоѣдаютъ вамъ постоянными разспросами, требуютъ, чтобы ихъ кормили, поили, умывали, одѣвали, заботились о ихъ воспитаніи, обученіи, чтобы имъ носы сморкали! Да, моя милая, вотъ что значатъ дѣти! А когда они подростутъ, то настанетъ такое время, когда они съ легкимъ сердцемъ разбиваютъ родительское сердце, такъ какъ я разбиваю скорлупу этого орѣха!.. Да, дорогая моя, двое такихъ отъявленныхъ эгоистовъ, какъ мы съ тобой, должны были бы всегда избѣгать произведенія на свѣтъ всякихъ такихъ отпрысковъ, какъ явной измѣны себѣ и другъ другу! Не правда ли?

— Да, другъ мой, въ этомъ ты, дѣйствительно, правъ,—согласилась жена и при этомъ она пріятно засмѣялась.—Въ сущности это такъ на тебя похоже, хвалиться тѣмъ, что собственно произошло помимо твоей воли, и что вовсе не отъ тебя зависѣло.

— Дорогая моя,—возразилъ докторъ какъ бы наставительно и почти торжественно,—ты забываешь, что мы могли усыновить ребенка!

— Ну ужъ, нѣтъ! Этого я не допустила бы никогда... ни за что на свѣтѣ! Слышишь ли, ты, ни за что на свѣтѣ!—воскликнула жена.—Что ни говори, а съ моего согласія, во всякомъ случаѣ, никогда! Еще если бы ребенокъ былъ моя собственная плоть и кровь, я бы, конечно, не отказалась отъ него, но взвалить себѣ на плечи послѣдствія нескромности другой особы—нѣтъ, благодарю покорно! У меня для этого еще слишкомъ много здраваго смысла!

— Вотъ именно!—подтвердилъ докторъ.—У обоихъ насъ было слишкомъ много здраваго смысла для этого, и теперь я тѣмъ болѣе доволенъ нашимъ благоразуміемъ, потому что... потому что... и онъ пристально взглянулъ на свою жену.

— Потому что... что?—спросила она со смутнымъ предчувствіемъ какой-то опасности.

— Потому что я нашелъ теперь именно того, кого слѣдовало,—сказалъ докторъ твердо и рѣшительно,—и я сегодня же усыновлю его!

Анастази смотрѣла на мужа и видѣла его словно въ туманѣ. Она положительно ничего не могла понять.

— Ты съ ума сошелъ!—воскликнула она, и въ голосѣ ея слышалась такая нота, которая предвѣщала семейную бурю.

— Нѣтъ нѣтъ, дорогая моя, ты ошибаешься,—возразилъ мужъ,—я въ здравомъ умѣ и въ полномъ сознаніи, и вотъ тебѣ доказательство; вмѣсто того, чтобы стараться какъ-нибудь замаскировать свою непослѣдовательность, я напротивъ того, желая тебя подготовить, умышленно подчеркнулъ ее. Надѣюсь, что ты въ этомъ узнаешь счастливаго философа, имѣющаго радость и блаженство называть тебя своей женой! Видишь ли, дѣло въ томъ, что я до сихъ поръ никогда не разсчитывалъ на необычайную случайность, съ чѣмъ въ сущности всегда слѣдовало бы считаться; я никогда не думалъ, что найду когда-нибудь настоящаго своего сына; но вотъ прошедшую ночь я нашелъ его! Только, прошу тебя не тревожь себя понапрасно, дорогая моя, въ немъ, насколько я знаю, нѣтъ ни единой капельки моей крови. Онъ мой сынъ по духу,—по уму, если хочешь!

— По духу! По уму!—повторила Анастази съ легкимъ смѣшкомъ, въ которомъ слышалось отчасти возмущеніе и гнѣвъ, отчасти желаніе разсмѣяться.—Скажите пожалуйста, его умъ! Да что это такое, наконецъ, Анри, идіотская шутка или же ты на самомъ дѣлѣ съ ума спятилъ?! Онъ сынъ ему по уму! По духу! Ну, а мнѣ то онъ какъ приходится? Мнѣ то онъ кто по духу и по уму?

— Ты права,—сказалъ докторъ, и пожалъ плечами,—да, ты какъ разъ указала пальцами на единственную загвоздку во всемъ этомъ дѣлѣ;—да признаюсь, что объ этомъ я не подумалъ; но что же дѣлать, дорогая моя!—Я боюсь, что онъ будетъ тебѣ поразительно антипатиченъ, боюсь, что ты, Анастази, ни-

когда не поймешь его, а онъ тебя; это потому что ты взяла себѣ въ мужья животную часть моего существа и моей природы, дорогая моя, и эта физическая сторона моей природы всецѣло въ твоей власти и безраздѣльно принадлежитъ тебѣ, а съ Жанъ-Мари у меня есть духовное сродство настолько сильное, что скажу тебѣ откровенно, я и самъ нѣсколько боюсь его. Ты, конечно, прекрасно понимаешь, что я возвѣщаю тебѣ о своего рода несчастіи для тебя, но только, душа моя,—и голосъ его зазвучалъ искренно озабоченно,—ради Бога не давай воли слезамъ послѣ ѣды,—это такъ вредно Анастази! Я увѣренъ, что ты испортишь себѣ пищевареніе.

И Анастази воздержалась.

— Ты знаешь какъ охотно и съ какой готовностью я всегда подчиняюсь всѣмъ твоимъ желаніямъ,—сказала она,—когда они благоразумны или резонны;—но въ данномъ случаѣ...

— Возлюбленная моя,—перебилъ ее докторъ, спѣша предупредить отказъ съ ея стороны, — припомни, кто пожелалъ уѣхать изъ Парижа? Кто заставилъ меня проститься и съ моей карточной партіей и вмѣстѣ съ тѣмъ и съ моей маленькой страстишкой къ картамъ, и съ оперой, и съ бульварами, и съ моими связями въ обществѣ, словомъ со всѣмъ тѣмъ, что составляло мою жизнь до того времени, когда я узналъ тебя, припомни все это и скажи, былъ ли я тебѣ вѣренъ? Былъ ли я послушенъ тебѣ? Не несъ ли не только безропотно, но даже охотно свою судьбу? И по всей справедливости, Анастази, не имѣю ли я тоже права предъявить тебѣ какое-нибудь требованіе въ свою очередь? Ты знаешь, что я имѣю на это право и признаешь его за мной.—Ну, такъ мое требованіе это, чтобы этотъ сынъ мой былъ принятъ въ нашъ домъ, какъ это и подобаетъ.

Анастази поняла, что она разбита на голову, и что протестовать безполезно, а потому поспѣшила спустить флагъ, какъ судно, которое сдается на морѣ.

— Ты меня убьешь этимъ!—вздохнула она.

— Нисколько!—возразилъ онъ. — Съ мѣсяцъ ты будешь, быть можетъ, чувствовать нѣкоторую горечь или досаду, точно такъ же, какъ это испытывалъ я, когда я впервые очутился въ этой жалкой деревушкѣ, а затѣмъ, твой здравый разсудокъ и твой милый нравъ возьмутъ верхъ, и я теперь уже вижу тебя счастливой и довольной какъ всегда, и при томъ еще съ внутрен-

нимъ сознаніемъ, что ты сдѣлала своего мужа счастливѣйшимъ изъ людей!

— Ты знаешь, что я не могу отказать тебѣ ни въ чемъ,— сказала она, дѣлая еще одну послѣднюю попытку показного сопротивленія,—ни въ чемъ, что можетъ сдѣлать тебя дѣйствительно счастливымъ. Но такъ ли это въ данномъ случаѣ? Увѣренъ ли ты въ этомъ, другъ мой? Ты говоришь, что нашелъ его прошлую ночь! Да вѣдь онъ, можетъ быть, худшій изъ обманщиковъ!

— Я не думаю,—возразилъ докторъ,—нѣтъ, едва ли я могъ ошибиться въ немъ.—Впрочемъ, ты не воображай, что я такъ неосмотрителенъ и неразуменъ, что сейчасъ же сразу вздумаю усыновить его. Нѣтъ, я льщу себя мыслью, что я человѣкъ умудренный житейскимъ опытомъ и потому мнѣ кажется, что я все предвидѣлъ и предусмотрѣлъ, что я взвѣсилъ всѣ возможныя случайности и, имѣя ихъ въ виду, составилъ планъ, который, я надѣюсь, оправдаетъ всѣ мои разсчеты. Я беру мальчика въ качествѣ конюха, пока, и если онъ станетъ таскать что-нибудь или роптать и выказывать недовольство, если онъ захочетъ уйти отъ насъ, то я пойму и увижу, что я ошибся, и я не признаю его своимъ сыномъ, а прогоню его; пускай себѣ шатается по бѣлу свѣту!

— Этого ты никогда не сдѣлаешь,—сказала жена,—я знаю твое доброе сердце.

И она протянула ему свою руку, вздохнувъ при этомъ, а докторъ улыбнулся и поднесъ эту милую, прекрасную ручку къ своимъ губамъ и запечатлѣлъ на ней нѣжный поцѣлуй, полный благодарности. Онъ выигралъ свое дѣло гораздо легче, чѣмъ онъ того ожидалъ. Уже въ двадцатый разъ онъ испытывалъ магическое дѣйствіе своего неизмѣннаго аргумента,—намека на возвращеніе въ Парижъ.—Шесть мѣсяцевъ пребыванія въ Парижѣ для человѣка со склонностями, знакомствами и связями доктора Депрэ и съ его прошлымъ были равносильны полному разоренію. Анастази удалось спасти послѣдніе остатки его былого состоянія только благодаря тому, что она удерживала его безвыѣздно въ деревнѣ. Самое слово «Парижъ» приводило ее въ ужасъ. Она скорѣе разрѣшила бы своему супругу завести цѣлый звѣринецъ въ большомъ саду позади дома, и допустила бы

даже усыновленіе маленькаго конюха—только бы мужъ не касался вопроса о возвращеніи въ столицу.

Часовъ около четырехъ послѣ полудня несчастный паяцъ отдалъ Богу душу; онъ такъ и не приходилъ въ сознаніе съ того момента, какъ впервые впалъ въ забытье. Докторъ Депрэ присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ, и онъ же и объявилъ хозяйкѣ и присутствующимъ, что комедія сыграна, что пѣсенка паяца спѣта до конца, словомъ, что все уже кончено. Послѣ этого онъ взялъ Жанъ-Мари за плечо и вывелъ его въ садъ при гостиницѣ. Здѣсь была удобная скамейка у самой рѣки. Докторъ сѣлъ на эту скамейку и усадилъ мальчугана по лѣвую руку отъ себя.

— Жанъ-Мари,—сказалъ онъ серьезно,—міръ Божій очень, очень великъ, и даже Франція, представляющая собою самую крошечную его частичку, слишкомъ велика и обширна для такого маленькаго мальчугана какъ ты. И хотя мѣста въ мірѣ много всѣмъ, и во Франціи тоже, но къ несчастію всюду такъ много людей, отъ которыхъ всѣмъ тѣсно, людей, которые со всѣми толкаются и всѣмъ загораживаютъ дорогу, и пробиться между ними чрезвычайно трудно. Кромѣ того на свѣтѣ слишкомъ мало пекарень для всѣхъ голодныхъ ртовъ. Хозяинъ твой умеръ, а ты одинъ еще не можешь самъ по себѣ зарабатывать хлѣбъ, а вѣдь воровать ты не желаешь? Неправда ли? Въ такомъ случаѣ положеніе твое, какъ ты самъ, вѣроятно, понимаешь, незавидное, даже можно сказать критическое, въ настоящій моментъ. Съ другой стороны, ты видишь передъ собой въ моемъ лицѣ человѣка, еще не стараго, но уже пожилого, пользующагося всѣми благами душевной молодости и здраваго разума, человѣка образованнаго, развитого, живущаго въ достаткѣ и довольствѣ, имѣющаго приличное положеніе въ жизни и хорошій сытный столъ, человѣка, которымъ нельзя пренебрегать ни въ качествѣ друга, ни въ качествѣ хозяина. И вотъ, я предлагаю тебѣ столъ, и одежду, и обученіе разнымъ наукамъ и познаніямъ, несравненно болѣе цѣлесообразнымъ для мальчугана съ твоимъ складомъ ума и способностями, чѣмъ поученія всѣхъ священниковъ цѣлой Европы взятыхъ вмѣстѣ. Жалованья или какого-либо вознагражденія я тебѣ не предлагаю; но если ты когда-нибудь пожелаешь уйти отъ меня, ты во всякое время найдешь дверь открытой и можешь итти на всѣ четыре стороны, и кромѣ того, я

еще дамъ тебѣ 100 франковъ, чтобы ты имѣлъ возможность начать съ ними новую жизнь по своему усмотрѣнію. А взамѣнъ того, что я тебѣ предлагаю, ты долженъ будешь въ свою очередь работать на меня; у меня есть старая кобыла и телѣжечка, на которой я выѣзжаю; ты очень скоро научишься ходить за кобылой и обмывать и держать въ порядкѣ экипажъ, и это будетъ твоимъ дѣломъ. Ты не спѣши отвѣтомъ, а обсуди хорошенько принять тебѣ или не принять моего предложенія; подумай, что изъ двухъ для тебя будетъ лучше. Но помни, что я не сантиментальный человѣкъ, не сердобольный благотворитель, а человѣкъ, живущій исключительно для себя, и что, если я дѣлаю тебѣ подобное предложеніе, то потому, что имѣю при этомъ въ виду свои цѣли, и ясно предвижу извѣстныя выгоды для себя. Ну, а теперь подумай хорошенько и тогда скажи, какъ ты рѣшилъ поступить.

— Я буду очень радъ принять ваше предложеніе,—сказалъ мальчикъ.—Я положительно не вижу, чтобы я еще могъ сдѣлать, кромѣ этого. Благодарю васъ очень, сударь, и постараюсь сколько могу быть вамъ полезнымъ, обѣщаю вамъ это!—добавилъ онъ увѣренно и съ твердой рѣшимостью въ голосѣ.

— Спасибо, мальчуганъ!—сказалъ докторъ съ теплой ноткой въ голосѣ и при этомъ онъ всталъ со скамейки и утеръ лобъ платкомъ, потому что въ эти минуты, пока рѣшался этотъ вопросъ, онъ переживалъ настоящую агонію страха. Вѣдь отказъ со стороны мальчика послѣ той сцены, которая происходила нынче послѣ обѣда, у него съ женой, поставилъ бы его въ смѣшное положеніе передъ Анастази, а этого онъ ужасно боялся.—Потому то теперь онъ почувствовалъ громадное облегченіе, словно гора свалилась у него съ плечъ, и онъ заговорилъ совсѣмъ весело:

— Какой жаркій, душный вечеръ сегодня, не правда ли? У меня лѣтомъ всегда являлось желаніе быть рыбой, Жанъ-Мари.—Ты знаешь, что здѣсь подъ Гретцемъ протекаетъ Луанъ, славная рѣка... и лежалъ бы я гдѣ-нибудь подъ водяной кувшинкой у берега и прислушивался бы къ звону колоколовъ, мнѣ думается, что тамъ подъ водой этотъ звонъ звучитъ особенно нѣжно и пріятно, особенно хватаетъ за душу. Вотъ была бы жизнь! Какъ ты думаешь? Хорошо было бы? А?

— Да,—сказалъ Жанъ-Мари задумчиво,—я думаю, что это должно быть хорошо.

— Благодареніе Богу, у тебя какъ я вижу есть воображеніе!—воскликнулъ докторъ и, со свойственной ему экспансивностью и искренностью, заключилъ мальчика въ свои объятія. Но этотъ поступокъ его видимо смутилъ мальчугана на столько же на сколько онъ смутилъ бы въ Англіи мальчика въ школьномъ возрастѣ, т. е. приблизительно однихъ съ нимъ лѣтъ. Какъ видно бѣдный мальчикъ совершенно не привыкъ къ такого рода проявленіямъ чувствъ.

— Ну, а теперь,—сказалъ докторъ,—я отведу тебя къ моей женѣ.

Г-жа Депрэ сидѣла въ столовой въ легкомъ пеньюарѣ. Всѣ шторы были опущены, а выстланный каменными плитами полъ былъ только что опрыскамъ водой. Когда они вошли г-жа Депрэ сдѣлала видъ, будто она читаетъ романъ, лежавшій у нея на колѣняхъ, хотя еще за секунду до того глаза ея были полузакрыты. Несмотря на то, что она была женщина весьма расторопная и большая хлопотунья, она тѣмъ не менѣе любила покой, и наслаждалась имъ съ большимъ удовольствіемъ всякій разъ когда была не занята какимъ-нибудь безотлагательнымъ дѣломъ; притомъ она имѣла также большую слабость ко сну.

Войдя, докторъ торжественно отрекомендовалъ женѣ приведеннаго имъ мальчугана и въ заключеніе въ назиданіе обоимъ добавилъ:

— Вы должны постараться полюбить другъ друга въ угоду мнѣ.

— Онъ прехорошенькій! — замѣтила Анастази.—Ну, поцѣлуй же меня, мой славный малютка!—добавила она ласково, обращаясь къ мальчугану.

Докторъ положительно пришелъ въ бѣшенство; онъ вытащилъ жену въ коридоръ, и обрушился на нее цѣлымъ градомъ упрековъ.

— Да въ умѣ ли ты, Анастази! Гдѣ же этотъ вашъ прославленный женскій тактъ, о которомъ мнѣ постоянно кричатъ! Видитъ Богъ, я еще ни разу въ жизни не видалъ его! Ты умная женщина и вдругъ обращаешься къ моему маленькому философу, какъ къ какому-нибудь младенцу. Къ нему надо относиться съ большимъ уваженіемъ, а не надоѣдать ему бабьими ласками и поцѣлуями, какъ малому ребенку.

— Я сдѣлала это только ради того, чтобы угодить тебѣ,—

сказала Анастази,—я постараюсь, чтобы этого больше не повторялось.

Докторъ извинился передъ женой за свою горячность и затѣмъ пояснилъ:—Я конечно, желаю, чтобы онъ здѣсь чувствовалъ себя среди насъ какъ дома, но твое поведеніе на этотъ разъ было право такъ глупо, возлюбленная моя, такъ неумѣстно и смѣшно, что могло вывести изъ себя даже и святого и потому ты должна мнѣ простить на этотъ разъ, что я такъ погорячился, выражая тебѣ мое неодобреніе. Постарайся, прошу тебя, если только это возможно для женщины,—понять это молодое существо; но, впрочемъ, я вполнѣ увѣренъ, что это совершенно невозможно,—и я только даромъ трачу слова. Во всякомъ случаѣ старайся говорить съ нимъ какъ можно меньше и наблюдай за мной, какъ я себя держу съ нимъ; это можетъ послужить тебѣ примѣромъ.

И Анастази послѣдовала этому мудрому совѣту; она наблюдала за своимъ супругомъ, и замѣтила, что онъ трижды въ теченіи этого вечера кидался обнимать и цѣловать мальчика, и что каждый разъ онъ этимъ до того ошеломлялъ и смущалъ этого маленькаго человѣчка, что тотъ совершенно утрачивалъ на нѣкоторое время и аппетитъ и способность говорить. Но Анастази обладала истинно женскимъ героизмомъ въ такого рода вещахъ, и не только воздержалась отъ дешевой отместки, указавъ мужу на его собственную непослѣдовательность въ поступкахъ, но даже еще постаралась изгладить на сколько возможно ихъ неблагопріятное дѣйствіе на Жанъ-Мари. Такъ, когда докторъ вышелъ изъ дома, какъ всегда подышать свѣжимъ воздухомъ передъ отходомъ ко сну, она подошла къ мальчику и, взявъ его ласково за руку, сказала:

— Ты не долженъ ни пугаться, ни смущаться нѣсколько страннымъ обхожденіемъ моего мужа. Это добрѣйшій человѣкъ, но онъ такъ уменъ, и такъ ученъ, что иногда его трудно бываетъ понять. Ты скоро привыкнешь къ нему, и тогда я увѣрена, что ты полюбишь его, потому что не полюбить его нельзя, это тебѣ всякій скажетъ, кто его знаетъ. А что касается меня, то ты можешь быть увѣренъ, что я постараюсь сдѣлать тебя счастливымъ и вовсе не буду ни мучить тебя, ни надоѣдать тебѣ. Мнѣ думается, что намъ слѣдовало бы быть съ тобой добрыми друзьями. Я не больно ученая, но я добродушная и доброжелательная женщина,—поцѣлуй меня!

Мальчикъ поднялъ къ ней голову и подставилъ ей свое лицо для поцѣлуя, а она заключила его въ свои объятія и заплакала. Она начала говорить съ чувствомъ снисхожденія, но затѣмъ разстрогалась сама отъ своихъ словъ, и въ ней заговорила женская нѣжность. Докторъ, вернувшись, засталъ ихъ въ объятіяхъ другъ друга и рѣшилъ, что въ этомъ была виновата опять его жена. Онъ уже былъ готовъ обрушиться на нее градомъ упрековъ, онъ даже началъ было грознымъ, наводящимъ ужасъ голосомъ: «Анастази»... но она устремила на него полный нѣжности и умиленія взглядъ, улыбнулась и подняла кверху палецъ приглашая его молчать.—И онъ замолчалъ, удивляясь тому, что здѣсь могло произойти,—а она отвела мальчика въ мезонинъ, гдѣ ему было отведено и приготовлено помѣщеніе.

IV. Воспитаніе философа.

Такимъ образомъ водвореніе пріемнаго сына-конюха благополучно совершилось, и колесо семейной жизни въ домѣ доктора Депрэ продолжало катиться своимъ порядкомъ, ровно и гладко, какъ по скатерти. По утрамъ Жанъ-Мари добросовѣстно исполнялъ свои обязанности конюха, чистилъ лошадь и мылъ, и прибиралъ экипажъ,—а затѣмъ иногда помогалъ въ домашнихъ работахъ, а иногда отправлялся гулять съ докторомъ, и почерпалъ въ его бесѣдахъ бездну премудрости. По вечерамъ его знакомили съ разными науками и съ древними языками. Живя въ семьѣ доктора, мальчикъ сохранялъ свое странное невозмутимое спокойствіе манеръ и мыслей; онъ почти ни разу ни въ чемъ не провинился, добросовѣстно исполнялъ все, что отъ него требовали, но въ наукахъ онъ почти не дѣлалъ успѣховъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, которые были ему по душѣ, и въ общемъ оставался, несмотря ни на что, какъ бы чужимъ въ этой семьѣ, быть можетъ вслѣдствіе своей природной замкнутости и постоянной вдумчивости.

Докторъ могъ служить образцомъ регулярности и аккуратности; каждый день до обѣда онъ работалъ надъ своей большой книгой «Сравнительная Фармакопея» или «Историческій Словарь всѣхъ медикаментовъ», который по сіе время представлялъ собою еще разрозненные лоскутки бумаги, сошпиленные булавками. Въ законченномъ видѣ этотъ трудъ долженъ былъ пред-

ставлять собою множество увѣсистыхъ томовъ и совмѣщать въ себѣ любопытный историческій матеріалъ и полезныя практическія професіональныя свѣдѣнія. Но докторъ имѣлъ пристрастіе къ литературнымъ красотамъ и живописности описаній, и уснащалъ свою научную книгу, то анекдотомъ, то колоритной бытовой сценкой, то какимъ-нибудь народнымъ суевѣріемъ, или моральнымъ наставленіемъ, или же звонкимъ эпитетомъ, и даже предпочиталъ всѣ эти детали сухой научной матеріи. Словомъ, еще немножко,—и онъ написалъ бы свою Фармакопею, если бы это только было возможно, въ поэтическихъ стихахъ, въ видѣ научной поэмы. Статья озаглавленная «Муміи», была уже давно готова, но самый трудъ дальше буквы **А** не подвинулся. Эта статья была чрезвычайно подробная, обширная, интересно и занимательно составленная, написанная сочно и красочно, и при этомъ строго-нучно и точно, съ массою интересныхъ подробностей и указаній, словомъ превосходная литературная статья, но едва ли бы практикующій врачъ могъ почерпнуть въ ней что-либо, что могло бы ему пригодиться, или чѣмъ бы онъ могъ хоть сколько-нибудь руководствоваться въ своей повседневной практикѣ. Женскій здравый смыслъ жены, сразу помогъ ей подмѣтить этотъ недостатокъ статьи, и она съ полной искренностью указала на него мужу. По мѣрѣ того, какъ трудъ доктора съ чрезвычайной медленностью подвигался впередъ къ своему безконечно далекому окончанію, докторъ регулярно прочитывалъ вслухъ женѣ написанное; и она слушала его въ полудремотномъ состояніи, но тѣмъ не менѣе какъ-то улавливала самый смыслъ и высказывала время отъ времени свои, иногда весьма дѣльныя, замѣчанія. Только докторъ былъ болѣзненно чувствителенъ въ своемъ авторскомъ самолюбіи, и всякое сколько-нибудь неодобрительное замѣчаніе задѣвало его за живое.

Послѣ обѣда, подававшагося ровно въ полдень, конечно, не сейчасъ, а выждавъ надлежащее время, чтобы процессъ пищеваренія могъ спокойно пройти своимъ порядкомъ,—докторъ обыкновенно отправлялся гулять иногда одинъ, иногда въ сопровожденіи Жана-Мари, потому что madame предпочла бы невѣсть какую тяжелую работу у себя въ домѣ, даже самой маленькой прогулкѣ.

Какъ уже было говорено раньше, она была женщина работящая, дѣятельная, постоянно озабоченная мыслью объ удобствахъ и матеріальныхъ благахъ своего мужа, но на ряду съ этимъ, она

была готова въ любое время заснуть надъ книгой, какъ только хлопоты ея были окончены, и все въ домѣ сдѣлано и въ порядкѣ. Эта ея способность засыпать въ любую минуту не имѣла, однако, ничего непріятнаго, такъ какъ она никогда не храпѣла, цвѣтъ ея лица не измѣнялся во время сна, какъ у нѣкоторыхъ людей—лицо не принимало тупого или непріятнаго выраженія, а, напротивъ, она являлась какъ бы олицетвореніемъ сладостнаго, соблазнительнаго покоя, и пробуждалась она не вздрагивая и не вскакивая, какъ ужаленная, не зѣвала и не протирала глазъ въ какомъ-то безсмысленномъ недоумѣніи, а спокойно раскрывала ихъ и сразу приходила въ полное сознаніе окружающей дѣйствительности, такъ что, казалось, будто она даже вовсе не спала.

Въ сущности, въ ней было очень много животнаго, но такое красивое и милое животное пріятно имѣть подлѣ себя. Благодаря такому ея образу жизни она мало занималась и рѣдко соприкасалась съ Жаномъ-Мари, но тѣмъ не менѣе ихъ добрыя отношенія, завязавшіяся въ первый вечеръ его водворенія въ ихъ домѣ не ослабѣвали; они иногда вступали даже въ разговоры,—обыкновенно на хозяйственныя темы, и къ великому огорченію доктора, даже выплывали вмѣстѣ по воскресеньямъ въ храмъ невѣжественнаго суевѣрія, т. е. въ сельскую церковь. Кромѣ того, дважды въ мѣсяцъ и онъ, и madame, вырядившись въ праздничное платье,—отправлялись вдвоемъ въ Фонтэнбло, и возвращались оттуда нагруженные покупками. Короче сказать, несмотря на то, что докторъ продолжалъ смотрѣть на нихъ, какъ на двѣ непримиримо враждебныя или недоброжелательныя другъ къ другу стороны,—ихъ отношенія въ дѣйствительности были на столько близкія, дружественныя и искреннія, на сколько это допускала ихъ натура.

Однако, можно предположить, что въ самомъ дальнемъ тайникѣ своей души, Анастази, пожалуй, нѣсколько презирала и жалѣла бѣднаго мальчика, жившаго у нихъ въ домѣ. Его достоинства и тѣ качества, какими его надѣлила природа, не возбуждали въ ней восхищенія; она предпочитала франтоватыхъ, веселыхъ, бойкихъ, открытыхъ, даже нѣсколько грубоватыхъ мальчугановъ,—съ шапкой набекрень,—быстрыхъ на ногу и на языкъ, смѣло смотрящихъ каждому прямо въ глаза. Ей нравилась болтливость, живость, даже немного развращенности, и красивая развязность манеръ; словомъ будь онъ вылитый портретъ

доктора въ миніатюрѣ,—онъ бы ей нравился больше. А теперь она была глубоко убѣждена, что Жанъ-Мари былъ глупъ.

— Бѣдный мальчикъ,—сказала она однажды мужу,—какъ это печально и какъ жаль, что онъ такой глупый!

Но она никогда больше не осмѣливалась повторить этихъ словъ, потому что докторъ услыхавъ ихъ, пришелъ въ дикое бѣшенство; онъ положительно освирѣпѣлъ, какъ разъяренный буйволъ,—принялся осыпать ее самыми грубыми упреками, объявилъ, что сама она глупа, какъ неразумная скотина, жаловался даже на свою судьбу, сочетавшую его съ такой ослицей, и что всего больше огорчило Анастази, это то, что. стуча кулаками по столу, онъ угрожалъ перебить китайскій фарфоръ, стоявшій на столѣ, или задѣть что-нибудь своею невоздержанной жестикуляціей. А въ результатѣ она все же осталась при своемъ мнѣніи, хотя и не высказывала его больше вслухъ. И, когда Жанъ-Мари бывало сидѣлъ съ тупымъ и смущеннымъ видомъ надъ своими недоконченными уроками, недоумѣвающій, но отнюдь не чувствующій себя несчастнымъ, она воспользовавшись отсутствіемъ доктора, прокрадывалась къ мальчугану и, обнявъ его сзади за шею, прижималась щекой къ его щекѣ, и выражала ему нѣжно и ласково свое сочувствіе его горю.

— Ты не тужи,—утѣшала она его,—посмотри на меня, вѣдь я тоже вовсе не умна и не учена, но мнѣ совсѣмъ не плохо живется на свѣтѣ. Повѣрь мнѣ, въ жизни это вовсе не такъ нужно!

Докторъ былъ, конечно, на этотъ счетъ совсѣмъ другого мнѣнія. Онъ никогда не уставалъ слушать самаго себя; звукъ его собственнаго голоса, повидимому, очень нравился ему, хотя слѣдуетъ сказать по справедливости, что голосъ у него былъ чрезвычайно пріятный, и теперь онъ былъ, можно сказать, вполнѣ счастливъ, потому что у него былъ слушатель менѣе безучастный и не столь цинически равнодушный къ его теоріямъ, какъ его прекрасная Анастази. Слушатель этотъ внималъ ему съ интересомъ, и по временамъ задавалъ ему самые интересные вопросы, возбуждалъ его пылъ и воодушевленіе самыми дѣльными и умѣстными возраженіями, или замѣчаніями. А кромѣ всего этого, развѣ онъ не взялъ на себя воспитаніе этого мальчика? Воспитаніе маленькаго философа! А относительно того, что воспитаніе есть самая философская изъ всѣхъ обязанностей человѣка, соглашаются всѣ философы. И что можетъ быть болѣе

утѣшительно для бѣднаго смертнаго, какъ не возведеніе его прихоти, каприза или забавы на уровень высокаго долга,—служенія государству и человѣчеству! При такихъ условіяхъ нашъ жизненный путь становится путемъ блаженства. Никогда еще докторъ не имѣлъ столько основаній радоваться своимъ дарованіямъ и способностямъ, о которыхъ онъ, между нами говоря, былъ очень высокаго мнѣнія. Философскія истины и теоріи положительно лились у него съ устъ,—и онъ былъ до такой степени искусный діалектикъ, что съ легкостью могъ всегда подвести какую угодно безсмыслицу, если это требовалось, подъ основы здраваго смысла и строгой логики, и доказать цѣлесообразность чего угодно, и полную совмѣстимость съ проповѣдуемой имъ теоріей. Изъ всякаго рода затруднительныхъ и неловкихъ положеній, изо всякаго рода пререканій онъ успѣвалъ выскользнуть точно угорь изъ рукъ, и въ результатѣ всегда оставлялъ своего ученика удивленнымъ глубиною его премудрости и богатствомъ его познаній.

Но въ то же время, въ глубинѣ души докторъ былъ нѣсколько разочарованъ плохими успѣхами его ученика въ преподаваемыхъ ему школьныхъ наукахъ. Мальчикъ, котораго онъ самъ, онъ, такой опытный и проницательный наблюдатель, избралъ какъ особенно одареннаго и способнаго, руководимый въ наукахъ такимъ выдающимся наставникомъ-философомъ, былъ обязанъ, согласно всѣмъ міровымъ законамъ, дѣлать болѣе замѣтные и болѣе быстрые успѣхи. Но Жанъ-Мари былъ во всемъ нѣсколько медлителенъ, и во многомъ оставался совершенно непонятнымъ для окружающихъ. Его способность забывать вполнѣ соотвѣтствовала его способности заучивать, а потому занятія классныя или школьныя съ нимъ весьма походили на толченіе воды въ ступѣ, но за то перепатетическія лекціи, доставляли доктору истинное наслажденіе, потому что имъ мальчикъ внималъ съ видимымъ удовольствіемъ, и даже почерпалъ въ нихъ много съ видимой пользой для своего умственнаго развитія, легко усваивая и запоминая все, что его почему-либо интересовало, и чему онъ сочувствовалъ въ той или иной мѣрѣ.

Много, много о чемъ бесѣдовали наставникъ и ученикъ, но всего чаще докторъ возвращался къ своей излюбленной темѣ о здоровьѣ и воздержаніи, какъ главныхъ источникахъ человѣческаго счастія и благополучія.

— Я веду тебя по зеленѣющимъ пастбищамъ, другъ мой,—

говаривалъ докторъ;—моя система, мое леченіе, мое ученіе все основано на одной фразѣ: избѣгать всякаго рода излишествъ! Благословенная природа, здоровая, воздержанная, разумная во всемъ, не выноситъ и уничтожаетъ всякій эксцессъ, всякое излишество, но человѣческіе законы лишь въ очень слабой степени подражаютъ ей; потому всѣ мы должны постоянно помнить, что на насъ лежитъ обязанность восполнять эти законы личными стараніями.—Да, мой маленькій другъ, мы сами должны себѣ создать законы для себя и для нашихъ ближнихъ и неуклонно слѣдить за исполненіемъ этихъ разумныхъ законовъ, даже въ случаѣ надобности принуждать и себя, и другихъ къ соблюденію ихъ, даже вооруженною силой, если это нужно!— lex armata, т. е. вооруженный, тиранический законъ слѣдуетъ примѣнять къ людямъ, не сознающимъ своей пользы и причиняемаго ими себѣ вреда! Напримѣръ, если ты увидишь старую человѣческую развалину, т. е. дряхлаго старца, нюхающаго табакъ,— вырви у него изъ рукъ табакерку. Судья—это, конечно, тоже явленіе болѣзненное—родъ признанія за людьми извѣстнаго недуга — отсутствія правильнаго и безпристрастнаго самосуда— но все же далеко не столь вредное, какъ докторъ или священникъ, особенно же докторъ. Вѣдь это въ сущности корыстный отравитель, иногда безсознательный, иногда сознательный, съ цѣлымъ арсеналомъ всякой гнойной дряни и требухи, входящей въ составъ его фармакопеи! Чистый, свѣжій воздухъ отъ сосѣдства сосноваго лѣса, насыщенный смолистымъ запахомъ, неподмѣшанное, чистое, натуральное вино, и размышленіе не лжемудрствующаго здраваго ума, не искаженнаго софизмами, въ присутствіи прекрасныхъ твореній природы,—вотъ что является, сынъ мой, самыми лучшими лѣчебными средствами какъ для возстановленія, такъ и для поддержанія здоровья физическаго, а также и для религіознаго утѣшенія и духовнаго удовлетворенія. Посвяти себя распространенію этого ученія, и ты поступишь благоразумно! Слышишь? Это звонятъ колокола въ Бурронѣ (вѣтеръ съ сѣвера, будетъ хорошая погода). Какъ чисты и ясны и словно прозрачны эти отдаленные звуки. Они такъ гармонируютъ съ душевнымъ настроеніемъ, такъ благотворно, успокаивающе дѣйствуютъ на нервы, что умъ смолкаетъ, и сердце начинаетъ биться легко и ровно! Всѣ эти ваши непросвѣщенные доктора не увидѣли бы ничего особеннаго въ этихъ ощущеніяхъ, они не придали бы имъ никакого значенія, а

между тѣмъ ты самъ теперь видишь, что они являются частью твоего здоровья, что они способствуютъ ему. Помнишь, мы сегодня читали о хинѣ? Такъ вотъ, эта хина тоже продуктъ природы, какъ и пропитанный смолою воздухъ; вѣдь она въ сущности ничто иное, какъ кора хиннаго дерева, кора которую мы могли бы собирать собственноручно, если бы мы съ тобой жили въ той мѣстности, гдѣ растутъ эти деревья. Подумай только, какъ прекрасенъ, какъ разуменъ этотъ міръ! И хотя я отъявленный атеистъ, но я съ восторгомъ свидѣтельствую о всѣхъ красотахъ и совершенствахъ этого міра, о богатствѣ и премудрости природы, объ обиліи и разнообразіи ея даровъ! Ты оглянись кругомъ, сколько тутъ повсюду даровыхъ лѣкарствъ и лѣчебныхъ средствъ, сколько радостей и удовольствій разсыпано повсюду на твоемъ пути! Вонъ тамъ въ концѣ сада протекаетъ рѣка,—это наша даровая купальня, нашъ живорыбный садокъ, наше естественное орошеніе почвы; а тамъ во дворѣ колодецъ даетъ намъ чистую, свѣтлую студеную воду, изъ самаго сердца, изъ самыхъ нѣдръ земли! Эта вода вкусна, живительна, холодна и съ небольшой примѣсью хорошаго вина очень полезна и здорова. Вся вообще наша мѣстность славится своимъ здоровымъ климатомъ; ревматизмы—единственный недугъ, на который здѣсь жалуются люди; но ты видишь, что я лично никогда не страдалъ даже и малѣйшимъ приступомъ ревматическихъ болей, и я говорю тебѣ, и мое убѣжденіе основано на самомъ холодномъ, на самомъ здравомъ и строгомъ обсужденіи этого вопроса,—мое убѣжденіе таково, что если бы кто-нибудь изъ насъ, ты или я, вздумалъ вдругъ покинуть эту прекрасную здоровую мѣстность, то долгъ близкаго друга, его неоспоримое право, это удержать несчастнаго безумца отъ этого шага, удержать его хотя бы подъ угрозой пистолетной пули!

И мальчикъ слушалъ своего наставника и руководителя и запоминалъ его слова.

Въ одно прекрасное іюньское утро они сидѣли на небольшомъ пригоркѣ за деревней и, какъ всегда, бесѣдовали. Рѣка такая же голубая, какъ небо, сверкая на солнцѣ, просвѣчивала тутъ и тамъ между листвой росшихъ по берегу деревьевъ. Неумолкаемыя, легкокрылыя птицы летали и кружились вокругъ и надъ колокольней Гретца; со стороны мыса дулъ довольно сильный вѣтеръ, и въ воздухѣ стоялъ тихій шумъ сотней и сотней раскачиваемыхъ вѣтромъ верхушекъ деревьевъ и шелестъ милліоновъ

и миллионовъ зеленыхъ листочковъ, наполнявшій слухъ чѣмъ-то среднимъ между тихимъ ласковымъ шепотомъ и пѣніемъ. Казалось, будто подъ каждой былинкой скрывается рѣзвая стрекоза и, сладко заливаясь, трещитъ, оглашая своимъ веселымъ пѣніемъ окрестные луга; будто надъ ними несется, звеня бубенцами и здѣсь и тамъ, какая-то маленькая волшебница на своей колесницѣ, запряженной роемъ золотистыхъ пчелъ. Со ската холма, на которомъ расположились наши друзья, имъ открывалась довольно обширная панорама: глазъ обнималъ съ одной стороны большое пространство равнины, обсаженной тополями, съ другой волнистую линію холмовъ, поросшихъ лѣсомъ, а прямо противъ нихъ, можно сказать у ихъ ногъ, пріютилась на берегу рѣки ихъ деревенька Гретцъ, горсточка черепичныхъ крышъ, словно кучка воробьевъ. Подъ огромнымъ голубымъ сводомъ неба, уходящимъ далеко въ высь, деревушка казалась дѣтской игрушкой отсюда; казалось невѣроятнымъ, чтобы люди могли жить, двигаться и дышать въ такомъ крошечномъ уголкѣ земного шара. Быть можетъ, впервые эта мысль мелькнула въ головѣ мальчика, и онъ высказалъ ее словами:

— Какой маленькой она кажется отсюда!—вздохнулъ онъ.

— Да, очень маленькой теперь, — отозвался докторъ, — а было время, когда Гретцъ былъ обнесенный стѣной, укрѣпленный городъ, съ высокими грозными башнями на зубчатыхъ стѣнахъ, съ красивыми тонкими шпилями на башняхъ, городъ цвѣтущій, богатый, торговый, гдѣ расхаживали и толпились богатые граждане и купцы въ дорогихъ мѣхахъ и вооруженные воины въ панцыряхъ и кольчугахъ, гдѣ обдѣлывались большіе дѣла и обороты, собирались совѣты. Тысячи трубъ въ домахъ переставали куриться, и въ тысячахъ оконъ гасли огни, когда раздавался вечерній звонъ (couvre-feu) съ главной городской башни; а за городскими воротами торчали висѣлицы въ такомъ же количествѣ, какъ теперь вороньи пугала на нашихъ огородахъ. А въ военное время осаждающіе, по приставнымъ лѣстницамъ, взбирались на стѣны, и стрѣлы сыпались, какъ листья въ листопадъ; осажденные дѣлали смѣлыя вылазки, происходили отчаянныя схватки на подъемномъ мосту, и обѣ воюющія стороны издавали громкій и грозный крикъ, когда скрещивали другъ съ другомъ оружіе. Знаешь ли ты, что въ ту пору городскія стѣны тянулись до самой Коммандри, такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ преданіе. Но, увы, все это давно, давно миновало. Все это было и

прошло, и быльемъ поросло, и отъ всего этого былого остались теперь только мои тихія слова, повѣствующія тебѣ объ этихъ воспоминаніяхъ прошлаго. Даже самый городъ съежился и превратился въ эту невзрачную, скромную тихую деревушку, что лежитъ тамъ внизу, такая маленькая и едва замѣтная... А случилось это такъ. Съ теченіемъ времени завязалась у насъ война съ англичанами. Впослѣдствіи тебѣ еще часто придется слышать о нихъ. Это глупый народъ, который, иногда самъ для себя невзначай, дѣлаетъ что-нибудь путное по ошибкѣ... Такъ вотъ, англичане взяли Гретцъ, разорили, разграбили и сожгли. Такова повѣсть очень многихъ нашихъ городовъ, которыхъ постигала такая же участь; но другіе города возрождались изъ пепла, а Гретцъ такъ и не возсталъ, такъ его и не отстроили вновь; его развалинами воспользовались другіе города, какъ каменоломней; изъ его камней и плитъ выросли цѣлыя улицы въ Немурѣ. Меня радуетъ, однако, сознаніе, что нашъ старый домъ былъ первый выстроенный послѣ разгрома, и что онъ, такъ сказать, положилъ начало этой деревушкѣ, на мѣстѣ безвозвратно погибшаго города.

— Я тоже этому радъ,—сказалъ Жанъ-Мари.

— Нашъ домъ долженъ былъ бы служить храмомъ скромныхъ добродѣтелей!—продолжалъ докторъ, торжественно смакуя съ особымъ удовольствіемъ свои собственныя слова.—Быть можетъ, одною изъ причинъ того, что я такъ люблю эту деревушку, является то обстоятельство, что ея исторія сходна съ моей; не знаю, говорилъ ли я тебѣ, что я раньше былъ очень богатъ?

— Нѣтъ, вы мнѣ этого какъ будто не говорили,—отвѣтилъ Жанъ-Мари,—я едва ли бы могъ забыть объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ очень жаль, что вы потеряли свое состояніе

— Жаль?—воскликнулъ докторъ.—Ну, другъ мой, какъ видно, мое воспитаніе еще не успѣло повліять на тебя.—Выслушай меня и отвѣть мнѣ по совѣсти, какъ всегда; скажи мнѣ, гдѣ бы ты лучше желалъ жить, въ старомъ многолюдномъ, укрѣпленномъ Гретцѣ или въ нашемъ новомъ маленькомъ скромномъ Гретцѣ, тихомъ и спокойномъ, не знающемъ ни тревогъ, ни войны, окруженномъ со всѣхъ сторонъ зелеными лугами и лѣсами, гдѣ нѣтъ ни паспортовъ, ни солдатчины, и гдѣ тебя не гонитъ вечерній колокольный звонъ, хочешь не хочешь, въ постель съ закатомъ солнца?

— Мнѣ думается, что я предпочелъ бы жить въ новомъ Гретцѣ,—сказалъ мальчикъ.

— Ну, безъ сомнѣнія,—подхватилъ докторъ—и я тоже, конечно! И вотъ точно такъ же я предпочитаю мое настоящее положеніе и мой скромный достатокъ моему прежнему богатству. «Золотая середина!» восклицали съ восторгомъ древніе мудрецы, и я вторю имъ отъ всего сердца, я подписываюсь подъ ихъ мудрымъ словомъ обѣими руками. Развѣ у меня нѣтъ добраго вина, вкуснаго обѣда, лакомыхъ блюдъ, чистаго здороваго воздуха, луговъ и лѣсовъ для прогулокъ, чистой, свѣтлой рѣки для купанья, уютнаго славнаго дома, очаровательной и прелестной жены и маленькаго мальчугана, котораго я люблю, какъ родного сына? Ну, а если бы я былъ богатъ, какъ раньше, я бы, конечно, жилъ въ Парижѣ, а знаешь ли ты, что такое Парижъ? Могу тебя увѣрить, что Парижъ это не синонимъ рая! Вмѣсто этого пріятнаго шелеста вѣтра въ листвѣ, шумъ вавилонскаго столпотворенія и грохотъ мостовыхъ на улицахъ, ослѣпительная штукатурка бѣлыхъ, желтыхъ и красныхъ домовъ, вмѣсто спокойныхъ сѣрыхъ тоновъ деревенскихъ строеній и полей, вмѣсто зелени, луговъ и лѣсовъ, и сверхъ всего расшатанные нервы и неправильное пищевареніе. Представь себѣ все это! Ты уже заранѣе можешь представить результаты и послѣдствія: мысль постоянно возбуждена, сердце бьется неровнымъ темпомъ, человѣкъ становится не похожъ на себя; все въ немъ суета, огорченіе, досада, возбужденіе. Я терпѣливо и настойчиво изучалъ себя, потому что это есть истинная задача философа, и я знаю себя и свой характеръ, какъ музыкантъ знаетъ свой инструментъ. Стоитъ мнѣ только вернуться въ Парижъ, и я совсѣмъ пропаду; я разорюсь до послѣдней нитки игрой, потому что игра это моя страсть! Мало того, я разбилъ бы жизнь и сердце моей милой Анастази тѣмъ, что сталъ бы измѣнять ей на каждомъ шагу! Вотъ, что для меня значитъ Парижъ!

Этого Жанъ-Мари никакъ не могъ понять. Онъ не могъ понять, какъ мѣсто можетъ настолько измѣнить не только всю жизнь и вкусы человѣку, но и самого человѣка, такого прекраснѣйшаго человѣка, какъ докторъ. Этому положительно не вѣрилось.

— Парижъ,—утверждалъ онъ,—даже весьма пріятное мѣстопребываніе, и когда я жилъ въ Парижѣ, я не замѣчалъ въ себѣ никакой особенной разницы,—добавилъ онъ увѣренно.

— Какъ,—воскликнулъ докторъ,—а развѣ ты не тамъ началъ воровать!

— Да, но что же изъ этого?—промолвилъ онъ. Вообще, его никоимъ образомъ нельзя было убѣдить, что воровать дурно, и что онъ поступалъ предосудительно, когда воровалъ, да и самъ докторъ этого не думалъ; но дѣло въ томъ, что этотъ господинъ становился всегда чрезвычайно щепетильнымъ, когда находилъ нужнымъ возражать, какъ это было на этотъ разъ.

— Ну, а теперь, ты, я полагаю, начинаешь понимать, что моими истинными, единственными друзьями были тѣ люди, которые разорили меня. Гретцъ былъ моей академіей, моей санаторіей, моимъ раемъ земнымъ, источникомъ чистыхъ и невинныхъ удовольствій! И если мнѣ предложатъ милліоны, я откажусь отъ нихъ, я отстраню ихъ отъ себя и воскликну: отойди отъ меня сатана! Прими къ свѣдѣнію мой примѣръ, сынъ мой, пренебрегай богатствомъ и избѣгай развращеннаго и принижающаго вліянія большихъ городовъ, и пусть твоимъ девизомъ въ теченіе всей твоей жизни будутъ «Гигіена и средній достатокъ», т. е. умѣренность и аккуратность во всемъ.

Замѣчательно, что гигіеническій методъ доктора Депрэ и вся его система поразительно совпадали съ его вкусами; а картина рисуемой имъ идеальной и образцовой жизни являлась добросовѣстнѣйшимъ повтореніемъ той жизни, какою онъ жилъ въ данное время. Но не трудно убѣдить мальчика въ томъ, что вы ему утверждаете несомнѣнными фактами изъ собственнаго опыта, чему вы сами служите примѣромъ. А кромѣ того, что было всего болѣе убѣдительно въ философіи доктора, такъ это неподдѣльный энтузіазмъ философа, его искренняя убѣжденность и восторженное преклоненіе предъ своими теоріями. Кажется не было на свѣтѣ человѣка, который бы такъ страстно желалъ быть удовлетвореннымъ и довольнымъ своей философіей, какъ докторъ Депрэ, и если онъ не былъ особенно логиченъ и потому не имѣлъ права разсчитывать на возможность дѣйствовать на умъ собесѣдника посредствомъ убѣжденій, то, будучи несомнѣнно поэтомъ въ душѣ, онъ овладѣвалъ его воображеніемъ и обольщалъ его чувства, очаровывая его своею вдохновенной рѣчью. А то, чего онъ иногда не могъ достигнуть при обычномъ своемъ настроеніи духа—блаженнаго восхищенія собою и своими теоріями,—то ему часто удавалось въ минуту находившей на него по временамъ хандры и меланхоліи.

— Мальчуганъ, держись ты отъ меня подальше сегодня,—говорилъ онъ въ подобныя минуты.—Будь я суевѣренъ, я бы

сталъ просить тебя помянуть меня въ твоихъ молитвахъ. Я въ самомъ мрачномъ настроеніи сегодня,—мнѣ думается что злой духъ царя Саула, что вѣдьма, преслѣдовавшая купца Абудала, что тотъ дьяволъ или чортъ, который не давалъ покоя средневѣковому монаху, овладѣли мной, вселились въ меня и хозяйничаютъ у меня въ душѣ. Теперь порочныя наклонности моей натуры начинаютъ брать во мнѣ верхъ, и невинныя мои удовольствія тщетно манятъ меня къ себѣ; меня тянетъ въ Парижъ, тянетъ окунуться съ головой въ его грязь, пошлость, развратъ и соблазны. Смотри!—И при этомъ онъ доставалъ изъ кармана горсть серебряныхъ монетъ.—Смотри, я отказываюсь отъ этихъ денегъ, я бросаю ихъ прочь отъ себя, потому что мнѣ нельзя довѣрить и полушки; возьми эти деньги, возьми ихъ отъ меня!.. Сбереги ихъ для меня, либо истрать на зловредныя сласти, или брось ихъ въ самую глубь рѣки—и я одобрю твой поступокъ. Спаси меня отъ меня самого, отъ той негодной, скверной половины моей личности, которую я ненавижу и презираю! И если ты увидишь, что я колеблюсь,—дѣйствуй рѣшительно! Останови поѣздъ! Вызови крушеніе, если это нужно!.. Ну, конечно, я говорю въ данномъ случаѣ иносказательно, но вѣдь ты меня понимаешь. Всякаго рода крайность, какое угодно несчастіе было бы лучше для меня, чѣмъ добраться живымъ въ Парижъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что доктору доставляли не малое удовольствіе подобныя маленькія сцены, вносившія разнообразіе въ его партію; онѣ представляли собою «байронизмъ», интересный байронизмъ его нѣсколько искусственной поэзіи жизни, его блаженнаго, но нѣсколько однообразнаго порою существованія. Но для мальчика, хотя онъ смутно чувствовалъ театральность этихъ проявленій, они все же не проходили безслѣдно. Они являлись для него чѣмъ-то болѣе серьезнымъ, болѣе знаменательнымъ. И если докторъ придавалъ слишкомъ мало значенія, то мальчикъ съ другой стороны придавалъ слишкомъ много вѣса этимъ мнимымъ искушеніямъ, ихъ реальности и серьезности ихъ значенія и упадку духа своего наставника.

Но вотъ однажды у Жана-Мари блеснула мысль:—Развѣ нельзя употреблять богатства съ пользой?—И онъ высказалъ эту мысль своему наставнику.

— Въ теоріи, конечно, да!—отвѣтилъ докторъ.—Но опытъ доказалъ, что на практикѣ никто этого не дѣлаетъ. Всѣ охотно воображаютъ, что они будутъ исключеніемъ изъ общаго правила,

если имъ достанется богатство, но на дѣлѣ обладаніе имъ дѣйствуетъ на людей развращающе; рождаются неизвѣстно откуда совершенно новые желанія и аппетиты, и глупое пристрастіе къ показному щегольству вытравляетъ изъ сердца истинную радость наслажденія.

— Значитъ, вы были бы и лучше и счастливѣе, если бы имѣли меньше того, что вы сейчасъ имѣете?—спросилъ мальчикъ.

— Конечно, нѣтъ,—возразилъ докторъ, но при этомъ голосъ его слегка дрожалъ.

— А почему же нѣтъ?—продолжалъ допрашивать безжалостный мучитель.

— Почему?!—И у доктора зарябило въ глазахъ. Онъ увидѣлъ передъ собой разомъ всѣ цвѣта радуги. И устойчивая вселенная какъ будто заходила передъ нимъ ходуномъ и готова была рушиться вмѣстѣ съ нимъ.—Потому,—сказалъ, наконецъ, Депрэ послѣ весьма продолжительной паузы, какъ бы наставительно,—потому что я устроилъ свою жизнь согласно моимъ доходамъ, которыхъ мнѣ теперь какъ разъ хватаетъ на все, а въ мои годы уже тяжело человѣку мѣнять свои привычки, и быть вынужденнымъ разстаться съ ними; это можетъ нарушить его душевное равновѣсіе и спокойствіе.

Это былъ жестокій ударъ по теоріямъ, и онъ еле увернулся отъ него. Послѣ него докторъ долго пыхтѣлъ и потомъ весь остатокъ дня былъ мраченъ и молчаливъ. Что же касается мальчика, то онъ остался очень доволенъ разъясненіемъ своихъ сомнѣній; и даже весьма дивился, какъ это онъ самъ не предвидѣлъ этого столь яснаго отвѣта, который теперь казался ему самымъ естественнымъ. Его вѣра въ доктора была тверда и непоколебима; онъ никогда не позволялъ себѣ усумниться въ немъ. Такъ, напримѣръ, Депрэ имѣлъ склонность находиться въ подпитіи послѣ обѣда, особенно же послѣ того, какъ ему приходилось отвѣдать его любимаго ронскаго вина (изъ виноградниковъ съ береговъ рѣки Роны), къ которому онъ питалъ особую слабость. Тогда онъ начиналъ распространяться о своихъ нѣжныхъ чувствахъ къ Анастази и съ раскраснѣвшимися щеками и блуждающей, двусмысленной улыбкой, разглагольствовалъ на всевозможныя темы и при этомъ отпускалъ довольно слабыя и нескромныя остроты. Но пріемный сынъ, вмѣстѣ съ тѣмъ маленькій конюхъ, никогда не допускалъ даже мысли объ обидномъ для

доктора подозрѣніи, не совмѣстимомъ съ его чувствомъ благодарности къ этому человѣку. Правда, что человѣкъ можетъ замѣнить вамъ родного отца, и все-таки выпивать лишнее за обѣдомъ, но хорошія по природѣ натуры обыкновенно не скоро мирятся съ такого рода истинами и всѣми силами отвергаютъ ихъ и гонятъ отъ себя даже самую мысль о нихъ.

Докторъ Депрэ всецѣло овладѣлъ сердцемъ этого мальчика, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весьма ошибался и сильно преувеличивалъ свое вліяніе на умъ, характеръ и взгляды Жана-Мари. Безъ сомнѣнія, мальчикъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя сужденія и мнѣнія своего наставника, но при этомъ никто не могъ бы сказать, чтобы онъ отрѣшился хоть отъ одного изъ своихъ взглядовъ, своихъ мнѣній и своихъ убѣжденій. Убѣжденія у него были свои, какъ бы прирожденныя. Убѣжденія эти можно было бы назвать дѣвственными, не выработанными, это былъ сырой матерьялъ убѣжденности и рѣшимости, и къ этому наличному запасу убѣжденій онъ прибавлялъ другія, новыя убѣжденія, но мѣнять или отбрасывать прежнія онъ не хотѣлъ и не находилъ нужнымъ. Онъ даже не заботился о томъ, согласовались ли всѣ его убѣжденія между собой. Вообще онъ не находилъ удовольствія въ мысленномъ переживаніи ихъ или въ выраженіи ихъ словами; слова Жанъ-Мари считалъ вообще ненужнымъ упражненіемъ, а рѣчь своего рода искусствомъ или дарованіемъ — чѣмъ-то въ родѣ танцевъ. И когда онъ былъ одинъ, то его наслажденія были чисто созерцательныя, можно сказать растительныя. Бывало проберется въ лѣса, лежащіе по направленію къ Ашеру, сядетъ гдѣ-нибудь у входа въ пещеру, подъ сѣнью старыхъ березъ, и вся душа его переселится въ его глаза; весь онъ обратится въ живое воплощеніе безмолвнаго созерцанія; онъ не шелохнется, не двинется, а сидитъ безъ движенія и безъ мысли, и переживаетъ пассивно нахлынувшія на него ощущенія; солнечный свѣтъ и тонкія кружевныя тѣни березъ, едва замѣтно дрожащія на землѣ отъ дуновенія вѣтерка, колышащаго вѣтви березъ, тонкіе абрисы верхушекъ сосноваго лѣса на свѣтломъ фонѣ небесъ,—все это поглощало, зачаровывало его, усыпляло всѣ его остальныя способности и даже самыя мысли. Въ эти моменты все его существо было преисполнено однимъ только чувствомъ, въ которомъ сливались всѣ остальныя чувства и ощущенія, какъ всѣ цвѣта спектра сливаются и пропадаютъ въ общемъ бѣломъ свѣтѣ.

И въ то время, какъ докторъ упивался и одурманивалъ себя своими собственными словами, маленькій пріемышъ конюхъ убаюкивалъ себя сладостнымъ для него безмолвіемъ.

V. Находка клада.

Экипажъ доктора Депрэ представлялъ собою двухколесную одноколку съ верхомъ. Такого рода экипажи весьма распространены у провинціальныхъ и сельскихъ врачей во Франціи. Гдѣ только вы не встрѣтите этотъ экипажъ, на какихъ только дорогахъ, въ какихъ только глухихъ углахъ, и всегда онъ сразу замѣтенъ и на большихъ дорогахъ, обсаженныхъ тополями, и у заборовъ деревенскихъ гостиницъ или крестьянскихъ домовъ. Этотъ родъ экипажа отличается тѣмъ, что на ходу онъ постоянно качается, особенно если лошадь идетъ рысью, качается или какъ бы киваетъ взадъ и впередъ поперекъ своей оси, вслѣдствіе чего его въ шутку прозвали «качалкой» или «кивалкой», или же просто «трясучкой». Верхъ этихъ экипажей обыкновенно представляетъ собою порядочныхъ размѣровъ сводъ, явственно вырисовывающійся на фонѣ окрестнаго пейзажа, и производитъ довольно глупое и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы чванливое впечатлѣніе на скромнаго и наблюдательнаго пѣшехода. Разъѣзжать въ такой таратайкѣ или одноколкѣ, конечно, не представляетъ основанія для особаго чванства и отнюдь не придаетъ человѣку необычайной важности, но надо думать, что это весьма полезно при болѣзняхъ почекъ, и можетъ быть именно этимъ объясняется такая популярность и распространенность этого рода экипажей у врачей.

Однажды рано утромъ Жанъ-Мари запрягъ докторскую качалку, отперъ зеленыя ворота, вывелъ лошадь на улицу, затѣмъ заперъ ворота и взобрался на козлы немудраго экипажа. Почти въ ту же минуту на крыльцо дома вышелъ самъ докторъ, облаченный съ ногъ до головы во все бѣлое, при чемъ полотняный костюмъ его блисталъ ослѣпительной чистотой и бѣлизной; въ рукахъ у него былъ большой тѣлеснаго цвѣта зонтъ, а на перевязи висѣла жестяная ботаническая коробка. Онъ сѣлъ въ одноколку, и экипажъ весело покатился, подымая пыль по дорогѣ и легкій вѣтерокъ, дувшій сѣдокамъ въ лицо при движеніи, разсѣкавшемъ воздухъ. Докторъ и его спутникъ ѣхали въ Франшаръ

собирать растенія въ качествѣ пособій и матерьяла для «Сравнительной Фармакопеи».

Прогромыхавъ нѣкоторое время по шоссированной большой проѣзжей дорогѣ, они свернули въ лѣсъ и покатили по малоѣзженной лѣсной дорожкѣ. Одноколка мягко катилась по мягкому песку, слегка поскрипывая на хрустѣвшихъ подъ колесами сухихъ вѣткахъ и корняхъ, лежавшихъ на дорогѣ. Надъ головой сѣдоковъ разстилался громадный зеленый шатеръ, точно зеленое облако, и тихо шелестѣла сплетавшаяся между собой густая листва безконечнаго числа деревьевъ. Подъ сводами лѣса воздухъ сохранялъ еще свѣжесть ночи, здѣсь дышалось какъ-то особенно легко и пріятно. Гигантскія фигуры и причудливыя очертанія деревьевъ съ ихъ воздушными зелеными шапками производили впечатлѣніе ряда величественныхъ изваяній, а стройныя линіи стволовъ невольно манили глазъ кверху, все выше и выше, пока восхищенный взглядъ не останавливался, наконецъ, на самыхъ верхнихъ, самыхъ нѣжныхъ листочкахъ кроны, дрожавшихъ и сверкавшихъ на свѣтломъ, почти серебристо-бѣломъ фонѣ далекой небесной лазури. Проворныя граціозныя бѣлочки весело, живо и игриво качались и перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку, съ одного дерева на другое, словно носились по воздуху. Это было самое подходящее мѣсто для истиннаго и убѣжденнаго служителя и поклонника богини Гигеи.

— Бывалъ ты когда-нибудь въ Франшарѣ, Жанъ-Мари?— спросилъ своего спутника докторъ.—Кажется, нѣтъ!

— Никогда,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Это—развалины среди ущелья, — продолжалъ докторъ, принимая свой поучительный преподавательскій тонъ.—Развалины отшельническаго скита и часовни. Въ исторіи говорится довольно много о Франшарѣ; говорится о томъ, какъ часто здѣсь отшельниковъ убивали разбойники; какъ они жили въ строжайшемъ воздержаніи и какъ всѣ свои дни проводили въ молитвѣ. Сохранилось и дошло до насъ посланіе, обращенное къ одному изъ этихъ отшельниковъ настоятелемъ его ордена. Всякій монахъ, видишь ли ты, принадлежалъ къ какому-нибудь ордену, а настоятель являлся главой всего ордена. Посланіе это замѣчательно тѣмъ, что оно содержитъ массу самыхъ разумныхъ гигіеническихъ совѣтовъ; въ немъ рекомендуется отшельнику оставлять книгу, чтобы стать на молитву, и послѣ молитвы снова

приниматься за книгу, чтобы не утомлять себя чрезмѣрно тѣмъ или другимъ, а кромѣ того, время отъ времени, какъ только почувствуетъ усталость, оставлять и книгу и молитву и идти въ садъ наблюдать за пчелами, дѣлающими медъ, и умиляться красотою природы. Ну, развѣ это не моя система въ настоящее время? Ты, конечно, не разъ замѣчалъ, что я отрывался отъ моей «фармакопеи», иногда даже бросалъ ее на полуфразѣ, чтобы выйти на солнышко, на свѣжій воздухъ. Я положительно преклоняюсь передъ авторомъ этого посланія; по всему видно, что это былъ человѣкъ мыслящій, озабоченный тѣмъ, что есть самаго существеннаго и важнаго. И, право, если бы я жилъ въ средніе вѣка (но я отъ души радъ, что этого не случилось), я навѣрное тоже былъ бы отшельникомъ, если бы только я не былъ профессіональнымъ шутомъ, потому что въ тѣ времена только эти двѣ профессіи были открыты человѣку съ философскимъ складомъ ума. Ему оставалось только смѣяться или молиться или, иначе сказать, смѣхъ или слезы. Да, пока не засіяло солнце позитивной философіи, мудрецу приходилось избирать то или другое изъ этихъ двухъ занятій.

— Я прежде былъ шутомъ,—замѣтилъ Жанъ-Маріи.

— Не могу себѣ представить, чтобы ты могъ съ успѣхомъ подвизаться на этомъ поприщѣ, и едва ли эта профессія была по тебѣ,—сказалъ докторъ, любуясь серьезнымъ видомъ мальчика и его важностью при этомъ заявленіи.—Да развѣ ты когда-нибудь смѣешься?

— О, еще бы!—отвѣтилъ онъ.—Я часто смѣюсь. Я очень люблю шутки!

— Странное существо!—пробормоталъ Депрэ.—Но я уклонился отъ предмета,—продолжалъ онъ (тысячи признаковъ и примѣтъ даютъ мнѣ замѣтить, что я начинаю старѣть).—Мы говорили о Франшарѣ. Итакъ, Франшаръ былъ раззоренъ и уничтоженъ англичанами въ ту самую войну, которая стерла съ лица земли городъ Гретцъ или, вѣрнѣе, сравняла его съ землей. Но самое важное, это вотъ что: отшельники или монахи, такъ какъ въ ту пору ихъ было уже довольно много, и скитъ понемногу разросся въ монастырь, предвидѣли грозящую ихъ монастырю судьбу и заблаговременно зарыли въ землю и скрыли драгоцѣнные церковные сосуды, не желая, чтобы они попали въ руки нечестивцевъ и враговъ народа. Говорятъ, что эти со-

суды были неимовѣрной цѣнности, Жанъ-Мари; они были изъ чистѣйшаго золота и превосходнѣйшей чеканной работы; и замѣть, что съ тѣхъ поръ ихъ такъ и не нашли. Въ царствованіе короля Людовика XIV-го какіе-то люди энергично принялись за раскопки развалинъ Франшара, и что ты думаешь? Вдругъ ихъ заступъ ударилъ во что-то твердое, не похожее на землю. Теперь представь себѣ, какъ эти люди въ недоумѣніи и радости переглянулись между собой; представь себѣ, какъ шибко забилось у нихъ сердце, какъ кровь прилила имъ къ щекамъ, и какъ снова и снова отхлынула къ сердцу, и съ какой лихорадочной поспѣшностью они принялись теперь рыть и разгребать землю. Оказался сундукъ, большой тяжелый сундукъ, и какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію или по слухамъ, былъ зарытъ кладъ Франшара! Они раскрыли его и, какъ голодные звѣри, кинулись на него! Увы! Это были сокровища монастыря, но не драгоцѣнные церковные сосуды, а только священническія одежды, которыя при соприкосновеніи съ воздухомъ моментально обратились въ прахъ, точно по колдовству. Потъ на лицахъ этихъ людей застылъ и превратился въ холодныя, ледяныя капли. Жанъ-Мари, я готовъ поручиться своею честью, что если въ ту минуту былъ сколько-нибудь рѣзкій вѣтеръ, то тотъ или другой изъ нихъ непремѣнно схватилъ бы какую-нибудь легочную болѣзнь за свои труды!—докончилъ докторъ.

— Я хотѣлъ бы видѣть, какъ эти одежды обратились въ прахъ,—сказалъ Жанъ-Мари,— я не сталъ бы и гнаться за этими вещами.

— У тебя нѣтъ никакого воображенія!—воскликнулъ докторъ.—Ты только представь себѣ эту сцену: несмѣтныя сокровища, лежащія многіе вѣка подъ спудомъ, глубоко подъ землею, словно спящія заколдованнымъ сномъ! Эти сокровища, вѣдь это, такъ сказать, то, что могло бы создать безпечную, сытную, роскошную жизнь, лежащее безъ прока, безъ употребленія; вѣдь это то, что могло бы купить роскошныя одежды, ткани, мѣха, уборы и дивныя художественныя произведенія; вѣдь это быстрые, какъ вѣтеръ, рысаки, которые теперь лежатъ тамъ подъ землей, недвижимые, словно надъ ними виситъ заклятіе. Эти сокровища могли бы вызвать чарующія улыбки на устахъ красавицъ, уста которыхъ сомкнуты теперь!.. Эти сокровища могли бы породить живой, одуряющій ошеломляющій азартъ,—

передъ глазами людей запрыгали бы карты и кости!.. Эти сокровища, вѣдь, это дивное оперное пѣніе! Это стройный оркестръ! Это замки, дворцы, роскошные, тѣнистые парки, сады! Это суда подъ сводами бѣлыхъ парусовъ, несущихъ ихъ какъ крылья чайку!.. И все это лежитъ тамъ, какъ въ гробу, глубоко подъ землей, и глупыя, нелѣпыя деревья выростаютъ надъ этими богатствами и шелестятъ своей листвой, грѣясь на солнцѣ изъ года въ годъ. А кладъ все лежитъ, гдѣ лежалъ, и никому нѣтъ пользы отъ него... Нѣтъ! Одна мысль объ этомъ можетъ привести человѣка въ бѣшенство!—докончилъ докторъ.

— Вѣдь это же только богатства,—сказалъ Жанъ-Мари,—только деньги; они надѣлали бы много зла, я увѣренъ.

— Глупости!—горячо воскликнулъ Депрэ. — Пустая философія! Оно, конечно, все это прекрасно, всѣ эти разсужденія о вредѣ и злѣ богатствъ, я не спорю, но въ данномъ случаѣ они совершенно неумѣстны. Въ сущности это вовсе не «только деньги», какъ ты говоришь, эти сосуды—дивныя произведенія искусства! Это старинная чеканная работа, художественная работа! Ты разсуждаешь какъ ребенокъ! Меня раздражаетъ твоя привычка повторять ни къ селу, ни къ городу мои слова безъ всякаго смысла и толка, точно попугай!

— Ну, да вѣдь намъ нѣтъ никакого дѣла до этого клада,—примирительно сказалъ мальчикъ.

Въ этотъ моментъ они выѣхали на большую дорогу; одноколка застучала по камнямъ шоссе, и этотъ стукъ послѣ мягкой лѣсной дороги, почти совершенно безшумной, въ связи съ раздраженіемъ доктора заставилъ его замолчать. Тѣмъ временемъ одноколка продолжала катиться впередъ, и высокія деревья лѣса постепенно уходили въ даль, какъ будто безмолвно смотрѣли въ слѣдъ проѣзжимъ, точно у нихъ было что-то на умѣ. Миновавъ Квадрилатераль, они вскорѣ въѣхали въ Франшаръ. Здѣсь они оставили свою одноколку и лошадь въ одиноко стоящей маленькой гостиницѣ, а сами пошли бродить около развалинъ. Все ущелье густо заросло верескомъ, и каменныя глыбы скалъ и стройныя березы особенно рѣзко выдѣлялись на этомъ фонѣ, освѣщенныя яркимъ солнцемъ. Непрерывное жужжаніе пчелъ надъ цвѣтами вереска располагало ко сну. Жанъ-Мари опустился на траву и, удобно расположившись подъ кустомъ, рѣшилъ вздремнуть, тогда какъ докторъ оживленно ходилъ взадъ и впередъ, круто поворачиваясь и зоркимъ глазомъ отыскивалъ

интересные для него экземпляры лѣкарственныхъ травъ. Голова мальчика слегка склонилась на грудь, глаза сомкнулись, руки безсильно упали въ колѣни, онъ задремалъ. Вдругъ раздавшійся вблизи его внезапный крикъ заставилъ его разомъ вскочить на ноги. Это былъ странный, пронзительный, но короткій возгласъ, какъ будто оборвавшійся на половинѣ звукъ. Звукъ этотъ мгновенно замеръ, и кругомъ снова воцарилась полная тишина, какъ будто ее никто не прерывалъ. Жанъ-Мари даже не узналъ въ этомъ возгласѣ голоса доктора Депрэ, но такъ какъ во всей ложбинѣ не было ни души живой, кромѣ нихъ, то было ясно, что этотъ возгласъ издалъ никто иной, какъ докторъ. Мальчикъ оглянулся вправо и влѣво и увидѣлъ, наконецъ, доктора Депрэ, стоявшаго въ нишѣ, образуемой двумя каменными глыбами; онъ какъ будто искалъ глазами своего спутника, самъ блѣдный, какъ полотно.

— Змѣя!? — воскликнулъ Жанъ-Мари, кинувшись къ нему.—Змѣя? Она васъ укусила?—Но вмѣсто отвѣта докторъ тяжело ступая, съ трудомъ выбрался изъ ниши и молча пошелъ навстрѣчу мальчику, котораго онъ, подойдя, грубо схватилъ за плечо.

— Я его нашелъ!—громко выкрикнулъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Какое-нибудь рѣдкое растеніе?—спросилъ Жанъ-Мари.

На это Депрэ неестественно громко расхохотался; скалы подхватили этотъ смѣхъ, и эхо передразнило доктора.

— Растеніе!—повторилъ докторъ почти злобно. — Рѣдкое растеніе! Да, поистинѣ, очень рѣдкое! А вотъ,—и при этомъ онъ вдругъ вытянулъ впередъ свою правую руку, которую онъ до сихъ поръ держалъ спрятанной за спиной,—это одна изъ его цвѣточныхъ чашечекъ!

Глазамъ Жанъ-Мари предстало грязное блюдо, кругомъ облипшее комками земли и глины.

— Это?—сказалъ онъ.—Да вѣдь это тарелка!

— Нѣтъ, это карета, запряженная рысаками!—воскликнулъ докторъ.—Слушай, мой мальчикъ,—продолжалъ онъ все болѣе и болѣе воодушевляясь,—я содралъ тамъ большой пластъ мха изъ этой трещины между двухъ утесовъ; подъ этимъ мхомъ оказалась большая щель, и когда я заглянулъ въ нее, я увидѣлъ... какъ ты думаешь, что я увидѣлъ тамъ? Я увидѣлъ роскошный домъ, дворецъ въ Парижѣ, съ прекраснѣйшимъ па-

раднымъ дворомъ и садомъ, я увидѣлъ мою жену, сверкающую бриллiантами, я увидѣлъ себя депутатомъ, я увидѣлъ тебя, да, да, я увидѣлъ тебя въ будущемъ,—докончилъ онъ уже съ меньшимъ воодушевленiемъ...—Короче сказать,—я открылъ Америку!—добавилъ онъ.

— Да что же это такое?—спросилъ мальчикъ, недоумѣвая.

— Это Франшарскiй кладъ!—воскликнулъ докторъ.—Я нашелъ его!—И онъ кинулъ свою соломенную шляпу на траву и издалъ возгласъ, напоминающiй крикъ индѣйцевъ на военной тропѣ. Затѣмъ онъ бросился къ Жанъ-Мари и сталъ душить его въ своихъ объятiяхъ, смачивая его лицо и волосы своими слезами, послѣ чего онъ растянулся въ травѣ и захохоталъ такъ, что вторя ему, загоготало эхо и раскатилось по всей лощинѣ.

Но мальчикъ уже не обращалъ на него вниманiя; въ немъ проснулся другой интересъ, интересъ любопытнаго мальчугана, и едва онъ избавился отъ докторскихъ объятiй, какъ побѣжалъ къ двумъ глыбамъ скалъ, вскочилъ въ нишу, образовавшуюся между ними, и, запустивъ свою руку въ трещину или щель въ глубинѣ ниши, сталъ доставать оттуда одинъ за другимъ облипшiя комьями земли и глины различные предметы: чаши, сосуды, свѣтильники и кадильницы,—словомъ, все скрытое здѣсь отшельниками Франшарскаго монастыря. Послѣднимъ онъ досталъ драгоцѣнный ларецъ, тщательно запертый и весьма тяжелый.

— Вотъ такъ штука!—воскликнулъ мальчуганъ. Но когда онъ оглянулся на доктора, который послѣдовалъ за нимъ и стоя за его спиной молча слѣдилъ за нимъ, слова замерли у мальчика на устахъ. Опять лицо доктора было блѣдно, землисто-сѣро, губы его подергивались и дрожали; имъ овладѣла какая-то чисто животная алчность.

— Это ребячество! —проговорилъ докторъ почти строго. — Мы теряемъ драгоцѣнное время. Скорѣе бѣги въ гостиницу, возьми одноколку и пригони ее вонъ къ тому валу или насыпи. Бѣги какъ можешь скорѣе и помни ни гугу, ни слова, ни звука, слышишь? Я останусь здѣсь сторожить.

Жанъ-Мари исполнилъ все, какъ ему было приказано, но не безъ удивленiя и нѣкотораго недоумѣнiя. Онъ пригналъ одноколку къ указанному мѣсту, и затѣмъ оба они вмѣстѣ переносили всѣ найденныя ими драгоцѣнности отъ того мѣста, гдѣ

они были найдены, въ ящикъ подъ кучерскимъ сидѣньемъ. Когда все было убрано и уложено въ ящикъ докторъ сразу повеселѣлъ, словно гора свалилась у него съ плечъ.

— Приношу дань признательности доброму генію этой лощины, вмѣсто жертвеннаго костра, жертвеннаго тельца и жбана вина. Кстати, я весьма расположенъ сейчасъ къ послѣдняго рода жертвоприношенію, т. е. къ возліянію, и почему бы намъ не устроить возліянія въ честь этого неизвѣстнаго добраго генія? Мы сейчасъ въ Франшарѣ, и здѣсь можно получить англійскій свѣтлый эль, ну, не классическій, конечно, но прекрасный. Мы съ тобой выпьемъ эля, мальчуганъ!

— Но я полагалъ, что этотъ напитокъ вреденъ, что пить его очень нездорово и кромѣ того онъ дорогъ! — сказалъ Жанъ-Мари.

— Та-та-та!—весело воскликнулъ докторъ.—Ѣдемъ въ гостиницу.

И съ этими словами онъ легко и проворно вскочилъ въ свою одноколку, покачивая головой, совершенно повеселѣвшій и помолодѣвшій. Повернули лошадь, и черезъ нѣсколько секундъ они уже подъѣхали къ изгороди, которою былъ обнесенъ прилегавшій къ гостиницѣ садъ.

— Привяжи лошадь здѣсь,—сказалъ докторъ,—здѣсь, поближе къ столику, чтобы мы могли не спускать глазъ съ нашихъ вещей.

Привязавъ лошадь, они вошли въ садъ и сѣли за столикъ. Докторъ вошелъ, громко распѣвая то на невѣроятно высокихъ нотахъ, то извлекая глухіе раскаты откуда-то изъ глубины своей гортани; затѣмъ онъ громко постучалъ пальцами по столу и потребовалъ элю; онъ шутилъ и острилъ со слугой, и когда, наконецъ, на столъ появилась желанная бутылка несравненно болѣе насыщенная газомъ и потому пѣнившаяся гораздо сильнѣе, чѣмъ самое упоительное шампанское, онъ наполнилъ высокій стаканчикъ пѣной и пододвинулъ его черезъ весь столъ къ Жану-Мари.

— Пей,—сказалъ онъ,—пей все до дна!

— Я бы предпочелъ не пить,—робко возразилъ мальчикъ, помня преподанныя ему наставленія.

— Что?—прогремѣлъ громовымъ голосомъ Депрэ.

— Я боюсь эля, у меня желудокъ...—сказалъ Жанъ-Мари, но докторъ не далъ ему докончить

— Хочешь пей, не хочешь, не пей!—почти свирѣпо накинулся на него докторъ.—Только замѣть себѣ разъ навсегда, что ничего не можетъ быть противнѣе педанта!

Это было нѣчто совсѣмъ новое для Жана-Мари, и онъ сидѣлъ надъ своимъ стаканомъ эля, не притрогиваясь къ нему, погруженный въ размышленія, тогда какъ докторъ то и дѣло опоражнивалъ и снова наполнялъ свой стаканъ. Сначала хмурясь, съ недовольнымъ видомъ, но постепенно поддаваясь вліянію солнца, игристаго хмѣльнаго напитка и своему природному предрасположенію чувствовать себя счастливымъ и довольнымъ, докторъ скоро повеселѣлъ.

— Въ кои вѣки разъ, при случаѣ,—сказалъ онъ, наконецъ, полунаставительно, дѣлая этимъ своего рода уступку мальчику,—въ кои вѣки разъ, да еще при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ!.. Этотъ эль, настоящій нектаръ, напитокъ боговъ!.. Привычка тянуть постоянно эль, дѣйствительно унизительна и позорна. Вино, чистый виноградный сокъ—это настоящій напитокъ каждаго француза, какъ я уже не разъ имѣлъ случай доказывать тебѣ, и я, конечно, нисколько не осуждаю тебя за то, что ты отказываешься отъ этого заморскаго возбуждающаго средства. Тебѣ могутъ подать вина и сладкихъ пирожковъ или пирожныхъ. Что въ бутылкѣ уже пусто? Ну что же мы не побрезгаемъ и твоимъ стаканомъ! Нечего дѣлать, надо надъ нимъ сжалиться!

Когда все пиво было выпито, докторъ принялся ворчать и раздражаться на Жанъ-Мари, пока тотъ доѣдалъ свои сладкіе пирожки.

— Я сгораю отъ нетерпѣнія какъ бы скорѣе убраться отсюда,—сказалъ онъ, поглядывая на свои часы.—Боже правый. какъ ты долго ѣшь! Ты жуешь такъ медленно, точно беззубый старецъ!

А между тѣмъ самъ онъ строжайше предписывалъ всегда жевать какъ можно медленнѣе, потому что въ этомъ весь секретъ долголѣтней жизни и здороваго, исправнаго желудка.

Наконецъ, его мученія окончились; оба они сѣли на свои мѣста, въ одноколку. Докторъ Депро, удобно развалясь на зад-

немъ сидѣньѣ, объявилъ о своемъ рѣшенiи ѣхать отсюда въ Фонтенбло.

— Въ Фонтэнбло? — переспросилъ Жанъ-Мари, не вѣря своимъ ушамъ.

— Я никогда не трачу даромъ словъ!—грозно оборвалъ его докторъ.—Разъ я сказалъ, то этого должно быть довольно! Ну, пошелъ!

Доктору казалось, что онъ ѣдетъ по райскимъ долинамъ; все его восхищало и плѣняло, и все сливалось въ какомъ-то блаженномъ самочувствiи, и чудный свѣжiй воздухъ, и яркое солнце, и зеленая ласкающая глазъ листва на деревьяхъ, и даже самое движенiе одноколки, все это какъ будто дополняло его золотыя мечты. Откинувъ назадъ голову и прищуривъ глаза, онъ сладко мечталъ; передъ нимъ проносились самыя радужныя видѣнiя, въ его мозгу эль и радость творили чудеса; все казалось плясало и радовалось въ его душѣ. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Я хочу телеграфировать Казимиру,—сказалъ онъ.—Добрѣйшей души человѣкъ, но самаго низкаго порядка въ отношенiи умственнаго развитiя,—ни на грошъ творческихъ способностей, ни капли поэзiи; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ стоитъ любого ученаго; онъ сумѣлъ составить себѣ большое состоянiе и всецѣло обязанъ имъ самому себѣ и своимъ старанiямъ. Онъ самый подходящiй человѣкъ для того, чтобы помочь намъ реализировать, т. е. обратить въ деньги наши драгоцѣнности; онъ же найдетъ для насъ подходящiй домъ въ Парижѣ и озаботится всѣмъ необходимымъ обзаведенiемъ. Чудеснѣйшiй человѣкъ и къ тому же еще одинъ изъ моихъ старѣйшихъ товарищей! По его совѣту, могу я добавить, я помѣстилъ свой маленькiй капиталъ въ турецкiя акцiи, и теперь, когда мы прiобщимъ къ нимъ эту нашу добычу изъ развалинъ средневѣковаго монастыря, то вмѣстѣ съ тою долей, какую мы уже имѣемъ въ фондахъ мусульманскаго государства, мы съ тобой милый мальчуганъ будемъ прямо-таки утопать въ деньгахъ, да! Положительно утопать! Чудесные лѣса!—воскликнулъ онъ.—Прощаюсь съ вами! Но хотя меня и призываютъ иныя картины, я никогда не забуду васъ! Память о васъ запечатлѣлась въ моемъ сердцѣ! Ты видишь, Жанъ-Мари, что подъ влiянiемъ свалившагося на меня благополучiя, я началъ слагать дифирамбы! Таковъ естественный импульсъ

души; таково было душевное состоянiе первобытнаго человѣка. А я,—я не стану отрицать несомнѣннаго факта изъ ложной скромности,—да, я сохранилъ юность души своей во всей ея дѣвственной неприкосновенности; другой человѣкъ, который бы прожилъ всѣ эти годы этой сонной, деревенской жизнью, безъ сомнѣнiя, заплѣснѣлъ бы, размякъ и сталъ бы однообразнымъ, одностороннимъ человѣкомъ, а я, я могу считать себя счастливымъ тѣмъ, что судьба надѣлила меня такой натурой, которая помогла мнѣ сохранить въ себѣ всю эластичность, весь подъемъ, всю энергiю человѣка, живущаго полною жизнью. Новыя богатства и новая сфера дѣятельности! Новый кругъ обязанностей застаетъ меня полнымъ силъ и бодрости, полнымъ энергiи и жажды дѣятельности и только еще болѣе созрѣвшимъ, благодаря вновь прiобрѣтеннымъ знанiямъ. И эта предстоящая перемѣна, Жанъ-Мари, вѣроятно, поразила тебя во мнѣ. Ну, скажи мнѣ теперь, развѣ это не показалось тебѣ чѣмъ-то вродѣ непослѣдовательности съ моей стороны, чѣмъ-то вродѣ непостоянства? Вѣдь да? Признайся, напрасно ты сталъ бы скрывать, вѣдь это тебя огорчило?

— Да,—тихо произнесъ мальчикъ.

— Вотъ видишь,—воскликнулъ докторъ съ неподражаемой хвастливостью,—видишь, я положительно читаю у тебя въ мысляхъ! И я ничуть этимъ не удивленъ. Вѣдь твое воспитанiе еще далеко не закончено, и высшiя обязанности человѣка по отношенiю къ себѣ и къ обществу еще не были изложены тебѣ. Я еще не имѣлъ времени ознакомить тебя съ ними. Но сейчасъ достаточно будетъ пока одного намека на нихъ, мы поговоримъ съ тобой объ этомъ впослѣдствiи, когда будетъ время. Теперь, когда я снова волей судебъ сталъ самостоятельнымъ человѣкомъ, послѣ того какъ я такъ долго готовился въ безмолвныхъ размышленiяхъ, въ глубокомъ изученiи себя и законовъ природы, теперь мой долгъ призываетъ меня въ Парижъ! Мои научныя познанiя, мой несомнѣнный даръ слова, все это предназначаетъ меня на служенiе моему народу и родной странѣ. Ложная скромность въ данномъ случаѣ была бы только простой уловкой; если бы слово «грѣхъ» было философическимъ словомъ, я сказалъ бы, что это былъ бы грѣхъ! Человѣкъ никогда не долженъ отрицать своихъ несомнѣнныхъ, очевидныхъ и явныхъ способностей и дарованiй, потому что это значитъ уклоняться отъ своихъ

обязательствъ, отъ тѣхъ обязательствъ, которыя вложены въ него самой природой, надѣлившей его этими способностями; вотъ почему и я долженъ воспрянуть и приняться за дѣло, и дѣлать свое дѣло! Я не долженъ быть трутнемъ или трусомъ въ жизни, я не имѣю на это права!

Такъ онъ тараторилъ безъ умолка, стараясь замаскировать словами свою непослѣдовательность, скрыть отъ чужихъ глазъ трещину въ скрижаляхъ его недавнихъ завѣтовъ, подъ пестрыми цвѣтами краснорѣчія; а мальчикъ слушалъ его молча, глядя на крупъ лошади и думая свою думу. Мозгъ его работалъ лихорадочно, напряженно, но уста безмолствовали. Никакія слова не могли поколебать убѣжденій Жанъ-Мари, и онъ въѣзжалъ теперь въ Фонтэнбло, преисполненный горечью, сожалѣніемъ, негодованіемъ, возмущеніемъ и отчаяніемъ.

По пріѣздѣ въ городъ, Жанъ-Мари долженъ былъ оставаться пригвожденнымъ къ своему мѣсту на козлахъ ради охраны находившихся въ ящикѣ подъ козлами сокровищъ, а докторъ Депрэ порхалъ съ какой-то странной воздушной легкостью, живостью и проворствомъ маперъ изъ одного кафе въ другое, пожималъ дружески руки гарнизоннымъ офицерамъ, съ видомъ и искусствомъ опытнаго знатока пилъ абсентъ (полынная водка), порхалъ изъ одного магазина въ другой и возвращался нагруженный самыми разнообразными покупками; дорогими фруктами, настоящей только что заколотой черепахой, кускомъ превосходной шелковой матеріи для жены, какой-то нелѣпой тросточкой для себя и даже самаго новѣйшаго фасона кэпи для Жанъ-Мари. Онъ входилъ и выходилъ въ двери телеграфной станціи, гдѣ онъ отправилъ депешу и спустя три часа получилъ отвѣтъ отъ Казимира съ обѣщаніемъ пріѣхать завтра, согласно полученному приглашенію; словомъ Депрэ осчастливилъ Фонтенбло первымъ ароматнымъ дыханіемъ своего въ высшей мѣрѣ благодушнаго настроенія, озарилъ его первыми лучами своего счастья.

Солнце было уже совсѣмъ низко, когда они, наконецъ, тронулись въ обратный путь. Тѣни отъ деревьевъ ложились поперекъ широкой бѣлой дороги, ведущей къ дому; вечернее благоуханіе лѣса неслось, какъ облака куренья, надъ моремъ вершинъ зеленаго лѣса и даже въ улицахъ города, гдѣ накалившійся въ теченіе дня воздухъ, сдавленный между бѣлыхъ раскаленныхъ стѣнъ цѣлаго ряда домовъ, раньше былъ душенъ и непрі-

тей, а теперь смѣнился пріятною, отрадною прохладой, и даже здѣсь повѣяло ароматами лѣса, которые приносила сюда попутная струя вѣтра, точно отдаленные звуки музыки. Они были на полпути отъ дома, когда послѣднее золотое пятнышко заходящаго солнца сбѣжало съ большого стараго дуба, стоявшаго по лѣвую сторону отъ дороги; и когда они выѣхали изъ предѣловъ лѣса, то долина уже подернулась прозрачной дымкой легкаго тумана, и громадная, блѣдная луна медленно всплывала на небо, красиво просвѣчивая сквозь тонкую и нѣжную листву тополей.

Докторъ то пѣлъ, то свисталъ, то безъ умолку говорилъ. Онъ говорилъ о лѣсѣ, о войнахъ и объ осажденіи росъ; и весь загораясь, начиналъ разсказывать о Парижѣ; онъ положительно уносился въ облака и въ приподнятомъ, почти высокопарномъ слогѣ превозносилъ славу и заслуги политической карьеры.

Все должно было измѣниться отнынѣ, и съ угасающимъ днемъ уносились послѣдніе слѣды изжитой прежней жизни. На слѣдующее утро должна была взойти заря новой жизни.

— Довольно!—воскликнулъ онъ.—Пора положить конецъ этому умерщвленію плоти! Жена моя еще красива и прелестна (или я жестоко пристрастенъ къ ней), она не должна оставаться долѣе похороненной въ этой глуши, она теперь должна блистать въ обществѣ. А Жанъ-Мари увидитъ весь свѣтъ у своихъ ногъ; и всѣ дороги къ успѣху, къ богатству, къ почестямъ будутъ ему открыты, и посмертная слава будетъ обезпечена ему, и самому мнѣ также! Ахъ да, кстати!—добавилъ онъ.—Бога ради, прошу тебя, не болтай никому о нашей находкѣ; ты, я знаю, парень не сообщительный, даже, пожалуй, черезчуръ молчаливый—это качество я съ радостью признаю за тобой, потому что пословица гласитъ: рѣчь—серебро, а молчаніе—золото! Но въ данномъ случаѣ, молчаніе очень важно. Никто не долженъ знать о нашемъ кладѣ, понимаешь ли ты? Только одному добрѣйшему Казимиру можно довѣрить эту тайну; намъ, вѣроятно, придется даже переправить эти сосуды въ Англію и тамъ реализовать ихъ...

— Но развѣ они не наши?!—воскликнулъ мальчикъ съ рыданіемъ въ голосѣ.—И это были единственныя слова, какія онъ произнесъ за все это время.

— Наши въ томъ смыслѣ, что они никому другому сей-

часъ не принадлежатъ,—отвѣтилъ докторъ.—Но правительство можетъ предъявить свои права, если станетъ извѣстно, что мы нашли кладъ; и представь себѣ, каковы наши законы; такъ какъ мы не заявили о кладѣ, то въ случаѣ, если бы у насъ его похитили, мы не имѣемъ права потребовать, чтобы намъ его вернули; потому что по закону мы не имѣемъ на него правъ. Мы не можемъ начать дѣла о розыскѣ, не можемъ заявить о пропажѣ полиціи *)... Все это очевидные примѣры тѣхъ недочетовъ и несправедливостей нашего законодательства, которые еще остается исправить дѣятельному, энергичному и рѣшительному депутату съ философскимъ складомъ мыслей.

Жанъ-Мари ничего на это не отвѣтилъ; онъ всѣ свои надежды возлагалъ теперь на г-жу Депрэ. И когда ихъ одноколка стала спускаться по обсаженной тополями дорогѣ, ведущей изъ Бурропа въ Гретцъ, Жанъ-Мари усердно шепталъ про себя молитву и сталъ погонять лошадь, требуя отъ нея необычайной рыси. Безъ сомнѣнія, какъ только они пріѣдутъ, madame проявитъ свой характеръ и положитъ конецъ этому дикому бреду на-яву.

Ихъ въѣздъ въ Гретцъ былъ возвѣщенъ неистовымъ лаемъ всѣхъ деревенскихъ псовъ, какъ будто всѣ они чуяли присутствіе клада въ одноколкѣ. Но на улицѣ не было никого, кромѣ трехъ пріѣзжихъ художниковъ, пейзажистовъ, прохаживавшихся передъ гостиницей г-жи Тентальонъ. Жанъ-Мари распахнулъ зеленыя ворота и ввелъ во дворъ лошадь съ одноколкой; почти въ тотъ же моментъ г-жа Депрэ появилась на порогѣ кухоннаго крыльца съ зажженнымъ фонаремъ въ рукахъ. Такъ какъ луна была еще не достаточно высоко, чтобы освѣтить дворъ и проникнуть за ограду сада, то во дворѣ было еще темно.

— Запирай ворота и калитку, Жанъ-Мари!—крикнулъ докторъ, вылѣзая изъ экипажа и не совсѣмъ твердой поступью обходя его кругомъ.—А гдѣ Алина, Анастази?

— Она отпросилась въ Монтеро повидаться съ родными,—сказала г-жа Депрэ.

— Въ такомъ случаѣ, все устраивается къ лучшему!—воскликнулъ докторъ съ жаромъ.—Иди сюда скорѣе, Анастази, и

*) Этотъ поклепъ на законы не справедливъ, но онъ нуженъ автору для цѣлей его разсказа.

подойди какъ можно ближе ко мнѣ, потому что я не хочу говорить слишкомъ громко. И затѣмъ прибавилъ:—Мы съ тобой богаты теперь, дорогая моя!

— Богаты!—повторила за нимъ жена.

— Да, мой ангелъ, очень богаты! Вѣдь я нашелъ кладъ Франшарскаго монастыря,—продолжалъ супругъ.—Смотри, вотъ первые плоды! Гранаты, ананасъ! Вотъ шелковое платье для тебя; оно тебѣ пойдетъ какъ нельзя лучше, повѣрь вкусу мужа, вкусу влюбленнаго! Я лучше всѣхъ знаю, что тебѣ къ лицу! Ну, поцѣлуй же меня, моя красавица!.. Скучный періодъ нашей жизни миновалъ; теперь бабочка расправитъ свои пестрыя крылышки! Завтра пріѣдетъ Казимиръ, а черезъ недѣлю мы уже можемъ быть въ Парижѣ! Наконецъ-то, мы будемъ счастливы! У тебя будутъ брилліанты, выѣзды, слуги. Жанъ-Мари, вынимай все изъ ящика, да осторожнѣе, и неси все, одну вещь за другой, прямо въ столовую. Теперь у насъ на столѣ будетъ серебро, да! Ты только поторопись, моя ненаглядная, приготовить эту черепаху; это будетъ прекраснымъ добавленіемъ къ нашимъ повседневнымъ скуднымъ яствамъ... Я самъ схожу въ погребъ и принесу оттуда къ столу бутылочку того прекраснаго Божолэ, которое ты такъ любишь; да, кстати, надо кончать и «Эрмитажъ»! Его осталось еще три бутылки... Это, душа моя, рѣдкое вино, приличествующее такому рѣдкому случаю, какъ сегодняшній!

— Но, милый супругъ мой, у меня голова идетъ кругомъ отъ твоихъ рѣчей, я въ толкъ взять не могу...

— Черепаху-то, черепаху, душа моя, готовь скорѣе!—И онъ ласково втолкнулъ ее въ кухню съ черепахой и съ фонаремъ въ рукахъ.

Жанъ-Мари стоялъ какъ ошеломленный. Онъ ожидалъ совсѣмъ другого. Совершенно иначе представлялъ онъ себѣ эту сцену: онъ ждалъ болѣе энергичнаго протеста со стороны жены доктора; онъ ожидалъ, что она сейчасъ же постарается образумить мужа, укажетъ ему на его сумасбродство, станетъ упрекать его въ непослѣдовательности, въ неблагоразуміи,—но ничего подобнаго! И его надежды на нее стали разлетаться и разсыпаться въ прахъ.

Докторъ былъ положительно вездѣсущъ. Онъ суетился, хлопоталъ, торопливо шмыгалъ туда и сюда, несовсѣмъ твердо дер-

жась на ногахъ и то тутъ, то тамъ задѣвая плечомъ объ стѣну. Онъ уже очень давно не пилъ «абсента» и теперь самъ разсуждалъ о томъ, что лучше было бы его не пить.

— Абсентъ, это какое-то недоразумѣніе, а не напитокъ!— говорилъ онъ.

Не то, чтобы онъ раскаивался, что позволилъ себѣ выпить лишнее въ такой знаменательный и счастливый день, нѣтъ! Но онъ мысленно рѣшилъ впредь быть осторожнѣе и остерегаться этого коварнаго напитка и давалъ себѣ слово вторично не поддаваться столь предосудительной и пагубной привычкѣ.

Въ одно мгновеніе ока онъ слеталъ въ погребъ и принесъ оттуда вино; затѣмъ разставилъ драгоцѣнную церковную утварь, канделябры и сосуды, все еще облипшіе исторической пылью, землей и глиной, частью на бѣлоснѣжную скатерть на обѣденномъ столѣ, частью на буфетѣ.

Онъ то и дѣло заходилъ на кухню, неотвязчиво подчуя Анастази «вермутомъ» и разжигая ея воображеніе соблазнительными картинами будущаго благополучія и роскошной жизни. Съ каждымъ разомъ онъ все увеличивалъ цифру ихъ вновь пріобрѣтеннаго богатства, такъ что прежде чѣмъ семья сѣла за столъ, благоразумная и разсудительная г-жа Депрэ утратила окончательно эти свои добрыя качества и совершенно растаяла на огнѣ горячаго энтузіазма своего восторженнаго супруга. Ея обычная сдержанность и молчаливость исчезли; она тоже была нѣсколько подъ хмѣлькомъ; съ горящими глазами и румянцемъ возбужденія на щекахъ она говорила много и пренебрежительно отзывалась теперь о ихъ мирной и скромной жизни въ Гретцѣ. Садясь за столъ и разливая супъ, г-жа Депрэ уже смотрѣла на все совершенно иными глазами; ея глаза горѣли уже теперь блескомъ ожидаемыхъ въ будущемъ брилліантовъ. Во все время ужина и она, и докторъ продолжали строить сказочные планы, поддразнивали другъ друга, подшучивали и подсмѣивались одинъ надъ другимъ, кивали другъ другу и готовы были биться объ закладъ о разныхъ пустякахъ. При этомъ лица ихъ расплывались въ счастливой улыбкѣ, глаза сыпали искры, особенно въ тѣ моменты, когда они предвкушали политическіе успѣхи, почести и величіе доктора и салонныя побѣды, тріумфы и оваціи madame Депрэ.

— Но ты во всякомъ случаѣ не станешь краснымъ!—воскликнула Анастази.

— Я принадлежу къ лѣвому центру,—заявилъ докторъ.

— Madame Гастейнъ введетъ насъ въ общество. О насъ вѣрно успѣли уже позабыть,—сказала супруга.

— Забыть? Никогда! Красота и изящество всегда оставляютъ по себѣ слѣдъ и воспоминаніе!—запротестовалъ докторъ.

— Но я положительно разучилась одѣваться,—со вздохомъ промолвила Анастази.

— Душа моя, ты заставляешь меня краснѣть!—воскликнулъ мужъ.—Твой бракъ со мной былъ можно сказать трагедіей; я вырвалъ тебя изъ общества и заточилъ въ этой глуши, въ этой забытой всѣми деревенькѣ!

— Но зато теперь, твои успѣхи, радость видѣть тебя оцѣненнымъ по достоинствамъ, окруженнымъ почетомъ, видѣть имя твое прославленнымъ всѣми газетами, это будетъ уже болѣе чѣмъ радостью, это будетъ блаженствомъ для меня!—воскликнула она, впадая въ восторженный тонъ мужа.

— А разъ въ недѣлю,—сказалъ докторъ, лукаво подчеркивая эти слова и умышленно скандируя ихъ,—разъ въ недѣлю мы позволимъ себѣ поиграть въ бакара!

— Только разъ въ недѣлю?—спросила она, усмѣхаясь и грозя ему пальчикомъ.

— Клянусь тебѣ моей честью, честью политическаго дѣятеля!

— Право, я балую тебя,—сказала она и протянула ему свою ручку для поцѣлуя.

Онъ восторженно прильнулъ къ ней и сталъ покрывать ее поцѣлуями.

Жанъ-Мари незамѣтно выбрался изъ дома въ садъ. Луна стояла высоко на небѣ, заливая своимъ мягкимъ свѣтомъ Грецъ. Мальчикъ прошелъ въ самый конецъ сада и сѣлъ на скамеечку у пристани. Мимо тихо струилась рѣка, серебристыми переливами сверкала вода подъ луной, напѣвая тихую однозвучную пѣсню свою; легкая дымка тумана колебалась между тополей по ту сторону рѣки; камыши медленно склонялись и какъ будто кивали кому-то. Все это мальчикъ видѣлъ уже сотни разъ, сотни разъ онъ въ такія же лунныя ночи сидѣлъ здѣсь надъ этой сон-

ной рѣкой и съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа и воображенія слѣдилъ за ея спокойнымъ теченіемъ. А теперь это было быть можетъ въ послѣдній разъ. Онъ долженъ былъ покинуть эту мирную деревушку, гдѣ все было ему такъ знакомо и мило, эту мѣстность, зеленѣющіе кругомъ луга и шелестящіе своей листвою лѣса и эту свѣтлую спокойную рѣчку, покинуть это все и переселиться въ большой городъ; и его милая госпожа будетъ разряженная расхаживать по гостинымъ, вращаться въ блестящихъ салонахъ; а его добродушный, словоохотливый мягкосердечный наставникъ станетъ крикливымъ и вздорнымъ депутатомъ, и оба они будутъ навсегда потеряны для него, для Жанъ-Мари, и утратятъ лучшія свои душевныя качества. Жанъ-Мари отлично сознавалъ и свои недостатки и свое положеніе; онъ понималъ, что въ водоворотѣ шумной, суетливой столичной жизни съ ея ложными амбиціями и претензіями измѣнится и его личное положеніе въ семьѣ, что тамъ на него будутъ обращать все меньше и меньше вниманія, все меньше и меньше будутъ считаться съ нимъ, и постепенно изъ пріемнаго сына онъ обратится въ слугу. И онъ смутно начиналъ вѣрить въ осуществленіе зловѣщихъ предсказаній доктора; онъ сейчасъ уже видѣлъ разительную перемѣну въ обоихъ. На этотъ разъ даже его обычное великодушное отрицаніе слабостей его благодѣтелей измѣнило ему, да и не удивительно, малый ребенокъ замѣтилъ бы, что «Эрмитажъ» довершилъ то, чему положилъ основаніе «абсентъ». И если это было въ первый день перемѣны обстоятельствъ, то чего же слѣдовало ожидать въ дальнѣйшемъ? «Если потребуется, останови поѣздъ!» «Вызови крушеніе, если это будетъ нужно!» припоминалъ онъ собственныя слова доктора. И онъ окинулъ взглядомъ очаровательную картину мирно спящей окрестности, съ наслажденіемъ потянулъ въ себя воздухъ, насыщенный ароматами свѣже-скошеннаго сѣна, и снова прошепталъ:—«Вызови крушеніе поѣзда, если это будетъ нужно»,— глубоко вздохнулъ и въ тяжеломъ раздумьѣ побрелъ въ домъ.

VI. Двойное слѣдствіе.

На слѣдующее утро въ домѣ доктора было необычайное волненіе. Передъ отходомъ ко сну докторъ заперъ собственноручно всѣ свои драгоцѣнности въ буфетъ, стоящій въ столовой, и

представьте себѣ, когда онъ всталъ поутру, какъ обыкновенно, около четырехъ часовъ и вышелъ въ столовую, то увидѣлъ, что буфетъ былъ взломанъ, и всѣ хранившіяся въ немъ драгоцѣнности унесены. Тотчасъ же были вызваны изъ ихъ спаленъ и madame, и Жанъ-Мари, которые явились на зовъ, наскоро накинувъ на себя кое-какія принадлежности туалета, и застали доктора внѣ себя отъ огорченія. Онъ положительно безумствовалъ, взывалъ къ небесамъ, призывая всѣхъ въ свидѣтели постигшей его несправедливости, призывалъ громы небесныя и взывалъ къ отмщенію, бѣгая босикомъ по комнатѣ съ развѣвающимся подоломъ его ночной сорочки.

— Пропали!—восклицалъ онъ.—Всѣ драгоцѣнные предметы пропали, и вмѣстѣ съ ними и наше богатство! И мы опять нищіе, бѣднота, голь! Мальчуганъ, скажи знаешь ты что-нибудь объ этомъ? Говори скорѣе, сударь, говори все, что тебѣ извѣстно! Знаешь ты, куда они могли дѣться! Гдѣ они?

И онъ ухватилъ мальчугана за плечо и сталъ трясти его какъ кулекъ, такъ что слова, если только это были слова, посыпались у мальчика съ устъ неразборчивымъ лепетомъ, изъ котораго ничего нельзя было понять.

Придя немного въ себя отъ своего возбужденія, докторъ отпустилъ мальчика и увидѣлъ Анастази въ слезахъ.

— Анастази,—сказалъ онъ совершенно инымъ тономъ,—возьми себя въ руки, овладѣй собой и своими чувствами; я не желалъ бы видѣть тебя ревущей, какъ простая баба. Это пустяшное происшествіе должно быть поскорѣе забыто! Надо умѣть съ достоинствомъ переносить всякія невзгоды, а не только такія сравнительно маловажные пустяки. Жанъ-Мари, принеси мнѣ мою маленькую походную аптечку; въ подобныхъ случаяхъ рекомендуется какое-нибудь легкое слабительное.

И онъ задалъ всѣмъ соотвѣтствующую дозу такого лекарственнаго снадобья, начиная съ самого себя, принявъ ради примѣра остальнымъ, двойную дозу. Несчастная Анастази, никогда ничѣмъ не болѣвшая и питавшая почти суевѣрный ужасъ передъ всякаго рода лекарствами, залилась горючими слезами, долгое время отбивалась, протестовала и отнѣкивалась и, наконецъ, хлебнула; затѣмъ снова пришлось прибѣгать къ прикрикиванію, понуканію, чуть не угрозамъ, чтобы принудить ее до-

пить остальное. Что же касается Жанъ-Мари, то онъ стоически проглотилъ поднесенный ему пріемъ слабительнаго безъ малѣйшаго возраженія.

— Я ему далъ меньшую дозу,—замѣтилъ докторъ,—его молодость ограждаетъ его отъ слишкомъ сильныхъ потрясеній; въ его годы волненія не такъ сильно отражаются на организмѣ... Ну-съ, а теперь, принявъ мѣры противъ могущихъ быть непріятныхъ послѣдствій, мы можемъ приступить и къ обсужденію случившагося.

— Я озябла, мнѣ холодно,—стала жаловаться Анастази.

— Холодно!—воскликнулъ докторъ.—Благодарю Бога, что онъ создалъ меня изъ болѣе горячаго матеріала! Вѣдь подобный ударъ могъ бы вызвать испарину даже у лягушки! Если ты озябла, то можешь идти къ себѣ, въ свою спальную, да кстати, кинь мнѣ сверху мои брюки, а то у меня ноги зябнутъ.

— Ахъ, нѣтъ,—воскликнула Анастази,—я хочу остаться здѣсь съ тобой!

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, я не допущу, чтобы вы страдали за вашу супружескую преданность; я сейчасъ пойду и принесу вамъ шаль.

И онъ побѣжалъ наверхъ, и вскорѣ вернулся болѣе одѣтый и съ цѣлой охапкой шалей, платковъ и плэдовъ для дрожащей отъ холода Анастази.

— Ну, а теперь,—заявилъ онъ,—приступимъ къ разслѣдованію сего преступленія. Будемъ придерживаться индуктивнаго метода. Анастази, не знаешь ли ты чего-нибудь, что могло бы навести насъ на слѣдъ?

Но Анастази ровно ничего не знала.

— А ты, Жанъ-Мари?

— Я тоже ничего не знаю,—твердымъ голосомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Прекрасно, — сказалъ докторъ, — теперь мы обратимъ наше вниманіе на вещественныя доказательства (я, очевидно, рожденъ быть сыщикомъ, у меня и глазъ вѣрный, и систематическій складъ ума). Итакъ, прежде всего мы видимъ, что кража была произведена со взломомъ; дверцы буфета раскрыты, замокъ поврежденъ; и слѣдуетъ мимоходомъ замѣтить, что замокъ былъ изъ дорогихъ, судя по тому, сколько я за него заплатилъ. Затѣмъ, вотъ орудіе, которымъ былъ произведенъ взломъ! Это

одинъ изъ нашихъ же столовыхъ ножей, да еще одинъ изъ лучшихъ, дорогая моя. Этимъ доказывается, что кража эта была не предумышленная со стороны шайки грабителей, если только въ этомъ случаѣ дѣйствовала шайка. Наконецъ, я замѣчаю, что ничего, кромѣ драгоцѣнностей Франшарскаго клада, не тронуто. Даже все наше столовое серебро осталось въ полной неприкосновенности. Это весьма хитро и предусмотрительно со стороны грабителей. Это доказываетъ основательное знакомство съ уложеніемъ о наказаніяхъ и желаніе избѣжать всего, что могло бы повлечь за собой малѣйшую отвѣтственность передъ закономъ. Изъ этого я вывожу заключеніе, что данная шайка насчитываетъ въ числѣ своихъ членовъ людей почтенныхъ, т. е., конечно, только внѣшне-почтенныхъ, какъ то доказываетъ самый фактъ хищенія; а во-вторыхъ, я утверждаю, что за нами тайно слѣдили въ теченіе всего вчерашняго дня и въ самомъ Франшарѣ, гдѣ за нами подглядѣлъ какой-нибудь очевидецъ нашей находки, выслѣдившій насъ съ искусствомъ и ловкостью настоящаго сыщика и съ терпѣніемъ, могу сказать, необычайнымъ. Какой-нибудь заурядный преступникъ или случайный воръ не въ состояніи былъ бы проявить столько разсудительности и предусмотрительности. Несомнѣнно, что въ нашемъ сосѣдствѣ поселились или временно пріютились какіе-нибудь бѣглые изъ тюрьмы разбойники, выдающіеся по уму и ловкости.

— Боже правый! — воскликнула въ ужасѣ Анастази. — Какъ ты можешь говорить такія вещи, Апри!..

— Полно, возлюбленная моя, вѣдь я пришелъ къ этому путемъ индуктивнаго метода,—сказалъ докторъ,—и если какой-нибудь изъ моихъ выводовъ тебѣ кажется невѣрнымъ или ошибочнымъ, останови меня, поправь! А, ты молчишь! Въ такомъ случаѣ, умоляю тебя, не будь столь возмутительно нелогична, не ропщи на мои выводы! Какъ видите, мы теперь уже установили нѣкоторыя данныя относительно состава шайки, потому что я все-таки склоняюсь на сторону предположенія, что ихъ было болѣе одного человѣка, а затѣмъ, мы можемъ теперь покинуть эту комнату, которая не представляетъ для насъ болѣе никакого интереса, и перенесемъ наше вниманіе на дворъ и садъ. Жанъ-Мари, я надѣюсь, что ты внимательно слѣдишь за моимъ образомъ дѣйствій въ данномъ случаѣ. Это можетъ послужить тебѣ превосходнымъ урокомъ, имѣющимъ весьма

важное значеніе. Пойдемте со мной къ двери; какъ видите, на дворѣ не видно никакихъ слѣдовъ, это потому, что нашъ дворъ, къ несчастью, мощеный. Вотъ отъ какихъ пустяковъ иногда зависитъ участь этихъ слѣдствій. Э! Да что это я вижу! Ну, теперь я увѣренъ, что привелъ васъ къ самой развязкѣ грабежа!— вдругъ воскликнулъ докторъ, величественно отступивъ назадъ и указывая торжественнымъ жестомъ на зеленыя ворота и заборъ.—Видите вы, здѣсь воры перелѣзли черезъ ворота!—Дѣйствительно зеленая краска въ нѣсколькихъ мѣстахъ облупилась и была содрана, и на одной изъ досокъ явственно сохранился слѣдъ подбитаго гвоздями сапога; очевидно, нога скользнула въ этомъ мѣстѣ, а потому опредѣлить размѣръ этой ноги было трудно и совершенно невозможно судить о формѣ самыхъ гвоздей.

— Вотъ вамъ полная картина всего преступленія!—торжествующе заключилъ докторъ.—Шагъ за шагомъ я возстановилъ его отъ начала до конца! Далѣе этого индуктивный методъ не можетъ итти.

— Удивительно, право!—сказала супруга.—Тебѣ бы въ самомъ дѣлѣ быть сыщикомъ, мой другъ; я не имѣла представленія, Анри, что ты обладаешь такими талантами.

— Дорогая моя,—снисходительно пояснилъ докторъ,—человѣкъ науки съ живымъ воображеніемъ всегда совмѣщаетъ въ себѣ и остальныя низшаго порядка способности; онъ одновременно и слѣдователь, и сыщикъ, и публицистъ, и главнокомандующій; потому что все это только, такъ сказать, различныя примѣненія его обширныхъ основныхъ талантовъ и способностей. Ну, а теперь, — продолжалъ онъ, — желаете вы, чтобы я пошелъ еще дальше, чтобы я, такъ сказать, наложилъ руку на виновниковъ преступленія, или вѣрнѣе, такъ какъ я не могу вамъ обѣщать это, желаете вы, чтобы я указалъ вамъ тотъ домъ, въ которомъ они сговаривались и совѣщались передъ преступленіемъ и гдѣ они, быть можетъ, и теперь еще находятся? Все же это будетъ своего рода удовлетвореніемъ для насъ, такъ какъ это, во всякомъ случаѣ все, что возможно получить при данныхъ условіяхъ, когда мы лишены поддержки закона. Итакъ, я продолжаю итти далѣе по тому же пути; чтобы дополнить набросанную мною картину воровства, необходимо, чтобы человѣкъ, рѣшившійся на это дѣло, имѣлъ возможность и привычку

бродитъ безъ опредѣленной цѣли по лѣсу, чтобы это былъ человѣкъ, не лишенный извѣстнаго образованія, чтобы это былъ человѣкъ, стоящій выше всякихъ требованій морали. Всѣ эти необходимыя условія мы находимъ у квартирующихъ у г-жи Тенталльонъ жильцовъ. Они художники, живописцы, и къ тому же еще пейзажисты, а слѣдовательно, они только и дѣлаютъ, что слоняются по окрестностямъ, по полямъ и лѣсамъ. Затѣмъ, какъ художники, они, по всѣмъ вѣроятіямъ, люди не безъ всякаго образованія, нахватавшіеся верхушекъ тамъ и сямъ, и, наконецъ, такъ какъ они живописцы, то, конечно, это люди безъ всякой морали, и это я могу доказать двумя способами: во-первыхъ, тѣмъ, что живопись—это такого рода искусство, которое говоритъ только глазу и отнюдь не вліяетъ на моральныя чувства человѣка, а во-вторыхъ, живопись наравнѣ со всѣми остальными искусствами, требуетъ отъ своихъ служителей усиленнаго воображенія, а человѣкъ съ чрезмѣрно развитымъ воображеніемъ никогда не можетъ быть нравственнымъ. Онъ постоянно залетаетъ за предѣлы дозволеннаго и разсматриваетъ жизнь подъ разными углами зрѣнія, видитъ ее въ различномъ, часто колеблющемся свѣтѣ и не можетъ удовольствоваться и примириться съ ненавистными ему требованіями и постановленіями закона.

— Но вѣдь ты раньше всегда говорилъ,—по крайней мѣрѣ, я такъ тебя всегда понимала,—что у этихъ молодцовъ нѣтъ рѣшительно никакой фантазіи, никакого воображенія!—замѣтила мадамъ.

— Напротивъ, душа моя,—они проявили уже свое воображеніе тѣмъ, что избрали эту нищенскую профессію художниковъ, проявили самое фантастическое воображеніе, говорю я тебѣ, а кромѣ того,—и это аргументъ, вполнѣ соотвѣтствующій уровню твоего пониманія, моя дорогая,—большая часть изъ нихъ англичане или американцы; а гдѣ же, какъ не среди этихъ двухъ націй искать воровъ! Ну, а теперь тебѣ слѣдовало бы позаботиться о кофе, моя возлюбленная; то, что мы лишились нашихъ сокровищъ, еще не есть основаніе для насъ умирать съ голода! Что касается меня, то я прежде всего разговѣюсь бѣлымъ виномъ. Я чувствую себя необыкновенно разгоряченнымъ и испытываю сильную жажду, и приписываю это исключительно потрясенію, испытанному мной въ тотъ моментъ, когда я обнару-

жилъ пропажу. И все же, ты отдашь мнѣ справедливость, я съ достоинствомъ и благородствомъ принялъ и вынесъ этотъ ударъ.

За это время докторъ успѣлъ уже договориться до того, что вернулъ себѣ свое обычное доброе расположеніе духа. Онъ сидѣлъ теперь въ бесѣдкѣ и медленно, но съ видимымъ наслажденіемъ тянулъ изъ большого стакана бѣлое вино, проглатывая, словно нехотя, въ качествѣ закуски къ вину, крошечные кусочки хлѣба съ сыромъ; и если одна треть его мыслей и была еще занята пропавшими драгоцѣнностями, то ужъ двѣ трети ихъ, навѣрное, были поглощены пріятнымъ переживаніемъ, столь мастерски проведеннаго имъ слѣдствія.

Около одиннадцати часовъ неожиданно прибылъ Казимиръ; ему удалось захватить ранній поѣздъ, отправлявшійся въ Фонтенебло, и оттуда онъ пріѣхалъ на лошади, чтобы не терять даромъ времени. Привезшій его экипажъ стоялъ теперь во дворѣ гостиницы г-жи Тенталльонъ, и онъ, глядя на свои карманные часы, заявилъ, что въ его распоряженіи полтора часа времени. Это былъ весьма характерный образецъ дѣловаго человѣка; онъ говорилъ увѣреннымъ, рѣшительнымъ тономъ, имѣлъ привычку выразительно и многозначительно хмурить брови; по отношенію къ Анастази, приходившейся ему родной сестрой онъ не проявилъ никакой особенной нѣжности, а только наскоро удостоилъ ее англійскимъ родственнымъ поцѣлуемъ и тотчасъ же потребовалъ, чтобы ему дали поѣсть.

— Вы можете разсказать мнѣ вашу исторію, пока мы будемъ закусывать,—сказалъ онъ,—Ты меня угостишь чѣмъ-нибудь вкуснымъ сегодня, Стази?

Та обѣщала полакомить его на-славу, и всѣ трое сѣли за столъ въ зеленой бесѣдкѣ, а Жанъ-Мари одновременно и прислуживалъ, и самъ ѣлъ тутъ же за столомъ. Докторъ съ необычайными прикрасами, метафорами и всевозможными ухищреніями рѣчи разсказалъ шурину обо всемъ случившемся. Казимиръ слушалъ его, покатываясь со смѣху.

— Экая полоса счастья тебѣ привалила, мой добрѣйшій братецъ!—воскликнулъ шуринъ, когда докторъ окончилъ свой разсказъ.—Благодари Бога, что все такъ случилось!— Вѣдь, если бы ты переѣхалъ въ Парижъ, ты бы въ три мѣсяца спустилъ все благопріобрѣтенное твое богатство, да и то, что ты сейчасъ имѣешь, въ придачу; и тогда вы опять потянулись бы

ко мнѣ, какъ въ тотъ разъ. Но предупреждаю васъ, сколько бы ты ни плакала, Стази, и сколько бы ни мудрствовалъ и ни разсуждалъ Анри, все это вторично не спасетъ васъ, не вывезетъ васъ изъ бѣды, и ваша новая катастрофа неизбѣжно будетъ фатальной для васъ. Мнѣ кажется, что я уже говорилъ тебѣ это, Стази. Что? Не помнишь? Не разумны вы, словно ребята малые.

При этихъ словахъ шурина докторъ поморщился и взглянулъ украдкой на Жана-Мари, но мальчикъ, казалось, ничего не слышалъ и оставался совершенно апатичнымъ и безучастнымъ къ разговору.

— А затѣмъ,—продолжалъ снова Казимиръ, — какія вы дѣти, глупенькія, балованныя дѣти! Клянусь честью! Какъ могли вы оцѣнить такъ высоко всю эту рухлядь? Быть можетъ, она стоила всего грошъ или немногимъ больше того!

— Ну, извини,—остановилъ его докторъ,—я вижу, что ты сегодня уменъ не менѣе обыкновеннаго, но за то, несомнѣнно, менѣе разсудителенъ. Согласись, что я не совсѣмъ невѣжественъ въ этого рода вещахъ, что я въ нихъ хоть сколько-нибудь понимаю толкъ.

— Ты не совсѣмъ невѣжественъ въ чемъ бы то ни было, о чемъ я когда-либо слышалъ!—засмѣялся Казимиръ съ почтительнымъ поклономъ по адресу доктора, подымая свой стаканъ съ нѣсколько преувеличенной галантностью.

— Во всякомъ случаѣ, — резюмировалъ свою рѣчь докторъ,—я полагаю, что ты не сомнѣваешься, что я все это основательно обдумалъ и взвѣсилъ, и ты повѣришь мнѣ, что, по моему расчету, эти вещи должны были по меньшей мѣрѣ удвоить нашъ капиталъ.

И онъ принялся подробно расписывать самыя вещи.

— Честное слово, я наполовину вѣрю тебѣ, Анри!—воскликнулъ Казимиръ.—Но пойми, что очень много зависитъ отъ качества самого золота.

— А золото, я тебѣ доложу, дорогой мой, такое,—и не находя соотвѣтствующаго выраженія, докторъ, смачно причмокнувъ, поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.

— Твоего свидѣтельства, мой милѣйшій, еще не вполнѣ достаточно для надлежащей оцѣнки вещей,—замѣтилъ дѣловой человѣкъ.—Ты, мой другъ, имѣешь привычку видѣть все въ ро-

зовомъ свѣтѣ; но во всякомъ случаѣ эта кража, это исчезновеніе—дѣло весьма загадочное, весьма странное. Конечно, я совершенно отрицаю всѣ твои глупыя измышленія относительно шайки грабителей и злополучныхъ художниковъ-пейзажистовъ; для меня все это сплошной бредъ! А вотъ ты лучше скажи мнѣ, кто былъ у васъ вчера въ домѣ послѣ того, какъ вы привезли сюда всѣ эти драгоцѣнные сосуды?

— Да никого, кромѣ насъ,—сказалъ докторъ.

— И вотъ этотъ юный джентльменъ?—спросилъ Казимиръ, кивнувъ головой по направленію Жана-Мари.

— И онъ тоже, конечно,—утвердительно отвѣтилъ докторъ.

— Прекрасно! А можно спросить, кто онъ такой?—продолжалъ допрашивать гость.

— Жанъ-Мари, — сказалъ докторъ, — является у насъ въ домѣ счастливымъ сочетаніемъ пріемнаго сына и конюха. Онъ началъ свою карьеру съ перваго и вскорѣ достигъ высшаго положенія и въ нашемъ домѣ, и въ нашихъ сердцахъ. И я смѣло могу сказать, что въ настоящее время онъ является величайшемъ утѣшеніемъ въ нашей жизни.

— О, вотъ какъ!—промолвилъ нѣсколько насмѣшливо Казимиръ. — Ну, а прежде того, какъ онъ сталъ членомъ вашей семьи, чѣмъ онъ былъ?

— О, Жанъ-Мари можетъ похвалиться тѣмъ, что его жизнь сложилась самымъ удивительнымъ образомъ. Его опытъ въ высшей степени поучителенъ, и онъ пошелъ ему въ пользу,— разсказывалъ докторъ, постепенно воодушевляясь все болѣе и болѣе. Если бы мнѣ пришлось избирать систему воспитанія для моего родного сына, я остановился бы именно на такомъ воспитаніи. Представь себѣ, Казимиръ, начавъ жизнь среди паяцовъ, акробатовъ и воровъ, онъ поднялся неизмѣримо выше и вошелъ въ общество людей порядочныхъ, пріобрѣлъ дружбу и уваженіе почтеннаго философа и такимъ образомъ, можно сказать, извѣдалъ всю суть человѣческой жизни!—ораторствовалъ почтенный философъ.

— Среди воровъ?—задумчиво протянулъ Казимиръ.—Это любопытно!..

Теперь докторъ, кажется, былъ готовъ откусить себѣ языкъ за это необдуманное слово, сорвавшееся у него въ пылу увлеченія: онъ хорошо предвидѣлъ, что изъ этого должно было

выйти, и уже готовилъ въ умѣ самый энергичный протестъ, самый горячій отпоръ.

— А сами вы когда-нибудь воровали?—неожиданно обратился Казимиръ, непосредственно къ самому Жану-Мари, и при этомъ онъ впервые вставилъ въ глазъ свой монокль, болтавшійся у него на шнуркѣ.

— Да, сударь,—отвѣтилъ мальчикъ твердо и спокойно, но при этомъ онъ густо покраснѣлъ.

Казимиръ обернулся къ присутствующимъ и многозначительно поджалъ губы и подмигнулъ.—Ну, что?—спросилъ онъ.—Что вы на это скажете, господа?

— Жанъ-Мари чрезвычайно правдивъ, онъ всегда говоритъ правду!—съ горделивымъ видомъ, выпятивъ грудь впередъ, заявилъ докторъ.

— Онъ никогда не сказалъ ни одной лжи! — подтвердила Анастази.—Это лучшій мальчикъ, какого я когда-либо знала въ своей жизни,—добавила она убѣжденно.

— Никогда не сказалъ ни одной лжи! Неужели?—разсуждалъ какъ бы про себя Казимиръ.—Странно, весьма странно... Прошу тебя удостоить меня на нѣкоторое время твоего милостиваго вниманія, мой юный другъ, — продолжалъ онъ, снова обращаясь къ Жану-Мари.—Скажи мнѣ, тебѣ было извѣстно объ этихъ драгоцѣнностяхъ?

— Ну, конечно! Вѣдь онъ же вмѣстѣ со мной привезъ ихъ изъ Франшара,—отвѣтилъ за него докторъ.

— Депрэ,—остановилъ доктора Казимиръ,—я ничего не прошу у тебя, какъ только одной милости,—подержи ты нѣкоторое время твой языкъ за зубами! Я намѣренъ разспросить вотъ этого, твоего маленькаго конюха, кое о чемъ, и если ты такъ убѣжденъ въ его невиновности, то ты смѣло можешь предоставить ему отвѣчать самому на мои вопросы. Итакъ, молодой человѣкъ,—продолжалъ Казимиръ, наведя свой монокль прямо на лицо Жана-Мари,—вы знали, что эти вещи могли быть безнаказанно украдены? Вы знали, что васъ за это нельзя будетъ преслѣдовать? Ну же, говорите! Знали вы это или нѣтъ?

— Зналъ,—сказалъ Жанъ-Мари почти шепотомъ.

Онъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, поминутно мѣняясь въ лицѣ, становясь поочередно то ярко-краснымъ, то мертвенно-блѣд-

нымъ, какъ меняющій цвета фонарь маяка. Онъ нервно ломалъ пальцы и глоталъ воздухъ, словно онъ задыхался или былъ близокъ къ истерикѣ. Словомъ, въ глазахъ Казимира онъ представлялъ собою воплощенное сознаніе виновности.

— Вы знали, куда были убраны эти вещи? — продолжалъ свой допросъ безжалостный инквизиторъ.

— Да,—вымолвилъ Жанъ-Мари.

— Вы говорите, что раньше вы были воромъ,—не унимался Казимиръ. — Но кто же поручится мнѣ за то, что вы теперь перестали быть воромъ? Я полагаю, что вы могли бы, въ случаѣ надобности, перелѣзть черезъ зеленыя ворота, не такъ ли?

— Да,—еще тише прежняго отвѣтилъ допрашиваемый.

— Ну, значитъ, ты и укралъ эти драгоцѣнности! Ты самъ это отлично знаешь и даже не можешь этого отрицать. Посмотри мнѣ прямо въ лицо! Ну-же! Подыми на меня свои воровскія глаза и отвѣчай!

Но вмѣсто всякаго отвѣта, Жанъ-Мари разразился страшнымъ ревомъ и бѣжалъ изъ бесѣдки. Анастази кинулась за нимъ, желая нагнать бѣглеца и обласкать, и успокоить бѣднаго мальчика, но уже на ходу она все-таки успѣла крикнуть брату:

— Казимиръ, ты просто грубый, безчувственный звѣрь!

— Да, братецъ,—сказалъ въ свою очередь и докторъ съ легкимъ упрекомъ и извѣстнымъ чувствомъ собственнаго достоинства въ тонѣ голоса, — ты позволяешь себѣ ужъ слишкомъ большую вольность въ данномъ случаѣ...

— Что?.. Послушай, Депре, будь же ты хоть разъ въ жизни логиченъ, прошу тебя! Не ты ли телеграфируешь мнѣ, чтобы я бросилъ всѣ свои дѣла и ѣхалъ сюда къ тебѣ для того, чтобы заняться устройствомъ твоихъ дѣлъ. Я пріѣзжаю, спрашиваю, въ чемъ заключаются эти твои дѣла, и ты говоришь мнѣ: «Меня обокрали, укажи мнѣ вора!» Я нахожу этого вора, указываю тебѣ на него, какъ ты того хотѣлъ, и говорю тебѣ: вотъ онъ! Ты, конечно, въ правѣ быть недовольнымъ и раздосадованнымъ тѣмъ, что все именно такъ вышло, но ты не имѣешь рѣшительно никакого основанія упрекать меня въ чемъ-либо или возмущаться моимъ поведеніемъ.

— Пусть такъ, я, пожалуй, готовъ съ тобой согласиться въ этомъ,—сказалъ докторъ,—я даже готовъ благодарить тебя за твое стараніе, хотя и ошибочное, но во всякомъ случаѣ, долженъ

же и ты согласиться, что твое предположеніе положительно чудовищное и въ высщей степени нелѣпое и неправдоподобное.

— Постой, — снова остановилъ его Казимиръ. — Кто изъ васъ укралъ эти драгоцѣнности? Ты или Стази?

— Ну, конечно, не она и не я!—отвѣтилъ докторъ.

— Такъ! Ну, значитъ, это сдѣлалъ твой мальчишка-конюхъ! А теперь не будемъ больше говорить объ этомъ,—и Казимиръ досталъ изъ кармана свой портсигаръ и сталъ выбирать сигару.

— Я скажу тебѣ еще вотъ что,—не унимался Депрэ.—Если бы ко мнѣ пришелъ этотъ мальчикъ и сказалъ мнѣ самъ, что онъ укралъ эти вещи, я или не повѣрилъ бы ему, а если бы повѣрилъ, то сказалъ бы себѣ въ душѣ, что если онъ это сдѣлалъ, то сдѣлалъ съ благою цѣлью! Вотъ какъ велика и непоколебима моя вѣра въ него!

— Ну, что же, превосходно! — снисходительно промолвилъ Казимиръ.—Дай мнѣ огня, мнѣ уже пора ѣхать! Да, кстати, я желалъ бы, чтобы ты меня уполномочилъ продать твои турецкія акціи. Я давно уже говорю тебѣ, что съ ними дѣло пахнетъ крахомъ, и теперь я опять предупреждаю тебя, акціи эти очень ненадежны. Я даже отчасти именно ради этого и пріѣхалъ сюда сегодня. Ты никогда не отвѣчаешь на письма. Сколько разъ я писалъ тебѣ объ этомъ, и какъ ты не можешь понять, что не отвѣчать на письма положительно непростительная привычка!

— Да, да, я знаю, что виноватъ передъ тобой, но, добрѣйшій мой Казимиръ,—ласково и мягко возразилъ Депрэ,—хотя я никогда не сомнѣвался въ твоей чрезвычайной дѣловитости, все же и твоя проницательность имѣетъ свой предѣлъ.

— Ну, другъ мой, я могу отвѣтить тебѣ тѣмъ же! — воскликнулъ дѣловой человѣкъ.—Твой предѣлъ граничитъ прямо-таки съ безразсудствомъ!

— Нѣтъ, ты сдѣлай милость, замѣть разницу между нами,— возразилъ докторъ, улыбаясь.—Твое правило безусловно довѣрять и въ маломъ, и въ большомъ, въ серьезномъ дѣлѣ, и въ пустякахъ, сужденію одного человѣка, т. е. твоей почтенной особы. Я въ сущности придерживаюсь, если хочешь, того же правила, но съ тою только разницей, что я къ моимъ сужденіямъ отношусь критически и смотрю на нихъ открытыми глазами. Что изъ двухъ болѣе раціонально, предоставляю тебѣ судить самому.

— Ну, любезнѣйшій мой,—воскликнулъ Казиміръ,—и я въ свою очередь предоставляю тебѣ держаться твоихъ турецкихъ акцій и твоего честнѣйшаго и благороднѣйшаго конюха. И вообще, провалитесь вы всѣ къ чорту, со всѣми вашими дѣлами, управляйтесь съ ними, какъ знаете и какъ умѣете, а я умываю себѣ руки! А тебя прошу только объ одномъ, не пускайся ты со мной ни въ какія разсужденія и умствованія, терпѣть этого не могу. Философствованія твои для меня положительно невыносимы, да мнѣ и слушать-то ихъ нѣкогда! А въ результатѣ я могъ бы и совсѣмъ не пріѣзжать сюда, такъ какъ прока отъ этой моей поѣздки все равно никакого не вышло. Кланяйся отъ меня Стази, и если ты ужъ непремѣнно того желаешь, то и твоему висѣльнику конюху, а мнѣ пора! Прощай!

И Казиміръ уѣхалъ.

Въ этотъ вечеръ докторъ по косточкамъ разобралъ характеръ своего стараго товарища и родственника въ бесѣдѣ съ его сестрицей.

— Онъ научился только одному за всѣ долгіе годы его знакомства съ твоимъ мужемъ, моя красавица,—сказалъ Депр ,— онъ научился словамъ «философствовать» и «мудрствовать , и эти слова сіяютъ точно алмазы въ его рѣчахъ, точно свѣтлякъ въ навозной кучѣ. Да и то еще онъ употребляетъ ихъ обыкновенно совершенно некстати и неумѣстно, какъ ты сама, вѣроятно, могла это замѣтить. Онъ употребляетъ эти слова въ качествѣ бранныхъ словъ, придавая имъ смыслъ совершенно превратный; на его языкѣ «философствовать» означаетъ «лжемудрствовать!» Бѣдняга, по его мнѣнію, все это пустые софизмы! Ну, а что касается его жестокаго и неделикатнаго отношенія къ Жану-Мари, то это слѣдуетъ извинить; это лежитъ не въ его натурѣ, а въ натурѣ его рода дѣятельности. Человѣкъ, постоянно имѣющій дѣло съ деньгами и денежными разсчетами, человѣкъ пропащій! Тутъ ничего не подѣлаешь.

Но съ Жаномъ-Мари не такъ легко было уладить это дѣло; процессъ примиренія подвигался весьма медленно. Первоначально онъ былъ положительно неутѣшенъ, не хотѣлъ слушать никакихъ увѣщаній и настаивалъ на томъ, что онъ уйдетъ изъ семьи доктора и при этомъ нѣсколько разъ разражался слезами; и только послѣ того какъ Анастази просидѣла съ нимъ, заперšись, цѣлые полтора часа съ глаза на глазъ, ей удалось добиться

отъ мальчика кое-какого снисхожденія. Выйдя отъ него, она разыскала доктора и съ полными слезъ глазами сообщила мужу о томъ, что между нею и Жаномъ-Мари произошло.

— Сначала онъ ничего и слышать не хотѣлъ,—разсказывала Анастази.—Вообрази себѣ, что бы это было, если бы онъ вдругъ ушелъ отъ насъ! Да, что въ сравненіи съ такимъ горемъ значитъ этотъ кладъ? Противный кладъ, вѣдь изъ-за него все это вышло! Бѣдняга такъ плакалъ, что, кажется, все сердце выплакалъ въ слезахъ, и я плакала съ нимъ, и только послѣ того, послѣ всѣхъ моихъ просьбъ и увѣщаній онъ, наконецъ, согласился остаться съ нами только на одномъ условіи, а именно, что никто изъ насъ никогда ни единымъ словомъ не упомянетъ объ этомъ происшествіи. Ни объ этомъ возмутительномъ, постыдномъ подозрѣніи, ни о самомъ фактѣ кражи. Только на этомъ условіи бѣдный мальчикъ, такъ жестоко пострадавшій, соглашается остаться съ нами, съ его друзьями...

— Да, но вѣдь это воспрещеніе не можетъ относиться ко мнѣ; этотъ уговоръ не обязателенъ для меня, не правда ли?—встревожился докторъ.

— Оно относится рѣшительно ко всѣмъ намъ,—сказала твердо Анастази.

— Но, ненаглядная моя, ты, вѣроятно, не такъ его поняла; это не можетъ относиться ко мнѣ! Онъ безъ сомнѣнія самъ придетъ ко мнѣ съ этимъ своимъ горемъ...

— Клянусь тебѣ, Анри, что это относится въ равной мѣрѣ и къ тебѣ, какъ и ко мнѣ и ко всѣмъ другимъ!—сказала жена.

— Это весьма, весьма прискорбное обстоятельство,—пробормоталъ докторъ, и лицо его нѣсколько омрачилось.—Я положительно огорченъ, Анастази, уязвленъ въ моихъ лучшихъ чувствахъ, обиженъ! Да, повѣрь мнѣ, я глубоко ощущаю эту обиду.

— Я знала, что тебѣ это будетъ тяжело,—сказала жена,—но если бы ты только видѣлъ его горе и отчаяніе! Мы должны сдѣлать ему эту уступку, разъ онъ на ней такъ настаиваетъ; мы должны принести ему въ жертву наши личныя чувства.

— Надѣюсь, моя милая, что ты никогда не имѣла основанія усумниться въ моей готовности всегда поступиться моими чувствами, когда это бывало нужно!—замѣтилъ докторъ нѣсколько сухо.

— Стало быть я могу пойти къ нему и сказать, что ты выра-

зилъ свое согласіе? Это такъ на тебя похоже, мой славный, мой добрый Анри! Въ этомъ сказывается твое благородное сердце!— воскликнула Анастази.

«Да, дѣйствительно,—подумалъ онъ,—это докажетъ, какое у него благородное сердце, какая у него благородная натура!» И онъ разомъ повеселѣлъ и преисполнился чувства гордости своей добродѣтелью.

— Иди, возлюбленная моя,—проговорилъ онъ съ чувствомъ благородства,—иди и успокой его; скажи, что вся эта исторія погребена навсегда; нѣтъ, мало того, я сдѣлаю надъ собою усиліе, вѣдь ты знаешь, что я пріучилъ свою волю подчинять себѣ мои чувства, итакъ, я сдѣлаю усиліе, и все это будетъ забыто! Совершенно забыто! Такъ и скажи ему.

Немного погодя, чрезвычайно сконфуженный, пристыженный и съ запухшими отъ слезъ глазами въ комнатѣ снова появился Жанъ-Мари и съ особеннымъ, усиленнымъ усердіемъ принялся справлять свое дѣло. Изъ всѣхъ здѣсь собравшихся и сѣвшихъ въ этотъ вечеръ за столъ, чтобы поужинать, только онъ одинъ чувствовалъ себя пришибленнымъ и несчастнымъ. Что же касается доктора, то онъ положительно сіялъ и пропѣлъ отходную своимъ сокровищамъ въ слѣдующихъ словахъ:

— Въ общей сложности, это былъ весьма забавный эпизодъ,—сказалъ онъ.—Мы ничего рѣшительно отъ этого не потеряли, напротивъ того, мы даже очень много выиграли. Во-первыхъ, наша философія была испытана и поставлена такъ сказать на пробу. Во-вторыхъ, у насъ осталась еще малая толика этой вкуснѣйшей черепахи, самаго полезнаго изъ лакомствъ и самаго питательнаго; затѣмъ, я пріобрѣлъ трость, Анастази новое шелковое платье, а Жанъ-Мари является теперь счастливымъ обладателемъ кэпи новѣйшаго образца. Кромѣ всего этого, мы еще распили вчера по стаканчику нашего превосходнаго «Эрмитажа»; воспоминаніе о немъ и теперь еще веселитъ мою душу. Я положительно скредничалъ съ этимъ «Эрмитажемъ»; пусть это послужитъ мнѣ урокомъ! Кстати, одну бутылку мы роспили, чтобы отпраздновать появленіе нашего призрачнаго богатства, такъ разопьемъ же теперь другую, чтобы почтить его исчезновеніе, а третью я предназначаю для свадебнаго завтрака Жана-Мари!

VII. О томъ, какъ обрушился домъ Депрэ.

До сихъ поръ мы еще не имѣли любезности удостоить домъ доктора Депрэ подробнаго описанія, и теперь, несомнѣнно, пора исправить эту оплошность съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что этотъ домъ является, такъ сказать, дѣйствующимъ лицомъ въ нашемъ разсказѣ, да еще такимъ, роль котораго теперь почти подходитъ къ концу. Домъ этотъ былъ двухъэтажный, окрашенный въ густо-желтую краску, съ коричневой разныхъ тоновъ черепичной крышей, поросшей мѣстами мхомъ и лишаями; онъ стоялъ въ крайнемъ углу земельнаго участка доктора и выходилъ однимъ фасадомъ на улицу. Внутри онъ былъ просторный, но неудобный; вездѣ гуляли сквозняки; балки на потолкѣ были узорчатыя, изукрашенныя причудливыми рисунками; перила лѣстницы, ведущей наверхъ, были рѣзныя, изображавшія какія-то арабески въ деревенскомъ стилѣ; здоровенный деревянный столбъ также рѣзной, на манеръ причудливой колонны, поддерживавшій потолокъ столовой, былъ изукрашенъ какими-то таинственными письменами, «рунами», по мнѣнію доктора, который никогда не забывалъ, повѣствуя кому-нибудь легендарную исторію этого дома и его владѣльцевъ, упомянуть и даже остановить вниманіе слушателя на нѣкоемъ скандинавскомъ ученомъ, будто бы оставившемъ эти письмена. Полы, двери, рамы и потолки, все давно уже перекосилось и разошлось въ разныя стороны; каждая комната въ домѣ имѣла свой уклонъ; гребень крыши совершенно накренился въ сторону сада, на манеръ падающей башни въ Пизѣ. Одинъ изъ прежнихъ хозяевъ этого жилища, опасаясь обвала дома, подперъ его съ этой стороны надежнымъ контрфорсомъ. Короче сказать, множество признаковъ разрушенія можно было насчитать въ этомъ домѣ; и, вѣроятно, крысы бѣжали бы изъ него, какъ бѣгутъ съ корабля, обреченнаго на гибель. Но содержался онъ въ самой образцовой чистотѣ и порядкѣ; оконныя стекла всегда блестѣли, мѣдные приборы дверей и оконныхъ рамъ сіяли, какъ жаръ; краска дома постоянно обновлялась и освѣжалась, и даже самый деревянный контрфорсъ былъ весь увитъ цвѣтущими вьющимися растеніями, и благодаря этому образцовому содержанію, придававшему этому дому видъ добродушнаго и веселаго стараго ветерана, пользующагося

хорошимъ и любовнымъ уходомъ и улыбающагося вамъ, сидя въ своемъ креслѣ и грѣясь на солнышкѣ въ углу сада, только благодаря этому образцовому содержанію, можно было глядя на него подумать, что въ этомъ домѣ могутъ жить порядочные, достаточные люди. У другихъ, болѣе бѣдныхъ и нерящливыхъ хозяевъ, этотъ старый домъ уже давно обратился бы въ жалкую развалину, возбуждающую отвращеніе и вызывающую пренебреженіе, но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, вся семья очень его любила, и докторъ никогда не уставалъ превозносить и восхвалять различныя его достоинства. Онъ даже почему-то особенно вдохновлялся и воодушевлялся, когда начиналъ разсказывать воображаемую исторію этого дома и расписывать характеры его послѣдовательныхъ владѣльцевъ, начиная съ богатаго торгаша еврея, впослѣдствіи крупнаго капиталиста-коммерсанта, который будто бы вновь отстроилъ этотъ домъ послѣ разгрома города Грецца. Далѣе онъ упоминалъ непремѣнно и о таинственномъ авторѣ мнимыхъ «рунъ» и кончалъ длинный рядъ вымышленныхъ біографій длинноголовымъ мужчиной съ вѣчно грязными ногтями и немытыми руками, отъ котораго онъ самъ пріобрѣлъ этотъ домъ и землю, будто бы втридорога!

Никому никогда въ голову не приходило высказывать какія-нибудь опасенія относительно благонадежности этого дома; то, что простояло столько вѣковъ, могло, конечно, простоять и еще нѣкоторое время!

Но въ ту зиму, которая наступила послѣ находки и исчезновенія клада, семья Депрэ испытала еще иного рода тревогу и огорченіе; тревогу, которую они принимали гораздо ближе къ сердцу, чѣмъ всю эту исторію съ Франшарскимъ кладомъ. Жанъ-Мари сталъ самъ не свой: на него находила временами какая-то лихорадочная дѣятельность, и тогда онъ работалъ въ домѣ за двоихъ. проявлялъ удивительное прилежаніе даже въ своихъ учебныхъ занятіяхъ, изо всѣхъ силъ старался угодить всѣмъ и даже силился быть словоохотливымъ, т. е. говорилъ много и быстро. Но за такими днями наступали дни полнѣйшей апатіи и глубокой меланхоліи, дни молчаливаго, глубокомысленнаго раздумья, и тогда мальчикъ становился почти невыносимымъ.

— Теперь ты сама видишь, Анастази,—доказывалъ докторъ,—къ чему оно приводитъ, это молчаніе! Если бы мальчикъ во-время выложилъ мнѣ всю свою душу, то ничего подобнаго не

было бы! И вся эта непріятная исторія, вызванная некрасивымъ поступкомъ Казимира, была бы теперь давно забыта, тогда какъ теперь мысль объ этомъ угнетаетъ, давитъ и мучаетъ мальчика, какъ какой-нибудь недугъ. Онъ сильно худѣетъ, аппетитъ у него не ровный, здоровье уходитъ; замѣчается полное разстройство и нервное и физическое! Я держу его на строжайшей діэтѣ, даю ему самыя сильныя укрѣпляющія и успокаивающія средства, и все это напрасно!

— Ужъ не слишкомъ ли ты его пичкаешь всякими лѣкарствами?—замѣтила Анастази и сама невольно вздрогнула при этомъ вопросѣ.

— Я? Пичкаю лѣкарствами? Я?!—воскликнулъ докторъ.— Да ты съ ума сошла Анастази! Какъ ты можешь говорить такія вещи!

Время шло, и состояніе здоровья мальчика замѣтно ухудшалось; докторъ винилъ погоду, которая все время стояла холодная и бурная, но тѣмъ не менѣе пригласилъ своего коллегу изъ Буррона. Почему-то онъ вдругъ возлюбилъ его, сталъ превозносить и восхвалять его дарованіе и вскорѣ самъ обратился въ его паціента, хотя трудно было бы сказать отъ чего онъ собственно лѣчился. И онъ, и Жанъ-Мари должны были постоянно принимать различныя лѣкарства въ разное время дня; докторъ принялъ привычку лежать на диванѣ и ожидать времени пріема лѣкарства съ часами въ рукахъ. «Ничто не можетъ быть такъ важно, какъ точность и аккуратность», говорилъ онъ, отсчитывая капли или отвѣшивая порошокъ и при этомъ распространяясь о великихъ цѣлебныхъ свойствахъ даннаго лѣкарства; и если мальчикъ, несмотря ни на что нисколько не поправлялся, то докторъ съ другой стороны, чувствовалъ себя отнюдь не хуже прежняго.

Въ день Порохового Заговора мальчикъ какъ-то особенно упалъ духомъ; погода стояла отвратительная, пасмурная, дождливая съ сильнымъ порывистымъ вѣтромъ; надъ головой быстро проносились цѣлыя вереницы темныхъ косматыхъ тучъ; рѣзкіе проблески яркаго солнца минутами заливали свѣтомъ всю деревню, и вслѣдъ затѣмъ наступали мгла и мракъ, и начинался крупный, косой и хлесткій дождь. Время отъ времени вѣтеръ, усиливаясь, начиналъ грозно выть и ревѣть; деревья вдоль

полей и луговъ гнулись и корчились, словно въ судорогахъ, и послѣдніе осенніе листочки неслись по дорогамъ, какъ пыль въ жаркій лѣтній день.

Докторъ, озабоченный въ одинаковой мѣрѣ и состояніемъ мальчика и состояніемъ погоды былъ какъ разъ въ своей сферѣ; теперь онъ могъ доказать еще новую теорію. Сидя съ часами въ рукахъ и съ барометромъ передъ глазами, онъ выжидалъ съ напряженнымъ интересомъ каждый шквалъ вѣтра, наблюдая его дѣйствіе на человѣческій пульсъ. «Для истиннаго философа», замѣтилъ онъ съ восхищеніемъ, «каждое явленіе въ природѣ является одновременно и забавой, и наукой». Ему принесли письмо, но въ этотъ моментъ онъ ожидалъ новаго порыва вѣтра и потому торопливо сунулъ письмо въ карманъ, подалъ знакъ Жану-Мари, и въ ту же минуту оба они принялись считать свой пульсъ, словно взапуски или на пари. Къ ночи вѣтеръ перешелъ въ настоящую бурю, осаждая бѣдную деревушку со всѣхъ сторонъ; казалось, будто кругомъ шла пальба изъ орудій безчисленныхъ батарей; строенія дрожали и скрипѣли и стонали, словно больные въ агоніи; изъ очаговъ и каминовъ выбивало въ комнату дымъ и разбрасывало по полу горячіе уголья. Шумъ и вой бури мѣшалъ людямъ спать, и всѣ эти люди сидѣли съ блѣдными испуганными лицами, прислушиваясь къ тому, что происходило кругомъ.

Было уже за полночь, когда семейство Депрэ удалилось, наконецъ, на покой. Около половины второго, когда буря, уже достигнувъ своего апогея, стала какъ будто нѣсколько стихать, докторъ вдругъ пробудился отъ тревожнаго сна и сѣлъ на своей постели. Какой-то странный шумъ еще звенѣлъ у него въ ушахъ, но онъ не могъ дать себѣ отчета, слышалъ ли онъ этотъ шумъ на яву или во снѣ. Вскорѣ послѣдовалъ новый порывъ вѣтра, и при этомъ ощутилось сильное колебаніе всего дома, вызвавшее у доктора состояніе сходное съ приступомъ морской болѣзни, а въ слѣдующій засимъ моментъ затишья докторъ явственно услышалъ, какъ черепицы крыши посыпались съ шумомъ катаракта на чердакъ надъ его головой. Не теряя ни минуты, онъ буквально выхватилъ жену изъ кровати и крикнулъ ей:

— Бѣги! Домъ рушится! Бѣги въ садъ!

И онъ второпяхъ сунулъ ей въ руки какія-то принадлежности туалета.

Она не стала дожидаться повторенія этого приглашенія; въ одну минуту она сбѣжала съ лѣстницы и была уже внизу. Никогда она не подозрѣвала въ себѣ такой прыткости и такой дѣятельности. Тѣмъ временемъ, докторъ съ поспѣшностью и суетливостью маріонетки изъ кукольной комедіи, не смущаясь мыслью о возможности и рискѣ сломать себѣ шею, кинулся вызволять Жана-Мари и Алину, которую онъ принужденъ былъ пробудить отъ ея дѣвственнаго сна, схватить за руку и силой тащить за собой по лѣстницѣ и въ садъ; та, спотыкаясь, безсознательно бѣжала за докторомъ, все еще не вполнѣ очнувшись и не сознавая, что кругомъ нея происходитъ.

Всѣ бѣглецы, точно условившись заранѣе, руководствуясь какимъ-то безсознательнымъ инстинктомъ, собрались въ бесѣдкѣ. Между гонимыхъ вѣтромъ, разорванныхъ клочковъ тучъ въ образовавшійся просвѣтъ, словно въ слуховое окно, на мгновеніе проглянула луна и освѣтила четыре полунагія фигуры, жавшіяся отъ холода и страха къ стѣнкамъ зеленой бесѣдки, съ развѣвающимися отъ вѣтра скудными бѣлыми тканями, прикрывавшими весьма неудовлетворительно ихъ наготу. При видѣ этой позорной и унизительной картины Анастази съ горестнымъ воплемъ стянула вокругъ себя свою ночную сорочку и, забившись въ самый темный уголъ, громко расплакалась. Докторъ кинулся къ ней, желая ее утѣшить, совершенно забывая о своемъ несложномъ костюмѣ, но жена оттолкнула его сердито отъ себя, видимо стыдясь и за него и какъ будто избѣгая даже и его близости. Ей казалось, что всѣ кругомъ, посторонніе зрители, и что тьма, царящая кругомъ, кишитъ невидимыми жадными глазами устремленными на нее.

Новый свирѣпый порывъ вѣтра съ новымъ проблескомъ свѣта отвлекъ вниманіе всѣхъ присутствующихъ въ сторону дома; всѣ видѣли, какъ онъ зашатался въ самомъ своемъ основаніи и въ тотъ моментъ, какъ скрылась луна, съ оглушительнымъ трескомъ, покрывшимъ вой бури и шумъ деревьевъ, рухнулъ, и на одно мгновеніе весь садъ наполнился осколками летящихъ черепицъ, щепокъ, разбитыхъ оконныхъ стеколъ и всякаго рода обломками; одинъ изъ такихъ оглушительныхъ снарядовъ задѣлъ доктора по уху, другой попалъ въ голую ногу Алины, и та огласила дикими воплями всю деревню.

Тѣмъ временемъ люди кругомъ зашевелились, стали выпол

зать изъ своихъ домовъ, въ окнахъ показались огни, послышались оклики дружескихъ встревоженныхъ голосовъ, на которые отзывался докторъ, благородно оспаривая первенство у Алины и ревущей кругомъ бури. Однако, эта возможность помощи и содѣйствія со стороны сосѣдей и односельчанъ только пробудила въ Анастази еще большее отчаяніе и ужасъ.

— Анри! Люди сюда придутъ!—кричала она надъ самымъ ухомъ мужа.—Я не хочу! Я не могу!..

Но послѣднія слова заглушали слезы

— Да, я надѣюсь, что они придутъ намъ на помощь, это вполнѣ естественно, другъ мой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Пусть не идутъ! Я лучше готова умереть!—рыдала она.

— Дорогая моя,—укоризненно сказалъ докторъ,—ты слишкомъ возбуждена и взволнована; вѣдь я же сунулъ тебѣ какую-то одежду, куда ты ее дѣла?

— Ахъ, я, право, не знаю,—я, вѣроятно, бросила гдѣ-нибудь по дорогѣ въ саду... Ахъ, гдѣ же, гдѣ эта одежда?

Депрэ сталъ искать ощупью въ темнотѣ и вскорѣ нашелъ.

— Вотъ превосходно-то!—воскликнулъ онъ.—Это мои сѣрыя бархатныя брюки! Какъ разъ то, что тебѣ нужно!

— Давай ихъ сюда!—сердито закричала Анастази, но какъ только она взяла ихъ въ руки, мысль надѣть мужскія панталоны показалась ей чудовищной. Съ минуту она стояла молча, держа ихъ въ рукахъ, затѣмъ сунула ихъ обратно мужу и сказала:—Дай ихъ Алинѣ! Бѣдняжка, вѣдь она дѣвушка...

— Глупости!—возразилъ докторъ.—Алина ничего не сознаетъ, она себя не помнитъ отъ страха, и кромѣ того она простая крестьянка. Но я серьезно опасаюсь за тебя, ты такая неисправимая домосѣдка, тебѣ подвергать себя дѣйствію этого холоднаго ночного воздуха положительно опасно. Какъ видишь, и моя забота о твоемъ здоровьѣ, и твоя фантастическая стыдливость клонятся къ одному и тому же средству спасенія, къ моимъ панталонамъ,—и онъ снова протянулъ ихъ къ женѣ, держа ихъ совсѣмъ наготовѣ.

— Нѣтъ, это невозможно, невозможно!—воскликнула она.—Ты этого не можешь понять,—добавила она съ достоинствомъ,—но не убѣждай меня больше!

Тѣмъ временемъ уже подоспѣла помощь. Со стороны улицы

невозможно было проникнуть въ садъ, такъ какъ ворота и калитку завалило кирпичемъ и обломками балокъ и устоявшіе еще остатки дома ежеминутно грозили обрушиться и засыпать неосторожныхъ, которые осмѣлились бы подойти слишкомъ близко. Но, по счастію, между садомъ доктора и сосѣдскимъ огородомъ, лежащимъ вправо отъ владѣній Депрэ, находился живописный и столь полезный во многихъ случаяхъ деревенской жизни общественный колодецъ. Оказалось, что калитка въ оградѣ докторскаго сада была не заложена и не замкнута, и подъ сводчатымъ входомъ этой калитки, слегка пріотворившейся, просунулась въ щель сперва бородатая физіономія мужчины, а затѣмъ волосатая, мозолистая рабочая рука съ фонаремъ, освѣтившимъ то таинственное царство мрака, гдѣ несчастная Анастази скрывала свое отчаяніе. Свѣтъ ложился пятнами то тутъ, то тамъ между корявыми и частыми стволами старыхъ яблонь и грушъ, скользилъ по мокрымъ отъ росы и дождя лужайкамъ, но центромъ всеобщаго вниманія былъ не свѣтъ фонаря, а самый фонарь и ярко освѣщенное имъ лицо человѣка, явившагося на помощь пострадавшимъ. Только одна Анастази всячески старалась укрыться, спрятаться отъ него, забираясь въ самый дальній и самый темный уголъ бесѣдки, и испытывала болѣзненно непріятное чувство отъ этого вторженія посторонняго человѣка въ предѣлы ея владѣній.

— Сюда, сюда!—кричалъ человѣкъ съ фонаремъ остававшимся за его спиною людямъ.—Всѣ ли вы живы?—спрашивалъ онъ находившихся въ саду.

Алина, продолжая визжать, кинулась къ вновь пришедшему, и ее тотчасъ же подхватили сильныя руки и протащили въ щель полузаваленной калитки головой впередъ на улицу.

— Ну, Анастази, теперь иди ты,—сказалъ докторъ,—теперь твоя очередь.

— Я не могу!.. Нѣтъ, нѣтъ, я не могу!.. Оставь меня,—простонала г-жа Депрэ.

— Неужели же намъ всѣмъ изъ-за тебя тутъ погибать!—крикнулъ мужъ.—Оставаясь неодѣтыми здѣсь, на такомъ холоду, можно простудиться на смерть!

— Нѣтъ, нѣтъ! Иди ты, иди пожалуйста! Уходите всѣ, прошу васъ, оставьте меня здѣсь; мнѣ теперь совершенно тепло, увѣряю тебя, Анри!

Но докторъ въ отвѣтъ на это крѣпко выругался и схватилъ жену за плечи.

— Постой,—умоляюще крикнула Анастази,—постой, я ихъ надѣну!

И она опять взяла въ руки одолженную ей принадлежность туалета, но отвращеніе къ этого рода одеждѣ взяло въ ней верхъ даже надъ ея стыдливостью.

— Нѣтъ! Никогда!—воскликнула она, содрогаясь, и отбросила ихъ далеко отъ себя.

Еще минута, и докторъ силой поволокъ ее къ калиткѣ. Тутъ стоялъ крестьянинъ съ фонаремъ. Анастази закрыла глаза, и ей казалось, что она умираетъ.

Она совершенно не помнила, какъ ее вынесли сквозь щель калитки, и какъ она очутилась по ту сторону стѣны. Здѣсь ее тотчасъ же обступили сосѣдки и увернули ее въ большое, теплое одѣяло; такимъ образомъ онѣ положили конецъ ея мученіямъ и отчаянію.

Для обѣихъ женщинъ приготовили кровати, а для доктора и Жана-Мари принесли всякаго рода платье и приготовили теплый грогъ. Остатокъ ночи, пока Анастази дремала, а по временамъ, пробуждаясь, плакала и чуть не впадала въ истерику, докторъ провелъ въ креслѣ передъ каминомъ, услаждая слухъ внимавшихъ ему съ удивленіемъ сосѣдей, которымъ онъ подробно разъяснялъ причины катастрофы.

— Уже многіе годы нашъ домъ грозилъ рухнуть,—увѣрялъ онъ,—и я это зналъ, одинъ признакъ за другимъ указывали на это: то ослабѣвали скобы, то появлялись трещины въ штукатуркѣ, то стѣны подавались внутрь или выпячивались мѣстами внаружу, а въ концѣ концовъ, всего какихъ-нибудь три недѣли тому назадъ, тяжелая дубовая дверь моего виннаго погреба вдругъ стала плохо, съ трудомъ отворяться, вслѣдствіе того, что сѣли и покосились косяки. Да, погребъ!—повторилъ онъ озабоченно, сокрушенно покачавъ головой и на минуту призадумавшись надъ стаканомъ глинтвейна.—Вѣдь у меня тамъ были порядочные запасы добраго вина. По счастію, судьба распорядилась такъ, что «Эрмитажа» тамъ почти не осталось; я потерялъ въ этой катастрофѣ всего одну бутылку этого несравненнаго вина, ту, которую я предназначалъ къ свадьбѣ Жана-Мари. Ну, что дѣлать, придется позаботиться о по-

выхъ запасахъ, это придастъ даже новый интересъ жизни! Но вотъ что печально:—я человѣкъ уже не въ молодыхъ годахъ, мнѣ начинать все снова трудно, а мой громадный научный трудъ лежитъ теперь погребеннымъ подъ развалинами моего скромнаго жилища. Онъ останется незаконченнымъ, и мое имя никогда не увидитъ славы и извѣстности, о которыхъ я робко мечталъ въ тишинѣ моего уединенія! Все это я отлично сознаю и понимаю, и тѣмъ не менѣе вы видите меня совершенно покойнымъ, я хотѣлъ бы даже сказать веселымъ! Да, друзья мои, даже вашъ патеръ не выказалъ бы большей покорности своей судьбѣ и большаго стоицизма въ подобномъ случаѣ, не правда ли?

Тѣмъ временемъ стало свѣтать, и съ первыми лучами разсвѣта мужчины, тѣснившіеся до сихъ поръ у камина, вышли на улицу. Вѣтеръ стихъ, но все еще гналъ обрывки темныхъ дождевыхъ тучъ по мутно-сѣрому небу. Воздухъ былъ рѣзкій, рѣжущій, точно морозный, и люди, стоя вокругъ развалинъ обрушившагося дома, дули себѣ въ кулаки, чтобы согрѣться, и кутались въ свои одежды, чтобы защитить себя отъ пронизывающей сырости этого дождливаго, пасмурнаго дня. Домъ доктора Депрэ рухнулъ окончательно; стѣны обвалились наружу, а крыша ввалилась внутрь; теперь онъ представлялъ собою просто груду мусора, среди котораго тамъ и сямъ торчали, словно шпили или мачты, обломки бревенъ и балокъ. Оставивъ подлѣ развалинъ человѣка для охраны имущества, вся честная компанія отправилась въ гостиницу г-жи Тентальонъ разговѣться и угоститься за счетъ пострадавшаго. Чарочки весело заходили по столу, настроеніе у всѣхъ стало самое добродушное, а къ тому времени, когда компанія встала, наконецъ, изъ-за стола и собралась расходиться по домамъ, на дворѣ пошелъ снѣгъ.

Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ сутокъ все время падалъ снѣгъ; развалины на..рыли брезентами, а безотлучно находившіеся при нихъ караульные никого къ нимъ не допускали.

Семья Депрэ поселилась временно въ гостиницѣ г-жи Тентальонъ; Анастази проводила время на кухнѣ, изготовляя коекакія лакомыя блюда для мужа при содѣйствіи восхищенной ея искусствомъ и кулинарными познаніями г-жи Тентальонъ, или же сидѣла неподвижно передъ каминомъ въ глубокой задумчивости. Собственно говоря, постигшая ихъ бѣда весьма мало

трогала ее, быть можетъ потому, что этотъ ударъ былъ парированъ другимъ, болѣе чувствительнымъ для бѣдной женщины. Сотни разъ переживала она трагическій въ ея глазахъ инцидентъ съ сѣрыми бархатными штанами. Хорошо ли, правильно ли она поступила тогда, отказавшись надѣть ихъ? Или, быть можетъ, она была неправа и сдѣлала дурно, что не надѣла ихъ? Иногда она одобряла свое поведеніе въ эту роковую ночь, иногда же, вся вспыхнувъ при воспоминаніи о перенесенномъ ею позорѣ, горько раскаивалась и сожалѣла о томъ, что не надѣла панталонъ. Ни одинъ изъ случаевъ во всей ея жизни не вызывалъ у нея столькихъ размышленій и столь продолжительной умственной работы. Тѣмъ временемъ докторъ казался весьма доволенъ своимъ новымъ положеніемъ. Двое изъ лѣтнихъ жильцовъ г-жи Тенталльонъ застряли, отставъ отъ остальныхъ своихъ товарищей, за отсутствіемъ средствъ для выѣзда, такъ какъ имъ почему-то не высылали денегъ. Оба они были англичане, но одинъ изъ нихъ довольно свободно и бѣгло изъяснялся по-французски и былъ къ тому же человѣкъ словоохотливый, большой юмористъ, живой и веселый малый, и съ нимъ докторъ могъ бесѣдовать часами, заранѣе увѣренный въ томъ, что онъ будетъ понятъ и оцѣненъ. Много стаканчиковъ роспили они вмѣстѣ и много различныхъ темъ обсудили къ обоюдному удовольствію.

— Анастази,—почти укоризненно сказалъ женѣ докторъ на третьи сутки послѣ катастрофы,—бери примѣръ съ своего мужа и съ Жана-Мари! Какъ ты видишь, возбужденіе той ночи принесло ему больше пользы, чѣмъ всѣ мои микстуры и всевозможныя укрѣпляющія средства, и я замѣчаю, что онъ съ положительной охотой отбываетъ свои часы дежурства въ качествѣ охранителя нашего погибшаго имущества. А что касается меня, то посмотри на меня, видишь, я сдружился съ этими египтянами, и клянусь небомъ, что мой фараонъ весьма пріятный собесѣдникъ. Только ты одна пала духомъ изъ-за обрушившагося дома и кое-какого тряпья! Что все это въ сравненіи съ моей «Фармакопеей», моимъ многолѣтнимъ научнымъ трудомъ, который лежитъ теперь, погребенный подъ мусоромъ и камнями въ этой жалкой деревушкѣ. Что изъ того, что падаетъ снѣгъ! Я весело стряхиваю его съ моей одежды! Подражай мнѣ и ты! Я знаю, что наши доходы теперь нѣсколько уменьшатся, такъ

какъ намъ придется заново отстраивать домъ, но съ умѣренностью, аккуратностью, терпѣніемъ и философіей можно все преодолѣть и со всѣмъ примириться. А пока Тенталльоны внимательны и услужливы, столъ съ тѣми пріятными добавленіями, которыя ты намъ доставляешь, весьма удовлетворительный. Вотъ только вино нестерпимо скверное, но я сегодня же выпишу хорошаго вина, и мой фараонъ, я увѣренъ, будетъ весьма радъ выпить со мной стаканчикъ, другой приличнаго вина! И тутъ-то мы увидимъ, одаренъ ли онъ отъ природы высшей утонченностью человѣческаго организма — чувствительнымъ небомъ, способнымъ уловить тонкій ароматъ и вкусъ вина! Если еще и это, то онъ прямо-таки совершенство!

— Анри,—сказала жена, печально качая головой,—ты не можешь этого понять, ты мужчина, и мои чувства для тебя недоступны; ни одна женщина не въ состояніи изгнать изъ своей памяти пережитый ею позоръ и униженіе, публичное униженіе!

Докторъ не смогъ удержаться и захихикалъ.

— Прости меня, возлюбленная моя, но, право, для философски настроеннаго ума это такіе пустяки, что о нихъ даже и говорить и упоминать не стоитъ. И, кромѣ того, могу тебя увѣрить, ты была чрезвычайно мила въ твоемъ ночномъ дезабильэ.

— Анри!—возмущенно воскликнула она.

— Ну, ну, я ничего больше не скажу, — поспѣшилъ онъ успокоить жену,—хотя, конечно, если бы ты тогда согласилась... ну да... Кстати,—вдругъ прервалъ онъ себя,—а гдѣ же остались эти мои штаны? Мои любимѣйшія сѣрыя брюки? Вѣрно, лежатъ тамъ на снѣгу! — и онъ кинулся разыскивать Жана-Мари.

Два часа спустя мальчикъ вернулся въ гостиницу съ лопаткой въ одной рукѣ и страннаго вида комкомъ платья въ другой.

Съ сокрушеннымъ видомъ принялъ докторъ этотъ безформенный комокъ изъ рукъ мальчика и прочувствованнымъ голосомъ сказалъ:

— Они были когда-то брюками! Но теперь ихъ время прошло, ихъ пѣсня спѣта! Прекрасныя панталоны, вы уже больше не существуете! Постой, тутъ что-то есть въ карманѣ,—и онъ вытащилъ смятый комокъ бумаги. — Письмо! — воскликнулъ онъ.—Ну да, я теперь припоминаю, я получилъ его въ самый день катастрофы, когда такъ свирѣпствовала буря, и я былъ

занятъ своими наблюденіями. Но, къ счастью, письмо еще сохранилось довольно хорошо, такъ что его можно разобрать. Это отъ добрѣйшаго бѣдняги Казимира! Ну, да это не плохо, что я пріучу его немножечко къ терпѣнію!—продолжалъ онъ съ ироническимъ смѣшкомъ.—Это ему весьма полезно. Бѣдняга Казимиръ съ этой своей безконечной, глупой, пустой, ненужной корреспонденціей доходитъ прямо до идіотизма. — И, говоря это, докторъ осторожно развернулъ мокрое, отсырѣвшее письмо, но когда онъ принялся разбирать его, лицо его сразу омрачилось.

— Bigre!—воскликнулъ онъ, вскочивъ, точно его подкинуло гальваническимъ токомъ; письмо полетѣло въ огонь камина, и въ тотъ же моментъ его черная ермолка очутилась у него на головѣ, и онъ направился къ двери.

— Еще десять минутъ осталось! Если я бѣгомъ побѣгу, то могу еще захватить его, онъ всегда опаздываетъ этотъ поѣздъ,— бормоталъ докторъ.—Я ѣду сейчасъ въ Парижъ, буду телеграфировать оттуда,—добавилъ онъ набѣгу.

— Анри, ради Бога, скажи, что случилось!—молила жена.

— Турецкія акціи!—крикнулъ онъ.—Турецкія... акціи...—

И онъ исчезъ за дверью

Анастази и Жанъ-Мари остались съ мокрыми сѣрыми брюками въ рукахъ въ полномъ недоумѣніи. Депрэ уѣхалъ въ Парижъ! Это было всего второй разъ за всѣ семь лѣтъ пребыванія его въ Гретцѣ, и уѣхалъ въ деревянныхъ крестьянскихъ башмакахъ, въ вязаной фуфайкѣ и черной рабочей блузѣ, въ ермолкѣ вмѣсто шляпы на головѣ и съ двадцатью франками въ карманѣ. Теперь даже разрушеніе дома являлось событіемъ второстепенной важности. Пусть бы теперь обрушился весь міръ, и тогда бы семья доктора не была болѣе удивлена и поражена, чѣмъ въ настоящій моментъ.

VIII. Вознагражденіе философіи.

На утро слѣдующаго дня докторъ, или, вѣрнѣе, тѣнь прежняго жизнерадостнаго доктора Депрэ была доставлена обратно въ Гретцъ, подъ охраной Казимира. Анастази и Жанъ-Мари сидѣли другъ подлѣ друга передъ каминомъ, когда Депрэ, замѣнившій свой фантастическій нарядъ дешевенькимъ готовымъ костюмомъ, изготовленнымъ изъ грошеваго матерьяла, переступ-

шивъ порогъ комнаты, только рукой махнулъ и, не проронивъ ни слова, тяжело опустился на ближайшій стулъ. Анастази вскочила со своего мѣста и обратилась прямо къ Казимиру.

— Что случилось?—спросила она.

— Да что,—отвѣтилъ Казимиръ,—не говорилъ ли я вамъ все время, не предупреждалъ ли я васъ! Такъ нѣтъ! Ну вотъ, а теперь и случилось, какъ я вамъ говорилъ. И на этотъ разъ дѣло обдѣлано чистенько! Что называется, наголо всѣхъ остригли! Что же, придется вамъ примириться и съ самымъ худшимъ, ничего тутъ не подѣлаешь. Да и домъ вашъ тоже повалился? Ну, нечего сказать, хороши ваши дѣла! Не везетъ вамъ, я вижу!

— Развѣ... развѣ мы все потеряли? Совершенно разорились?—задыхаясь, спросила бѣдная женщина.

Въ этотъ моментъ докторъ протянулъ впередъ свои руки, какъ бы призывая жену въ свои объятія, и патетически воскликнулъ:

— Да, разорились! Да, мой ангелъ, твой злополучный мужъ окончательно разорилъ тебя!

Казимиръ иронически смотрѣлъ черезъ стеклышко своего монокля на нѣжныя объятія удрученныхъ супруговъ и, обращаясь къ Жану-Мари, тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ, сказалъ:

— Слышишь, молодчикъ, они въ конецъ разорились, теперь отъ нихъ ничѣмъ больше не поживишься! Ни денегъ, ни дома, ни жирныхъ кусковъ! И мнѣ думается, другъ мой, что тебѣ всего лучше, не долго думая, забрать свои пожитки да и убираться отсюда по добру, по здорову. Какъ видишь, эта спекуляція теперь выѣденнаго яйца не стоитъ; она, можно сказать, окончательно прогорѣла!

При этомъ Казимиръ лукаво прищурился и многозначительно кивнулъ мальчику на дверь.

— Ни за что на свѣтѣ!—воскликнулъ докторъ, вскочивъ съ мѣста.—Жанъ-Мари, если ты хочешь меня покинуть теперь, когда мы разорились и стали бѣднѣе любого крестьянина въ этой деревнѣ, я тебѣ не препятствую, иди съ Богомъ! Ты получишь отъ меня обѣщанные тебѣ сто франковъ, если только они найдутся у меня, но если ты захочешь остаться съ нами,—и докторъ немного всплакнулъ,—то Казимиръ предлагаетъ мнѣ мѣсто писца, и хотя вознагражденіе будетъ скромное, но на насъ троихъ его хватитъ. Недостаточно ли того, что я потерялъ домъ

имущество и все свое состоянiе? Неужели я еще долженъ лишиться и сына?!

Жанъ-Мари горько плакалъ, но не произнесъ ни одного слова.

— Терпѣть не могу мальчишекъ, которые плачутъ,—досадливо замѣтилъ Казимиръ;—а этотъ постоянно реветъ. Ей ты, слушай, убирайся-ка ты пока вонъ отсюда! У меня есть серьезныя дѣла, о которыхъ мнѣ нужно поговорить съ твоимъ хозяиномъ и хозяйкой, а эти ваши семейныя чувства вы успѣете выяснить и послѣ моего отъѣзда. Ну, маршъ, живо!—и онъ раскрылъ дверь выразительнымъ жестомъ.

Жанъ-Мари выбрался изъ комнаты, точно уличенный воръ, не переставая плакать. Въ двѣнадцать часовъ всѣ сѣли за столъ, но Жана-Мари не было.

— Эге, братъ, ушелъ твой мальчикъ-то? Ну, что, самъ теперь видишь?—сказалъ Казимиръ.—Небось, съ полслова понялъ?

— Я, конечно, сознаю,—залепеталъ несвязно докторъ,—сознаю и не ищу оправданій для его отсутствія; это, конечно, доказываетъ отсутствіе въ немъ сердечности, что меня глубоко огорчаетъ.

— Ты лучше скажи, отсутствіе чувства приличія,—поправилъ его Казимиръ,—потому что сердечности въ немъ никогда и не было и быть не могло; и откуда ему было взять подобныя качества? Право, Депрэ, для человѣка умнаго, какимъ я тебя считаю, ты удивительно, можно сказать, непростительно, наивенъ! Ты положительно легковѣрнѣйшій изъ смертныхъ на всемъ земномъ шарѣ. Твое полнѣйшее невѣдѣніе и непониманіе ни людей, ни дѣлъ—буквально непостижимо! Все и всѣ тебя надуваютъ, обманываютъ и проводятъ. И твои турецкія акціи, и бродяга-мальчишка, и всякій, кто только вздумаетъ! Тебя обманываютъ и справа, и слѣва, и снизу, и сверху, и ты все еще продолжаешь всѣмъ вѣрить и всему довѣрять! Я полагаю, что тому главнымъ образомъ причиною твое воображеніе. Благодарю судьбу, что она не надѣлила меня этимъ опаснымъ даромъ!..

— Прости, пожалуйста,—возразилъ Депрэ, хотя все еще смиреннымъ тономъ, но уже нѣсколько пріободрившись въ виду неожиданно представившагося ему случая указать Казимиру его ошибки,—ты весьма ошибаешься, Казимиръ; ты одаренъ даже

въ очень сильной степени воображеніемъ, но воображеніемъ иного рода, такъ сказать коммерческимъ воображеніемъ. Отсутствіе именно вотъ этого воображенія у меня и является, повидимому, источникомъ всѣхъ моихъ настоящихъ бѣдствій. Путемъ такого коммерческаго воображенія вы, дѣловые, денежные люди, умѣете предвидѣть и предугадать судьбы вашихъ вкладовъ, предвидѣть моментъ краховъ извѣстныхъ предпріятій, банковъ и банкирскихъ домовъ, словомъ, всякаго рода финансовыя катастрофы.

— А какъ видно и твой конюхъ тоже одаренъ такимъ же коммерческимъ воображеніемъ,—прервалъ доктора Казимиръ, послѣ чего докторъ смолкъ, и обѣдъ продолжался и окончился подъ аккомпаниментъ не особенно утѣшительныхъ и пріятныхъ для хозяевъ рѣчей самоувѣреннаго гостя. Онъ совершенно игнорировалъ присутствіе двухъ молодыхъ англичанъ-художниковъ, не отвѣтилъ даже на ихъ поклонъ, хотя и посмотрѣлъ на нихъ сквозь стеклышко своего монокля. Не стѣсняясь ихъ присутствіемъ, онъ продолжалъ дѣлать свои далеко не всегда деликатныя замѣчанія, какъ будто онъ былъ одинъ или въ тѣсномъ кругу своей семьи. Черезъ каждыя два слова онъ какъ будто умышленно наносилъ все новые и новые уколы самолюбію бѣднаго Депрэ, всячески стараясь уязвить его, такъ что подъ конецъ обѣда, когда подали кофе, докторъ совершенно размякъ и упалъ духомъ.

— Пойдемъ взглянуть на развалины!—сказалъ Казимиръ, вставая изъ-за стола.

Депрэ безпрекословно повиновался, и они вышли на улицу. Обрушившійся домъ образовалъ пустое мѣсто между строеніями деревни, и какъ выпавшій передній зубъ во рту, измѣняетъ и обезображиваетъ физіономію, такъ и это пустое мѣсто безобразило деревню. За нимъ виднѣлось покрытое снѣгомъ поле на большомъ протяженіи, и по сравненію съ этимъ большимъ пространствомъ пробѣлъ между постройками на мѣстѣ рухнувшаго дома казался столь незначительнымъ, что производилъ впечатлѣніе открытой въ большую комнату двери. У стоявшихъ еще на своемъ мѣстѣ зеленыхъ воротъ сторожилъ весь красный отъ холода и иззябшій на вѣтру очередной караульный. Онъ встрѣтилъ доктора и его богатаго родственника привѣтливымъ словомъ и добродушной улыбкой.

Казимиръ дѣловито окинулъ взглядомъ груду развалинъ, брезгливо, но съ видомъ знатока пощупалъ брезентъ, желая опредѣлить его качество, и затѣмъ сказалъ:

— Хм!.. Я полагаю, что своды твоего погреба устояли; если такъ, то, любезнѣйшій братецъ, знай, что я дамъ тебѣ хорошую цѣну за твое вино, потому что вино у тебя было, дѣйствительно, хорошее.

— Мы завтра же начнемъ раскопки!—сказалъ караульный весело и добродушно.—Теперь ужъ нечего больше ждать снѣга, погода стала какъ будто проясняться.

— А ты бы сперва спросилъ, любезный, заплатятъ ли тебѣ за твои труды! — язвительно замѣтилъ Казимиръ. — Можетъ быть, нечѣмъ будетъ заплатить-то.

Добродушный крестьянинъ только ротъ разинулъ, но ничего не возразилъ, а докторъ болѣзненно поморщился, нахмурился и поспѣшилъ увлечь своего непріятнаго и во многихъ отношеніяхъ неудобнаго шурина къ гостиницѣ г-жи Тепталльонъ, гдѣ все же было меньше постороннихъ слушателей, а тѣ, что тамъ были, уже знали о постигшемъ его несчастіи.

— Смотри!—вдругъ крикнулъ Казимиръ.—Вонъ твой конюхъ пробирается со своими пожитками... Анъ, нѣтъ! Онъ ихъ тащитъ въ гостиницу!

Дѣйствительно, Жанъ-Мари перебирался черезъ покрытую снѣгомъ улицу къ гостиницѣ, спотыкаясь и чуть не падая подъ тяжестью большущей корзины. Вдругъ докторъ остановился, какъ вкопанный, и въ душѣ его зародилась безумная надежда.

— Что это онъ тащитъ?—промолвилъ онъ.—Надо пойти посмотрѣть.—И онъ ускорилъ шаги.

— Что? Ну, разумѣется, свои пожитки! Видно, не мало онъ прикопилъ и припряталъ всякаго добра, живя у тебя,—ядовито замѣтилъ Казимиръ,—и, благодаря его коммерческому воображенію, его дѣла, надо думать, обстоятъ не дурно.

— Я что-то очень давно не видѣлъ этой большой корзины,—какъ бы про себя сказалъ докторъ.

— Да и теперь недолго налюбуешься на нее,—засмѣялся Казимиръ,—если только мы не вмѣшаемся въ это дѣло. Что касается меня, то я положительно настаиваю на обыскѣ! Надо же знать, чего онъ туда наложилъ!

— И безъ обыска узнаешь!—съ рыданіемъ въ голосѣ вос-

кликнулъ Депрэ, и, кинувъ на Казимира торжествующій влажный отъ слезъ взглядъ, онъ бросился бѣжать.

— Кой чортъ! Что съ нимъ такое дѣлается. Понять не могу!—пробормоталъ Казимиръ, и въ слѣдующій моментъ, подстрекаемый любопытствомъ, по примѣру доктора, онъ тоже пустился бѣжать.

Громадная корзина была такъ велика и такъ тяжела, а Жанъ-Мари такой маленькій, слабенькій и истощенный, что ему потребовалось очень много времени, чтобы втащить свою ношу наверхъ, въ комнату, занимаемую Депрэ. Онъ едва только успѣлъ опустить ее на полъ и поставить передъ Анастази, какъ прибѣжалъ докторъ и слѣдомъ за нимъ Казимиръ. И корзина, и мальчикъ были въ самомъ плачевномъ видѣ; первая потому, что пробыла цѣлыхъ четыре мѣсяца зарытая въ пещерѣ, что на дорогѣ въ Ашеръ, а послѣдній потому, что бѣгомъ пробѣжалъ цѣлыхъ пять миль на своихъ слабыхъ ноженкахъ, не переводя духа, и половину этого разстоянія подъ непосильной ношей.

— Жанъ-Мари! — воскликнулъ докторъ блаженнымъ голосомъ, въ которомъ звучали истерическія нотки.—Неужели это?.. Неужели это?.. О, сынъ мой! Сынъ мой!..—и, опустившись на корзину, онъ заплакалъ, всхлипывая, какъ ребенокъ.

— Вѣдь теперь вы не переѣдете въ Парижъ?—робко спросилъ мальчикъ.

— Казимиръ!—громко сказалъ Депрэ, поднявъ на шурина свое мокрое отъ слезъ лицо.—Видишь ты теперь этого мальчика? Этого ангела?! И онъ воръ?! Да, онъ отнялъ сокровища у человѣка, обезумѣвшаго, потерявшаго голову и разсудокъ и не способнаго разумно распорядиться ими; но онъ приноситъ ихъ обратно и отдаетъ ихъ мнѣ, когда я протрезвился отъ угара и когда я, дѣйствительно, нуждаюсь въ нихъ. Вотъ, Казимиръ, плоды моего воспитанія! Этотъ моментъ вознаградилъ меня за все!

— Н... да!..—протянулъ Казимиръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Типографія П. П. Сойкина. Спб., Стремянная, № 12.

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

10 книгъ (свыше 3.000 страницъ)

Цѣна 3 р., съ перес. по Европейской Россіи 3 р. 50 к., съ пересылкой въ Азіатскую Россію 4 р. 50 к.

АЛЬБОВЪ, М. Н. Сирота. Романъ.

АПРАКСИНЪ, А. Д. Кто успѣваетъ? Романъ.

ЗАРИНЪ, А. Е. Тотализаторъ. Разсказы.

ВОЛЖИНЪ, В. А. Наши тулуповцы. Повѣсти.

ГЕГИДЗЕ, БОРИСЪ. Бракъ. Повѣсть.

ЗАРИНЪ, А. Е. Карточный міръ. Повѣсть изъ жизни игроковъ.

ЗАХАРЬИНЪ-ЯКУНИНЪ, И. Н. Люди темные. Очерки и разсказы.

СЛУЧЕВСКІЙ, К. К. Отъ поцѣлуя къ поцѣлую. Романъ.

СѢВЕРЦЕВЪ-ПОЛИЛОВЪ. Трудящіеся. Повѣсти.

ЯСИНСКІЙ, І. І. Нежеланныя дѣти. Романъ.

Съ требованіями обращаться въ Книгоиздательство П. П. Сойкина (С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

ТИП. П. П. СОЙКИНА. СПБ., СТРЕМЯННАЯ.

СОЧИНЕНІЯ Вас. Ив. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

По закону. 3-е изданіе. 352 страницы. Цѣна 1 руб.

Разбитый алтарь. Романъ. 272 страницы. Цѣна 1 руб.

Рубиновая брошка. 3-е изданіе. 276 страницъ. Цѣна 1 р.

Родная темень. 340 страницъ. Цѣна 1 рубль 25 копѣекъ.

Въ романѣ обработана нелегкая тема, касающаяся тяжелыхъ дней неурожайной нужды въ глухой забытой деревнѣ. Выведенъ типичный деревенскій кулакъ, скупающій хлѣбъ, вытягивающій жилы изъ бѣднаго люда. Свѣтлыми штрихами очерченъ идеальный образъ молодой учительницы, отдавшейся службѣ народу. Очень жизненный типъ волостной писарь, корчащій интеллигента; сельскій священникъ, отдающій прикопленное добро на народную нужду; сынъ священника, семинаристъ съ добрымъ, отзывчивымъ, благороднымъ сердцемъ. Романъ написанъ горячо, увлекательно, художественно

Святочные разсказы. 3-е изд. 416 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Семья богатырей. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изданіе 3-е. 592 страницы Цѣна 1 руб. 50 коп.

Сказки дѣйствительности. 2-е изд., доп. 448 стран. Цѣна 1 руб. 50 копѣекъ.

Скобелевъ. 4-е изданіе. 368 страницъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Сластеновскіе милліоны. 4-е изданіе. 414 страницъ. Цѣна 1 рубль.

Старыя письма. Романъ. 2-е изданіе. 302 страницы. Цѣна 1 рубль.

Страна холода. 2-е изд. Въ 2-хъ томахъ. 684 страницы. Цѣна 3 рубля.

У голубого моря. (Люди и природа въ низовьяхъ Волги). 158 страницъ. Цѣна 50 коп.

У океана Жизнь на крайнемъ сѣверѣ. Въ 2-хъ томахъ. Около 800 стран. Изданіе 5-е. Цѣна 2 руб. 50 к.

Оглавленіе. Въ пустыняхъ. На безлюдьѣ. Путь по льдинамъ. На разбитой шхунѣ. Вардехузскіе пираты. Изъ-за чужого добра. Гость съ другой стороны. Мурманская страда. Становище просыпается. Ветхій дѣдко. Волкъ въ погостѣ. Изъ чужого поля. Серафима-Корабельщица. Вѣтромъ съ поля занесло, да вьюгою пришибло. Пришибло стужей. Съ полнымъ грузомъ. Пріѣздъ хозяевъ. Нерьпа идетъ. Подъ ногами лежало, да никто не поднялъ. Новый врагъ въ становищѣ. На семужьемъ ловѣ. Въ скитахъ. По лѣсамъ, по болотамъ. На Торосъ-острова. Разбитая шхуна. На палубѣ и подъ палубой. Поздно. Полярное лѣто. На ярусахъ. Первая лавка въ становищѣ. Погоня за сайдой. Норвежскіе колонисты. На берегу, въ туманѣ. Кола гуляетъ. Норвежцы начинаютъ свой промыселъ. Мертвая бухта. Затерянные въ океанѣ. Въ тихой и мирной пристани.

Съ требованіями обращаться въ Издательство П. П. Сойкина.
С.-Петербургъ, Стремянная, 12. — Пересылка безплатно.

Тип. П. П. Сойкина.